3 1761 08315110 0

ЛЕВ ЧЕРНЫЙ

АССОЦИАЦИОННЫЙ АНАРХИЗМ

Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of Toronto

https://archive.org/details/novoenapravlenie0000turc

SoS
T9325no
[Turchaninov, Pavel Dmitrievich]

Лев Черный.

НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В АНАРХИЗМЕ:

Novoe napravlenie v anarkhizme

АССОЦИАЦИОННЫЙ АНАРХИЗМ.

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

2. izd.

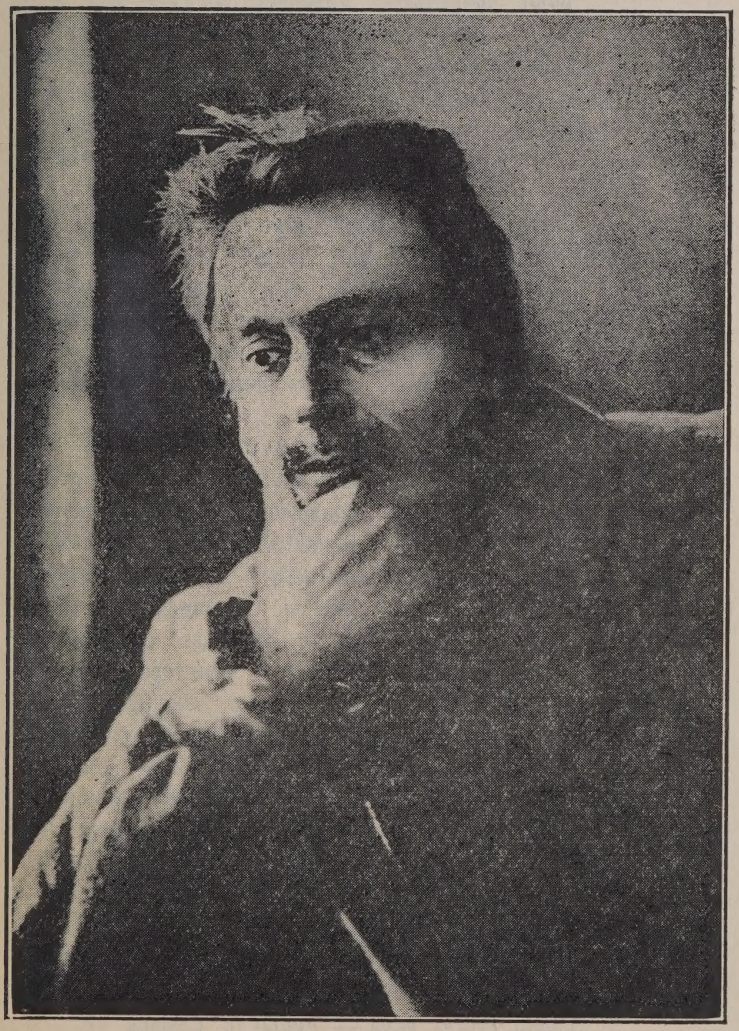
ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

с биографическим очерком автора.

496781
7.9.49

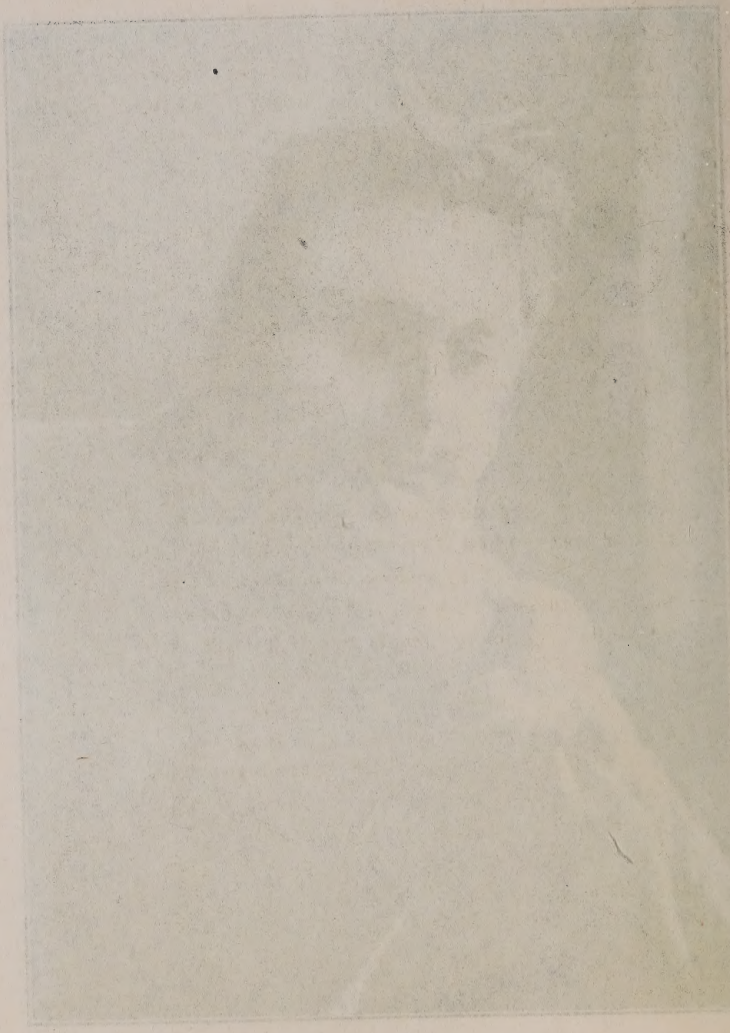
Издание Рабочего Союза "Самообразование"
г. Нью - Иорка.

1923 г.



Лев Черный.

40X740



ПЯМЯТИ ЛЬВА ЧЕРНОГО.

Не с оружием в руках, не в борьбе огневой
Ты сложил свою голову, друг дорогой!
А под черным покровом безмолвной ночи
Расстреляли трусливо тебя палачи.
Черной ночью... Дрожа, тусклый свет озарял
Низкий, сводами сдавленный, бойню — подвал.
Терпкий запах душил. Тупо глядя на дверь,
Методично палач заряжал револьвер.

* * *

Привели. На полу ржавых пятен узор
На мгновенье привлек твой страдальческий взор.
Задрожала чуть — чут непокорная бровь, —
Под подошвою хлюпнула липкая кровь.
И сдавив жажды жизни мучительный крик,
Ты к обмызганной стенке спиною приник...

* * *

Кто узнает, те думы, тот тяжкий вопрос,
Что в последний свой миг ты с собою унес!
Может быть, всесметающей, мощной волной —
Взлетом пламенным жизнь пронеслась пред тобой:
Детство, юность, стремлений безбрежная ширь;
Тюрьмы царские, ссылка, глухая Сибирь;
Революции жданной ликующий взрыв,
Вихрь восстаний и творческой воли порыв;
И — крушенье всего, гибель лучших надежд...
И разгул фанатичных убийц, и невежд...
Может быть, весь обвеянный острой тоской,
Промелькнул образ матери — слабой глухой;
И душевно — больная сестра и дитя,
Что и "Павой" и "папочкой" звало тебя...
Кто узнает все это...
Печален и тверд
Был оборванной жизни прощальный аккорд.

* * *

Не дрожал и палач — дуло слепо навел...
Грохот — ох! — и склонился ты тихо на пол...
Вспышкой молнии мысль прозвенела: "конец!" —
И утих ты навеки дитя и борец. —

Саша - Петр.

ЛЕВ ЧЕРНЫЙ.

(БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК).

Вы не искупите всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!..

Лермонтов.

* * *

Есть люди, так богато одаренные природой и, притом, такими чертами характера, что они **неминуемо должны** вступать в непримиримые конфликты со всем окружающим их общественным укладом жизни и, в силу этого, их личная жизнь составляет как бы непрерывную цепь нужды, страданий и завершается последним аккордом — мученической смертью.

И, может быть, земля заскорузла бы, закаменела от всей этой массы "неправды и зла", если бы время от времени не орошалась кровью этих мучеников. А природа — мать из каждой капли пролитой крови вновь и вновь создает Цветов — Людей, которые маячат заблудшемуся человечеству по пути его беспрерывных исканий и продолжают дело погибших. Их именами полны мрачные страницы истории, — а сколько их погибло незнаемых, безвестных...

К этим людям принадлежит и **Лев Черный.** Вся его богатая переживаниями, полная борьбы и лишения жизнь и, наконец, его смерть в подвале "Че-ка" — вместе с мученической болью об его утрате, дают и какое-то скорбное удовлетворение. Думается, что **иначе и быть не могло!** Что с гибелью Русской Революции, на ее истекающем кровью трупе, погиб и самый верный, самый пламенный ее апостол и боец.

О **Льве Черном**, чтобы осветить всесторонне эту личность, будут еще много и много писать. Я же здесь хочу лишь набросать краткий очерк о его жизни и деятельности, надеясь, что будущее даст мне возможность написать о нем более подробный и обстоятельный труд.

* * *

Лев Черный — **Павел Дмитриевич Турчанинов** — происходит от турецких выходцев и родился в конце семидесятых годов. Его родители были очень интеллигентные и либеральные по своему вре-

мени люди. Отец его был полковник и Лев рассказывал, что тот часто приходил со службы, сильно возмущенный безобразиями, творившимися в армии. Лев имел еще несколько братьев и двух сестер и, по его словам, все были более или менее революционно настроены, за исключением его младшей сестры, которая шестнадцати лет вышла замуж за казачьего офицера и осталась монархисткой. Вторая его сестра стала все чаще подвергаться припадкам мании преследования и наконец эта болезнь овладела ею вполне. Жили они небогато и, чтобы сводить концы с концами, его мать давала уроки музыки. Впоследствии она оглохла и, по смерти мужа, осталась почти исключительно на попечении Льва.

Лев был очень чуток и восприимчив и обладал сверх того большой наблюдательностью. Уже с детства он стал присматриваться к отрицательным явлениям жизни, а явное несоответствие между показной общественной моралью и голой повседневной действительностью нередко останавливали на себе его внимание. Со студенческой скамьи он уже вполне осознавший себя революционер, а с начала 900-ых годов входит активным работником в ряды анархического движения. Работая среди студентов, он был арестован, судим и сослан на поселение в Турханский край.

О его жизни в ссылке известно очень не много. Но окружавшее его население относилось к нему с большой любовью и доверием, а во время тамошнего крестьянского волнения он играл руководящую роль. До ссылки же он более детально разработал основы своего "Ассоциационного анархизма" и написал большой труд по истории культуры. Но этот последний погиб во время его побега за-границу*).

В февральской революции для Льва начинается период самой интенсивной и кипучей деятельности. Лекции, митинги, доклады, рефераты — по четыре, по пять раз в день в разных концах Москвы и везде он выступает с проповедью Социальной Революции, призывая массы не останавливаться на пути первых достижений, а итти дальше до своего конечного освобождения. Прошло немного времени — и имя **Льва Черного** стало знакомо каждому московскому рабочему. В тоже время Лев работает над созданием "Федерации Работников Умственного Труда" , сотрудничает в анархических газетах, издает совместно с некоторыми другими товарищами журнал

*) В Париже Лев вторично воспроизвел этот труд, но при разгроме анархистов в апреле 1918 г. в Москве он снова погиб. С.-П.

"Клич" и занимает место секретаря "Дома Анархии", где в то время об'единялись почти все анархические группы Москвы.

Но **Лев Черный** был не только теоретиком анархизма. Один из первых он понял, что словами, голым призывом не много сделаешь и что один факт дает больше чем сотни тысяч зажигательных фраз — и, по примеру петроградских анархических групп, захвативших дачу Дурнова, Лев был одним из инициаторов захвата особняков в Москве. И в этом он видел не "профанацию и дискредитирование анархизма", как выражались некоторые, наблюдавшие революцию из окон своих кабинетов, а грандиозный акт пропаганды действием, который **на деле** показывал массам **как** нужно разрешать вопрос социального раскрепощения. И можно с уверенностью сказать, что вся последующая "дерзкая отвага" большевиков, в смысле уничтожения принципов частной собственности, была не больше, как шествие по пути проторенному анархистами, в первых рядах которых стоял **Лев Черный.**

"Буржуазия свои позиции без бою не уступает" — и у Льва зарождается мысль о необходимости организовать боевые силы анархизма. Он энергично принимается за дело: он входит в связь с отдельными боевиками и целыми группами, достает где только может оружие и, таким образом, постепенно создается анархическая черная гвардия в Москве, а по ее примеру и во многих других городах России.

В октябрском перевороте Лев принимает активное боевое участие, а после победы рабочих, он с еще более неутомимой энергией принимается за проведение в жизнь принципов, выдвинутых этим переворотом. Он ведет неустанную пропаганду на фабриках и заводах о захвате рабочими предприятий в свои собственные руки. В то же время, при его непосредственном участии, группы анархистов захватывают особняк за особняком, которые устанавливаются пулеметами и другими орудиями и превращаются в крепости революции.

Боевые силы анархизма с каждым днем делаются могучей и могучей.. Но тут стали выявляться и первые конфликты между большевиками и анархистами. Как партия власти, первые почувствовали в анархистах своих опаснейших врагов, а Черного возненавидели, как опаснейшего из них. И, никогда они не могли ему простить его популярности и глубокой любви к нему рабочих масс...*).

*) Насколько популярна была в то время личность Льва, видно из таких

IX

Против анархистов началась постепенная, все усиливающаяся травля, которая, как известно, закончилась разгромом анархистов в Москве и во всей России. **Льва Черного** большевики искали, но не нашли. Арестовали они его тогда, когда разгром входил в "нормальные рамки" и убить Льва "по ошибке", как рабочего анархиста Ходунова, уже было невозможно. Продержав его день в "Чека", ему "для проформы" — как выразился чекист, — сделали допрос и освободили как "идейного анархиста".

Оставаться безучастными к факту разгрома анархисты, конечно, не могли**) да и истинная физиономия большевиков стала выявляться все больше и больше. И в "серпе и молоте" уже определенно приходилось видеть не эмблему об'единения города и деревни, а символ подрезывания молодых побегов революции и раздробления в пыль ее лучших, ценнейших завоеваний. Среди рядовых работников анархизма началась усиленная тяга к подполью. И Лев Черный был между ними. Стали создаваться подпольные группы, которые, как ответ на разгром, решили выступить против большевиков на путь активной борьбы.

В сентябре 1918 года большевики наносят первый удар по этим подпольным группам. Михаил Булаев, Володя Семенов (американский эмигрант) и еще одни были расстреляны, многие были арестованы, часть бежала на Украину. Ко Льву не могли придраться, но председатель В. Ч. К. Дзержинский, допрашивая арестованного Гаврилова (впоследствии расстрелянного вместе с Л. Ч.), злобно воскликнул: "Этого Льва Черного уже давно нужно было бы расстрелять, — он самый главный воспитанник бандитов!" (Читай — непримиримых анархистов).

двух характерных фактов. — Будучи в 1918 г., на западном фронте, мне однажды командующий фронтом — генерал Сытин сказал: "Понимаете, насколько я считаюсь с анархистами! Посылая оперативную сводку Ленину, я одновременно такую же посылаю и Льву Черному!" Ясно, что он этих сводок Льву не посылал, но самый факт не теряет своего значения. Второй аналогичный факт следующий. Летом 1921 года я приехал в один маленький провинциальный городок. Там стояла на квартире какая-то красно-армейская дивизия. Однажды мне пришлось вступить в беседу с группой красно-армейцев и, узнав, что я приехал из Москвы, один из них воскликнул: "Как же! и я был в Москве! И даже Льва Черного гвардию знал!" С.-П.

**) Весь протест интеллигентной части анархистов по поводу разгрома ограничился тогда тем, что Александр Ге., ставший впоследствии сам чекистом, внес запрос во ВЦИК! С.-П.

X

Лев остался в Москве и с мукой видел как минута за минутой задыхалась революция. Всякая тень свободы подавлялась беспощадной рукой. Легальные анархические организации влачили самое жалкое существование и только одно издательство "Голос Труда", еще делало пока свое дело распространения анархической литературы.

Летом 1919 года опять воскресает подпольная анархическая работа. По инициативе Соболева, Ковалевича и других создается организация "Анархистов Подполья". Черный вступает в ее ряды, достает для организации типографию и проч. и на его квартире печатается первый номер газеты подпольников. Но с течением времени Лев стал замечать, что расходится с организацией по многим тактическим и даже принципиальным вопросам и выступил из ее рядов.

После взрыва бомбы в московском комитете партии и провала организации, Лев был арестован. Для него начинаются целый ряд мытарств и душевных страданий по поводу гибели лучших боевых сил анархизма и ожидание своей собственной смерти. Его гоняют из Че-ка в Бутырки, оттуда опять в Че-ка. Приходится быть свидетелем, как берут на растрел десятки людей... И все это в его молчаливой и замкнутой душе создает неугасимую ненависть к виновникам гибели его лучших чаяний.

В полосе "отмены смертной казни" в России в начале 1920 г., его присуждают в административном порядке "до конца гражданской войны" и отправляют в концентрационный лагерь, а в сентябре 1920 г. освобождают.

Лев Черный опять на свободе и с какой-то железной энергией, накопившейся за долгие месяцы сиденья в тюрьме, вновь принимается за работу. А начинать приходится сначала. Нужно опять попытаться "мирно" работать и постепенно развивать среди рабочих анархическую мысль. И вот он принимается за открытие клуба. С мандатами от "Всероссийской Федерации Анархистов" и "Федерации Ассоциационных Анархистов", Лев бегает по целым дням по разным учреждениям — от Понтия к Пилату за разрешением, за справками и проч. и проч. И везде приходится выслушивать стереотипные ответы: "Ах, приходите завтра!" И так тянутся дни, недели, месяцы... Наконец, уже в декабре месяце разрешение получено и можно приступить к делу. Лев при морозе, в нетопленном помещении, завернув по локоть рукава, — моет, чистит, скоблит, вытирает, чтобы привести помещение в приличный вид. И когда

ему замечают, что эту работу и другие могли бы сделать, он со своей детской улыбкой, отвечает: "Ну, зачем... Я и сам могу..." И клуб открыт. Он делается сосредоточением лучших сил анархистов Москвы. Ежевечерно читаются лекции, которые заполняются рабочей и интеллигентной аудиторией. А Лев опять бегает по "топ-гуз-зав" и другим отделам, чтобы получить для клуба дрова, продукты и проч. Он приискивает тут же во дворе клуба помещение в несколько комнат, где устраивается общежитие для приезжающих в Москву анархистов; тратит последние гроши на отделку под театр подвального помещения клуба; из остатков продуктов отпущенных большевиками на похороны Петра Алексеевича Кропоткина, он устраивает столовую, где неимущие анархисты могли получить горячий обед. И Лев уже мечтает, что осуществлена одна из его мыслей — и этото клуб явится факелом и школой для мирного развития анархизма. И какое радостное возбуждение светилось в его глазах и сколько мыслей и планов роилось в его голове!.. И вдруг, ночью, большевики производят один из своих обычных налетов, клуб закрывается, все находившиеся там, а также в общежитии — арестовываются, аресты анархистов происходят и по всему городу — и вся масса потраченного труда, энергии и силы пропадают от одного дуновения Че-ка.

Нет! работать легально при большевиках невозможно! Даже мирной, культурной работы они не терпят и сами гонят в подполье. И Лев вступает членом одной группы, поставившей себе наряду с другими целями — об'единение всех анархистов России стоящих на точке зрения подпольной работы. Работа группы постепенно расширяется; завязываются сношения с другими группами; устанавливается живая связь с окраинами России...

Я подхожу уже к финалу — к гибели Льва Черного и тут мне приходится ввести в очерк двух людей, сыгравших в этой гибели главную роль. Первый из них — это Барон-Штейнеров. Это была личность довольно темная. Многие из активных работников его хорошо знали, но вполне никто не доверял. Часто он помогал анархистам в материальном отношении. Помогал он и Льву. Впоследствии за ним стали "кое-что" замечать, но определенных данных о том, что он работает в Че-ка ни у кого не было и открыто с ним никто не порывал. Некоторые, и среди них один очень уважаемый в России анархист, меня предупреждали о нем, некоторых я предупреждал.

XII

И вот летом 1921 года этот Штейнеров вдруг, как-то странно говоря, стал носиться с "идеей" создать печатный денежный станок для добывания средств на анархистское движение. Была ли это его собственная идея, или узнал он об этом от кого нибудь из анархистов — неизвестно. Предлагал он это всем и каждому из анархистов — одиночкам, группам и даже целым организациям, причем, неизменно говорил, что у него все готово и нужно лишь практически приступить к работе. Теперь, когда уже определенно известно, что он сотрудничает в Че-ка, становится ясным, что большевики хотели "создать дело", которое дало бы им возможность отделаться от возможно большого числа анархистов и анархистских организаций. Но увидав, что Штейнеров только "портит дело", большевики пустили в ход более опытного-провокатора — некоего Самуила Зехцера — анархиста еще с 1905 года. Однажды Зехцер, встретив Льва, спросил: знает ли он Штейнерова, ибо последний-де обратился к нему за разными документами и он, Зехцер, раньше чем ответить ему что нибудь, хочет узнать можно ли ему доверять. Этого Зехцера Лев знал издавна и считал его хорошим товарищем. Он ответил ему, что не берется сказать насколько можно доверяться Штейнерову. В дальнейшем разговоре Зехцер заметил, что он мог бы многое сделать для подпольной работы в смысле снабжения групп разными документами, трудовыми книжками и т. д. Между прочим, он упомянул, что у него имеется экспедиционная государственная бумага и краски — и не знает-ли-де Лев кому из товарищей это могло бы пригодиться. Лев ответил, что в подпольной работе все имеет свою ценность и Зехцер предложил это Льву, но с условием, чтобы никто не знал, что это получено от Зехцера. Через два дня Зехцер в сопровождении еще одного человека, которого он отрекомендовал как своего друга, принес на квартиру Льва около 25 фунтов краски и бумаги...

Через неделю Лев встретился со Штейнеровым и при разговоре нарочно упомянул вскользь имя Зехцера. Штейнеров как-то весь насторожился и заявил, чтобы Лев с этим человеком не имел никакого дела, ибо он работает в Че-ка*). Понятно, что Лев очень взволновался и предупредил несколько человек, встречавшихся у него на квартире с другом Зехцера. Но так как и сам источник

*) Почему Штейнеров — сам чекист — "подсидел" своего коллегу — остается профессиональной тайной этих господ. Я где-то читал, что среди царских охранников на почве конкуренции не раз разыгривались такие случаи.С.-П.

был довольно сомнителен, то решили навести дальнейшие справки...

В средних числах июля Зехцер уехал в Одессу (где он также спровоцировал целый ряд анархистов), а в начале августа Черный и еще некоторые другие товарищи стали замечать за собой усиленную слежку. Стали опять возникать сомнения в честности Зехцера. В то же время "друг" Зехцера, оказавшийся шофером и оставшийся в Москве, почти не отставал от Льва и настойчиво просил познакомить его с "ребятами". Стали смотреть за этим человеком и заметили однажды как он входил в клуб В.Ч.К... Сомнений никаких больше не было, но было уже слишком поздно. 16 августа одной группой была совершена экспроприация, причем один из нападавших был ранен. Большевики утверждают, что у раненного были найдены адреса конспиративных квартир. Это, конечно, ложь. Никаких адресов у раненного не было. Но Че-ка через своих многочисленных Зехцеров, Штейнеровых и шоферов проследила одну конспиративную квартиру, остальные квартиры были вполне легальны. Че-ка не производила арестов, ожидая, вероятно, дела "посурьезней". Начались обыски и аресты. "Нашли" бумагу и краски, данные Льву Самуилом Зехцером. И Льву было пред'явлено обвинение в связи с боевой группой и изготовлении фальшивых денег — и чекист в благородном негодовании спрашивал у Льва — как он мог так "низко" пасть.

Но в Москве многие анархисты уже знали, что это дело подстроено самой Че-ка. Пошли слухи, что Льва освободят и эти слухи старались поддержать сами чекисты. Когда за два дня до расстрела, мать Льва пошла просить с ним свидания-ей ответили: "зачем вам свидание! Через два дня он и так будет на свободе..."

Через два дня — 27 сентября 1921 года, он был расстрелян с девятью другими*).

Передают, что он заранее знал о своей участи и на смерть шел спокойно.

После опубликования о его расстреле, его мать ходила в Че-ка просить выдать ей труп сына на погребение, но ей ответили, что "трупы расстреляных бандитов на погребение не отдаются". —

Лев Черный был расстрелян — и, чтобы оправдать свое дело,

---

*) Барон-Штейнеров был также арестован, но после расстрела группы его освободили. На недоуменные вопросы окружающих: как могли его так скоро освободить, он невозмутимо отвечал, что он дал подписку о выходе из анархического движения С.-Р.

его убийцы пытались оклеветать и загрязнить его имя. В России, где его имя было широко известно, они в своем сообщении о его расстреле трусливо спрятали его псевдоним — Лев Черный, а написали никому неизвестное его настоящее имя Павел Турчанинов. За границей же, где его почти никто не знал, они пишут через своих апологетов, что Черный фабриковал фальшивые деньги, принимал деньги с экспроприаций и жил роскошной жизнью. И это пишут о человеке, который голодал с семьей по целым неделям. Чтобы иметь возможность пообедать, он читал лекции в клубе Анархистов Универсалистов и сколько раз его старуха-мать приходила в столовую последних, чтобы достать кружку молока для малой девочки своей душевно—больной дочери. Когда он был арестован в 1919 г. на нем брюки буквально висели клочьями, а из порванных ботинок выглядывали пальцы. И какая-то мучительная жалость и любовь к нему охватывала, видя его в таком положении. А на воле — только стараниями друзей ему достали костюм, а сам бы он даже не позаботился об этом. Старая же солдатская шинель его служила ему одно временно верхним одеянием, одеялом и... она же и стала его погребальным саваном...

И пусть клевещут его убийцы! Но вся его светлая жизнь, отданная за дело свободы, правды и добра, все его труды, в которых просвечивает его кристаллистически-чистая душа — ясно и неотразимо свидетельствуют о лжи этих всесветных фальсификаторов.

Лев Черный расстрелян — и всю ответственность за его смерть несет не Че-ка — кровавая ширма большевиков, а вся партия коммунистов в целом в лице ее главных вожаков — Ленина, Троцкого, Дзержинского и прч...

Италия, 8-1. 1923 г.

Саша - Петр.—

* * *

АССОЦИАЦИОННЫЙ АНАРХИЗМ.

"Верное обобщение процессов, совершающихся в природе и обществе будет материалистической истиной".

* * *

"Я не должен умолчать, что вне собственности и общности никто не представлял себе возможности общества. Это гибельное заблуждение всегда было причиною существования собственности". — **Прудон.**

* * *

От Автора.

Дорогой читатель! в настоящее время человечество, словно птица в клетке, бьется среди альтернативы: порабощать или быть под'-яремным животным. Одни прославляют индивидуализм в смысле "делай, что хочешь", "нашему ндраву не препятствуй", типичными выразителями котораго являются Нитше и Штирнер. Другие же впадают в противоположную крайность, превознося святость личности других, т. е. общество, за которое и во имя котораго индивид должен умереть, пожертвовать всем своим дорогим, сделаться вьючным мулом; крайними сторонниками этого цикла идей являются христиане.

Может ли свободная душа принять то или другое учение? Нет.

Христиане, "проглатывающие слюну и злобные взгляды, целующие широкими, боязливыми губами" руку господина, столь же противны, как и нитшеанцы, эти дикие, лютые звери, попирающие все святое.

Как же быть?

Как быть — это я хочу тебе указать.

Не верь различным усыпителям, что существует только два типа отношений. Нет,—есть и третий.

Есть третий тип отношений, при котором ни ты не будешь господином, ни другого не сделаешь рабом.

Моя книга и имеет целью выяснить и разобрать суть этого типа.

Если в твоей душе живет свобода, если ты не хочешь быть ни господином ни рабом—то прочти эту книгу и ты найдешь в ней то, что желаешь

9 февраля 1906 года.

ВВЕДЕНИЕ.

ГЛАВА I.

Краткое суммирование тенденций крестянско-капиталистическаго периода и задача работы, вытекающая из них.

В нашей последней работе: "Крестьянско-капиталистический период"—мы подробно разобрали тенденции переживаемаго нами строя. Здесь же ради связи кратко суммируем лишь выводы, отсылая любознательных читателей, не верящих в выводы, а доискивающихся доказательств, на которых они основаны, к вышеупомянутому труду. —Крестьянско-капиталистический период перед его обитателями, вернее, перед его трудовыми элементами, выставил социально-революционную задачу: овладеть орудиями труда и на развалинах стараго строя установить новый, материальной основой котораго было бы крупное, планомерно организованное производство, а душою—свобода, справедливость и неэксплуатация.

Поэтому, для того, чтобы понять будущий строй, мы первым делом должны определить, что такое свобода, справедливость и неэксплуатация, отделить их от родственных и смежных понятий. Словом, мы должны определить, что такое представляют из себя наши нравственныя, правовыя и экономическия понятия и идеи.

По силам ли эта задача простому смертному? Доступны ли анализу наши нравственныя, политическия и экономическия понятия? Не должны ли мы перед ними остановиться, как перед святыней, боясь сделать шаг вперед? Не сделаемся ли мы метафизиками, не впадем ли мы в утопию, если станем разсуждать о таких высоких материях? Такова куча вопросов, которая на первых же порах осадит критически мыслящаго читателя.

Мне кажется, что все эти опасения и страхи ложны: не сходя с научной точки зрения, не впадая в метафизику, как это до сих пор случалось со многими мыслителями, когда они приступали к решению занимающей нас теперь задачи, можно точно определить, что такое свобода, справедливость и неэксплуатация.

По нашему мнению, не только можно, но и должно определить все эти понятия, если мы действительно желаем хотя слегка приподнять ту завесу, которая скрывает от нас будущее.

Без точнаго определения свободы и несвободы... любви и злобзла... мы в наших изследованиях будем витать в безпочвенных абстракциях, не приходя ни к какому положительному решению.

Выяснив различие между всеми нашими политическими, экономическими и моральными идеями, определив свободу, справедливость и неэксплуатацию, мы затем должны будем облечь эти отвлеченныя идеи в плоть и кровь, чтобы будущий строй, основанный на них, принял конкретныя формы и очертания.

При этой второй работе мы должны помнить, что будущий строй должен вылиться в крупно-производственныя формы и уничтожить конкуренцию.

Сообразно таким нашим задачам, мы и работу разбиваем на две части: теоретическую и практическую.

В теоретической части дадим отвлеченный анализ свободы, справедливости и неэксплуатации, в практической мы облечем их в одежды.

Такова наша задача.

Не будем же бояться трудности дела и тех препятствий, которыя встретятся на нашем пути, смело тронемся в путь "определения добра и зла" и тех конкретных форм, в которыя они выльются, помня, что анализ лучше всяких слов разсеет все наши недоумения.

* * *

ГЛАВА II.

Социология и социометрия.

Сообразно вышеизложенному плану, нашей первой задачей будет определение свободы, справедливости, неэксплуатации.

Как ни важно само по себе подобное изследование, тем не менее, редкие из писателей делают его предметом своего изучения: ныне все внимание сосредоточено на другой стороне общественной жизни —на изучении законов развития общества.

Писатели толпами бросаются в отыскивание разных исторических законов развития, находя суть то в умственном, то в нравственном, то в экономическом факторе.

Усилия их не остались тщетными, они уже увенчались некоторым

успехом, позволившим им дать своим исследованиям название науки социологии.

Изучение общества с этой точки зрения крайне необходимо; однако, не менее важно исследование общества и с другой точки зрения, с той точки зрения, с которой мы приступаем к изучению общества.

Мы же хотим сделать своим исследованием не законы развития, по которым движется общество, а свободу, справедливость, т. е. **те или другия отношения между людьми,** — ведь свобода, справедливость... суть не что иное, как то или другое отношение людей друг к другу.

Подобное исследование в настоящее время, к несчастью, игнорируемое, даст возможность создать другую науку об обществе, новую науку, не менее важную, которой предстоит великое будущее. Изучение всевозможных отношений, в какия только люди могут вступить, будет предметом этой науки.

Целью же ея будет отыскание **типичных** отношений между людьми.

Эту вторую науку можно назвать **социометрией,** ибо она будет заниматься измерением социальных отношений между людьми.

* * *

ГЛАВА III.

Соотношение между социологией и социометрией.

Вопреки господствующему мнению, что для познания законов развития, для определения направления, по которому мы двигаемся, для предвидения будущаго достаточно только социологии, я осмелюсь утверждать, что полнаго знания историческаго движения одна социология дать не может.

Для полнаго познания какого-либо историческаго движения необходимы обе науки: социология и социометрия.

Я думаю, что для признания этой истины будет вполне достаточно следующих соображений:

Чтобы определенно сказать: мы идем туда-то, а не туда-то, мы прежде всего должны ясно отличать тот строй, к которому мы идем, от того, к которому не идем.

Какими же признаками мы обладаем для отличения одного строя от другого?

Мы обладаем лишь единственным признаком, дающим нам возможность отличать один строй от другого—это существование в различных строях различных отношений между людьми.

А потому, не зная типичных отношений между людьми, мы не сумеем отличить одного строя от другого, мы не сумеем предсказать, куда мы идем.

В самом деле, смеем ли мы, напр., утверждать, что идем к социализму, если мы не будем знать типичных отношений, свойственных этому строю, если свобода и равенство, т. е. типы отношений между людьми, соответствующие анархии и социализму, будут у нас в голове перепутаны наподобие клубка ниток после игры с ним шаловливаго ребенка.

Нет, ибо раз мы не сумеем отличить свободы от равенства, справедливости от любви и т. д., если мы будем смешивать их, то нам может показаться, что мы идем к строю равенства, т. е. к социализму, тогда как, на самом деле, мы двигаемся к строю свободы, т. е. к анархизму.

Поэтому, для полного познания явления, прежде всего необходимо разобраться в типах отношений—только тогда мы сумеем точно предвидеть то направление, куда мы идем, строя свои выводы на тех стремлениях, которыя развивает в нас жизнь.

Доказав свою мысль, выясним теперь роль каждой науки в деле познания историческаго явления.

Дело социометрии — своим анализом превратить смутныя и неясныя идеи о свободе, равенстве, эгоизме в стройное миросозерцание и, таким образом, представить все мыслимые строи, какие только могут возникнуть и сложиться между людьми.

Дело социологии—выяснить те материальныя условия, которыя, породив в нас соответствующия стремления, толкают нас к принятию того или другого строя.

Как видите, обе науки тесно связаны между собой.

Без социометрии не разобрать, куда идешь. Без социологии собьешься с дороги, впадешь в утопию, ибо, не зная тенденций развития, мы можем проповедывать отсталый идеал, пойти в разрез с стремлениями масс, выработавшимися в их борьбе за жизнь, и построить свой идеал на зыбучем песке.

Таковы суть и разница социологии и социометрии.

* * *

ГЛАВА IV.

Возможна ли социометрия?

"Жалкий утопист! Как это только не надоест людям говорить о вечных истинах!"—слышу я голос иронически ухмыляющагося социал-демократа; "пора бы уже понять, что говорить об истине—это значит толочь воду в ступке, быть полным невеждой, совершенно не знать добытых нами (эс-деками) истин (что я слышу!), истин, что правды нет, что в исторической жизни все течет и меняется—и то, что сегодня мы называем добром, завтра будет считаться злом".

Не поражены ли вы, читатель?! Не ввергла ли вас эта реплика в уныние, представив в ваших глазах жизнь полной противоречий, сплетений, изменчивости и непостоянства? Не уверовали ли вы в то, что и на самом деле из подобной жизненной амальгамы невозможно извлечь ничего истиннаго?

Если да, то не теряйте еще надежды: не так страшен чорт, как его малюют, а потому мы все-таки попробуем поискать вечных истин, несмотря на уверения социалистов, что их нет. Чем чорт не шутит, быть-может, социалистическия истины—не истины, и мы найдем искомое.

Попробуем же.

Уверение социал-демократа, что все течет и меняется — верно. Верно также и то, что наши представления о добре и зле меняются. Но на основании сказаннаго утверждать, что вечных истин нет,—полная ложь.

Истина есть, и она состоит в верном обобщении текущих процессов.

И если вы такое обобщение сделаете, то вы увидите, что в исторической жизни отношения между людьми меняются, и вместо с изменением их меняются связанныя с ними чувства и настроения, но **суть** отношения одного человека к другому остается неизменной.

В исторической жизни одно и то же отношение может вызвать в нас чувство отвращения или умиления, но независимо от этого оно всегда остается самим собою.

От подобнаго изменения нашей оценки известнаго типа отно-

шений, от названий и суб'ективных взглядов суть отношения не изменяется.

Разве от того, что эксплуатацию одного человека другим мы будем считать с нашей суб'ективной точки зрения добром или злом, самый факт отнятия продукта, самый факт эксплуатации не останется фактом?

Разве от того, что один человек будет считать другого животным и не обращать даже внимания на процесс эксплуатации—разве от этого пот и кровь человека-животнаго не будут переходить в предметы, потребляемые сверх-человеком?

Безусловно будут.

А раз будут, то тип эксплуататорский будет неизменен независимо от нашего к нему суб'ективнаго отношения.

Подобныя неизменныя отношения мы сумеем найти и в политике, и в морали, которыя являются, ведь, не чем иным, как **отношениями**, а не суб'ективными нашими мнениями.

На этих-то фактических, **независимых ни от каких суб'ективных взглядов**, отношениях одного человека к другому мы и сумеем построить науку о типах, суть которых будет одна и та же в различныя времена, какия бы названия такия типичныя отношения ни носили, — науку об'ективную, истинную, не имеющую ничего общаго с нашими изменчивыми чувствами и настроениями.

* * *

ГЛАВА V.

Вызвана ли социометрия жизнью?

Кому нибудь из "ученых" социал-демократов может показаться, что социометрия есть плод моей фантазии, что она является ни больше ни меньше, как моим вымыслом, а потому и не имеет никаких корней в самой жизни.

Верно ли это?

Нет. Опровержение подобной точки зрения на новую науку и будет содержанием этой главы.

К созданию социометрии человеческая мысль уже давным-давно толкается материальными условиями существования людей.

Ниже мы проследим некоторыя попытки различных писателей,

со времени Великой Французской Революции стремящихся, хотя и не вполне сознательно, заложить ея основы.

Повторяю, такия настойчивыя стремления основать социометрию, необходимость ея появления на свет Божий, вызываются всею совокупностью материальных условий жизни, как в области экономической, так моральной и политической.

Как классовое общество со всеми своими противоречиями выдвинуло (в виду необходимости разобраться в причинах постепенных смен одного строя другим и усвоить себе правильную тактику) социологическия проблемы и повело к созданию науки социологии, так оно же вызывает к жизни социометрию, ибо для людей столь же необходимо уяснить куда итти, как и усвоить правильную тактику.

То же обстоятельство, что социометрия стремится дать и дает вечныя истины, вопреки уверению социал-демократов, что истины нет, читателя не должно смущать.

Возьмите, например, геометрию.

Если бы социал-демократы жили до ея появления на свет, то они, будучи сторонниками теории: истины нет, отвергли бы в корне ея возможность, но геометрия явилась.

Почему не явиться и социометрии, вопреки карканью разных вещуний?

Ведь социометрия—не что иное, как общественная геометрия.

Разница ея от геометрии состоит лишь в том, что геометрия имеет дело с линиями, а социометрия с индивидами. Геометрия исследует линии и их соотношения, а социометрия те или другия соединения и комбинации индивидов.

Итак, отрешимся от того взгляда, что социометрия вымысел, и будем смотреть на нее как на результат неизбежнаго развития жизни.

* * *

ГЛАВА VI.

Значение социометрии.

Наука социометрия имеет важное и капитальное значение. Ей суждено произвести небывалый переворот в политике, нравственности и морали! Она поставит на научную почву отношения между людьми.

Если нами будут отысканы типичныя отношения, то мы сумеем сознательно относиться друг к другу, конечно, выбирая тот тип отношений, который порождается у нас нашими материальными, хозяйственными условиями, и бросим тот странный способ решения вопросов, который существует теперь: я говорю о решении вопросов голосованием.

Подобное решение вопросов допустимо лишь тогда, когда отсутствует та наука о типах, о которой я говорю.

Анархисты, мне кажется, выгодно отличаются от социал-демократов именно сознанием необходимости социометрии. Их не удовлетворяет решение вопросов голосованием или добровольным соглашением*) — они ищут науки.

Только эта новая наука, социометрия, сумеет покончить с голосованием, как с ним прикончили в других сферах другия науки.

Где вы теперь найдете, чтобы в химии, биологии... вопросы решались голосованием?

Не разсмеялись бы вы, если бы на каком-либо конгрессе ученые, вместо научных доводов, стали решать голосованием разнообразные научные вопросы? Скажем, например, астрономы о времени затмения солнца.

Но, право, не менее смешную картину представляем и мы с нашим голосованием в общественных вопросах.

Такова важность социометрии.

Она дает возможность научным путем разрешать конфликты между индивидами, конфликты между "обществом" и индивидом.

Как социология прогнала из сферы развития всякия суб'ективныя предсказания и пророчества о будущем, приравняв их к простым бабьим сплетням, так и социометрия покажет дверь голосованию, поставив на его место сознательное, основанное на науке, отношение между людьми.

* * *

*) Добровольное соглашение не может быть решением социальной проблемы, ибо добровольное соглашение в современном строе, например, загоняет рабочего в ярмо. Для того, чтобы договор был правилен, он должен санкционироваться принципом, который мы и выясним в дальнейшей нашей работе.

КНИГА 1-я

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ СОЦИОМЕТРИЯ.

Часть I. Изложение социометрии.

ГЛАВА I.

Суб'ективный или идеалистический метод и об'ективный или материалистический.

Выяснив предмет социометрии, отношение ея к родственной науке социологии, значение и неизбежность ея, перейдем теперь к конструированию самой науки.

Начнем прежде всего, как с самого главнаго, с методов науки.

В настоящее время в ней господствует идеалистический метод, большинство писателей его придерживается.

Суть его такова.

Идеалист стремится вскрыть суть наших нравственных понятий суб'ективным путем, он хочет **психологически** определить, что такое справедливость, свобода, власть, равенство, руководясь своими ощущениями, руководясь тем, что он понимает под равенством, свободой, справедливостью... и так как каждый, будучи воспитан в иной среде, имеет разные взгляды, то и равенство и свобода каждым понимается разно.

Такое творчество из собственной головы я и называю идеалистическим методом—и такой метод, по моему мнению, ни к чему не может привести.

Такой метод способен наши отношения, наши нравственныя понятия превратить в вещи в себе, в общественныя сущности, и затемнить их истинную природу.

Чтобы не быть голословным, приведу несколько примеров идеалистическаго способа определения наших общественных и социаль-

ных отношений, оговариваясь, что иногда писатели и материалистическаго склада ума при определении социальных отношений держатся идеалистическаго метода.

Кабэ: "свобода—общая польза". "Свобода—это право делать все, что не запрещено ни природой, ни разумом, ни обществом, и воздерживаться от всего, что не предписано ими".

Луи Блан: "свобода—это власть".

Монтескье: "свобода—это право делать все, что позволяют делать законы". Свобода состоит в возможности делать то, что следует желать, и не быть вынужденным делать то, чего не следует желать".

Де-Траси: "свобода—это возможность исполнять нашу волю".

Маурус: "то, что люди называют свободой, есть не что иное, как тот, более или менее узкий, круг действий и отношений, который предназначен им природою или людьми".

Фулье: "правом называется государство, т. е. преобладание общественной власти над личной свободой".

Лангэ: "право свободы заключает в себе право равенства, т. е. право каждой личности иметь относительно других не больше обязанностей, чем сколько эти другие имеют относительно ея самой".

Гегель: "право индивида—это выполнение долга, а свобода—подчинение об'ективной воле".

Штирнер: "право есть дух общества".

Кант: "единственное прирожденное право, которым обладает каждый только потому, что он — человек, — это право принадлежать самому себе, право быть своим господином, т. е. свобода".

Соловьев: "право есть свобода, обусловленная равенством".

Спенсер: "справедливость — воздаяние каждому должнаго".

"Каждый человек может требовать самой полной свободы для проявления своих способностей, совместимой с той же свободой всех других людей".

Каждый человек свободен делать все, что он пожелает, лишь бы только им не нарушалась при этом равная свобода всех других людей".

Ну, довольно примеров!.

Надеюсь, читатель заметил, что в большинстве определений нет даже малейшаго намека на типы отношений—все понятия просто определяются из головы, являются какими-то сущностями, прежде века рожденными, сущностями, ничего не дающими.

При таком методе иных результатов и получиться не может.

Словом, при таком методе можно написать много остроумных определений, но науки не создать.

Сознание безплодности такого метода и побудило нас покинуть его, а в основание своего исследования положить другой метод, метод материалистический или об'ективный.

Какова его суть? В чем он заключается?

Материалистический метод видит суть нравственных, общественных и политических отношений и взглядов не в психике, не в нашем сознании, а в фактическом отношении одного человека к другому, т. е. в материальном факте: фактическия отношения ведь материальный факт.

А раз фактическия отношения материальный факт, то, следовательно, и все наши нравственныя, политическия... понятия, являясь лишь типичными отношениями, имеют свои корни в земле; а не на небе и не на скрижалях, данных небом.

Материалистический метод обязателен и об'ективен: он описывает факты, констатирует действительность.

Свои разсуждения метод стремится свести к фактическим отношениям.

Материалистический метод игнорирует суб'ективные взгляды и вкусы; нравится или не нравится ему действительность, он на это не обращает внимания, а констатирует факты.

Этого-то метода мы и будем держаться.

* * *

ГЛАВА II.

Три типа отношений.

Первой задачей социометрии является сведение многообразных отношений между людьми к немногим типам.

Попробуем выполнить эту задачу.

Как далеко вы ни взглянули бы в глубь веков, на какие миллионы лет вы ни перенеслись бы сознанием в будущее, для вас мыслимо лишь троякое отношение одного человека к другому, какими бы именами человек ни называл этих отношений, какими бы он их ни считал.

Во 1-х, один человек в своих отношениях к другому может

стать или в отношение подчинения, т. е. такое отношение, когда он морально, политически и экономически будет порабощаться другим; другой будет всем, а подчиняющийся ничем.

Во 2-х, один человек по отношению к другому может стать в отношение господства—тогда он сам будет другого считать ничем, ставить ни во что, сделает его своим рабом во всех сферах отношений.

Или, наконец, в 3-х, один человек может стать в такия отношения, что личность другого будет ценна для него, точно так же, как и своя собственная, в такия отношения, что он не поработит чужой личности, но и своей не даст в обиду.

Только эти три вида отношений одного человека к другому мыслимы*). Сколько бы вы ни думали, а четвертаго типа отношений вы не придумаете, за исключением, конечно, смеси всех этих трех отношений.

Несмотря на такую простоту развиваемой здесь мысли, она не легко приходит в голову.

По крайней мере, у большинства она вращается между двумя крайними полюсами: порабощением и подчинением.

3-й тип отношений уму совсем не представляется—только гигантская мысль Прудона указала нам его ясно.

Как ни трудно открыть эту третью идею отношений, но главная трудность не в этом. Главная трудность заключается в том, чтобы найти существенный признак, по которому можно было бы отличить эти три состояния.

К поискам этой разграничительной черты мы сейчас и приступим.

* * *

*) Практически эти три типа отношений **одного** человека к **другому**, три типа отношений, в которыя может стать один человек к другому — выливаются **между людьми** в два: в тип господства и рабства и в тип свободы.

ГЛАВА III.

Предшествующие попытки найти разграничительную черту трех типов.

"Этот философский анархизм (прудонизм) имеет за собою ту заслугу, что он поставил задачу, которая до тех пор еще не встречала надлежащаго внимания со стороны науки — это вопрос о праве права, т.-е. об обосновании правового принуждения, независимо от того, каково содержание правовых определений, и устанавливается ли право абсолютным государем или демократическим парламентским большинством". (Геркнер: "Рабочий вопрос", стр. 342).

* * *

Целью этой главы будет история анализа тех граней, которыя отделяют один тип отношения от другого.

Но прежде чем приступить к изложению различных ответов, данных на поставленный вопрос, позволю себе изложить историческия причины, выяснить мотивы, побуждающие к отыскиванию граней.

Мотивы эти таковы.

До революций последних двух веков (18 и 19) власть была не в руках народа, а в руках монархов.

Монархи и народы представляли из себя два враждебные лагеря. Власть и сила монархов и их присных давили народы.

Отсюда, естественно, народу казался единственный выход в низвержении тирании,—в передаче власти из рук монархов в руки народа.

Когда народ будет самодержавцем, думали люди XVIII века, тогда на свете не будет больше тиранов: сам народ не может с тиранить. Так возникло учение о народоправстве, учение поверхностное, не смотрящее в корень зла.

В этот период не могло появиться стремления отыскивать граней.

Со времени революции дело меняется. "Народ" у власти—и —о ужас!—тирания не перестает свирепствовать... Нагайки свищут,

палачи ведут свою работу, виселицы исправно получают свою пищу, законы, душащие свободу угнетенных классов, существуют в полной силе.

"Тогда", как прекрасно говорит Милль*), "заметили, что подобныя фразы, как самоуправление и власть народа над самим собою, не совсем точны. **Народ, облеченный властью, не всегда представляет тождество с народом, подчиненным этой власти, и так называемое самоуправление не есть такое правление, где бы каждый управлял сам собою, а такое, где каждый управляется всеми остальными.** Кроме того, воля народа на самом деле есть не что иное, как воля наиболее многочисленной (или привилегированной) части народа, т.-е. большинства или тех, кто умеет заставить себя признать за большинство, — следовательно, народная власть может иметь побуждения угнетать часть народа, и, поэтому, против ея злоупотреблений так же необходимы меры, как и против злоупотреблений всякой другой власти".

Когда это заметили—а не заметить это было трудно: своя собственная спина давала знать, что такое "самоуправление" — человек стал искать гарантий своих прав, стал искать где право общества, т.-е. других людей, где право человека, т.-е. мое право.

Словом, люди стали ощупью на почву социометрии, т. е. отыскания типичных отношений между людьми.

Первым пионером**) новой науки нужно считать Роджера Вильямса, массачусетскаго священника.

Причина, побудившая его возстать против народовластия, против воли большинства, была следующая: в Массачусетсе, где жил Роджер Вильямс, была демократия, и большинство было иной веры, чем Вильямс, а потому культ его религии был стеснен.

Не будучи в состоянии выносить тирании большинства над своею совестью он сделался вместе с другими единомышленниками основателем другого штата—Провиданс.

В учредительном договоре основатели Провиданса обещают повиноваться законам, которые будут приняты большинством, но **только в гражданских делах*****).

Так, была впервые в учредительном акте провозглашена безу-

---

*) "Свобода", стр. 199.

**) См. Новгородцева: "Истор. Фил. Права".

***) Струве. Сборник. "В чем истинный национализм", стр. 536.

словная свобода совести, как естественное, неотчуждаемое и неприкосновенное право индивида.

Что значит это право совести?—Как не то, что есть такие стороны человека, на которыя он никому не дает посягнуть.

Что значит это право совести?—Как не признание того, что существует такой тип отношений, который обязателен для всех, видящих в человеке человека.

Дальнейшие шаги наука сделала во время Французской и Американской революций, подтвердивших уже целый кодекс неотчуждаемых и неприкосновенных прав, контроль над которыми, вмешательство в которыя личность никому не может дать и на которыя она сама не смеет посягнуть

Как ни важен этот шаг, но, тем не менее, он не был последним, который можно сделать в этом направлении.

Мысль не могла долго оставаться на естественных правах: естественныя права не исходили из одного принципа; они были как бы подвешены на ниточке, они не связывались какою-либо общею идеею.

Эти права стали как-то над личностью, сделались вещью в себе, а потому потеряли свои земные корни, и таковая потеря сделала их неустойчивыми, произвольными—сегодня можно одни составить, а завтра другия.

Все это толкало и заставляло мысль придать прочность и определенность правам.

Но "права" могут получить прочность и определенность только в том случае, если они будут выходить из одного определеннаго принципа.

Сюда-то мысль ученых и направилась.

Последующия поколения, после революции, стремились придать прочность правам, устранить случайность, и с этой целью выходили из одного какого-либо принципа.

К числу таких светлых голов относятся **Спенсер и Милль,** давшие уже нечто в роде типов—на их учениях мы подольше и остановимся.

Начнем с учения Спенсера ("Рус. Мысль" 90 год., май. "Справедливость"):

Стр. 93. "Большинство людей думает, что содержание этики составляет поведение, **разсматриваемое** как вызывающее одобрение и осуждение, но главное содержание этики составляет **поведение,**

разсматриваемое об'ективно, как производящее хорошие или дурные результаты для самого суб'екта или для других.

Стр. 95. Взрослыя особи должны сообразоваться с законом, по которому получаемыя ими блага прямо пропорциональны имеющимся у них заслугам, если измерять заслуги способностью к самопропитанию. Ибо, в противном случае,вид должен страдать двояко. Он должен страдать непосредственно, вследствие жертв, принесенных более сильными особями менее сильным, что влечет за собою общее уменьшение благосостояния, и он должен страдать косвенно, способствуя умножению менее сильных, и тем самым препятствуя умножению более сильных особей, приходя к последовательному общему вырождению, которое, если оно будет продолжаться, должно кончиться вымиранием.

Стр. 102. Каждый индивид должен получать блага и претерпевать бедствия, проистекающия из его собственной природы и соответствующаго ей поведнния; он не должен встречать препятствий к пользованию тем благом, которое... доставляют ему его действия, и не должен иметь возможности взваливать на плечи других то зло, которое приносят ему его действия.

Стр. 115. Идея справедливости содержит в себе два элемента: с одной стороны, выступает положительный элемент, заключающийся в признании за каждым человеком права на безпрепятственную деятельность и на пользование теми благами, которыя она приносит; с другой стороны выступает отрицательный элемент, заключающийся в сознании того, что существуют пределы, обусловленные наличностью других людей, имеющих одинаковыя права.

В этих двух составных элементах особенно останавливают внимание две противоположныя черты. Неравенство — это первая из внушаемых ими идей. Ибо, если принцип требует, чтобы каждый получал блага и претерпевал бедствия, вытекающия из его собственной природы и согласнаго с нею поведения, то в силу того, что люди одарены различно, в результатах их действий должны существовать различия. Это предполагает неравныя суммы благ.

Взаимныя ограничения человеческих действий внушают противоположную идею. Когда делается ясно, что если каждый будет преследовать свои цели без уважения к притязаниям своих соседей, то отсюда должны произойти ссоры и социальная кооперация встретит препятствия, тогда возникнет сознание, что поступкам каждого должны быть поставлены пределы; в мыслях о сферах действия,

взаимно ограниченных, заключаются понятия **равенства.**

Неуравновешенныя оценки этих двух факторов человеческой справедливости ведут к расходящимся нравственным и социальным теориям, на которыя мы должны теперь взглянуть. В некоторых из грубейших человеческих групп эти оценки не выше тех, какия мы видим среди низших общественных животных. Здесь более сильный берет то, что ему угодно, у более слабого, не вызывая общаго порицания... Идея неравенства становится преобладающей.

Стр. 117. Все движения различны, таковы и социальныя движения с их принципами. После такого понятия о справедливости, в котором не в меру преобладает идея неравенства, является понятие, в котором не в меру преобладает идея равенства, напр. коммунизм. Принцип неравенства таким образом безусловно отрицается. Считается несправедливым, чтобы превосходство природы влекло за собою превосходство результатов. Разсмотрев эти расходящияся понятия о спреведливости, где идеи равенства и неравенства исключают друг друга, мы подготовили путь к истинной справедливости.

Итак, справедливость есть: равенство имеет отношение к взаимно ограниченным сферам действия, а неравенство имеет отношение к результатам, которых каждый может достигнуть, удерживая свои действия в означенных пределах. Нет никакой нецелесообразности в том, что идеи равенства и неравенства применяются: одна к границам, а другая к преимуществам".

Видите, какая стройная теория у Спенсера. Он понимает три типа отношений, хотя и выражает их в идеалистическо-историческом виде. Идеалистически он понимает и суть справедливости, и этот-то его идеализм не дает ему возможности развернуть всю ту блестящую картину, которую дает учение о типах: он ограничивается одним анализом справедливости, и ту он не умеет выразить так, чтобы она стала ясна.

Грань же выдвинутая им: равенство относится к границам, а неравенство к преимуществам, — не дает ему возможности точно отделить типы, и она ничего не говорит.

Что касается Милля, то его взгляды замечательны, но и он не дал вернаго решения проблемы, хотя вопрос поставлен им и верно. Он видит признак, отделяющий три типа отношений, в "не вреди".

Безусловно, в этом должно лежать отличие трех типов отношений.

Если мы от него уклонимся в одну сторону, то будем господами; если в другую, то рабами. Держась же этого принципа—мы будем

свободными людьми.

Милль, верно поставив вопрос, к несчастью, не сделал самого главного—он не определил, что такое "не вреди".

Благодаря растяжимости смысла этого слова, трудно поддающагося анализу, он запутался в применении его на практике и тем самым сам зачеркнул сделанный им анализ*).

А без определения, "не вреди" допускает самый широкий произвол, как это прекрасно, но в то же время желчно-ядовито выяснил Бентам.

Припомним суть его опровержения понятия "не вреди".

"Не вреди" — это слово может прикрыть самую гнусную тиранию, ибо во имя его можно требовать всякаго стеснения личности, всякаго насилия; во имя его можно оправдать всякую гнусность, во имя его можно все запретить, все парализовать — ибо какое бы действие мы ни совершили, всегда найдется кто-либо, который скажет, что оно ему вредит".

Я думаю, что вполне достаточно этих слов Бентама, чтобы понять всю важность определения, точнаго определения этого слова.

Итак, чтобы дать опору трем типам отношений, необходимо закончить начатый Миллем анализ "не вреди".

Однако, прежде чем приступить к выяснению этого понятия, осмелюсь сказать еще несколько слов.

Сознание недостаточности и поверхностности решения вопросов голосованием разлилось широкою волною в обществе, требующем уже новой науки. Насколько широко распространилось недовольство таким способом решения, позволю себе привести несколько выписок.

Констан: "Революция, вместо того, чтобы ограничить в пользу свободы область верховной власти, только перенесла эту власть со всеми ея отличительными чертами с монарха на народ". Но, "если

---

*) Вот перлы его выводов.

Стр. 212 "Свободы": "Человек может вредить другим не только своими действиями, но и также своим **бездействием**: в обоих случаях он ответственен в причиненном зле"(!!)

Стр. 211: "Индивид может быть справедливо принуждаем совершать некоторыя положительныя действия ради пользы других людей; так, напр., **свидетельствовать** в суде, принимать **известную долю участия в общей защите** или в каком-либо общем деле, необходимом для **интересов** того общества, покровительством котораго он пользуется, **совершать некоторыя добрыя дела**, напр., в некоторых случаях спасти жизнь своего ближняго или оказать покровительство **беззащитному** против злоупотребления сильнаго.

ограничиться установлением верховной власти народа, не организовав **свободнаго** правительства, то, в силу самих вещей, несколько лиц овладеют властью и будут угнетать народ **"во имя его собственнаго самодержавия"**.

"Там, где начинается индивидуальная независимость и индивидуальное существование, оканчивается юрисдикция представительной власти".

"Власть, которая захотела бы посягнуть на эти права, оказалась бы в силу этого самого "незаконной". Законодатель далеко не **безусловный властелин, и должен принимать во внимание эти "не зависимыя права". Закон только тогда имеет силу и может требовать** уважения к себе и повиновения со стороны граждан, когда он совместим с теми вечными истинами справедливости и сострадания, **которыя человек не может нарушать, не унижая и не извращая** своей природы".

Спенсер: "Истинный парламентаризм должен отвергать предположение о неограниченности парламентской власти, как он когда-то отвергал неограниченную королевскую власть, ибо свобода граждан измеряется не природою правительственнаго механизма, представительнаго или иного, а относительным количеством налагаемых им стеснений".

Струве: "Проблема либерализма, как она выяснилась для нас, не исчерпывается вовсе вопросом об организации власти; таким образом, она шире и глубже идеи демократии; демократия в значительной мере является лишь **методом или средством** для решения (т. е. воплощения) либерализма"*).

Так шла мысль к созданию социометрии.

* * *

*) Такого же взгляда на демократию держится и Анри Мишель: "Демократия решает только **задачу участия во власти, но еще не решает вопроса о свободе личности**".

Правильно ли она решает вопрос участия во власти или нет, это мы увидим ниже.

ГЛАВА IV.

"Не вреди".

"Разгадай меня, или я пожру твою систему".

* * *

Так как предыдущая глава очень растянулась, и смысл ранее сказаннаго для читателя мог потеряться, то прошу еще раз читателя пересмотреть вторую главу, прежде чем приступить к этой, ибо она имеет непосредственную связь с тем, что я буду говорить.

Теперь я могу приступить к решению поставленной себе задачи, т.-е. к определению понятия: "не вреди".

Чтобы понять, что такое вред, нужно ознакомиться с тем, как один человек может вредить другому.

Один человек может вредить другому только нарушением неприкосновенности его "я".

Каким же образом человек может нарушать неприкосновенность нашего "я".

Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны разобрать раньше, что такое представляет из себя наше "я", из каких элементов оно состоит, ибо, не зная, что такое "я", мы не можем, сказать, как ему можно вредить.

Наше "я" можно разбить на две части:

Во-первых, на физический организм, во-вторых, на нравственное существо.

Каждую из этих главных частей, в свою очередь, можно подразделить на две части:

Физический организм—на физическую личность и физическую энергию.

Нравственное существо—на духовную личность и нервную энергию.

Зная, что такое наше "я", мы можем теперь сказать, как люди могут нарушать его неприкосновенность.

Во-первых, люди могут вредить нам, нарушая неприкосновенность нашей физической личности.

Во-вторых, люди могут вредить нам, нарушая неприкосновенность нашей духовной личности.

В-третьих, люди могут вредить нам своим притязанием на наш физический труд.

В-четвертых, люди могут вредить нам своим притязанием на нашу нервную энергию.

Разсмотрим различные случаи вреда.

Начнем с физическаго.

1) Что такое физическая неприкосновенность личности и возможна ли она?

Первыя впечатления, почерпываемыя из опыта, говорят нам, что неприкосновенность личности невозможна: мы не можем сделать ни малейшаго движения без того, чтобы не затронуть тех или других нервов различных органов человеческаго тела. Наши органы устроены так, что они ловят все впечатления, как направленныя на них, так и к ним не относящияся — это закон природы, выработанный в борьбе за существование.

Раз есть совместная жизнь—есть встречи, а встречи уже затрогивают ваши зрительные органы (мой образ отражается в вашем зрачке), ваши слуховые органы (шум от шагов, шелест от движения), ваш орган обоняния (запах хлороформа от доктора, алкоголя от пьяницы). Словом, всякое движение другого человека причиняет мне вред.

"Значит", скажете вы, "нет физической неприкосновенности личности".

Нет, есть.

Под нарушением неприкосновенности физической личности надо понимать не всякое раздражение наших нервов, но только раздражение одного из пяти наших чувств—чувства осязания.

Физическая неприкосновенность личности есть неприкосновенность чувства осязания.

Поэтому всякое прикосновение к нашей телесной оболочке (оно является выражением чувства осязания), повреждение ея тем или другим способом явится нарушением нашей физической неприкосновенности*).

---

*) В своей работе я стараюсь разрешить многовековую тяжбу между индивидом и "обществом", и хочу найти "права человека" — и анализ прав я и привожу в своей работе. Я хочу найти, какия права человек может пред'являть ко мне, и каких не смеет.

Эту задачу по отношению к физической личности я решаю так: ни один человек не имеет права касаться нашей физической личности, ни один человек не смеет бить нас, обнимать и целовать.

Например, удар, толчок, повреждение, причиненное мне от неосторожнаго или намереннаго бросания взрывчатых снарядов, распространение бацилл за круг своего местопребывания и т. д.

В своей работе я пишу как бы конституцию — и эта конституция ясно носит свой характер: "не смей прикасаться ко мне".

Поставив так задачу, я старался найти, в чем же выражается физическая неприкосновенность личности, и нашел, что она заключается **в неприкосновенности чувства осязания.**

Это — глубокое обобщение понятия физическаго вреда.

Физическая неприкосновенность личности может быть всячески нарушена — поцелуем, ударом... Если вы обобщите все посягательства на свою личность, все то, что другому недозволительно делать по отношению к вам, то вы найдете **это в неприкосновенности чувства осязания.**

Наше определение говорит, чего другой человек не может делать без нашего согласия. Оно говорит, что вы можете итти спокойно по улице, и никакой нахал не ударит вас, не плюнет на вас, не обнимет, не поцелует и никаким другим образом не притронется к вам.

Если же, скажем, у кого у самого есть охота целоваться, и другой на это дает свое согласие — то вольному воля, спасенному — рай.

Притрогиваться с согласия друг к другу люди всегда будут, например, банщик, сапожник, портной. И в таких притрогиваниях нет никакого вреда, ибо оно совершается с моего согласия.

В притрогивании к другому с согласия нет никакого вреда, ибо при этом ваша личность не унижается. Она не является в этом случае об'ектом для другого человека, который произвольно может бить, ломать и топтать ее. Да и само по себе прикосновение не порабощает нас и не делает нас рабами. Порабощение и унижение заключается лишь в праве прикасаться ко мне.

Разберем здесь кстати также еще одно недоумение: допускает ли "не вреди" касаться личности другого, если этот другой нападает на нас. Положим, например, на меня нападает разбойник и душит меня; имею ли я право ударом кулака отшвырнуть его, или, в виду неприкосновенности чувства осязания, я должен дать ему выпить из меня кровь?

Разберем этот пример.

Я шел смирно. На мою личность набросилось какое-то существо и тем самым нарушило мою свободу, совершило несправедливость, причинило вред.

Это существо — нарушитель "не вреди" — и я, как сторонник этого правила, не могу дозволить себя душить. Тут уже вопрос сводится не к вреду с моей стороны, а к защите от вреда. Тут вредить надо, иначе ты будешь рабом.

Вред, наносимый нападающему — это право самозащиты.

Нанесение вреда вредящему — не вред, а устранение вреда, борьба со вредом, и такая борьба — священный долг каждаго сторонника "не вреди".

В виду всего сказаннаго, **"не вреди" в физической среде имеет тот смысл: нельзя затрагивать физическую личность другого, если она не нападает на нас (не трогает нашего чувства осязания) и если она не дает нам на то своего согласия.**

Чтобы быть лучше понятым, разберем подробно нарушение физической неприкосновенности по отношению к некоторым из органов, могущих подать поводы к неправильному истолкованию нашего учения.

Такими органами являются глаз, ухо и нос.

Эти органы имеют, кроме свойственнаго им всем чувства осязания, еще каждый свое специальное чувство: глаз—зрение; ухо—слух; нос—обоняние.

Обладание вышеупомянутых органов двумя чувствами может спутать понимание физической неприкосновенности личности. По отношению к органу обоняния, физическим вредом будет прикосновение к поверхности носа, но никоим образом не раздражение чувства обоняния, ничего общаго не имеющаго с чувством осязания.

То же самое можно сказать об ухе и глазе: физическим вредом будет засорение глаз, выкалывание их, повреждение барабанной перепонки, прокалывание уха, вообще всякое прикосновение к поверхности уха, т. е. физическим вредом будет затрагивание упомянутых органов, как органов осязания, но не специфическое раздражение их, как органов зрения, слуха и обоняния.

Возможна ли такая неприкосновенность?

Безусловно.

Теперь, зная, что неприкосновенность физической личности возможна, и зная, в чем она состоит, перейдем к разбору духовной неприкосновенности личности.

2) Что такое духовная личность, что такое неприкосновенность ея, возможна ли она?

Духовная личность—это тот политический, моральный, религиозный, житейский облик человека, который каждый носит в своем физическом теле и который в каждом живом существе вырабатывается в борьбе за существование.

Духовная личность людей столь же разнообразна, как и их физическое строение. В духовной своей сути индивиды почти столь же различны, как и в физической. В духовном отношении каждый человек представляет из себя ту или другую фигуру.

Как в физическом отношении попадаются разнообразныя фигуры, начиная с безформенной грубой массы и кончая тонко-выточенными, так и духовныя фигуры людей могут быть разнообразны.

Духовныя фигуры людей могут быть и тупыми, неподвижными, апатичными; могучими, твердыми или тряпичными; огненно-пламен-

ными и еле тлеющими, фанатичными и индифферентными; властными и рабскими... и т. д.

Словом, каждый индивид представляет из себя своеобразную фигуру в мире воли, ума и страстей, в среде религиозной, политической, моральной и житейской.

Вот что такое духовная фигура, живущая в каждом из них.

Если бы духовныя личности могли иметь физический облик, то нам представилось бы великолепное зрелище красоты, гения, подлости и мерзости.

Например, властныя черты нашего характера имели бы грозныя фигуры. Робость представлялась бы в виде собаки с поджатым хвостом.

Чехов в одном из своих разсказов пробовал себе представить фигуру самолюбия—и облек ее в отвратительную внешность безформенной гигантской величины.

Итак, под духовной личностью нужно понимать те моральныя, политическия, жизненныя фигуры, которыя каждый из нас представляет. Зная теперь, что такое духовная личность человека, скажем, в чем выражается неприкосновенность ея.

Неприкосновеность нашей духовной личности заключается в незатрогивании нашего духовнаго "я"*).

Подобно тому как я не имею права ощупывать физическое тело ближняго, так точно я не имею права делать предметом своей деятельности духовную личность человека.

Само собою разумеется, что ругательство, поношение нашей личности не допускаются неприкосновенностью, точно так же, как

---

*) Вполне понятно, что в тесном кружке близких знакомых и друзей, с согласия другого, допускается взаимокритика.

Само собою разумеется, что духовное "я" другого неприкосновенно лишь до тех пор, пока оно соблюдает неприкосновенность моей личности; но раз оно разбирает меня, ругает, бьет, насилует и подавляет, его должно клеймить. Всякаго насилователя должно прибить к позорному столбу.

Думаю, что в читателе не должно вызвать недоумения право разбирать и критиковать людей, раз они выступают публично, ибо в публичном выступлении ведется своего рода беседа, разговор, которые предполагают согласие критики. Поэтому — право каждаго отвечать публичному выступителю, и к нему не относится неприкосновенность. Неприкосновенность относится только к невыступающему.

В виду всего сказаннаго, "не вреди" в духовной сфере имеет такой смысл: **не затрогивай личности другого, если она не дает на то своего согласия, если она публично не выступает,** если она не нарушает твоей духовной неприкосновенности.

физическая неприкосновенность запрещает не только ощупывание тела другого, но и побои. Оскорбления к духовной личности имеют такое же отношение, как побои к физической.

Чтобы быть понятнее, поясню нарушение духовной неприкосновенности личности примерами.

Вообразите себе двух писателей.

Один из них сделал сюжетом своей работы **конкретную** личность человека, скажем Иван Иван. Иванова, озаглавив свою работу: жизнь и деятельность Иван Иван. Иванова.

В этой работе писатель описывает, как Ив. Ив. встает, потягивается в постели, с какими приемами пьет чай, в каком костюме ходит; далее он касается его походки, фигуры и, коснувшись интимной стороны его жизни, заканчивает описание разбором его политической, моральной и религиозной физиономии*).

В этой работе идет сплошное наступление на "я", каждый штрих пера— удар по лицу, по духовной личности человека.

Возьмем теперь другого писателя, целью котораго является показать, что демократия — зло, религия — ложь, любовь — кабала.

В этой работе на "я" не сделано ни одного нападения. Сюжетом служит **не личность другого**, а отвлеченныя идеи, общее достояние всех людей.

В этом втором исследовании различным индивидам критика религии, демократии может быть неприятна, но это уж другое дело не имеющее ничего общаго с этими индивидами. Здесь индивид имеет дело с отвлеченными идеями, здесь индивид не нападает на данную конкретную личность, не разсуждает о нашей личности, а работает над чистыми идеями.

Поясню еще одним примером эту разницу между чистыми идеями и конкретною личностью человека.

Понятна ли вам разница между красотою моего тела и вообще красотою.?

Если вам она понятна, то вам понятна будет разница между нападкой на духовную личность человека и разсуждением об отвлеченных идеях.

Неприкосновенность моей личности запрещает говорить о красоте **моего** тела, но каждый человек имеет полное право говорить **о красоте вообще.**

---

*) Здесь опять-таки говорится об описывании меня без моего на то согласия. С разрешения другого вы можете писать какую угодно биографию.

Помня эту разницу, попробуйте провести параллель между **моими политическими взглядами и вообще политическими идеями**, между моими религиозными взглядами и вообще религиозными взглядами, между моими житейскими представлениями и вообще житейской философией.

Если вы проведете параллель, то увидите, что неприкосновенность личности запрещает касаться лишь меня с моим миром, говорить обо мне, как демократе или хулигане*), словом, говорить о моей **политической фигуре**; тогда как говорить вообще о политике она дает вам широкую свободу и т. д.

Словом, каждый может играть какими угодно идеями, поднимать ся мыслью на какия угодно выси, подобно тому, как каждый может куда угодно карабкаться своими физическими органами, лишь не трогая физической личности другого.

Как я не имею права карабкаться на спину своего ближняго, так я не имею права карабкаться на его внутреннее "я", т. е. разбирать и критиковать его**).

На эту разницу прошу обратить особое внимание.

Нарушением неприкосновенности "я" является разбор нечистых идей, а **меня, как носителя известных идей, меня, как отдельной конкретной личности.**

Надеюсь, что приведенные примеры выяснили, что надо понимать под неприкосновенностью духовной личности в смысле "ощупывания ея". Но мы уже видели, что духовную личность не только можно "ощупывать", но и оскорблять, напр. ругать, издеваться...

Приведем несколько примеров для пояснения и подобнаго рода вреда. В смысле нападения на нашу духовную личность нас трогает гримаса, но не скучный и печальный вид; показывание кулаков, но не свободное махание руками при ходьбе; похвальба голым телом, но не вообще нагота; топанье на нас ногами, но не шум от шагов; грозный окрик, а не пение, веселящее душу певца; разбор нашей личности, а не простой разговор.

Возможна ли такая неприкосновенность? О, да! Не только

---

*) При публичном диспуте, напротив, долг каждаго человека вскрыть истинную суть противника, дабы не дать ему возможности увлечь за собою массы, одурманив их.

**) Здесь надо опять помнить, что идет речь не о насильниках, а о лице, держащемся принципа "не вреди".

Насильников же, как мы сказали, должно клеймить.

возможна, но и необходима.

"Возможна она — это верно", возразит мне читатель: "но эта возможность неосуществима, ибо люди всегда будут нуждаться в познании характеров и взглядов друг друга, а потому и в необходимости взаимнаго критическаго разсмотрения".

Не понимаю, почему вы думаете, что наша теория запрещает узнавать друг друга. Напротив, она дает полную возможность узнать друг друга. Она говорит: сойдитесь с человеком, толкуйте с ним о взглядах, узнавайте его на деле.

Из всего сказаннаго ясно, что неприкосновенность личности запрещает не все действия, а лишь те, которыя вольно или невольно делают об'ектом нашу духовную и физическую личность.

"Не вреди", конечно, запрещает нам трогать тело и душу другого, но и другому нас, как бы ему этого ни хотелось, трогать не дозволено.

Повторим, ради ясности, вкратце результаты нашего анализа о неприкосновенности физической и духовной личности.

Люди при своих сношениях не могут не касаться друг друга. При встречах каждый затрогивает личность другого — это верно, но это неизбежный закон жизни.

Раз люди будут жить в обществе, то они будут раздражать друг другу нервы.

Но есть раздражения, касающияся нашего нравственнаго и физическаго "я", есть не касающияся.

Если первыя мы назовем активными, а вторыя самопроизвольными, пассивными, то пассивныя раздражения есть закон совместной жизни, они неизбежны в силу нашей телесной организации и природной среды, они суть продукты законов вселенной.

Пассивныя раздражения, причиняемыя людьми, аналогичны раздражениям наших нервов воем ветра, свистом бури, ревом волн, тихим дуновением ветерка, нежным щебетанием птиц... пассивныя раздражения, причиняемыя людьми, неотличимы от пассивных раздражений природы и животнаго царства. Они одного характера и вполне с ними тожественны, вполне с ними сливаются. Другое дело —активныя раздражения. Они—продукт воли людей. Они неизбежны, в них только выражается посягательство на личность другого, тогда, как в пассивных раздражениях проявляется свободное действие каждой личности, безусловное проявление ея индивидуальности, действующее на нас лишь в силу несовершенства нашей природы, вос-

принимающей впечатления, не направленныя на нас.

Ну, пора перейти к анализу 3 и 4 пункта. Я говорю—перейти к анализу 3 и 4 пункта сразу потому, что они говорят об одном и том же, а потому их удобнее разсмотреть вместе.

Из нашего анализа личности мы видели, что наше "я" представляет из себя не только физическую и наравственную личность, но и служит еще источником живой энергии. И эта энергия такая же моя суть, как физическая и нравственная личность.

3) Разсмотрим же, что такое живая энергия и как ей можно вредить?

Энергия нравственная и физическая — это сила, это движение, которыя заложены в организме человека.

Вредить энергии можно двояко: "истощать ее и мешать ее движению".

Поэтому, во 1) "не вреди" запрещает истощать энергию другого, требует ея неприкосновенности.

Под неприкосновенностью энергии единственно, что можно понимать, так это право каждого человека на свой труд.

Энергия принадлежит мне, и другой не имеет права присвоивать ее себе*).

Сознательное или **безсознательное** пользование чужим трудом недопустимо. Никто не имеет права смотреть на нашу силу, как на свою собственную.

Поэтому, во 2) "не вреди" запрещает препятствовать проявлению и движению моей энергии, распоряжаться ею**).

Границы движения энергии, конечно, определяются неприкосновенностью физической и духовной личности другого ибо, если я преступлю эти границы, то скую проявление энергии другого, чего принцип "не вреди" не допускает.

---

*) См. второе примечание.

**) Неприкосновенность энергии запрещает, конечно, пользоваться энергией другого без его на то согласия; но если другой хочет позволить это, то он может ею пользоваться, но пользование энергией должно быть эквивалентное; в противном случае будет происходить истощение организма.

Неприкосновенность энергии для нас, конечно, обязательна лишь до тех пор, пока она не направилась на нашу физическую и духовную личность. Если она на нас направлена, то мы имеем право ее сдавить, так что под "не вреди" в этой сфере надо понимать — неприкосновенность энергии лишь до тех пор, пока на пользование ею не дано согласия, и пока она движется в границах неприкосновенности физической и духовной личности людей.

На основании свободы движения, каждый может думать о чем хочет, приводить в исполнение свои желания—и никто не в праве препятствовать мне поступать так или иначе. Каждый имеет право группироваться для экономических, политических и прочих целей.

Отречение от своих прав, отдача себя в руководство другим, запрещение свободнаго проявления индивидуальности, всякая регламентация будет считаться с рассматриваемой точки зрения вредом.

Словом, "не вреди" запрещает мешать всякой деятельности, если она не касается физической или духовной личности другого человека и не эксплуатирует его труда.

Теперь анализ "не вреди" закончен, остается лишь свести воедино все сказанное и формулировать то, что мы будем понимать под вредом во всем его об'еме.

Не вреди—это не стесняй движения энергии другого человека, если она не касается твоего чувства осязания*), не делает твою духовную личность предметом своего изследования и не эксплуатирует твоего труда.

Не вреди—это не дозволяй стеснять другому движения своей энергии, если она не касается его чувства осязания, не делает предметом своего изследования его духовную личность и не эксплуатирует его труда.

В заключение этой главы разберем еще один пример, могущий вызвать сомнения в вопросе об энергии.

Положим, что кто-нибудь, купаясь в реке, безрасудно выплыл на ея средину и вследствие судорог начинает тонуть, моля о помощи.

Будет ли вредом с моей стороны, если я вздумаю по каким-либо соображениям отказать тонущему в помощи, или, наоборот, вред заключается в притязании на помощь?

На первое предположение—ясный ответ. Человека в реку бросил не я. Значит, не я наношу ему физический вред, а сам себе он; значит, отказ в помощи не будет вредом, как мы его определили; наоборот, требование помощи есть вред для меня, ибо этим выражается притязание на мое "я", на мою силу, которая принадлежит только мне и на которую никто не смеет иметь притязания без того, чтобы не обратить меня во вьючнаго верблюда, в раба...

В притязании на помощь есть уже посягательство—и индивид должен с ним бороться.

---

*) С теми пояснениями, которыя сделаны нами в примечаниях.

ГЛАВА V.

Верна ли найденная нами разграничительная черта?

Чтобы читателю был ясен ответ на этот вопрос, дадим ему критерий верности.

Критерий правильности или неправильности разграничительной черты состоит в следующем: критерий должен дать свободу движения индивидам.

Дает ли найденный нами принцип—не вреди, не эксплуатируй и не стесняй энергии другого человека, если он не касается твоей физической и духовной личности — свободу движения индивидам?

Безусловно.

Наша разграничительная черта отделяет одного индивида от другого в его движении, так что они могут двигаться не прикасаясь друг к другу, не задевая друг друга.

Наша черта дает нам возможность выделить индивида, как атом, от всех остальных, и иметь только с ним дело.

Для постройки типичных отношений нам и нужен такой индивид-атом.

Складывая, комбинируя, соединяя по своей воле таких атомизированных индивидов, мы получим различные типы.

Итак, разделительная черта, взятая нами, верна; приступим же теперь к описанию всевозможных типов, какие только могут сложиться между людьми.

* * *

ГЛАВА VI.

Первый тип отношений: "я — ничто".

"Жизнь трудно сносить, не говорите мне таких нежностей: мы все представляем из себя достаточно хороших вьючных ослов и ослиц". (Нит. "Зар.", стр. 71).

* * *

"Что такое тяжесть? — вопрошает выносливый дух, становится, как верблюд, на колени и хочет, чтобы хорошенько навьючили его. Герои! в чем наибольшая тяжесть? — так вопрошает выносливый дух — чтобы я мог взять эту тяжесть на себя и радоваться силе своей". (Нит. "Зар.", стр. 41. Пер. Антоновскаго).

* * *

Вступление.

Тип "я—ничто" получится тогда, когда индивид перегнется за "не вреди" в сторону рабства и кабалы, когда он станет в такия отношения, в которых он будет играть роль средства, материала, рабочей силы в руках другого при всех с ним жизненных сношениях.

Чтобы ясно понять этот тип, нужно отличать **отношение и волю.**

Отношение—материальный факт, а воля—психологический.

Отношение в этом типе таково, что человек фактически не располагает ни своею волею, ни своею силою; другие им вертят по своей воле; во всем и всюду при таком фактическом отношении индивид—раб и вассал.

Воля же в этом типе может быть различна. Она может совпадать и нет. Другими словами, индивид может сочувствовать и не сочувствовать тому типу отношений, вступить в который обязала его жизнь.

Однако, характерной особенностью этого типа является санкционирование своей приниженности, одобрение того фактическаго отношения, в котором стоит индивид. Это об'ясняется тем, что психология приспособляется к типу отношений.

Помня, что индивид сочувствует тому, чтобы воля и энергия его переходили в тело другого, помня, что идеалом такого индивида является подданство, рабство и моральная кабала, приступим к детальной характеристике типа.

* * *

Моральное отношение.

В моральном отношении человек, исповедующий описанный тип, признает неравенство других, неравенство "ты" перед "я", т.-е. перед собою.

"Я" при таком типе обыкновенно приносит в жертву "ты" все свои силы, все свои стремления, все свои склонности, все свои желания.

Где происходит конфликт между "я" и "ты"—"я" скромно уступает свое место "ты", жертвуя даже самым дорогим для себя.

"Ты" в глазах "я" является священным и неприкосновенным. Себя же "я" считает слугою "ты" и пресмыкается у его ног, как подобает слуге.

Всего страннее в этом отношенси "я" к "ты"—это то, что "я" чувствует и сознает все свое ничтожество перед "ты" чувствует и сознает правоту "ты", признает и уважает его притязания.

Смешно бывает смотреть на "я", когда оно иногда осмеливается подумать о себе и своих правах: потому смешно, что оно тотчас же раскаивается, начинает плакать, стонать, упрекать себя в пустом эгоизме и не успокаивается до тех пор, пока не искупит своей вины, пока не почувствует на себе ног "ты". Итак, всю свою жизнь "я" служит верою и правдою своему грозному "ты", принося ему в жертву молодость, прелесть и красоту...

Не правда ли, читатель, какая гнусная картина! Можно ли быть равнодушным? Нет.

Моя душа кипит, мое сердце не может долее выносить подобнаго унижения.

"Я"! бедная, жалкая рабья душа! оглянись на себя, сознай себя и свое "я" и выступи в бой с своим господином!.

Он нахал и любит прикрываться жалостью, но ты не бойся его.

Он ревнив к своим правам, но ты не поддавайся! Иди смело на врага — и ты завоюешь себе свободу.—

Проповедь самоотречения от себя идеально развита в учениях Христа и Будды.

Христиане учат, что "ты"—все, что "ты" должно любить до забвения себя: "если оно (ты) бьет тебя по одной щеке, подставь ему другую; если оно с тебя снимает верхнюю рубашку, отдай ему и нижнюю".

Буддисты идут еще дальше.

Без дальнейших слов позволю себе привести отрывок из беседы

Будды с Пурною, идущим проповедывать к варварам буддийское учение.

—Это люди жестокие, гневные, свирепые, дерзкие, — сказал ему (Пурне) Будда.—Если они станут грубо оскорблять тебя, что ты скажешь?

—Если они меня обидят, я скажу: это, должно-быть, добрые люди: они оскорбляют меня, но не бьют и не бросают камни.

—Но если они станут бить тебя кулаками, что ты скажешь?

—Я скажу, что это добрые люди, кроткие; они бьют меня кулаками, а не палкой и саблей.

—А если они станут палкой, саблей бить тебя?

—То я скажу: это добрые люди, кроткие; они бьют меня саблей, палкой, но все же не убивают совершенно.

—А если они убьют тебя, то кем они будут?

—Они будут добрые люди, кроткие: они разом избавили меня от бреннаго тела.

—Иди, иди, Пурна, в страну варваров! ступай, освобожденный! освобождай, утешенный! Ты достиг нирваны, веди туда других!

Последовательность в жизни трудна, а потому не все сторонники этого типа отношений так чисто проводят моральное подчинение "я"—"ты".

Некоторые останавливаются на полдороге. Но подобная нелогичность нас не должна смущать в вопросе, куда отнести такия теории. Все теории, которыя в той или другой степени хотят подчинить "я" — "ты", принадлежат к этому типу. Они хотят "ты" возвысить на счет "я".

Все эти теории, как чистыя, так и полудорожныя, любят прикрываться разными жалостливыми мотивами, но пусть они не проникнут в твое сердце, дорогое "я". Знай, что они приправлены ядом.

Ты легко их отличишь по следующему признаку.

Всякий моралист, который будет тебе говорить, что ты создан для пощечин и плевков другого, который будет тебя звать к продаже своей совести, отдаче своей чести ради ближняго—твой враг.

Не дай навьючить на себя такой тип отношений, а самое главное—не проникнись им и не стань добровольным вьючным животным, рабом, ибо тогда ты загубишь себя совсем. Бери пример с тех, которые стремятся порвать моральную кабалу, выбиться из-под гипноза "ты"....

Ты сам личность.

Принципом такого отношения одного человека к другому в моральной сфере является **любовь.**

Многие из читателей, наверное, не согласятся, что любовь есть синоним самопожертвования; таким скептикам советую прочитать следующий анализ любви, сделанный нашим знаменитым философом Соловьевым.

Отв. начала, стр. 46: "Никого не оскорбляй и всякому помоги по силам. Это **верховное** нравственное правило не ограничивается отрицательным требованием никому "не вреди", но содержит в себе и положительное требование "всем помогай", т. е. оно требует от нас не только того, чтобы мы сами не наносили другим страдания, но также и, **главным образом,** того, чтобы мы освобождали других от всякаго страдания, и **не нами причиненнаго и от нас не зависящаго;** и так как здесь не может быть никакого внутренняго ограничения (ибо здесь, очевидно, чем больше, тем лучше ограничение "по силам", сколко можешь, относится лишь к физической невозможности исполнения, а не к нравственной воле), то окончательный смысл этого положительнаго нравственнаго принципа, указывающий последнюю цель нормальной практической деятельности и высшее нравственное благо или добро, может быть точнее и определеннее выражен так: стремись к освобождению всех существ от всякаго страдания, или от страдания, как такового".

* * *

Политическое отношение.

Суб'ект, ставший на точку зрения: "я—ничто"—и в политическом отношении не может представлять из себя ничего другого, кроме как раба.

Что такое раб, что такое рабство в политической сфере?

Рабство—это такое состояние, такое отношение одного человека к другому, когда человек не имеет никаких прав, когда все дела касающияся его, решаются не им, а так, как хочет другой; словом, когда индивид является лишь пешкой, игрушкой в политических замыслах другого.

Такое политическое отношение одного к другому называется политическим рабством, а человек, **находящийся*)** в таком положении—раб.

Воля же человека, находящагося в рабстве, как и в морали,

)*Обращаю ваше внимание на положение, а не на волю.

может быть двоякою—или находиться в гармонии с таким состоянием, или итти с ним в разрез.

В первом случае у нас будет добровольный раб, во втором—непокорный.

Как и в моральном отношении, лицам попавшим в политическую кабалу, свойственно ея прославление; исключения редки, а потому все свое внимание мы отдадим разбору только этого типа—добровольнаго раба. К тому же для наших практических целей он только нам и нужен.

Добровольный политический раб—фанатик. Он дышит и живет самопожертвованием, самоотречением.

Отказ от своих политических прав, от своего политическаго самоопределения — для него святой долг.

Став на такую точку зрения, индивид уже не чувствует за собою права решать **самостоятельно** вопросы, касающиеся его, индивид уже не смеет иметь своих взглядов, своей воли, своих мнений и желаний в политических вопросах, — отбросы большинства — вот его пища!

Что решит, что скажет "ты"—то свято, то верно, хотя бы это решение легло на него железным ярмом.

Но разве можно разойтись с "общим" благом? И индивид предпочитает самостоятельному мышлению "быть уговоренным против убеждения и покорно нести ярмо общественнаго благополучия"*).

Как в нравственной области "я" признавало свое ничтожество, так и в политической оно не смеет думать о себе — и желает, и стремится подчинить всю свою жизнь разуму и воле "ты".

А "ты"? А "ты", в то время, как "я"так униженно и смиренно ползает у ног его, чувствует свою мощь и силу, но, как все тираны, редко любит говорить открыто. Оно любит больше прикрывать свой голый эгоизм, свое насилие над "я", свое навязывание ему мыслей, убийство его совести прекрасными словами: "общее благо." "общий интерес"', "общество", "благо общества" **).

О, бесстыжее "ты"! Как хорошо ты знаешь душу людей, их сла-

---

*) Цитата из Руссо.

**) Позволю себе привести несколько образчиков такого шипения сторонников самовластия "ты" в политической сфере.

Сисмонди: "Как бы ни была ценна жизнь индивида, жизнь государства еще драгоценнее; вследствие чего общество уполномочено жертвовать частью ради целаго". (Не мило ли?)

бую струнку. Но напрасно ты прикрываешь свои гнусности разными прекрасными словами: "я" видит тебя насквозь, "я"видит созданные тобою миражи, "я" видит, что общество не реальность, что общество фикция, твой вымысел, призрак, что общество это есть "я" — "ты"... я—ты... я... ты... я... ты...

Да, тиранческое "ты"! Нет общества помимо нас, конкретных личностей.

Когда "ты" говорит: "общество хочет, чтобы "я" жертвовало всем в его (общества) пользу — то ты лжешь, ибо это само "ты" с одинаково думающими другими "ты". Это "ты" хочет с своими одномышленниками взять под опеку мое "я". Ведь общество состоит "я" и "ты"—и раз мы хотим разнаго, то ясно, что хочет не общество, а многия "ты".

Твое коварство, "ты", уже раскрыто. Не прикрывайся, не притворяйся—"я" все уже видит.

Скажи, дорогое "я", что ты все видишь и знаешь, скажи, что ты свои дела само можешь лучше решить; скажи, что у тебя есть свой ум, свои идеи и свои мысли; скажи, что все понимаешь!

Что же ты молчишь? Где твоя энергия, где твое сознание, где твоя индивидуальность? О, как ты мне противно сейчас, "я"! Где твоя воля? Где твоя особенность? Взгляни на себя, ты обращаешься уже в стадное тупое животное.

Говори же, говори...

Смотри, смотри, "ты"!—вот "я" подымается. Слушай, что оно тебе скажет: "Ты"! Я понимаю все не хуже тебя. Я не хочу больше тебя слушться. Я требую, чтобы ты меня оставило в покое. Я не врежу тебе, я не трогаю тебя — и я в свою очередь не дам тебе больше врываться в мою жизнь, регулировать ее по твоему усмотрению, по созданному тобою шаблону, издавать тебе надо мною законы. Брось свои прекрасные слова! Теперь ими ты меня не одурманишь! Да здравствует свободный индивид! Не иди, индивид, за теми, кто тебя будет вести к политическому рабству, т. е. к передаче другим прав решать все за тебя".

Анри Мишель, стр. 569: "Древние смотрели на гражданина как на вещь, принадлежащую государству". (Откровенно!).

Бональд: "Человек существует только для общества: общество формирует его только для самого себя".

Токвиль: "Моральное влияние общества основывается еще на том принципе, что выгоды большаго числа (торгаш!) должны предпочитаться выгодам меньшаго".

Практически индивид может признать над собою власть или одного "ты" или многих "ты".

Консерваторы, напр. делегируют свою власть одному, прогрессисты же требуют себе коллективнаго повелителя.

В демократии я даю право верховенства над собою многим "ты".

Многие "ты" распоряжаются моею судьбою, моею жизнью, моею свободою. Что скажет эта новая княгиня Марья Алексеевна, то для демократа закон.

Первая добродетель демократа — это подчинение воле большинства*), и большинство каждаго своего неофита встречает многознаменательным вопросом: "будешь ли подчиняться мне?—И демократизировавшееся "я", как истый демократ, браво отвечает: "да, дорогое многоголовое "ты!" приказывай, я буду твоим рабом, твоим ребенком, глупым и несовершеннолетним; бей, учи меня, насилуй мою совесть — я изменю свои мнения, буду без ропота "нести ярмо общественнаго благополучия"; больше,—я не буду совсем иметь своих мнений, если тебе они не нравятся: я атрофирую их".

Руководящий принцип — **подданство.** Форма — монархия, демократия.

* * *

Экономическое отношение.

Индивид, выковавший свою скрижаль: "я—ничто", в экономическом отношении может быть только рабом.

Что такое раб и экономическое рабство?

Рабство—это такое отношение между людьми в экономической среде, в котором происходит без'эквивалентное истощение организма, —а раб—тот, кто не получает эквивалента.

Воля раба может оправдывать такой акт расточения его сил или возставать и возмущаться.

Само собою разумеется, что будет ли человек, находящийся в отношении рабства, возставать против этого или находить свое рабство нормальным явлением, он все-таки останется рабом.

Мы разберем добровольнаго раба в экономической среде. Добровольный раб стремится стать холопом одного или многих "ты". Он стремится отдать им все свои силы, все способности своей души.

---

*) Интересно, что поповство всею душою льнет к демократии.

Послушайте, напр., Биомеза: "принцип **народовластия** прежде всего принцип католический в том смысле, что он предписывает **каждому повиноваться всем.**

Раб не может видеть, не может даже подумать, как можно работать для себя, а не для другого.

По его мнению, безнравственно тратить силы на себя, когда можно отдать их на служение ближнему, когда ближнему можно облегчить несение его креста.

Идеалом такого отношения к ближнему является полная отдача всего своего труда, полное забвение самого себя, и безграничное служение своим новым господам, "страждущим" ближним, делается мечтою такого маниака.

Однако в жизни мало таких сильных и огненных натур (вернее— изуверов), чтобы отдать совсем свое тело ближним, а потому полное рабство, полное закабаление себя на службу ближнему непопулярно. Редко кто осмеливается проповедывать его. Большинство проповедует лишь полуограничение себя, и то не в пользу одного господина, а многих "ты".

Такое же течение мы отметили в демократии.

Проповедь полуограничения вы всюду встретите в разной форме — то в форме неорганизованной анархической, то в форме организованной, иерархической....

Приведу несколько образчиков таких проповедей:

"Наш долг — помогать ближнему, поднять его в комфорте, в наслаждениях и удовольствиях до себя".

"Ты, широкоплечее "я", должно понимать, что твой ближний имеет такие же права на жизнь, как и ты само".

"Чем виновато "ты", что оно слабее тебя, "я"? Ты, "я!", ради его слабости должно жертвовать собою экономически. У "ты" много детей, ему их по сравнению с тобою трудно кормить—будь их отцом. У "ты" большия потребности, самому ему их трудно удовлетворить —подставь свои широкие плечи. "Ты" не хочет работать больше тебя для своего прокормления, но само себя в такое же время не может прокормить—помоги ему, поделись с ним. Служи, служи, "я"! —и ты получишь за это царство земное и небесное".

И бедное, неопытное "я", внимая этим обольстительным речам, бежит на помощь к "ты". Оно не может уже на себя работать, ибо чувствует, что к его счастью проповеди разных шарлатанов примешали крови. Оно бежит к "ты", чтобы взять у него хотя часть работы и взвалить на свои плечи. Оно не может уже выносить, как "ты" чистит само себе сапоги. Оно бежит, вырывает у него работу и само садится за дело.

Бедное "я"! тебе нужен, видно, господин. Я вижу, как у тебя высоко вздымается грудь, когда ты не трудишься на другого.

Ты вздыхаешь, как освобожденный холоп, у которого отняли господина, и которому не на кого больше работать!

"Я"! опомнись, очнись—ты ведь тоже человек. Не давай закабалить себя всем этим ложным речам и крокодиловым слезам!

Не давай себя навьючить моралистам, этим современным погонщикам мулов. Они куют тебе цепи рабства.

Помни меня. Не будь сиделкой у "ты", не давай своего досуга, своего времени, не отказывайся от развития своего интеллекта ради блага ближняго.

Практически проповедь самоотречения в пользу ближняго выливается в новейшее время в разныя коммунистическия теории, проповедующия святость "ты", необходимость для "я" жертвовать своим трудом в пользу "ты".

Прежде чем окончательно разстаться с этой главой, позволю себе дать общую характеристику этого типа отношений и сделать небольшой очерк его появления.

Сущность этого миросозерцания заключается в постоянном самопожертвовании человека в пользу другого, вечное самоотречение от себя: человек подчиняет себя, свой разум, свою волю, свои инстинкты.

Элемент самоотречения в этом типе отношений видит большинство писателей .

Вот некоторые примеры:

Пьер Леру, критикуя христианство, следующим образом перечисляет его недостатки в учении о любви: "отрицание "я" или человеческой свободы; презрение необходимаго святого эгоизма, попрание его нами, насилование природы".

Самоотречение в этом типе отношений довольно резко вскрыто Штирнером: "любя, я становлюсь вассалом". Благо народа не есть мое благо, но только высший предел моего самоотречения". "И только мое дело никогда не может стать вполне моим делом, иначе я прослыву грубым эгоистом. Но разве Бог, или народ, или общество, или человечество, которым я обязан служить, не пользуются моим служением эгоистически? Положим, напр., вы работаете для общества, или для народа, для человечества, жертвуете собою для его будущаго благосостояния—разве общество не пользуется вами для своих, т. е. эгоистических, целей? И кто оказывается в данном случае в выигрыше — вы или общество? Точно так же в выигрыше оказыва-

ется народ и человечество на счет отдельных индивидов, исполняющих по отношению к ним лишь роль **самоотверженных слуг".**

Нитще, по обыкновению, всего резче ополчается против этого типа отношений; он видит в нем **творчество вырождающихся.**

Вот его дословныя слова: "Аскетический идеал возникает из инстинкта защиты и спасения вырождающейся жизни"*).

И Нитше не ошибается, говоря, что этот тип отношений создан вырождающимися.

В своих культурных очерках мы показали, что тип самоотречения от своего "я" есть творчество рабов. Рабы создали этот тип отношений—и от него несет рабским духом.

* * *

ГЛАВА VII.

Второй тип: "я — все".

> Ле-Бон. (110-111): "За бараном признают только одно право — право доставлять своим мясом котлеты для существ, обладающих мозгом большаго размера, чем у него".
>
> Нитше (369 — "Зарт."): "Мой желудок не желудок ли орла — ибо больше всего он любит мясо ягненка?"

Исторически этот тип отношений, эта теория верховенства одной личности над другой, возникал параллельно духу рабства, как мы показали это в наших культурных очерках. Вся мораль грубых феодалов—наглейший эгоизм.

Они—создатели этой новой скрижали.

Популярность же этой ветхой морали в широких кругах возникла лишь в наше время с блестящими работами Нитше.

Резкость и негодование его по отношению к рабам вполне понятны.

Чья душа от их идеала не цепенеет?

Кому не ненавистен и непротивен "тот, кто не хочет никогда защищаться, кто проглатывает ядовитые плевки и злобные взгляды,

---

*) 199 стр. "Цен. Евр. Культ." Нитше.

кто слишком терпелив, все переносит и доволен всем, ибо это характер слуги"?*)

Кому приятно: "все приниженное, надломленное, скудное и рабское, глаза мигающие и покорные, сокрушенныя сердца и та лживая, согбенная тварь, которая целует широкими, боязливыми губами руку победителей"?**)

У кого не вызовет омерзения то "многое внутри человека, очень похожее на устрицу, отвратительную, мягкую, которую трудно схватить"?***)

Кому может нравиться "стадность", сидящая в нас?

Повторим еще раз: резкость и негодование Нитше на рабов вполне понятны.

Но из того, что нам противны рабы, не следует, что мы своим идеалом должны сделать мораль господ, а Нитше впал в эту крайность, став на сторону господства.

Ну, выясним теперь сущность этого типа отношений, проследив его в разных сферах человеческих сношений.

Описывая, мы должны помнить, что в разбираемом нами типе мы, как и в предыдущем, должы различать **волю и фактическое отношение.**

Отношения между людьми в этом типе в различных сферах противоположны первому: там индивид был раб, а здесь индивид в своих сношениях с другими, **в жизни** господствует, гнетя морально, политически и экономически тех индивидов, с которыми соприкасается.

Воля же, как и в первом, может быть согласованной или нет.

Мы же будем разсматривать только гармонические типы, где **отношение и воля совпадают.**

Таким образом тип, разсматриваемый нами, будет страстный антропофаг.

* * *

Нравственное отношение.

В нравственной сфере антропофагическое отношение должно проявиться в превосходстве, в большей ценности "я" перед "ты", в нравственном ничтожестве другого, в отсутствии к нему нравственной обязанности, в игнорировании личности, "ты" в превознесении

*) Нитше. "Заратустра", стр. 366.
**) Там же, стр. 367.
***) Там же, стр. 372.

"я" на счет "ты".

При таком типе отношений целью нравственных поступков "я" является не благо ближняго; а собственное, ничем не сдерживаемое, ничем не ограничиваемое "я". Мое "я" — это идеал, которому все (все "ты") должно служить. Спокойствие, благосостояние "я" должно быть нашей целью. Наше "я" должно сбросить все оковы, которыми его раньше окутывало преклонение перед "ты". Должно служить лишь своему "я". Только своему голосу, своему желанию, своему инстинкту должно повиноваться "я", не считаясь с тем, как это отзовется на ближних. Желания "я" — это закон для него. Оно ("я") священно и неприкосновенно. Во всех вопросах "я" должно считаться лишь с собою, с своею выгодою, со своим благом. Другие, "ты" — ничто, материал для удовлетворения моих страстей. "Я" низводит "ты" на степень орудия. "Ты" исключительно создано лишь для моего блага, Цель и долг его—служить мне. По отношению к "ты" у меня нет никаких обязательств и обязанностей. Я признаю только себя всемирным центром, около котораго все должно вертеться. Желания и стремления мои — мои нравственность и закон. Все, что, существуя вне нашего "я", заявляет притязания на это "я", на определение его содержания, на ограничение и урезывание его самоопределяющагося бытия, все это должно быть стерто с лица земли.

Да здравствует "верховный, самому себе равный, автономный, от нравственности нравов освобожденный, сверхнравственный индивид!"

Да здравствует "вполне автономное, само себе служащее законом, все из себя творящее "я"!

Девизом такого отношения может служить лозунг иезуитов: "все позволено".

Словом, нравственность такого "я" — есть грубейший аморализм, эгоизм...

Практически, такая нравственность поведет к грубой разнузданности, к дикой вакханалии, к нравственной грязи и нечистоплотности...

Убийство, изнасилование, произвол и всякое иное насилие суть выражения такого отношения к "ты".

* * *

Политическое отношение.

В политической сфере этот тип выразится в политическом порабощении одной личности другою.

"Я" при таком типе отношений считает себя политическим центром. Оно не признает за другою личностью права на самоопределение, на физическую и духовную неприкосновенность. Оно только себя считает повелителем, имеющим право по своей воле распоряжаться энергией, телом и жизнью другого человека для осуществления своих политических целей.

Границ и пределов своей власти "я" ни в чем другом не видит, кроме как в своей воле.

Послушайте-ка мечты таких сверх-человеков.

Дадим слово сначала коронованным особам.

Фридрих Барбороса: "делать безнаказанно все что угодно — вот что значит быть государем". "Изволение государя имеет силу закона".

Людовик: "Государство—это я" (не дурно сказано!).

От царей теперь перейдем к мечтам их приспешников (Галлер и Гобс): "Власть государя должна быть настолько абсолютна, насколько можно себе представить это; он создает справедливость и несправедливость; все, что он ни прикажет совершить—хотя бы это было отцеубийство — делается справедливым именно потому, что он повелел совершить его. Он создает истину и ложь; все, что он признает истинным, становится таковым. Он—владыка религиозной и моральной совести граждан; он распоряжается их личностью, имуществом и жизнью; от него одного зависит об'являть войну и заключать мир; он один имеет право отчуждать территорию, составляющую его личную собственность; он устанавливает законы, дарует милости; государственных финансов нет, а есть только финансы самого государя; налог не нуждается в согласии на него подданных. Словом монарх сосредоточивает в себе все государство. Он сам — живое государство".

Не правда ли, читатель, какия чудныя поползновения!

Чувствую, как ты дрожишь от негодования; чувствую, как твои губы произносят: довольно, довольно, довольно сверх-человеков.

Да, довольно уже проводить их перед твоими глазами. Скажем лучше несколько слов о тех последствиях, к которым приведет такой режим.

Без всякого сомнения, у нас воцарится та картина, которую нарисовал народу пророк Самуил, когда народ выбирал себе царя:

"Вот говорит Бог, каковы будут права вашего царя: он запряжет ваших жен и детей в телеги, и оне будут бежать перед его колесницей... Ваши дочери будут варить ему пищу и печь хлеб. Он возь-

мет лучшее из ваших полей... Он возьмет ваших слуг и служанок.. и десятину со стад ваших... Вы будете кричать тогда против царя, котораго выбрали, и Бог не услышит вас".

Словом, власть "я" выразится в подавлении свободы, самодеятельности, в обращении "ты" в жалкаго и тупого раба повелений "я", ко всеобщей мертвечине...

Политическим идеалом такого отношения является самый широкий, безудержный деспотизм, ибо только он дает полное господство над "ты", только он обращает его в безвольную послушную скотину, которою "я" может помыкать по своему усмотрению. Только при нем "я" может развернуть всю свою мощь, все свои инстинкты и проявить свое прирожденное право властелина и единственнаго законодателя. Только он (деспотизм) даст возможность "я" удовлетворить его неномерныя притязания, его безудержный эгоизм и произвол.

Принцип этого отношения—суверенитет "я" или **произвол.**

Форма — монархия, деспотия и прочие виды правлений, ставящих своей целью угнетение.

* * *

Экономическое отношение.

В экономической сфере такой тип отношений санкционирует эксплуатацию одного человека другим.

"Я" при таком типе отношений с энергией и силой другого человека совершенно не считается. Труд, руки, сила других людей созданы исключительно для ублажения желудка "я", а не для собственнаго их прокормления.

Представители сверх'человеков на этот счет не скрывают своих взглядов.

Вот как об этом вопросе беседуют Нитше и Ренан (по статье Вагнера: "Вопросы психологии и философии"): "Неравенство есть необходимое условие прогресса, если угодно самая его цель, поскольку он стремится к созданию высших форм, ибо эти высшие формы нуждаются в низших, как в своем материальном условии существования, и должны **подчинять, порабощать** их себе. Материальный труд есть и должен быть рабом умственнаго и духовнаго труда, **низшия расы должны быть рабами высших**; позволительно также прибегать к кнуту, чтобы заставить их строить пирамиды, позволительно быть тиранами, чтобы доставить духу торжество"*).

*) Ренан.

"Только здоровые телом и душою, сильные и счастливые, истинные аристократы могут со временем произвести высший тип людей. Эта истинная и **здоровая аристократия примет с чистою совестью жертву множества** людей, которые для ея блага должны быть низведены, как люди несовершенные, к рангу рабов и орудий*)"

В этой же статье Нитше, обрекая массу на участь рабов и орудий, над которыми все дозволено, до "неумолимой жестокости" включительно, — человек должен быть неумолим и свободен от всяких цепей, — выражает сожаление, что из европейскаго рабочего нельзя уже **получить** (милое выражение!) "китайскаго типа".

Рабство будет экономическим идеалом такого миросозерцания, ибо только оно одно дает полное господство над трудом другого. Целью "я" в экономической сфере будет выжимание, высасывание соков из "ты", обращение его в рабочее вьючное животное.

В крайнем случае, подобное "я" не побрезгует и просто прибавочной стоимостью.

Принцип — эксплуатация.

Форма — рабство, капитализм...

Дорогой читатель! прежде чем окончательно разстаться с тобою в этой главе, скажу тебе несколько слов.

Вышеупомянутое дикое отношение к личности другого может требоваться в силу различных принципов — в силу естественнаго неравенства людей, ради совершенствования человеческаго типа и произрождения "сверх'человека" — но тебя это не должно смущать: от принципов суть отношений не меняется. Во имя чего бы то ни требовали подавления личности другого — подавление останется. Поэтому все различныя системы, стремящияся к подавлению личности другого — во имя чего бы такое подавление ни требовалось и чем бы ни прикрывалось оно, — ты можешь свести к этому типу.

Нам важна не психология личностей, не то, что оне думают,— оне могут считать себя свободными и быть рабами, — но то фактическое отношение, в которое оне вступают.

Что же касается их доводов и взглядов, что угнетение может создать высшие типы, — то это ложь. Из истории мы видели, что "сверх-человеки" — патриархи, феодалы, делаясь рабовладельцами, обращались в тупиц, под-человеков, а не гениев.

Этот вопрос мы еще раз разсмотрим с **естественной** точки зре-

*) Нитше.

ния в главе о дарвинизме — и я наперед могу сказать, что естествознание подтвердит выводы истории.

Еще несколько слов, и я кончу.

Пусть тебя, читатель, не смущают также доводы сторонников неравенства о том, что неравенство физическое и умственное есть синоним превосходства прав одного над другим.

Сторонники неравенства вообще на выдумки хитры, но при своих выдумках они и останутся, ибо будет ли у нас тот или другой тип отношений, будем ли мы считать людей равными или неравными, зависит не от того, что у одного нос короче или длиннее, не от того, что один больше или меньше изучил, а от **способов производства.**

Там, где люди добывают себе пропитание одним способом производства — там они равны между собою, хотя между ними и существуют различныя способности и различныя силы. Пересмотрите историю — и вы увидите этот закон.

Нас же история, как мы показали в культурных очерках, зовет к одному способу производства, следовательно к равноправию — и у нас уже появилось стремление, быть людьми и только людьми.

Все, чего неравенство умственное и физическое может потребовать логически (не нарушая логики) — это только того, чтобы другие люди не **стесняли проявлений** наших высших способностей, чтобы они нас не уравнивали, чтобы они дали простор нашим силам, но никоим образом оно не требует, чтобы высший сел на спину низшему, помыкал им и задавил свободу проявления его способностей.

Логически из неравенства способностей возникает только **равноправие в пользовании ими:** сколько у меня способностей, таков мой простор, таково количество благ, которыя я получу... У меня больше способностей, — я лучше устрою свою жизнь. У тебя меньше, — ты хуже... Но выводить из неравенства способностей право подавлять чужия способности — это логический скачок.

Поясним это на математическом примере.

Положим, что у меня капитал в 10 рублей, у соседа моего — 5 рублей.

Следует ли из того, что у меня 10 рублей, то, что я могу взять у соседа еще его пять рублей, ибо мой капитал больше?

Нет, — это будет узурпация, это будет нарушение естественнаго неравентсва.

Так и в способностях людских: круг действия индивида пропорционален его способностям, но он ограничивается там, где начинаются другия силы и способности. И потому, повторяю, выводить из неравенства способностей право эксплуатировать другого — есть логический скачок.

В этой главе я приводил вам взгляды нитшеанцев-прометеев, и ни слова не сказал о нитшеанчиках. А между тем, они очень любопытны в своих отношениях к ближним.

Без дальнейших об'яснений приведу вам один отрывочек, очень хорошо характеризующий отношения между нитшеанцами и простыми смертными; из него вам сразу станет понятна фигура нитшеанчика.

"Ему (полевому рабочему) нужна большая свобода. В настоящее время он обязан снимать шляпу перед сквайром: обязан ходить в церковь, в противном случае пастор лишит его вспомоществования от общины; он обязан повиноваться фермеру, иначе с наступлением зимы его выгонят вон из дому"*).

* * *

*) Метеи. 270.

ГЛАВА VIII.

Третий тип: "я" равно "ты".

* * *

"Справедливость стоит впереди равенства; она заключается прежде всего в уважении в других свободы, подобной нашей, и в заботе о ней; понятая таким образом, справедливость должна сделаться основным принципом управления и права"*).

* * *

"В собственном смысле, справедливые неподкупны: они все отдают назад: потому-то их ненавидят любящие"**).

* * *

Вступление.

Тип "я" равно "ты" получится тогда, когда индивид **практически** в своих отношениях с другими **будет** осуществлять принцип "не вреди", не отклоняясь от него ни в ту, ни в другую сторону.

Жизнь реализует этот тип отношений тогда, когда люди в своих сношениях не покидают друг друга; тогда в моральных, политических и экономических сношениях не наслуются ни воля, ни сила, ни счастье индивидов.

Чтобы ясно понять и усвоить этот тип, нужно опять-таки отличать волю и отношение.

Отношение справедливости абсолютно и неизменно: отношение бывает справедливым, когда в жизни мы наблюдаем, что люди поступают так, что других не губят и не губятся другими.

Мотивы же, по которым люди усвоивают себе подобную практику, такой тип отношений, различны.

Здесь мы можем наблюдать самые разнообразные мотивы, начиная с боязни ярма, выгоды и кончая самыми светлыми, самыми чистыми порывами души, преклоняющейся перед величием идеала.

Все грязные мотивы в этом типе преходящи; жизнь в конце концов вырабатывает согласную волю, т.-е. такую, которая беззаветно и безкорыстно ставит своей целью идеал отношений спра-

---

*) Прудон.

**) Нитше. "Цен. Евр. Культ.", стр. 36.

ведливости. А потому, отбросив временное, непостоянное, остановимся на разсмотрении чистаго типа.

* * *

Моральное отношение.

В моральном отношении индивид, сделавшийся сторонником принципа "не вреди", презирает и ненавидит эгоизм и любовь.

Эгоизм противен стороннику "не вреди" потому, что он обращает личность другого в вещь, в бездушный предмет; любовь—потому, что она обезличивает человека, превращая его в "жертвенное животное".

Действительно, чье сердце может забиться от "помогай" рабов и "все позволено" эгоистов.

"Помогай" — значит жертвуй собою, отдавай свое "я" на благо "ты".

"Все позволено" — значит эксплуатируй и гни.

Старыя, ветхия добродетели верблюдов и диких зверей!

Человеку, поставившему своим принципом в моральной сфере "не вреди", чужды как жертва, так и насилие.

Все его силы направлены на то, чтобы провести в жизнь такой идеал, при котором люди поставят своей целью не пить жизни других, но и своей не давать в обиду.

На основании этого, **человек "не вреди"** стремится к равноценности людей: он помнит и уважает свое "я", не дает топтать его в грязь, но и "я" других лиц для него свято. Он не позволяет никому преступить своих прав, но и сам не посягает на права других. Он требует неприкосновенности труда, счастья, личности другого и предпочитает лучше сам умереть, чем дозволить выехать себе на спине другой личности.

Словом, его девизом является: "**не вреди**" другому во имя чего бы то ни было—ни во имя своей жизни, счастья и спокойствия, и **не принимай** жертв во имя чего бы то ни было—ни во имя любви, человечества и всего святого".

Таков великий моральный принцип, котораго требует "не вреди".

В жизни этот моральный принцип носит имя **справедливости**. Для того, чтобы вы лучше поняли смысл справедливости, я сделаю сравнение всех трех моральных принципов: эгоизма, любви и справедливости.

Эгоизм обращается к "я" и говорит: "пей кровь другого".

Любовь говорит к "ты": "жертвуй собою во имя других".

Справедливость же, обращаясь к "я" и к "ты", зовет нас к иному: "не принимай жертв".

Надеюсь, дорогой читатель, что различие между тремя добродетелями тебе теперь понятно.

О высоте же и красоте их ты составишь себе мнение, когда в практической части отвлеченныя идеи мы облечем в плоть и в кровь.

* * *

Политическое отношение.

В политическом строе описываемому типу отношений соответствует политическая равноценность личностей.

"Не вреди" в политической сфере требует уничтожения всякой эксплуатации и энергии людей во время их политической деятельности, уничтожения подчинения одного другому, уничтожения всякой власти, всякаго политическаго господства одной части людей над другою, ибо в этом господстве, в этой власти заключается право одной части человечества регламентировать жизнь, волю, мысли, стремления и желания другой, ибо в этом господстве, в этой власти заключается право эксплуатировать энергию для осуществления своих политических целей.

Но "не вреди" также запрещает и политическое подданство, ибо оно есть самоотречение от своего "я", оно есть отказ от управления собою, отказ от достижения желаемаго, полное самопожертвование своею политическою жизнью в пользу другого и других.

Такой рыхлый тип сторонику "не вреди" противнее тирана-эксплуататора.

Словом, "не вреди" требует уничтожения господства и подданства и их формы государства, в какую бы одежду оно ни было облечено.

Государство—это навязывание воли, командирство: государство — это подданство, торговля своими убеждениями.

"Свободное" демократическое государство еще противнее всякаго другого. Оно лишь прикрывается свободой, но в действительности душит ее в своих холодных об'ятиях.

Прочь, прочь же, мерзкое животное, двоедушная тварь!

Я не дам тебе пожрать себя. Не смей прикрываться святым именем свободы. В тебе я вижу низкаго раба, убившаго своего господина и занявшаго его место. Вместо того, чтобы освободить

своих братьев, ты, надев корону, облачившись в порфиру, взяло в руки бразды правления: кнут, нагайку и законы.

Твое дыхание для меня тлетворно. Прочь! Прочь!

Что же "не вреди" хочет поставить на место господства, подданства и их формы государства?

Политическия ассоциации. Это единственная форма, в которую может облечься принцип "не вреди" в политической сфере.

В ассоциации я не раб и не господин, а простой товарищ!

Ассоциация не эксплуатирует моей энергии и не вяжет моей воли.

В ассоциации я сам все решаю, примыкая к тому, что мне нравится, отвергая то, что мне антипатично; в ассоциации я сам себе господин.

В ассоциации разрешаются все конфликты господства и рабства, цезаризма и подданства.

В ассоциации целиком проводится принцип "не вреди", ибо в ней ни я никого не давлю, ни себе не позволяю вредить.

Принцип—договор.

Форма—политическая ассоциация или анархия.

* * *

Экономическое отношение.

В экономической сфере при "не вреди" отношения между людьми выльются в свободную группировку трудящихся для достижения поставленных ими, экономических целей и неэксплуатацию друг друга при производстве.

Будущим отношением будет совершенно чужда деспотическая организация современнаго капитализма с ея адской эксплуатацией рабочего,— эксплуатацией, выпивающей из него все соки, превращающей его в рабочий скот...

Тут совершается подавление и эксплуатация привилегированными непривилегированных—и это противно.

Но нам не менее чужды идеалы коммунистов, проповедующие чуждую моей воле организацию и санкционирующие эксплуатацию более сильных и здоровых относительно более слабыми и хилыми.

Я говорю, этому типу чужды капитализм и коммунизм потому, что они вводят рабство: капитализм—принудительное, коммунизм—добровольное.

"Не вреди" же требует, как мы сказали, неэксплуатации и свободы организации.

Оно потребует неэксплуатации потому, что, если продукт труда будет принадлежать трудящемуся, то никто не будет жить на чужой спине, пить кровь ближняго и присвоивать жизненную энергию другого, т. е. вредить, а этого-то и требует описываемый тип отношения.

Оно потребует свободной группировки труда, ибо только при ней получится возможность распоряжаться своим трудом по своему усмотрению, возможность каждому устроить свою экономическую жизнь по-своему, ибо только при ней уничтожится насилие над волей, устранятся препятствия для свободного проявления своей деятельности, т. е, вред, а этого-то и требует описываемый тип отношения.

Практически такой строй выльется в свободныя экономическия ассоциации, производящия для себя все необходимое, разделяя труд и соблюдая трудовую стоимость.

Только при такой организации исчезнет дисциплина и кабала

Только при такой организации никто не будет ни пожирать жизни другого, ни сам служить пищей для него.

Принцип: "каждому по труду".

Форма—мутуализм.

* * *

ГЛАВА IX.

Краткое резюме предыдущего.

Надеюсь, что наш предыдущий анализ развенчал прежния теории о нравственности, справедливости, свободе и рабстве.

Теперь представления о них уже не могут казаться нам какими-то вещами в себе, не могут казаться данными нам свыше, не имеющими между собою никакой связи, стоящими над человеком, словом, скрижалями.

Теперь мы уже знаем суть нравственных понятий, вернее—вообще понятий, обнимающих собою все социальныя отношения между людьми.

Мы знаем, что они не что иное, как типы отношений.

Известному типу отношений соотвествуют политическия, экономическия и нравственныя идеи.

Это открытие дает нам возможность пролить замечательный

свет на все наши взаимныя отношения, дает нам возможность установить взаимную зависимость всех сторон человеческой жизни от типов отношений.

Завеса с нравственных понятий спала, так что мы позволим теперь составить себе таблицу разных отношений.

1-му типу соответствуют:

В нравств.	сфер.	— идея	самопожертвования.	Форма	— любовь.
В политич.	сфер.	”	подданства.	”	демократия.
В экономич.	сфер.	”	закабаления.	”	коммунизм.

2-му типу соответствуют:

В нравств.	сфер.	— идея	себялюбия.	Форма.	— эгоизм.
В политич.	сфер.	„	произвола.	”	деспотия.
В экономич.	сфер.	„	эксплуатации.	”	рабство.

3-му типу соответствуют:

В нравств.	сфер.	— идея	равноценности.	Форма	— справедливость.
В политич.	сфер.	”	”каждому по труду“	”	анархия.
В экономич.	сфер.	”	свободы.	”	мутуализм.

Первый тип—отношение рабов. Второй тип—мораль господ Третий тип — идеал свободных людей.

В первом типе — неравенство лиц. Во втором — уравнение. В третьем—равноценность.

Ну, что?

Не правда ли, какая блестящая картина?

Талантливейшие писатели, Спенсер и Милль, предвидели лишь клочок истины. Спенсер в своей ”Справедливости“ дал анализ только одной справедливости.

Деятели французской революции сумели только составить кодекс человеческих прав, но, благодаря отсутствию единаго руководящаго принципа, они у них повисли в воздухе, да и сам-то кодекс получился неполным: в нем отсутствовало главное право, **право неэксплуатации.**

Благодааря такой неполноте, благодаря своей отрывочности, “естественные права” потеряли свою обаятельность.

Социометрия, воздвигая под ними фундамент, пополняя их, выводя правильные, логичные выводы, снова вдохнет в них жизнь и силу!

* * *

ГЛАВА X.

Мотивация и фактическое отношение.

В 6, 7 и 8-й главах нашей работы мы подвергли подробному разбору всевозможные типы отношений между людьми.

В вышеупомянутых главах мы показали попутно, что типы отношений во всех областях состоят из двух элементов: из механическаго отношения одного человека к другому и **воли, соответствующей ему.**

Здесь же мы хотим подробнее остановиться на этой связи и раз'яснить некоторыя недоумения, могущия возникнуть при этом. Для понимания нашей теории такой анализ прямо-таки необходим.

Первый вопрос, который придется нам задать себе,—это вопрос, не впали ли мы в противоречие с нашей теорией, утверждающей, что наши нравственныя понятия и прочия добродетели суть лишь фактическия отношения одного человека к другому, заговорив о какой-то воле, чувстве...

Нет—и вот доводы.

Во 1-х, фактическое отношение подразумевает и известное направление воли, с которым люди вступают друг с другом в сношения; ведь люди—живыя существа, а не марионетки.

Во 2-х, наша теория протестует не против элемента воли, неизбежно входящаго в фактическое отношение, но против суб'-ективных представлений людей о нравственности *)—и только в этом смысле мы отказывались считаться с мнениями и представлениями каждаго человека о дурном и хорошем, а считались лишь с **фактом**, с **—фактическим отношением**; но в фактическое отношение неизбежно, повторяю, входит воля, и признавать ее—не значит

---

*) В основе нравственных, политических и экономических идей лежит **отношение**, а не воля. Не воля делает отношение свободным, эгоистическим, а **факт.**

Воля же только говорит, каков человек.

Например, человек, признающий рабский тип отношений — будет добровольный раб; не признающий, но находящийся в рабском отношении — непокорный раб, но все-таки раб.

То же и в нравственности. Возьмите учение Канта, например. У него нравственный человек насильно тянет себя к добру. Добро же у Канта — есть жертва.

противоречить себе: здесь не вносится ничего суб'ективнаго, сумбурнаго.

Во всем этом мы сейчас убедимся, изследовав ту волю, которая соответствует каждому типу отношений.

Для определения примесей воль, соответствующих каждому типу, мы должны отправиться в историю.

Ну, совершим же эту экскурсию.

Говоря о типах, мы указали причины возникновения каждаго из них. Каждый тип возникал в определенной среде, при определенном способе производства.

Вследствие тех или других причин человек должен был стать в определенный тип отношения

Ставши в него, он, в силу борьбы за существование, должен был выработать и соответствующую психологию.

Так, человек, попавший в господский тип, должен был выработать и "господскую волю". Тип питья крови вырабатывает, в конце концов, в его обитателях "жажду крови": в его душе оседает дух кровопийства, т.-е. эгоизм.

Человек же, принужденный стать в тип рабства, оробевает: у него начинают расти "широкия дрожащия губы", возникает способность ползать на четвереньках у ног господина и лизать его руки, — словом, в душе его кристаллизуется идея жертвы собою, т.-е. альтруистическия чувства.

Наконец, у человека, попавшаго в тип свободы, неизбежно разовьется идея справедливости, идея неприкосновенности личности другого.

Вы меня, конечно, тут перебьете и скажете, что в жизни не всегда замечается подобная симметрия, гармония.

Чем это об'яснить?

Об'ясняется это тем, что в исторической жизни один тип отношений сменяется другим, и пока новый окончательно не выработается, человек живет еще прежней психологией — это период дряблости и раздвоенности, период людей слова, а не дела...

Но этот период не безконечен, и, в конце концов, появляются согласованныя, гордыя и цельныя натуры.

Такова связь между поступками и мотивами, составляющими в сумме фактическое отношение.

* * *

ГЛАВА XI.

Что такое наши нравственныя и общественныя понятия и идеи.

Наш теоретический анализ закончен, остается только сделать выводы из него, сами собою просящиеся на язык.

Приступим же без лишних разговоров к формулировке выводов. Наши нравственныя и общественныя идеи и понятия: эгоизм, любовь, справедливость, произвол, свобода, подданство, коммунизм, рабовладельчество и мутуализм — есть типы отношений.

Типы. Но какие именно?

Мы видели, что все типы распадаются на две группы: на типы гармоничные и на типы дисгармоничные*).

Так какие же?

Очевидно, что не вторые: вторые не могут дать основ для нравственных идей — они половинчаты, несовершенны.

Если не вторые, то остаются только первые.

Да, нравственными типами будут типы гармоничные, чистые.

Таков общий ответ на поставленный вопрос.

Перейдем теперь к частным ответам, т.-е. определим, что такое представляет из себя каждая из добродетелей.

1) **Что такое любовь?**

Любовь — это такое **отношение** одного человека к другому, во время котораго один человек жертвует**) всем своим дорогим в пользу другого или других, стремясь всеми силами души отдать себя в услужение ближнему.

2) **Что такое эгоизм?**

Эгоизм — это такое отношение одного человека к другому, при котором один человек поедает***) жизненные соки другого, поедает притом не просто, но с адским желанием терзать другого.

---

*) Смотри предыдущую главу.

**) Жертвует = отдает свою энергию, позволяет нарушать свое чувство осязания, конкретное содержание своей личности и ничего не имеет против запрещения ему деятельности, которая никого не трогает.

***) Поедает = потреблению чужой энергии, нарушению чувства осязания и конкретнаго содержания личности, запрещению всякой деятельности, не липнущей, с точки зрения "не вреди", к другому человеку.

3) **Что такое справедливость?**

Справедливость — это такое отношение одного человека к другому, когда человек **отказывается** и страстно отказывается брать и не берет*) крови, пота, труда другого, но в то же время не дает и себя в обиду.

4) **Что такое свобода?**

Свобода — это право человека группироваться для достижения своих целей с другими людьми, делать все, что хочешь, не трогая физической и моральной личности другого, не эксплуатируя его энергии и не запрещая прочей его деятельности, которая не касается ни личности, ни энергии моих.

5) **Что такое произвол?**

Произвол — это такое отношение одного человека к другому, при котором один человек регламентирует политическое самоопределение другого, — самоопределение, не касающееся ни физической, ни моральной личности его, не эксплуатирущее его труда и не запрещающее его деятельности в границах "не вреди".

6) **Что такое подданство?**

Подданство — это такое отношение одного к другому, когда один человек отрекается от политической самостоятельности, когда он позволяет обратить себя в орудие, предмет для целей другого — и видит в такой приниженности закон вселенной.

7) **Что такое рабство?**

Это — страстное**) стремление работать под палкой господина и отдавать ему продукт своего труда.

8) **Что такое эксплуатация?**

Это такое отношение одного человека к другому, когда один считает своим абсолютным правом присвоивать труд других, и это право считать священным и абсолютным.

Что такое мутуализм?

Это такое отношение, когда никто из людей не позволяет себе присвоивать труда другого, не дает другому регламентировать свою работу и не эксплуатирет и не регламентирует труда другого.

* * *

*) Не берет = соблюдает эквивалентность энергии, физическую и нравственную неприкосновенность личности и не стесняет свободнаго проявления деятельности, не касающейся физической и моральной личности человека.

**) Я употребляю слово "страстное", ибо истинные рабы любят своих господ: даже в словоупотреблени рабом зовут личность, покорно несущую ярмо господина.

ЧАСТЬ II. КРИТИКА И РАЗ'ЯСЕНИЯ.

ГЛАВА I.

Смешение индивидуальности с индивидуальной свободой.

"Человек не хочет больше, чтобы его организовывали и механизировали". — Прудон.

* * *

Очень многие индивидуалисты смешивают индивидуальность с индивидуальной свободой, хотя между ними существует глубокая разница.

Под индивидуальностью обыкновенно понимают содержание личности. Чем она богаче, разнообразнее, тем индивидуальность выше, ценнее.

Под индивидуальной свободой понимают право индивида на свое самоопределение посреди других людей.

Целью общества должна быть **индивидуальная свобода,** а не **индивидуальное развитие.**

Об'ясним, почему.

Если общество своею целью поставит развитие индивидуальности своих членов, то индивид должен будет отказаться от своей свободы на самоопределение, ибо попадет в лапы общества и нравственно погибнет.

Почему? Да потому, что развитие индивидуальности будет отнято у него из рук и сделается достоянием "ты", многих, "ты".

А они уж выкроят индивидуальность!

Ведь индивидуальность — неопределенное понятие, и потому, если мы развитие ея дадим в руки общества, то рискуем остаться без индивидуальности, обратиться в манекенов.

Сторонники развития индивидуальности — люди опытные и за дело насаждения индивидуальности примутся решительно.

Вот сейчас я позову вам на беседу некоторых.

Нитше, стр. 26. "Уп. Ев. Культ.": "Толпу надо **силой** вести к разуму и бичевать ее ради ея собственной пользы".

"Это значит — построим школы по своему типу и будем набивать головы тем, чем хотим", коварно на ухо об'ясняет мне большинство.

Св. Августин: "Принуждайте вступать в церковь всех, кого встретите".

"Это означает привить людям религиозную индивидуальность", об'ясняет мне большинство.

Пуритане представляют самый типичный образчик таких развивателей.

Слушайте Милля (Милль, "Своб.", стр. 365): "Везде, где только пуритане были достаточно могущественны, как, например, в Новой Англии и Великобритании во времена республики, они везде стремились, и с значительным успехом, к уничтожению всех общественных и почти всех частных удовольствий, в особенности же они преследовали музыку, театры, игры, танцы..."

Бентам: "У общества одна единственная цель: возможно большее счастье возможно большаго числа его членов".

Большинство шепчет мне: "Что за чудный принцип! Вот-то нам простор! Счастье — такое неопределенное понятие, что мы сумеем с несоглсными разделаться так, что они нас долго будут помнить".

Сисмонди ("Пол. Эком.", стр. 234): "В политике критерием является общее счастье. Человек **отказывается от известных прав**, чтобы обезпечить себе известныя выгоды".

Большинство мне шепчет: "Ну, этот оставил далеко позади себя Бентама. Тот хотя стеснялся говорить о правах, а Сисмонди прямо режет, что можно "лишить прав" некоторых индивидов. Дельно говорит. Если бы только можно было "лишить прав" непокорное человечество, тогда бы мы заставили распуститься (!) пышным цветком индивидуальность".

Конт: "Личность обладает лишь относительными правами, даруемыми ей обществом".

Большинство торопливо: "Божественно!.."

Дальше я уже не мог разобрать слов, так как развиватели индивидуальности парализовали мою способность понимания своими клаками.

Прочь развивателей! Человеку надоело уже, чтобы его "организовывали и механизировали".

Развитие индивидуальное — дело личности. Индивидуальная же свобода — дело общее.

Если мы хотим развить в себе индивидуальность, то нам нужна прежде всего индивидуальная свобода.

Индивидуальная свобода даст нам и индивидуальность.

Поэтому прошу читателя не смешивать этих двух понятий и помнить, что нашим принципом должно быть "не вреди", а не разные проекты лишения прав индивида с целью производства над ним разных экспериментов.

P. S. Забыл упомянуть еще о Платоне, а он любопытный развиватель индивидуальности; ниже мы с ним еще встретимся, а сейчас удовлетворитесь одной его мыслью:

"Цель законодательства состоит в развити добродетели **вообще,** а не только в охранении спарведливости".

Не проповедь ли это нравственнаго убийства индивида?

* * *

ГЛАВА II.

Смешение ограничения произвола с стеснением свободы.

Хорошим примером такого смешения понятий являются разсуждения Бернштейна о свободе.

Позволю привести себе один из отрывков, где говорится об этом ("Очерки по социализму", стр. 137).

"Впрочем, лучшей характеристикой предложения голландцев является, может-быть, то, что на устроенном анархистами "свободном" конгрессе председатель **в виду опасности**, связанной с положительным результатом голосования, разрешил лишь **отрицательное голосование...** Оно (социалистическое большинство) оказалось на самом деле более "свободным", чем его противники. Не мы, "марксисты", догматики, а они. Не мы хотим насильно уложить все в прокрустово ложе, а те люди, которые постоянно произносят слово "свобода", но понимают под нею лишь застывшее понятие".

В этом отрывке нам не важна суть беседы Бернштейна, а его отношение к анархистам.

В этом отрывке Бернштейн так и хочет уязвить их... И вот он думает: нашел я у них слабое место — **отрицательное голосование.**

Подумайте, — восклицает он: — голландцы разрешили только отрицательное голосование! О, какое тут подавление свободы! Караул! Караул! Городовой!

Но всмотримся в дело повнимательнее. Подавление ли здесь? Подождите торжествовать, господин Бернштейн, подождите!

Вы немногое упустили из вида: вы забыли, что анархисты не мечтают о верховенстве и генеральских погонах, а потому и не думают навязывать свою волю другим.

Отрицательное же голосование покажет общее настроение, без нарушения свободы всех, без нарушения воли всех.

Итак, кто же в душе замышляет козни против свободы?

Кто? Да сам г. Бернштейн, потому что он **хочет положительным голосованием распластать мою волю на прокрустовом ложе воли большинства.**

Каков же вывод отсюда?

Вывод таков, что свобода не есть право бить, убивать, насиловать волю ближних, а свобода состоит в "не вреди", как мы видели, а "не вреди" требует уважения личности других, требует ограничения произвола.

Положительное голосование — насилие; это право большинства навязывать свою волю индивиду. Отрицательное — свобода, ибо оно ни к чему не обязывает.

* * *

ГЛАВА III.

"Трансформация свобод".

На-днях мне пришлось услышать учение о трансформации свобод, и так как оно способно сбить с толку мало критическаго читателя, то я и решил подвергнуть его своему разбору.

Трансформаторы свобод учат, что человек обладает тремя видами свобод: 1) свободою действия, 2) свободою выбора, 3) свободою хотения.

Свобода действия — это самая примитивная свобода, самая неважная. Это свобода диких людей, действующих рефлективно на впечатления, не разсуждая, не обдумывая.

Напр., если дикаря ударят, то он, не думая, ответит тем-же.

Важнее для человека **свобода выбора**. Эта свобода свойственна цивилизованным народам.

Человек, имеющий свободу выбора, свободнее человека, имеющаго только свободу действия, ибо он может поступать так, как дикарю и в голову не может прийти.

Всего же свободнее человек, обладающий свободою воли, т.-е. **свободою хотения.**

Такой человек свободно может выбирать всякия действия, поступать так или иначе, т.-е. такой человек будет обладать наивысшею свободою.

Например, вместо того, чтобы ответить на удар ударом, как поступил дикарь, человек, свободно хотящий, может великодушно простить врага и т. д.

Так трансформируется свобода действия в свободу хотения.

Такова суть учения.

Что оно имеет общаго со свободою и как мы должны к нему отнестись?

По нашему мнению, это учение не имеет ничего общаго с свободою. Свобода, как мы уже знаем, это такое отношение между людьми, в котором один человек не стесняет деятельности другого, деятельности, не касающейся ни физической, ни моральной личности и не эксплуатирующей его труда.

Следовательно, свобода — это и есть свобода действия, и отказываться от свободы действия в пользу свободы хотения — это значит надевать на свою шею ярмо.

Например, если я в силу какого-либо соображения откажусь от свободы слова, трансформируя ее в свободу молчания, то я буду раб.

Словом, учение о трансформации свобод — это философское учение закабаления индивида обществу.

Учение это реакционно, так как оно стремится дать вместо реальной свободы — цепи, сулит вместо настоящих благ "загробную жизнь".

* * *

ГЛАВА IV.

Господствующее учение о нравственности.

В настоящее время господствует у нас идеалистическое учение о нравственности, говорящее, что поступки нужно разделять на хорошие и дурные, руководясь только мотивами, из которых человек совершает тот или другой поступок.

Поступок — хорош, если он сделан из идеалистических побуж-

дений, от чистаго сердца, например, ради блага людей.

Поступок — плох, если он сделан из своекорыстных мотивов, например, из-за каких-нибудь выгод.

Таково господствующее учение; оно глубоко вкоренилось в наши сердца, так что, чтобы критиковать его, надо иметь большую смелость. Мы не приступили бы к критике, если бы не были глубоко убеждены в его ложности.

В чем же заключается ложь этой теории?

В самом главном, — в стирании пограничной черты между добром и злом.

Эта теория, не считаясь с поступками, обращая внимание лишь на мотивы, санкционирует всякия гнусности.

За примерами далеко нечего ходить.

Идеалист, сосредоточив все свое внимание на мотивах, удивляется нравственному мужеству инквизитора, с спокойным сердцем и душою отправляющаго на костер свою жертву; удивляется добродетелям убежденнаго консерватора, издающаго разныя временныя правила, вводящаго усиленныя охраны и военныя положения; приходит в восторг от жандарма, со рвением выслеживающаго свою жертву — политическаго преступника.

Все это добродетельные, честные и убежденные люди!

Так ли это?

Неужели этих людей можно поставить рядом с искренним борцом за свободу?

Если нет — разве в этом может быть хоть на минуту сомнение — то для классификации поступков на нравственные и безнравственные одних мотивов недостаточно.

* * *

ГЛАВА V.

Утилитаризм.

Это поняли утилитаристы.

Они в своем учении совершенно игнорируют мотивы, обращая внимание лишь на факты, на поступки...

По мнению утилитаристов, поступки нравственны, хороши, если они своею целью имеют благо ближняго, наибольшую пользу всех. До мотивов, которыми руководится субъект, нам нет никакого дела.

нам важны факты, факты и факты, они только имеют нравственную ценность.

С этой своеобразной точки зрения, утилитаристы считают одинаково ценными поступки, совершенные из идеальных или своекорыстных целей.

Например, спасение попавшаго в воду человека из-за денег (т.-е. из-за расчета) или по чистому порыву чувства (т.-е. совершенно безкорыстно) с точки зрения утилитаристов обладает одинаковой нравственной ценностью.

Но это, ведь, абсурд.

Человек расчета и порыва не могут быть равноценны.

К равноценности неравнаго мы пришли лишь потому, что игнорировали мотивы.

В этом лежит грех утилитаризма.

Такой односторонности утилитаристов нечего удивляться: утилитаризм ударившись в противоположную крайность, явился лишь вполне законной реакцией против раньше существовавших ученій идеализма, стремившегося свести нравственность к одним мотивам, к одной воле.

* * *

ГЛАВА VI.

В чем заключается истинное решение вопроса о нравственности?

После критики Шопенгауэра и утилитаристов, после указания недостатков их теорий, легко уже найти истинную точку зрения в вопросе о нравственности.

Истина состоит в комбинировании этих двух теорий, в гармоническом слиянии их.

В нравственном поступке необходимо отличать и принимать во внимание два элемента: фактическое отношение и мотив; поступок будет нравственным только тогда, когда фактическое отношение и мотив хороши.

Эту точку зрения мы приводили выше, сейчас же мы ее лишь еще больше оттеняем.

Жандарм, консерватор, религиозный фанатик не могут быть нравственными лицами, ибо их поступки безнравственны.

Не может быть нравственным и человек, действующий из корыстных мотивов.

Только соединение справедливаго фактическаго отношения и твердой воли дает в результате нравственный поступок.

С нашей точки зрения, нравственным поступком будет всякий поступок, совершаемый по третьему типу, кладущему в основание своего поведения идею справедливости.

Только при третьем типе никто не насилует и не насилуется другими.

Два же прочих типа, по нашему мнению, безнравственны.

* * *

ГЛАВА VII.

Верно ли, что на свете существует только один эгоизм?

Нитше: "я хочу".
Коммунист: "ты должен".
Анархист: "будь справедлив".

Всеэгоизм, — вот лозунг, воодушевляющий не только индивидов из простых смертных, но увлекающий за собою даже философов.

В чем же заключается суть этой теории?

Суть теории проста: всякий поступок, всякое действие потому совершаются людьми, что они им нравятся, доставляют им удовольствие; словом, все поступки совершаются людьми ради себя, ради своего спокойствия, ради своего счастья, а потому они эгоистичны.

С этой точки зрения одинаково эгоистическими поступками будут спасение жизни человека и потопление его.

Не абсурд ли это? — Абсурд.

В чем же лежит причина его?

В игнорировании той истины, что наши нравственныя понятия суть отношения между людьми, и только.

Если вы станете на эту точку зрения, то вы не назовете двух различных поступков одним именем.

Спасение ближняго и потопление его будут два разные по ценности поступка, а потому окрещивать их одним именем невозможно.

В теории эгоизма лежат следующия ошибки.

1) Суть нравственности она видит в мотивах. Это учение —

мотивов, а не поступков, и притом мотивов не чистых, а грязных.

2) Благодаря тому, что теория эгоизма не приняла во внимание отношений между людьми, она и с мотивами справиться не сумела, сводя все многообразие мотивов к одному только эгоизму.

А между тем учение о типах дает возможность вполне развить и учение о мотивах.

Сообразно трем типам отношений существует и три рода мотивов — эгоистический, альтруистический, эквитарный*).

Мы видели, как эти три рода мотивов возникают в исторической жизни: создается известный тип, и наша психология стремится к нему приспособиться.

Типичныя отношения дают нам также возможность точно определить суть этих различных мотивов.

Эгоистическим чувством мы будем **называть такое чувство,** которое **стремится поесть чужое "я", стремится терзать его.**

Вот эгоизм! А спасение ближняго? — тут эгоизма никакого нет.

Альтруистическим чувством мы будем называть стремление отдать себя другим.

И то, и другое чувство — реальны. Жизнь развивает их.

Альтруизм не творит зла не потому, что не может, а потому, что не хочет, когда бы мог даже.

"Все эгоисты" с нашей точки зрения—грязные люди, раздвоенныя натуры, переламывающияся.

Наконец, эквитарным чувством мы будем называть такое чувство, которое не хочет ни себя дать в обиду, ни другим причинять зло.

* * *

ГЛАВА VIII.

О сверх'человеке Нитше.

Идеалом Нитше является сильный, могучий человек, у котораго воля и дело не расходятся.

У сверх'человека Нитше нет раздвоенности, нет колебаний — он сильным, резким шагом идет к своей цели.

Нитше ненавистны слабыя, раздвоенныя натуры, не уверенныя

*) AEQUITAS — естественная справедливость. — Ларусс.

в себе, борющияся с собою.

Действительно, это хилыя и дряблыя натуры.

Прочитавши Нитше, не знаешь, куда примкнуть: чувствуешь, что есть правда и у Нитше, и у старых моралистов.

Правда Нитше заключается в том, что дурно поступать так, как в душе поступать не хочется. Неправда же состоит в том, что если будешь поступать по желанию, то желания могут нас, чорт знает, куда завести.

А потому, мы не можем согласиться с Неведомским, говорящим*): "тут надо выбирать: либо расчетливый Сократ с уродливым телом, искусно задрапированный в складки белаго хитона с уздою К. Михайловскаго в руке, либо не только уздой, но и одеждой тяготящийся божественно нагой, божественно свободный расточитель Дионис".

Если бы воля в нравственном поступке была все, то Неведомский был бы прав, нам пришлось бы выбирать между Сократом и Дионисом.

Но мы уже знаем, что это ложь; мы уже знаем, что воля может нас сделать инквизиторами; мы уже знаем, что надо обращать внимание и на самый поступок.

А это знание обязывает нас не только быть Дионисами, но и расчетливыми Сократами.

При оценке Диониса мы должны будем глядеть не только на волю, но и на поступки—и вакханка, инквизитор, палач, христианин, несмотря на свое дионисовское настроение души, должны вызвать в нас лишь омерзение.

По сравнению с этими Дионисами человек, стремящийся к идее справедливости, обуздывающий себя, гораздо чище, чем они. Но, повторяю, такой человек не идеал, как и не идеал Дионис. Идеалом же является полное согласие воли и поступка—дионисовское настроение, соединенное с хорошим поступком.

Идея недостаточности одного дионисовскаго настроения воли для обрисовки типа видна и у Нитше, когда он клеймит аскетов и христиан, несмотря на то, что в убиении своей плоти они истинные Дионисы.

В этом-то клеймении и видна недостаточность идеи поступать так, как хочешь, замечается потребность и в определенном поступке.

---

*) Смотри его предисловие к Лихтенбергу, стр. XVII.

Нитше же, став на точку мотивов, не мог выделить характера своего сверх-человека.

Он чувствовал, что сверх-человек—не христианин; но кто же он?

Не ставши на точку зрения типов, нельзя определить этого.

Только отделивши три типа, мы узнаем, кто—сверх-человек.

Сверх-человек—это второй тип.

Как бы гармоничен ни был "сверх'человек" по идеалом он быть не может, ибо при совпадении воли со зверством получается тип кровожаднаго зверя.

Идеалом будет человек, в котором воля гармонирует с отношением справедливости.

* * *

ГЛАВА IX.

Великое и Прекрасное.

Мне кажется, что в тесной связи с пониманием нравственности находится вопрос о Великом и Прекрасном.

До сих пор искусство и литература, изображали нам лишь великих аскетов и мошенников, но героическаго ничего нам не дали. Герой—это человек, не пьющий крови другого, следующий заветам древней добродетели справедливости.

Просмотрите всю литературу, и вы не найдете восхваления такого типа.

Наоборот, вы на каждом шагу встретите прославление любви и эгоизма,

Перед вашими глазами миллионами проходят фигуры жертвователей собою ради разных благ семьи, отечества и государства.

Литература кишит описанием их горестей, скорбей, их самоотречения; найболее сильный аскетизм "героев" вызывает дикий восторг писателей. Все приходят в восхищение, когда "герой" поедается ближними.

Ну, что здесь героическаго и прекраснаго?

Ничего.

Здесь описывается только подлая антропофагия, способная в сильной душе вызвать не восторг, а взрыв негодования, крик пре-

зрения, крик ненависти к жертве и паукам, ее пьющим.

Отвратительная, но не прекрасная сцена!

Не менее отвратительны типы "героев" и второго типа: все это Тамерланы, Чингис-ханы, Наполеоны.

Художник стремится сделать их свирепыми, дикими, "сильными" — и вот перед вами "герои".

Нет—и эти люди не герои, а звери.

Героическое и Великое появится в литературе тогда, когда будет изображен человек, который, как ему тяжело ни пришлось бы в жизни, не выпьет ни капли крови ближняго.

Герой—это человек умирающий, но не жертвующий ради своего спасения ближним.

* * *

ГЛАВА X.

Самопожертвование и взаимность.

Кроме цели и воли, в морали, мне кажется, надо еще отличать осуществление ея в жизни.

В проведении морали в жизнь надо отличать жертву и договор помагать друг другу.

Теперь все моралисты рекомендуют жертву, моя же душа всеми своими фибрами протестует против этого.

В **осуществлении** морали не должно быть жертвы, т. е. расточения себя в пользу других, **одностороннего творения добра другим**, но должна быть взаимопомощь, взаимная поддержка друг друга в разных невзгодах.

В жертве, в самопожертвовании происходит расточение моих сил; другой есть и пьет меня, чего честная душа не может себе позволить.

Во взаимопомощи оказывается взаимное уважение, каждый свое "я" сохраняет целиком, хотя и пользуется услугами другого.

Да будет нашим идеалом взаимопомощь, а не жертва и милосердие!

* * *

ГЛАВА XI.

Прав ли Бокль в своих утверждениях, что мораль не прогрессирует?

Вопрос о прогрессе морали—крайне интересный вопрос, но он до сих пор не решен и остается совершенно открытым.

В наш век на него даны два ответа — положительный и отрицательный. Первый ответ дан марксистами, наблюдающими всюду эволюцию, второй—Боклем и его последователями.

Кто же из них прав, Бокль или моралисты?

На этот вопрос может дать ответ только наша теория, она одна обладает необходимым для этого орудием — типами.

Если бы типов было безконечное множество, то правы были бы марксисты; если бы было мыслимо только одно типичное отношение, то был бы прав Бокль.

Но теория типов учит нас, что типичных отношений не может быть безконечное множество, но их и больше, чем одно.

А потому ошибка марксистов состоит в том, что они допускают безконечныя вариации морали, тогда как, на самом деле, их ограниченное число. Бокль же прав в том, что допускает постоянство морали, тогда как она способна к эволюции.

Марксисты вовлечены в ошибку, благодаря своему ослеплению эволюцией. Бокль же введен в заблуждение устойчивостью морали в течение последних тысячелетий.

Определим же истинный размах колебаний морали.

Теория типов говорит, что мораль в своих колебаниях ограничена тремя типами.

По теории типов, люди в исторической жизни могут становиться только в три типа моральных отношений: в моральные типы эгоизма, любви и справедливости.

Кроме этих трех типов, четвертаго моральнаго типа появиться не может.

Благодаря этому, в исторической жизни не может наблюдаться безконечной эволюции морали; самое большее, что с нею может происходить, это **круговорот.**

В силу тех или других причин, в исторической жизни один моральный цикл идей может сменять другой. Эгоизм может усту-

нить место любви, любовь — справедливости, справедливость — эгоизму и т. д.

Один такой цикл мы уже пережили.

В индивидуальном и охотничьем периоде человечество воплощало справедливый тип отношений. С появления же классового общества, т.-е. с пастушескаго периода и до наших дней, царят **эгоизм и любовь**. Царят они уже многия тысячелетия, ибо человечество не может выбиться никак из своего классового строения.

Но теперь уже началась переломная эпоха... уже начинают блестеть зачатки новой морали будущаго—**справедливости**.

Старыя ценности начинают тускнеть и меркнуть, борьба требует не мягкотелости, но суровой и строгой добродетели.

Новая эра занимается.

Устоит ли мораль справедливости в поступательном ходе истории, или нет,—вот страшный вопрос.

Ответ на него и даст эта книга в своей практической части когда она будет разбирать устойчивость грядущаго анархизма.

* * *

конец теоретической части работы.

КНИГА II-Я.

Практическая социометрия.

ОБЩЕЕ ВВЕДЕНИЕ.

Теоретическая часть работы закончена. Выяснены основные типы отношений между людьми. Теперь перейдем сообразно плану нашей работы ко второй ея части—к зодчеству.

На основании добытых нами принципов, постараемся возвести стройныя системы. Воплотим в жизнь идеи, облачив их в надлежащия одежды.

В предстоящей мне созидательной работе я ограничусь лишь изложением социалистического и анархического строя, идеи же второго типа я не стану воплощать, так как практическия формы, в которыя оне выливаются, разсмотрены нами в цитированной мною выше работе.

Что же касается анархизма и социализма, то эти две системы я буду рассматривать возможно полнее.

Прослежу не только экономический строй, но и политический, моральный, семейный, гражданский, религиозный и "больной"..

Самое видное место в работе мы отведем, конечно, экономическому строю, ибо это найболее слабый пункт всех анархических систем, а между тем от того или другого решения этого вопроса будут зависеть судьбы анархизма.

Такова предстоящая нам проблема.

Она трудна, но не неразрешима.

Будущее укажет, прав я или нет.

К делу же!

* * *

Отдел I. ЭКОНОМИКА.

ЧАСТЬ I. КОММУНИЗМ.

Томас Мор., стр. 138. "Работают они каждый не для себя, а для общества".

* * *

Кабэ: "Ист. Христ.", стр. 269. „Именно коммунизм должен в особенности восхищаться Иисусом Христом и его учением, любить их и опираться на них".

* * *

Шефле, стр. 244. „С этико-политической точки зрения, коммунизм формулирует такое положение: все люди равны и равноправны".

* * *

ВВЕДЕНИЕ.

У нас существует известный предразсудок относительно так называемаго "научнаго коммунизма"*) — мы его резко выделяем от утопическаго и думаем, что между ними нет ничего общаго:

Как же — там наука, а здесь утопия!

Но это — заблуждение.

Между научным коммунизмом и утопическим есть разница лишь в тактике, в об'яснении того пути, каким мы придем к идеалу, но сам идеал у них один и тот же — коммунизм.

Если бы идеал современнаго коммунизма был совершенно непохож на идеалы утопическаго, то "научные коммунисты" не назвали бы себя коммунистами, а между тем они сознательно выбрали это слово.

Так как в дальнейшем изложении нас будет занимать не исследование путей, какими мы идем к будущему строю, — эта тема

---

*) Вместо термина „научный социализм" я употребляю термин: "научный коммунизм", ибо он правильнее. Сам Маркс после долгаго раздумья назвал свою первую работу "Коммунистическим манифестом", а не социалистическим. Лишь последователи его, совершив эволюцию в сторону анархизма, переменили название.

была уже разобрана нами в первой нашей работе, — а принципы и идеи будущаго строя, то с этой точки зрения для нас не будет никакой разницы между утопическим и научным коммунизмом: и те и другие — коммунисты, и поскольку они коммунисты, постольку мы их и будем разбирать.

Должен сделать еще и другое замечание; именно, я буду стараться разбирать в этом отделе и этой части наиболее последовательных коммунистов, а не эклектиков, составивших свои системы из разных клочков.

Это будут коммунисты вырождающиеся; мы и им посвятим известный отдел, когда будем говорить о разложении коммунизма.

Ну, а теперь приступим к исполнению нашей программы.

* * *

ИЗЛОЖЕНИЕ.

ГЛАВА I.

К какому типу отношений примыкают коммунисты в экономической сфере.

Из нашего теоретическаго анализа мы знаем, что чистых типов отношений — три. А потому, в экономической сфере можно жить или своим трудом, или эксплуатировать чужой труд, или надеть ярмо рабства на свою шею,

К какому из этих трех типов примыкают коммунисты?

Чтобы ответить на этот вопрос, анализируем различныя коммунистическия теории по этому вопросу.

Беллами: "Допустим, что все делают наилучшее из того, что они в силах сделать; все же продукт труда одного бывает вдвое больше, чем забота другого.

— Вполне справедливо. Количественная сторона работы не имеет никакого отношения к выяснению нашего вопроса. Речь идет о **заслугах. Заслуга** же есть понятие нравственное, а величина продукта — материальное. Курьезна была б[illegible]та логика, которая пыталась бы решать нравственный вопрос по ма[illegible]риальному масштабу. При оценке заслуг может приниматься в расч[illegible] лишь степень усилий. Все, производящие наилучшее соразмерно своим силам, произ-

водят одинаково. **Дарование** человека, хотя бы самое божественное, **определяет** только мерку его **обязанности.** Человек больших способностей, который не делает всего того, что он в силах, хотя бы и произвел больше, чем человек мало даровитый, исполняющий свою работу наилучшим образом, считается работником менее достойным, чем последний, и умирает должником своих братьев. Создатель ставит задачи людям по способностям, какия им дарованы: мы же просто **требуем** исполнения этих задач".

— Теперь люди так понимают дело. Каждый способный при одинаковых условиях сделать вдвое больше, нежели другой, вместо награды за это заслуживает наказания, если не делает того, что он может. Разве в XIX веке награждали лошадь за то, что она везла тяжесть большую, чем козел? Теперь мы отхлестали бы ее кнутом, если бы она не свезла этой тяжести (скотственно!), на том основании, что **она должна сделать это, так как она гораздо сильнее".**

Ретиф де ла Бретон (Кирх., 220): "Все должно быть общим между равными. Каждый должен иметь одинаковую долю в общем благе".

Морелли (Кирх., 206) — § 1: "Ничто в обществе не может составлять предмета частной собственности, исключая вещей, находящихся в ежедневном употреблении каждаго для своих надобностей, своего удовольствия или своего труда".

§ 2. "Каждый гражданин считается общественным человеком, получающим пищу, содержание и занятия от общества".

Морелли (Кирх., 207): "Все эти продукты складываются в общественных магазинах для распределения их между всеми гражданами, ежедневно или в известные часы". "Ничто на основании священных законов не может быть между гражданами ни покупаемо, ни продаваемо, так что, если кто-нибудь, например, нуждается в овощах или мясе, то он должен отправляться за потребными ему продуктами в общественные склады".

Бабеф (Щегл., 247): 1) "Никакой член общины не может пользоваться ничем, кроме того, что он, сообразно с законом, получает из рук властей".

2) "Народная община обезпечивает своим членам помещение здоровое, удобное и опрятно меблированное, одежду, отопление, освещение, мытье белья, пищу, состоящую из хлеба, рыбы, яиц, масла коровьего или прованского, **вино и другие напитки, овощи,** приправу и, наконец, медицинское пособие".

Кабэ (Щегл., 296): "Она (республика) разделяет свои произведения между всеми поровну, так что всякий гражданин получает одинаковое количество пищи, если ея достанет для всех, и всякий получает по очереди, если какой-нибудь пищи в известный год или известный день достанет только для одной части населения".

Кабэ (Щегл., 309): "В чем заключается принцип касательно прав и обязанностей? Они одни и те же для всех: всякий должен работать одно и то же число часов ежедневно, сообразно со своими средствами имеет право получать равную часть сообразно своим потребностям из всех произведений.

— Не будет ли это несправедливо, чтобы человек талантливый и гениальный получал часть равную с другими?

— Нет.

— И вы не делаете различия для ума, понимания, гения? (стр. 240).

— Нет, все это есть **дар** природы; потому, справедливо ли делать в некотором смысле наказание тому, кого судьба обделила? Напротив, ум и общество не должны ли **вознаградить неравенство**, произведенное слепым случаем? Тот, чей гений делает его полезным, не вознагражден ли удовольствием, которое он испытывает?"

* * *

Луи-Блан (Щегл. 504, 505): "Идея добра обязывает рассматривать не только то, кто **чего достоин**, кто что заслужил, что заработал, а то, кто в чем имеет настоятельную надобность".

"Равенству, как принципу коммунизма, он (Луи-Блан) противопоставляет **пропорциональность**, называемую им справедливым равенством: "каждому по его способностям, каждому по его потребностям", или "долг пропорционально способностям и силам; право пропорционально потребностям", (Анри Миш. 214).

Анри, 214, 215 стр. о Луи-Блане: "Справедливое равенство, о котором говорит Луи-Блан, осуществляется в семье. Каждый ребенок работает и содействует удовлетворению общих нужд по мере своих сил. Когда наступает час обеда, наиболее голодный ест больше всех, и другие не возстают против этого. Пусть общество примет за образец своего устройства семью; это все, чего требуют коммунисты".

Кабэ вполне присоединяется к такому толкованию Анри Мишеля. По его мнению, люди должны составлять как бы одну семью,

и как в ней нет счетов, так и в будущем обществе их не должно быть.

Шефле, 260. "Луи-Блан развивает своеобразный принцип, обязанность к труду сообразно индивидуальным силам и, на ряду с этим, право на наслаждение сообразно индивидуальным потребностям".

Вандервельд (128): "Исходя из точки зрения потребностей и основываясь **на праве на существование**, коммунисты говорят: "Каждому по его способностям, каждому по его потребностям"... "Исходя, наоборот, из точки зрения труда, коллективисты в узком смысле слова отвечают: "Каждому работнику полный продукт его труда".

(134)... "Наш общий идеал, всеми нами преследуемая конечная цель — это коммунизм, и уже теперь во все более и более возрастающем числе общественных учреждений мы находим его частичныя применения: можно, напр., указать на расходы по безплатному образованию, на содержание детей в школах, управляемых коллективистическими муниципалитетами, на гарантии существования, признанныя, по крайней мере, в некоторых странах — за больными, стариками и инвалидами труда.

Придет, быть-может, время, когда развитие нравственности и общественной солидарности, обилие производства, неудобства и затруднения, связанныя со всяким другим способом распределения, богатств, все это заставит обобщить применение коммунистическаго принципа".

(135), "Прдставим себе для примера общество, которое само актами коллективной воли обезпечивало бы развитие своих средств производства, которое признавало бы за всеми работниками точно так же, как за всеми инвалидами труда, **равныя права** на удовлетворение их **насущных потребностей, которое** преобразовало бы в безплатныя учреждения **обучение и содержание** детей, **жилище, освещение и отопление**, снабжение водою, перевозку **писем, пассажиров и продуктов".**

Бебель. "Социал. Общ.", 47, 48 стр.

"Каковы же все эти условия в свободном обществе?

Все развиваются **при одинаковых жизненных условиях,** и каждый берется лишь за то дело, которое соответствует его склонностям и умению, в силу чего различия в исполненном труде каждаго будут незначительны. Умственная и нравственная атмосфера общества, возбуждающая соревнование, способствует также сглажи-

ванию различий.

Если кто-либо найдет, что он не в состоянии в данной области сделать того, что делают другие, тогда он возьмется за другую работу, соответствующую его силам и способностям.

Тот, кто работает в каком-либо деле вместе со многими другими, знает, что люди, оказавшиеся в каком-либо одном отношении неспособными и непригодными, будучи переведены в другое место, становятся превосходными работниками. Нет ни одного нормально развитого человека, который в той или иной деятельности не мог бы удовлетворить даже самым строгим требованиям, лишь только он поставлен на надлежащее место.

По какому праву один требует **предпочтения перед другим? Если кого-либо обделила природа в такой степени, что он при всем старании не в состоянии произвести столько, сколько и другие, то общество не может карать его за погрешности природы. Если, наоборот, кто-либо получил способности, возвышающия его над другими, то общество не обязано вознаграждать его за то, что не является личной его заслугой.**

Для социалистическаго общества важно, кроме того, чтобы все имели **одинаковыя условия воспитания и жизни,** чтобы каждому была предоставлена возможность развивать свои знания и силы соответственно своим склонностям и способностям".

"Однако, Бебель признает "кое-что другое", скажет мне начитанный в коммунистической литературе читатель.

Знаю это, но об этом после. Сейчас же мы разсматриваем Бебеля лишь как коммуниста, а не те его взгляды, которые он приобрел извне.

Маркс. (Вольтман. "Соц., и Дарвинизм").

Наконец-то мы добрались до столпа современнаго коммунизма. Послушаем его взгляды и симпатии:

"Несмотря на этот (социальный) прогресс, это одинаковое право все еще ограничено **буржуазными** рамками — право производителей пропорционально доставляемой ими работе.

Равенство заключается в применении одинаковаго масштаба работы; но один физически и духовно превосходит другого, следовательно, может в одно и то же время доставить больше работы или работать в течение более долгаго времени; а потому работа, чтобы служить мерилом, должна быть определена соответственно продолжительности или интенсивности; иначе она не будет верным масшта-

бом. Это одинаковое право есть **неодинаковое право для неодинаковой работы.** Оно не признает никаких классовых различий, так как каждый есть только работник, как и другие; и оно молчаливо признает **неодинаковыя индивидуальныя способности** и, **следовательно, неодинаковую производительность, как естественныя привилегии.** Стало-быть оно, **как и всякое право, есть право неравенства** по своему содержанию.

Право, по своей природе, может состоять только в применении одинаковаго масштаба; но неодинаковые индивиды могут быть измеряемы одинаковым масштабом лишь в том случае, если разсматривать их с одинаковой точки зрения, с одной какой-нибудь стороны, например, в данном случае, **только** как **работников,** не усматривая в них ничего другого, оставляя все прочее в стороне. Далее, один работник женат, другой нет, у одного больше детей, чем у другого, и пр., и пр... Таким образом, одинаковое право, при одинаковой работе и, следовательно, одинаковой доле в общественном потреблении, несправедливо: один получает фактически больше, чем другой, **один богаче чем другой** и пр. Чтобы избежать всех этих недостатков, **право, вместо одинаковаго,** должно быть **неодинаковым.**

Но эти **недостатки** в первой фазе **коммунистическаго** общества, вырабатывающагося после долгих мучительных родов, из общества капиталистическаго неустранимы. Право никогда не может быть выше, чем экономическая организация и обусловленное ею культурное развитие общества.

Только в более **высокой** фазе коммунистическаго общества, **когда** изчезнет закабаляющее индивидов разделение труда, а вместе с ним и противоположность духовной и физической работы, когда труд сделается не только средством существования, но и необходимой жизненной потребностью, когда при всестороннем развитии индивидов возрастут и производительныя силы и все источники общественнаго богатства станут полноводнее, — тогда только можно будет окончательно перейти за узкий **буржуазный горизонт** и написать на общественном знамени: "от каждаго по его способностям, каждому по его потребностям".

Теперь перед тобою, дорогой читатель, прошли "различные толки" коммунистов. Уловил ли ты основную идею, притягивающую их с неотразимой силой?

Это — идея уравнения. Я нарочно употребляю слово **уравнение,** а не равенство.

Начиная с Беллами и кончая Марксом, все эти теории стремятся **экономически уравнять** индивидов.

Всмотритесь попристальнее в их учение о равенстве — и вы увидите, что они хотят не равенства, а уравнения.

Смотрите на Беллами, Бабефа, Каутскаго, Маркса и Ко.

Беллами проектирует равную заработную плату для всех, аргументируя лошадью и козлом; смысл же этой аргументации таков: твой труд, твой продукт не тебе принадлежат, на него имеют другие право. Сколько ты ни работай, но ты получишь **лишь равную плату с другим.**

А это что значит? А вот что: так как люди по своей силе неодинаковы, то в одно и то же время они произведут разное количество предметов, а получат одинаковое, т. е. труд одной части пойдет на уравнение в материальных благах другой. И лицо, признающее такой принцип,—или раб (если он силен), или скот (если он слаб).

Коммунисты, конечно, к числу скотов себя не причисляют—предоставим это ницшеанцам — напротив, они деятельно стремятся положить свои силы на благо ближняго, а потому они рабы.

Но с Беллами редко кто согласен из коммунистов: им кажется все еще, что Беллами индивидуалист, отчасти даже эгоист.

И они не совсем не правы.

Что такое равная плата неравным физически и нравственно индивидам, что такое равный труд для неравных в физическом отношении индивидов?—Вопиющее неравенство!

И вот, коммунизм делает дальнейшие шаги.

Кабэ, Бабеф... уже требуют не равной платы, а равнаго насыщения всех потребностей—ибо, если "я" физически сильнее, более продуктивно работало, то большая трата энергии требует и большей пищи. Раз я не виновен в том, что выделываю больше вещей,—мои силы—дар природы,—то, ведь, и желудок такой же дар природы. Почему же я должен страдать из-за него? Я не получаю от своей физической организации выгод—общество берет их, ибо оне дар природы. За что же я буду страдать от устройства своего организма, в частности желудка, тоже дара природы?

Вы—слабы, хилы, вырождаетесь—и работаете мало. У вас от удовлетворения материальных потребностей остается много денег. Вы можете больше пользоваться культурою. А я!—я все проедаю, ибо больше тружусь, ибо мой организм требует большого количе-

ства пищи. Где же здесь равенство, где же здесь правда? Кабэ это понимает и щедрою рукою заглаживает эту несправедливость, говоря: работайте **поровну часов и насыщайтесь досыта.** Но Кабэ просмотрел, что равные часы по трате жизненной энергии не равны для разных лиц. Ах, Кабэ, Кабэ! Как же ты это просмотрел! Уж не индивидуалистическая ли жилка в тебе говорит?

Дальнейший шаг в построении коммунизма сделал Луи-Блан. Луи-Блан понял, что равные часы содержат для разных рабочих неравное количество времени; несправедливость лежит в том, что одинаковое рабочее время отзывается неодинаково на организме разных людей, истощая одного меньше, а другого больше.

"Я не хочу больше тебя утомляться — это несправедливо!" — скажет вам логически мыслящий коммунист: "Бери сейчас же часть возложеннаго на меня природою труда! Плечи у тебя широки— снесешь! Ишь ты, этакий тунеядец, захотел равно трудиться, использовать в свою пользу дар природы! Наглый эксплуататор! бери, бери!"

У нас теперь равенство во всем—в утомлении, удовлетворении потребностей, в удовольствиях..

Осуществлен принцип: обязанность к труду сообразно индивидуальным силам и распределение наслаждений сообразно индивидуальным потребностям.

Теория достигла своего апогея или зенита.

Но какою ценою куплено это осуществление? оно куплено **уравнением,** отнятием сил у более сильнаго в пользу относительно более слабаго.

* * *

Как видите, дорогой читатель, коммунизм пережил три стадии развития, перейдя от чисто **механическаго уравнения,** т, е. равенства труда и наслаждения, к равенству естественному, сообразно индивидуальным особенностям организма каждаго.

В каждой стадии цель оставалась одна и та же—**уравнение,** более и более справедливое **уравнение.**

В каком же отношении это основное стремление коммунистов находится к трем типам отношений?

Коммунисты примыкают к первому типу отношений. Все они хором поют о святости экономических нужд "ты", о необходимости

"я" жертвовать для него своим трудом. Но они не заходят так далеко, как требует чистый тип отношений, т.-е. до полнаго самоотверженія, столь магнетизирующе действующаго на неразвитыя души христиан, видящих в самопожертвовании какую-то широту души, а останавливаются на полдороге, требуя лишь отдачи своего "я", своей крови, только до того, когда ближний сделается таким же толстеньким, как и "я". Следовательно, коммунисты—непоследовательные аскеты, "аскеты наполовину, аскеты золотой середины".

* * *

ГЛАВА II.

Критика коммунистическаго уравнения.

"Мой принцип — братство, моя теория — братство, моя система — братство, моя наука — братство — "Кабэ.

* * *

Я надеюсь, читатель уже заметил суть стремлений коммунистов — это **поработить частично** личность во имя блага ближняго. Коммунисты создают, с одной стороны, трудолюбивых пчел, с другой стороны—трутней, выезжающих на шее **ближняго;** неспособные, эгоистические и порочные будут эксплуатировать справедливых, преданных и добродетельных.

В коммунизме одни рабочие не получат того, что им следует, другие получат более того, что им следует, получат то, что следует другим. Коммунизм облагает более сильных налогом в пользу более слабого.

Вот как громит его Прудон:

"Некоторые социалисты слишком прониклись, к несчастью, евангельскими отвлеченностями и вздумали разрешить трудности, этими божественными правилами. Неравенство способностей есть доказательство равенства обязанностей; вы получили много от природы, дайте же излишек вашим братьям,—твердят они и этими звучными и трогательными фразами, которыя всегда сильно влияют на неразвитые умы, но которыя, тем не менее, вовсе не так невинны, как кажутся, социалисты обольщают их. Практическая формула, выводимая из этих изречений— та, что всякий работник дол-

жен отдавать все свое время обществу, а общество взамен должно дать ему все необходимое для удовлетворения его потребностей, смотря по средствам, которыми оно располагает"*).

"Вы говорите, что будете удовлетворять мои потребности по мере ваших средств, а я, напротив, требую, чтобы удовлетворение было соразмерно моему труду, иначе не буду работать...

Милосердие! Я отрицаю милосердие—это мистицизм. Напрасно вы станете мне толковать о братстве и любви,—я останусь убежден, что вы меня не любите, да я и сам хорошо чувствую, что не люблю вас. Ваша дружба притворна, а если вы меня любите, то из интереса. Я требую всего того, что мне следует—ничего больше. Почему же вы мне отказываете в этом?"**)

Различныя коммунистическия секты требуют эксплуатации одного индивида другим во имя разных принципов — и во имя братства***) (Кабэ и Луи-Блан), и во имя несправедливости природы (Маркс и Бебель), и во имя любви к ближнему (христ. социалисты), и во имя равенства (Бабеф)... Но, дорогой читатель, ты не давай им обморочить себя прекрасными словами и надеть на себя хомут. Ты всегда смотри на то фактическое отношение, к которому тебя зовут разные благодетели рода человеческаго—и оно будет служить тебе тем фонарем, который укажет все подводные камни, на которых ты можешь разбиться.

Если ты увидишь, что они (благодетели), прикрываясь любовью в фактической жизни, проектируют тебе кандалы—борись с ними, рази их...

Коммунисты же, как ты наверное, читатель, убедился—враги индивида, ибо они стремятся надеть на тебя эти кандалы.

Не слушайся же их гибельных речей! Беги от гнусных сетей, расставленных тебе этими уравнителями, поработителями, нивеллляторами. Беги от этих тарантулов, манящих в свою тонко сотканную сеть, незаметную для невооруженных наукою глаз, твою молодость и жизнь, чтобы их выпить.

Итак, коммунист—это первый тип: вьючный осел, но только без широкаго размаха христианина.

---

*) Сюдр. "Ист. коммунизма". — Прудон, 350.

**) Там же, 352.

***) Сторонники братства требуют коммунизма во имя семейного начала. Они приходят в восторг от семейной эксплуатации, и хотят водворить ее во всем обществе. Спорно еще, можно ли оправдывать семейную эксплуатацию.

Ну, теперь от личных симпатий и антипатий к коммумистам перейду к народному правосознанию, к отношению его к коммунистам и их идеалам об'едать другого,

Слушайте, как русский эпос относится к этому типу:

В "русском народном эпосе есть два типа, весьма различных между собою. Первый тип—это богатырь: защищает сирых и слабых от злодеев и от чудовищ, а всю вообще страну от неприятелей; иногда он представляется пахарем, в поте лица возделывающим землю, добывающим питательныя вещества на потребу себе и ближнему.

Другой тип—это "об'едала", который работать не любит и не умеет, но поесть много любит и обыкновенно поедает то, что приготовляют для себя другие; богатырь сначала смотрит на его общество с удивлением, наконец, придя в гнев, задает ему такой щелчок по лбу, что об'едала летит кверху ногами"*).

Как вам нравится такое народное решение?

Иным, по-моему, оно и быть не может.

* * *

ГЛАВА III.

Организация производства.

"Во всяком чину (даже социалистическом) по сукину сыну".

Доброхотов. "Тирания коммунизма".

* * *

а) ВВЕДЕНИЕ.

Коммунисты, верные своей идее "блага общества", желают соответствующим образом организовать и свое производство.

Целью производства, по их взглядам, должно быть удовлетворение **общественных потребностей** или до механическаго уравнения, или до пропорциональнаго равенства (насыщения) ибо, как мы уже говорили, какое право имеет "я" удовлетворять свои потреб-

*) Щеглов, 515, 516.

ности, когда потребности "ты", быть-может, не удовлетворены в должной мере.

При таких условиях коммунист не может себе позволить пользоваться большим.

Какую же они признают организацию производства?

Мы знаем уже, что существует три типа организации: 1) нитшеанский—индивид при нем организует и механизирует других по своему усмотрению. 2) Договорный. 3) Подчиняющийся, рабский, в котором индивид вручает другому или другим руководство своею экономическою жизнью.

К какому же из этих трех типов примыкают коммунисты? Разсмотрением этого мы сейчас и займемся.

* * *

в) К какому типу организации примыкают коммунисты?

Самым лучшим ответом на этот вопрос будет опять разсмотрение планов самих коммунистов.

По вопросу об организации, коммунистическия школы распадаются на две группы.

Одни думают, что власть принадлежит ученым и философам, другие хотят вручить ее выборным от народа.

К числу первых принадлежат, например, Сен-Симон и Платон.

Вот что они говорят.

С.-Симон (Анри Мишель, 158): "Человек, обладающий знаниями, должен повелевать вселенной".

Платон (Кирх. Утоп., стр. 13): "Управление должно быть сосредоточено в руках просвещенных людей; управляющие должны быть философами, и философы должны повелевать".

Мне кажется, что эти коммунисты непоследовательны, ибо власть, по их теории, должна вручаться "ты", а не захватываться им произвольно.

Поэтому вторая группа коммунистов, признающая, что власть должна принадлежать народу, стоит на верном пути.

Вот как эта точка зрения защищается Кабэ:

"В коммунизме все общество, весь народ издает законы, образует свои нравы, обычаи, общественное мнение; и все это он делает сообразно с природою и разумом, всегда в собственном интересе, всегда по всеобщему согласию, после обсуждения, кото-

рое докажет всем выгоды предлагаемаго проекта; и эти законы, всегда издаваемые по общей воле и общему желанию, исполняются с удовольствием и даже с некоторым чувством гордости".

Итак, управлять производством в будущем "общество" будет через своих выборных.

Зная взгяды коммунистов на вопрос об организации, скажем теперь, к какому типу они примыкают.

К какому же типу они примыкают?

Нет сомнения, что к первому, ибо индивид отказывается от самоуправления и вручает свою судьбу в руки других, которые будут управлять им по своему разумению.

* * *

c) Управление хозяйственной жизнью.

Итак, управление экономической жизнью страны сосредоточится в руках выборных.

Для правильной организации производства, представители образуют центральное бюро, которое будет заведывать всем—и организацией производства, и потреблением, и распределением.

Центральное бюро будет жизненным нервом будущаго производства. От него и к нему все будет стремиться и исходить.

На идее централизации промышленнаго управления сходятся почти все коммунисты.

Все они признают необходимость центральнаго управления, могущаго, впрочем, иметь свои провинциальныя отделения.

Придерживаясь, попрежнему, своего метода говорить устами самих коммунистов, приведу несколько образчиков таких их планов.

Бебель. "Социал. общ.", стр. 10. "Оно (коммунист. общество) должно поэтому стремиться обезпечить каждому наивысшую меру в удовольствиях жизни; отсюда возникает вопрос: как будут высоки в **среднем** общественные запросы. Чтобы это точно установить, необходимо будет особое управление, которое будет обнимать все отрасли общественнаго труда... Во главе всех местных органов управления стоит центральное управление".

Бабеф. (Щегл., 234): "Во главе всего управления стоит **правительство**, которое имеет высший надзор за производством, распределением средств для удовлетворения потребностей и перемещения граждан из одной общины в другую".

Такая организация производства неизбежно вызывает в уме следующий вопрос: не произойдет ли при такой организации **узурпации власти правителями общества**, не попадет ли, выражаясь словами Анри Мишеля (стр. 455), "коллективистическое общество в руки администрации, которая будет распределять между его членами труд и средства существования, хлеб и культуру; не попадет ли оно в руки статистиков, призванных определять количество пшеницы или вина, полотна или шерсти, которыя необходимо будет произвести или выработать ежегодно в каждом округе и в каждом городе?"

Говоря откровенно, для коммунистов эта теория представляет большой камень преткновения при их понимании истории.

Ведь они думают, что феодалы возникли из **заведывания родовым имуществом**; почему бы из заведывания коммунистическим **имуществом** не возникнуть новым имущим классам?

* * *

d) Функции будущаго правительства.

Функций у будущаго правительства будет тьма, поэтому центральное бюро, весьма вероятно, разобьется на различные подотделы с целым штатом иерархических чиновников *).

Наметим главныя функции правительства:

1) определение спроса;
2) определение количества труда;
3) направление процесса производства;
a) назначение на работы;
в) определение отраслей производства;
c) определение величины рабочего дня.

Спрос в будущем будет определять бюро посредством своих чиновников.

Они, раз'езжая по всей стране, будут опрашивать население о его нуждах — и в результате их работы получится спрос страны

Весь спрос они разобьют на рубрики и отделы, суммируют его — и в точности будет известно, что кому надо.

Впрочем, чиновники сумеют и проще определить весь спрос

---

*) Ниже, говоря о стимулах труда, мы отметим подробнее страсть коммунистов к чиновничеству.

страны, именно посредством статистических данных.

Собирая из года в год сведения о спросе, можно установить постоянство его.

Тем или другим путем, но чиновники соберут сведения.

В чем же дальше будет состоять работа правительства?

Если бы продукты падали с неба, то чиновникам пришлось бы воззрить очи к небу, махнуть волшебной палочкой — и они посыпались бы на них, как из рога изобилия.

Но реальная жизнь разбивает иллюзии. Всякий знает, что для производства нужен труд, что от одной переписи потребностей яства не появятся на столе.

Отсюда ясно вытекает **вторая** обязанность правительства — это добыть **нужный** для производства "труд".

Для получения нужнаго труда коммунистическое правительство устанавливает трудовую повинность.

Послушайте, как ратуют за новую солдатчину коммунисты.

Беллами: "Как воинская повинность была **обязательной** службой государству или стране, **такою же должен стать в XX веке промышленный труд всякого гражданина: каждый человек обязан** соразмерно своим силам и способностям приносить известную долю своего труда (ручного или умственнаго — все равно) на пользу **общую, на поддержание государства**".

Бебель: ("Соц. Общ."): "Как только общество становится единственным собственником всех средств производства, основным законам социализированного общества становится обязательный труд всех способных к труду без различия пола".

Бабеф (Щегл., 234): "Все граждане обязаны перед обществом известным трудом, соответствующим индивидуальным способностям каждаго из них, и **непременно должны его выполнять**".

Как продолжительна должна быть трудовая повинность? Какое количество труда каждый должен давать ежедневно? Кто будет определять величину рабочего дня и продолжительность воинской, то бишь, трудовой повинности.

На первый взгляд ответы на первые два вопроса сами как бы просятся на язык.

Величина рабочего дня и продолжительность трудовой повинности, так и хочется сказать, будут определяться количеством продуктов, необходимых для общества,

Чем больше будут спрос и потребности у общества, тем боль-

ше будет рабочий день и, наоборот, чем меньше, тем меньше.

Потребности же и вкусы народа зависят от способа производства.

Хотя такое решение вопроса и кажется самым правильным, но оно неверно.

Дело вот в чем.

Опыт нам показывает и говорит, что людям никогда не хватит наличнаго труда для **удовлетворения их всех** потребностей — **ограниченныя** силы человека никогда не могут тягаться с **неограниченными** потребностями духа.

Опыт всех времен показывает нам это, и чем человек в будущем будет интеллигентнее, тем его запросы будут выше и больше, имея тенденцию все расти и расти.

Эту печальную истину чувствуют и сознают коммунисты, когда говорят о порядке удовлетворения общественных потребностей.

Послушайте их.

Кабэ: "Она (комм. община) производит сначала **необходимое,** потом полезное, потом приятное—все это по мере возможности". (Щегл., 296).

Вандервельд (137): "В коллективистическом строе раньше всего будут удовлетворены потребности общаго характера и будет обезпечено право на существование за всеми членами общины; только после этого излишек продуктов или, вернее, произведенных стоимостей станет предметом **дифференциальнаго** распределения".

Такой градации в удовлетворении потребностей держатся не **одни Кабэ** и Вендервельд, но вообще большинство коммунистов.

Вот как эту черту характеризует изследователь коммунизма Менгер (стр. 20).

"Между потребностями по своей практической важности на первый план выдвигаются (коммунистами) те, от удовлетворения которых зависит самое существование человека и которыя являются его самыми насущными потребностями. Если правовая система обезпечивает каждому, в зависимости от имеющихся средств, вещи и услуги, необходимыя для удовлетворения жизненных потребностей, ранее чем будут удовлетворены менее настоятельныя потребности других, то мы имеем перед собою **право** на существование. Но содержание этого права различно для различных лиц, сообразно их возрасту. По отношению к несовершеннолетним оно заключает в себе содержание и воспитание; по отношению к взрослым — под-

держание существования, а по отношению к лицам неспособным к труду, вследствие ли старости, болезни или других причин — содержание и попечение".

Итак, первое решение вопроса неверно. Как же быть?

Очень просто.

Народные представители, подсчитав народный спрос, прикинут, сколько нужно труда для производства всего нужнаго.

Из практики правительству будет известно, сколько труда стоит каждый предмет. Ему придется только суммировать весь труд, который потребуется на производство всех предметов, чтобы узнать, мыслимо ли все это произвести при наличности известнаго количества трудящихся.

Увидев, что всего произвести невозможно, даже заведя каторжный день, они составят, удалив из списков все раскошное, красивое, индивидуальное*), несколько реестров, более или менее полных**), и пустят их на народное голосование. И тот реестр, который утвердит народ, и даст им право на соответствующее количество труда.

Зная количество отпущенного труда, количество индивидов, срок, к которому нужно все приготовить, правители легко определят величину рабочего дня и продолжительность трудовой повинности вообще.

Из сказанного сам собою вытекает и третий вопрос: кто будет определять рабочий день и повинность?

Главным образом, он будет определяться правителями, народ же будет только санкционировать разные реестры.

Практически величину рабочего дня и срок трудовой повинности сейчас невозможно определить — это дело будущего.

Однако, коммунисты строят на этот счет разные утопии, и так как они довольно интересны, то я позволю себе познакомить с ними читателя.

Беллами проектирует 25-ти летнюю службу, иными словами—николаевщину.

Каутский смягчает режим, сводя его до современной солдатской службы.

Число же часов ежедневного труда колеблется от 6 до 3.

Чтобы окончательно покончить с функциями будущей иерархии,

---

*) Все это, конечно, по своему усмотрению.

**) Одни будут содержать более предметов для удовлетворения и в лучшей форме; другие—в худшей и в меньшем количестве.

нам остается еще сказать, как они зеведут отдельные отрасли производства и каким образом распределят между ними труд.

Распланирование производства по отраслям —задача уже не трудная. Отраслей производства будет столько, сколько будет признано потребностей, подлежащих удовлетворению. Величина и размер каждой отрасли будут определяться спросом на продукты ее со стороны населения.

По распланировании производства между разными отраслями, примутся за разбивку труда между ними.

Узнав, сколько нужно трудовой энергии на каждую отрасль, чиновники будут вычерпывать из общаго резервуара труд и направлять его в определенном количестве сообразно потребностям производства.

Словом, в будущем будет происходить **назначение.** Я нарочно употребляю это слово в противоположность **договору** анархистов и самозахвату нитшеанцев.

Да, коммунистический принцип — это **назначение, прикомандирование.** "Я" в коммунизме нет. Оно должно делать то, что хочет большинство.

Если же "оно" не хочет признавать "назначения", то оно уже вырывается из **рук большинства,** выбивается из принципа **власти большинства.**

Назначения требует и общественный характер производства, ибо без назначения оно не может правильно функционировать: произойдет хаос.

Только химерический ум Фурье мог мечтать о страстных влечениях.

Но коммунисты — люди более положительные, и потому понимают, что труд в "коммунистическом обществе должен регулироваться планомерно, рабочия силы распределяться между отдельными отраслями его по определенному плану". (Каутск., 107).

* * *

d) Обобществление производства и социализация земли.

Удовлетворение общественных потребностей логически ведет к обобществлению производства и социализации земли: раз потребности общественныя, то и земля и орудия производства должны быть общественными.

Обобществление земли и производства может принять разно-

образные формы: обобществить производство можно или во всей стране сразу, или в небольших коммунах разнообразной величины.

Тот и другой принцип признается разными коммунистическими школами.

Исторически же, раньше возникла идея о коммунальном **обобществлении,** и ее исповедывали первые коммунисты, напр. Оуэн.

Теперь эта идея отошла уже в область предания, так как она менее совершенна, чем идея обобществления производства в целой стране.

Как мы уже говорили во введении к этой главе, идея обобществления одна и та же у всех коммунистов — и научных, и утопических. Разница только в тех доводах, которые приводят те и другие.

Коммунисты-утописты думают, что обобществление требуется нравственным сознанием масс, общественным удовлетворением потребностей.

Они из идеала удовлетворения общественных потребностей логически выводят необходимость обобществления.

"Научные" же коммунисты думают, что **обобществление** совершается стихийным путем (значение и ценность этой идеи мы разобрали в культурных очерках) и что, совершившись, оно повлечет за собою коммунистическое распределение продуктов. Словом, они идут с разных концов к одной и той же цели.

Из того, что они разно доказывают необходимость коммунизма, нельзя вывести, что у них разный идеал.

Коммунизим есть коммунизм. Суть его одна. А потому последующее изложение и критика будут равно относиться к тем и другим.

В чем состоит **обобществление** и социализация?

Они состоят в том, что земля и средства производства **делаются собственностью всего общества,** хотя в некоторых случаях они будут служить лишь для удовлетворения потребностей отдельных лиц. Напр., табак курят не все, но орудия труда будут принадлежать всем.

Подобное обобществление вполне естественно: раз общество должно удовлетворять потребности, оно должно всем и владеть.

Как представляют себе коммунисты обобществление — позволю себе привести несколько отрывков из их работ.

Кабэ: "Наша территория с ее подземными богатствами — залежами угля, рудниками — и со всеми надземными постройками составляет одно владение, которое принадлежит **всем нам.** Все движи-

мыя имущества граждан вместе с произведениями земли и промышленности составляют один общественный капитал. Это общественное имущество и этот общественный капитал принадлежат всему народу, который их эксплуатирует сообща, который управляет ими сам, через своих доверенных лиц, и который делит поровну все произведения"*).

Оуэн: "Будет общность в собственности касательно всех земель и всякаго другого недвижимаго имущества, равно как всех инструментов, сырых материалов, предназначенных для производства, и всяких других предметов, известных под именем капитала в самом обширном смысле этого слова, т.-е. всего, что не предназначается для непосредственнаго потребления"**).

Бебель: "Как только общество становится **единственным собственником всех средств производства, основным законом социализированнаго** таким путем общества становится обязательный труд всех способных к труду, без различия пола"***).

* * *

ГЛАВА IV.

Критика коммунистических идей о производстве.

Обобществление производства в своих недрах таит два главных недостатка: 1) подавление личности; 2) эксплуатация ее.

В коммунизме индивид, по меткому выражению Штирнера, является "оборванцем", ибо он — пролетарий. Не индивид, а общество, вернее — большинство общества, будет в будущем собственником.

Такое бесправное положение индивида не может не отразиться на его состоянии: оно поставит его в **полную** зависимость от общества.

Не обладая собственными орудиями труда, не смея по своему усмотрению располагать общественной собственностью (пользование ею может быть разрешено лишь собственником, т.-е. обществом),

---

*) Щеглов, 287.

**) Щеглов, 517 стр. Здесь приводится $ 6 устава ассоциации Оуэна.

***) "Социализ. общества", стр. 9.

не имея права даже на свой труд, индивид не может шелохнуться без воли большинства.

Осуществлять свои потребности он может лишь постольку, поскольку большинство найдет их достойными удовлетворения; располагать своим трудом он может постольку, поскольку общество позволит...

Словом, коммунизм несет индивиду полную экономическую несамостоятельность, ставит индивида в полную зависимость от общества.

Общественная собственность все сковывает, все парализует в экономической сфере. Убивая личную инициативу, она обращает индивида в полипа.

И против такой тирании общества индивид безсилен: у него нет средств и орудий труда для удовлетворения своих потребностей — все у общества. Общество завладевает даже рабочею силою каждаго, заводя общую трудовую повинность. А без рук *), даже если бы коммунисты и даровали право иметь свои орудия труда, все равно ничего не сделать.

Такое жалкое положение индивида обрекает его питаться тем и одеваться в то, что Бог, т.-е. большинство пошлет.

Большинство сможет считаться лишь с массовыми вкусами, с общественными потребностями, а не с индивидуальными запросами отдельных индивидов.

Хотя мы об этом уже говорили в предыдущей главе, но здесь прибавим еще несколько слов.

Общество располагает известным количеством рабочих часов, в которые должны быть удовлетворены и высшия, и низшия потребности.

Время ограничено, а потребности безграничны; в виду этого обществу придется делать выбор между разными потребностями и между **удовлетворением одной потребности в той или другой форме.**

"Общество", ради экономики времени, всегда будет стараться произвести более нужные предметы, и притом в наиболее простой форме, ибо для удовлетворения разнообразных вкусов пришлось бы затратить слишком много времени.

В результате же многие должны будут ходить в холсте, а не шелке, есть сахар, а не конфеты, хотя они лично готовы и больше работать...

*) Т. е. права распоряжения своей силой.

Ну, с вопросом о подавлении личности можно кончить; перейдем теперь к другому основному греху обобществления — эксплуатации.

Процесс обобществленнаго производства таит в себе троякаго рода эксплуатацию.

Во 1-х, при общности орудий труда будет происходить эксплуатация одного другим при возстановлении капитала, вследствие разности количества потребляемых предметов.

На каждый предмет стирается известное количество орудий производства. Кто больше потребляет, тот больше изнашивает орудий труда; следовательно, он должен положить больше труда и на их воззстановление. Коммунисты же, проектируя огульное отложение капитала, игнорируют соответствие между потреблением и возстановлением капитала, и, благодаря этому, получается эксплуатация и несправедливость.

Величина эксплуатации в будущем для отдельных индивидов может быть значительна, если мы допустим существование в будущем людей, начиная с типа Диогена, представителя минимальнаго потребления, и кончая, Лукуллом, олицетворением роскоши.

В виду подобной эксплуатации мы протестуем против того, чтобы капитал прямо пополнялся отложением истертой части из общественнаго фонда.

Во 2-х, благодаря тому, что общественное производство не считается с тем, что не все индивиды будут принимать участие в потреблении всех произведенных продуктов, например, некоторые не будут пить вина, курить табаку, есть мяса, посещать театров и других увеселительных домов, — общая трудовая разверстка будет несправедлива. Некоторым придется создавать орудия труда и средства производства для таких благ, пользоваться которыми они никогда не будут.

В 3-х, при общественном производстве будет эксплуатация также и при **накоплении** капитала.

С ростом населения, люди будущаго должны пропорционально увеличивать и количество орудий труда; но так как коммунисты проектируют безплатные приюты, школы, то они, конечно, не дозволят накоплять капитал **отцам** детей. Капитал у них будет накоплятся общими усилиями через урезывание потребностей или увеличение рабочаго дня всех, хотя в деторождении будут повинны лишь некоторые.

Благодаря такой непропорциональности, на отдельных индивидов будут падать издержки не только по удовлетворению своих потребностей, но и чужих.

Им придется тратиться на такие виды производства, на которые они никогда не истратили бы гроша. А потому такого **огульнаго** общественнаго производства мы признать не можем.

* * *

Из менее важных недостатков отметим лишь следующий: общественное производство создаст могучую бюрократию, всем заведующую, все организующую.

Тирания этой бюрократии будет еще сильнее, чем современной, ибо она будет вмешиваться в самые повседневныя мелочи жизни и иметь, в силу выборов большинством, неограниченную власть.

Что эта бюрократия будет грозной, несмотря на будущий выбор — это ясно из того, что она будет представительницей большинства.

Что эта бюрократия будет пауком, высасывающим соки из народа, замедляющим и останавливающим его развитие, способствующим громадному расточению сил — за это ручается современная действительность, за это ручаются бюрократии всех стран и всех времен.

Прудон с обычною своею силою обрушивается на подобную непроизводительную деятельность чиновничества будущаго коммунистическаго государства.

Слушайте его: "Вы думаете избегнуть варварства; вы найдете его в новой форме: рабочий-чиновник — это труд чернаго, противопоставленный труду белаго. Он — сыт, но работает непроизводительно и унижен; у него нет ни мужества, ни инициативы, ни достоинства, ни личности; он в состоянии нравственнаго варварства".

Бюрократия же в коммунистическом государстве безконечно увеличится по сравнению с настоящим, ибо число общественных функций в коммунизме безконечно возрастает.

По своему числу напоминая полчища саранчи, она будет являться истинным бичом будущаго строя.

* * *

ГЛАВА V.

Стимулы труда. производительность будущаго строя и их критика.

Аристотель: "Любовь теряется в коммунизме, как сладкий вкус нескольких капель меду в море".

* * *

Руссо: "После уничтожения кнута и цепей рабства, остается лишь один стимул, способный пробудить и поддержать производительную энергию: это — законная надежда для каждаго наслаждаться плодами своего труда".

* * *

Все коммунисты твердо уверены, что их строй экономически самый выгодный из всех, что если он осуществится, то у нас будут кисельные берега и молочныя реки.

Доказательства не за горами: будущий строй заведет самые усовершенствованные машины, будет применять самую совершенную технику. Развитие гонит нас прямо к коммунизму, производство социализируется и т. д.

Приводят коммунисты также и стимулы труда, с которыми я читателя сейчас подробнее и ознакомлю, так как они в производстве имеют главную роль.

Луи-Блан возлагает свои надежды 1) на воспитание:

"Хотя вследствие ложнаго и противообщественнаго воспитания, даннаго нынешнему поколению, трудно найти какое-нибудь побуждение к соревнованию, к усердию в работе, иначе как в увеличенной плате, несмотря на то все заработки будут равны, так как вполне новое воспитание должно изменить понятия и нравы"*).

2) На коллективный интерес. В коллективном интересе он видит могучий двигатель.

Оуэн считает стимулом для деятельности **личное расположение к труду**, личное желание работать без прямого соотношения к за-

---

*) Щеглов, 471 стр.

трате энергии труда и выгодности его, **легкость** и привлекательность труда.

Фурье: страстное влечение к труду.

Кампенелла: "страх лишения половых сношений с женщинами".

Вандервельд (172): "В самом деле, не может быть сомнения в том, что **самолюбие**, желание занять наивысшие **посты** в **иерархии** общественнаго труда — сыграют в будущем немаловажную роль, которая будет все расти по мере того, как борьба за существование будет терять свой острый характер".

Беллами также возлагает большия надежды на иерархию, как на побудительницу к труду.

Каутский видит стимулы во 1) в силе привычки, во 2) в привлекательности труда, сводящейся к **привлекательной плате** за труд, и в 3) в дисциплине пролетариата.

Последний пункт Каутский оговаривает, чувствуя, что дисциплина звучит несколько грубовато; оговорка, однако, вместо смягчения усиливает тяжелое впечатление, получаемое от этого стимула.

Впрочем, пусть читатель сам судит об оговорке.

Вот она: "Пролетарская дисциплина **демократическая**, это **добровольное подчинение** (характерно для коммунистов) выборным руководителям и **решениям большинства** собственных товарищей" *).

Ну, теперь мы покончили с мотивами; попробуем отдать себе отчет, насколько они **будут реальными двигателями.**

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно обратиться к способу производства, ибо способы производства создают у нас чувства и настроения.

В этом отношении, мне кажется, буржуазные экономисты стоят на верной точке зрения в критике коммунизма.

Коммунисты же, как это ни странно, ясно этого не понимают, ибо стремятся доказать, что **мы идем** к коммунизму, и мало занимаются тем, чтобы доказать, устоит ли он, когда мы к нему придем.

А это самое важное. Этою задачею мы сейчас и займемся.

Разовьет ли, прежде всего, способ производства коллективный интерес, страсть к труду, исправит ли характер людей воспитание и т. д.?

По моему мнению, нет. Способ производства разовьет противоположные свойства—лень, отвращение к труду. А при таких свойствах

---

*) **На другой день после социал„-рев„ стр, 114,**

духа, воспитание, конечно, не поможет.

Что производство коммунистов убьет инициативу и трудоспособность—это ясно как день из того, что усилия индивида не будут вознаграждаться пропорционально труду, что в коммунизме придется работать значительную часть дня, как выражаются французы, "на прусского короля".

А как такая работа влияет на энергию, показывает и весь исторический и наш повседневный опыт: наступают всеобщая лень и экономический застой.

Посмотрите, как ленивы рабы, посмотрите, как нерадивы чиновники, посмотрите на вялость арестантов и апатию эксплуататоров—и вы убедитесь в истине.

Там, где индивид начинает чувствовать, что не получит своих затрат, там, где индивид чувствует, что изливает свою энергию без эквивалента—там энергия и всякая охота к труду пропадают.
Человека, родившегося в таком сонном царстве, никакое воспитание пробудить не может, ибо оно будет итти в разрез с практикой.

Мертвеца не пробудишь!

Итак, ни страсть к труду, ни воспитание, ни общий интерес—ничто не поможет; расчитывать на такие мотивы прямо-таки безумие.

Коммунисты сами это понимают, а потому имеют и другую серию стимулов, безусловно более действительных, но в тоже время не менее безплодных.

Полюбуйтесь на эту серию: 1) самолюбие, 2) желание занять наивысшие посты в иерархии, 3 лишение половых сношений, 4) сила привычки и 5), наконец, **дисциплина.**

Начнем с анализа этих причин. Начнем с самой невинной, с "силы привычки".

Каутский так об'ясняет ее значение. Современный строй вымуштровал рабочего, а потому в коммунизме он будет паинькой. Значит, в этом пункте Каутский надеется на **порабощенность духа рабочего,** думает, что рабочий и в будущем строе будет "добровольно" влачить цепи. Но это—заблуждение: в рабочем просыпается дух льва, дух свободы и протеста — и на вымуштрованность нечего надеяться.

Перейдем к "дисциплине".

Как Каутский ни старается представить ее в привлекательном виде, но горького не сделаешь сладким—и демократическая дисциплина — **дисциплина,** подчинение выборным представителям и решениям большинства.

Кабэ в этом отношении откровеннее и не старается подсластить пилюли. Слушайте его мнение о дисциплине (Щеглов, 330): "Без сомнения, коммунизм необходимым образом предписывает **стеснения** и **затруднения**, потому что его главная задача состоит в производстве богатства и счастья: действительно, нужно, чтобы он подчинил все воли и все действия своим правилам, своему порядку и своей дисциплине".

Говорить же о "демократической" дисциплине, о "добровольной" дисциплине — это прикрытие фиговым листом безобразия дисциплины.

Пойдем дальше в нашей критике.

Теперь мы подвергнем рассмотрению надежды коммунистов на могучее влияние иерархии.

Что это за оригинальный стимул?Чем-то знакомым от него пахнет. А! да это не что иное, как самое простое чинодральство, это омерзительнейшее явление современной жизни.

Гнаться за чинами, играть из себя тузов и валетов, иметь подчиненных человеков—что за мерзость!

Страсть коммунистов к чиновничеству — это какой-то пережиток, атавизм монархической бюрократии, это—подлость мысли и чувства, это какое-то лакейство.

Но верх совершенства и изобретательности проявил Кампенелла, этот сластолюбивый монах: лишение половых сношений за лень—как это вам нравится?

К чему, вы думаете, приведет применение этих стимулов?

К труду трудолюбивых пчел?

Нет, эти стимулы разовьют бешенство, ненависть к выборной корпорации, которая будет лишать половых сношений, помыкать тобою, как чинушкою, дисциплинировать тебя.

Применение таких стимулов неизбежно поведет к восстанию, а потому коммунизму придется воспользоваться только первыми стимулами, не желлая погубить своего творения.

Но первых стимулов, как мы видели, недостаточно для правильного функционирования хозяйства—они разовьют лень и всеобщий упадок духа.

Роковое положение!

Неизбежным последствием его явится захирение производства —машины заржавеют от неупотребления—и развившиеся дряблость воли, вялость, апатия, ослабление умственных способностей, нерадивость, беззаботность, упадок изобретательности приведут все в оди-

чание.

Вот как такие же свои сомнения выражают **Анри Мишель** и **Штаммлер.**

Анри Мишель (405 стр.): "Ничто не гарантирует, что режим коллективной собственности будет приносить столько же, как и режим индивидуальной собственности; ничто не гарантирует, что труд, организованный административно, будет так же производителен, как и свободный труд.

С другой стороны, не рискуют ли изсякнуть источники творческой мысли и нравственной инициативы под тяжелою рукою власти? Не атрофируются ли беспокойное стремление к лучшему и самый революционный инстинкт — источник и принцип всех великих завоеваний —при тусклом довольстве сегодняшним днем, за которым последует такой же завтрашний?"

Штаммлер ("Народ. хозяйст.", 52, 55): "Но каким образом этого можно достигнуть? Раз исчезнет ответственность за себя и за своих ближних, то неизбежно явятся нерадивость и беззаботность, наступит неслыханное расточение материала и продуктов, и никто не будет стремиться к улучшениям и прогрессу.

Мы замерли бы в лишенном личных интересов прозябании, подобно островитянам Полинезии. Это была бы масленица для лентяев, лишенных энергии, и развратных людей, которые стали бы эксплуатировать не столь многочисленных добродетельных и трудолюбивых людей".

Если все это верно, — а мы старались доказать это, — то все мечты о кисельных берегах и молочных реках надо оставить.

Вместо роскошных палат и рога изобилия коммунизм даст лачуги и нищету.

* * *

ГЛАВА VI.

О влиянии коммунизма на рост населения.

Наступление нищеты еще ускорит неимоверный рост населения, который должен наступить с воцарением коммунизма.

Законы прироста населения зависят от способа производства: там, конечно, где существует самоответственность, там % прироста населения бывает сравнительно невелик; там же, где самоответст-

венности нет — там население может расти безгранично, пока допускают средства существования.

Вот как такую тенденцию чрезмерной плодовитости коммунистов отмечает один из видных писателей: "Коммунизм не только не устраняет **чрезмерное возрастание населения; он ему благоприятствует.** Положим, что мы сняли с каждаго члена общества обязанность самому заботиться о себе и о своих детях и что мы установили между всеми приличное равенство, при чем никому не придется расчитывать ни в супружеской, ни в семейной жизни на обезпеченное удовлетворение высших жизненных потребностей; что тогда будет? Наиболее действительные мотивы, обуздывающие неограниченное половое стремление, будут уничтожены, и люди, по выражению Мирабо, станут размножаться, **как крысы**".

Такой быстрый рост размножения не только стеснит материальный комфорт жизни, но и парализует творческую способность людей, ибо быстрый прилив населения не даст возможности итти технике в уровень с ростом населения, а результатом такой ее отсталости от роста населения будет вырождение человечества.

* * *

ГЛАВА VII.

Практика коммунизма.

Что наши теоретическия разсуждения верны — это как нельзя лучше подтверждает практика коммунизма, с которой я себе позволю сейчас, читатель, вас слегка познакомить.

Оуэновския общины.

Спрингская община описана Елловым (Щегл., 385):

"Вскоре в работе соревнование уступило место расчетам и спорам. Многие стали замечать, что не все усердно и старательно работают; люди трудолюбивые, хорошие мастера стали жаловаться, что все бремя работ ложится на них. **Музыканты утверждали, что их музыка так же необходима, как хлеб и мясо, и потому отказывались работать на поле и в мастерской**".

Ньюгармонейская община описана Реем (Щегл., 522, 3):

"'Одною из главных причин, ведших к разложению ньюгармонейскую кооперативную общину в полном ее составе, были ее эко-

номическия особенности, **отнимавшие всякую энергию** у членов общины. "Было замечено", говорит Рей, "что их ревность к труду и их деятельность уменьшались вместе с увеличением числа членов. В самом деле, чем больше было их число, тем больше они старались свалить (о добрые!) друг на друга производительные работы, что, наконец, привело к дефициту".

Фурьеристическия фаланги (Щегл., 157):

"Между членами начались неудовольствия; **холостые люди и девицы жаловались, что они работают столько же, сколько семейные,** имеющие детей — совершенно то же, что раньше обнаружилось в **ньюгармонейской общине.** Оттого все работы или делались кое-как или совсем прекратились; **сапоги,** между прочим, **оставались невычищенными:** страстное влечение к этому занятию у пасторов исчезло".

Луи-блановские мастерския.

Мастерская в Клиши (Щегл., 540):

"Каждый находил выгодным, чтобы его сосед больше работал, и потому каждый возлагал надежды на другого".

О ней же другой источник сообщает, что, при существовании равного вознаграждения за труд, она страдала от взаимнаго недоверия рабочих, от того, что каждый **подозревал других в неусердной работе,** следствием чего было **взаимное шпионство,** от котораго происходили, в свою очередь, несогласия, раздоры.

Вот плоды, достойные коммунизма!

* * *

ГЛАВА VIII.

Коммунизм не понял основной проблемы.

Коммунизм родился в то время, когда пролетариат был наиболее угнетен, в расцвете угнетения. Это было такое время, когда разсуждать не приходилось, когда нужно было бежать к нему на помощь немедленно, опасаясь полнаго его вырождения. Это было время грандиозных благотворительных порывов.

И коммунисты, как нищие духом, устремились по этой скользкой стезе.

Видя всюду эксплуатацию, они стали учить об ее уничтожении на манер попов: "любите друг друга, помогайте друг другу —

и тогда наступит всеобщее счастье".

Заплатчики, прорехочинители!

Коммунизм есть грандиознейшая заплата к современному строю, далеко оставляющая за собою и право на труд, и прочия выдумки, которые являются лишь пластырями.

Коммунизм — это грандиозная больница и грандиозное благотворительное учреждение для всех выбитых жизнью.

Единственное извинение его — в том, что он возник в противовес ужасам капитализма.

Рабочим людям нужна не больница, а новый строй, где всякая благотворительность стала бы излишней, где каждый мог бы помочь сам себе.

Рабочему нужно уничтожить эксплуатацию, и с падением ее станут излишни все благотворительные теории.

Коммунизм не понял этого; коммунизм не понял того, что зло рабочих происходит не от того, что один сильнее, другой слабее, что один искуснее, а другой трудолюбивее, что один зарабатывет больше, а другой меньше, а от того, что всех их эксплуатируют, потому что всех их давит капитал.

А потому, идеал рабочих не в **уравнении** одного с другим — со стороны рабочих никогда не раздавалось жалоб, что один сильнее, а другой слабее — а в **уничтожении эксплуатации**; не в насаждении братства, а в свободе.

С современными благотворительными учреждениями рабочий может лишь мириться, так как сейчас ничего еще не может поделать.

Но обратить будущее в лечебницу он не позволит.

* * *

Часть 2-я. Мутуализм:

Экономический строй анархии.

Штирнер., 47 стр: "Итак, социализм не дает решения вопроса о собственности: этот роковой вопрос разрешается только в "свободном союзе". Только в союзе собственность получает свое действительное значение и действительное признание, так как только в нем факт владения не ставит человека в вассальную зависимость от кого бы то ни было. В союз ты входишь во всеоружии своей силы, своего могущества, и заставляешь себя уважать, а общество только пользуется тобою и твоею рабочею силою".

* * *

ВВЕДЕНИЕ.

"Вы хотите писать об экономическом строе анархизма, как я вижу по заглавию", скажет мне какой-нибудь читатель, осведомленный в анархической литературе: "но, ведь, это Сизифова работа, ибо у анархизма нет экономической системы.

Прекрасная работа о "сущности анархизма" Эльцбахера это нам вполне выяснила. Она нам показала, что анархисты признают всякие экономические строи — и строй частной собственности, и режим коллективной собственности, и полипняк коммунизма. Представителем первой теории является Прудон, второй — Бакунин, третей — Кропоткин.

Словом, по моему мнению, анархизм — это учение только об организации производства, — именно, должна ли быть организация властной или нет, но никоим образом не экономическое или нравственное учение."

Ваши возражения, читатель, вески. Но, тем не менее, я с вами глубоко не согласен — и постараюсь привести доводы противные

Анархизм, по моему мнению, является вполне об'емлющей теорией не только политического, нравственного, но и экономического строя.

Эльцбахер, на которого вы ссылаетесь, проглядел это благодаря лишь своему методу, методу удивительно ненаучному.

Эльцбахер искал сущность анархизма **не в выделении** его от родственных учений социалистов и коммунистов, а в описании систем **"так называемых"** анархистов, и из полученного описания он составил **смесь, названную им сущностью анархизма.**

Понятно, что от такого изучения анархизма ничего другого, кроме ералаша, и не могло получиться.

Для познания сути анархизма такой метод совершенно непригоден.

Для познания сути анархизма нужен не **описательный метод,** а **аналитический,** тот метод, котораго мы держались в теоретической нашей части.

Такой метод, действительно, даст возможность выделить суть анархизма.

Помня наш метод, мы спустимся в глубины истории, чтобы открыть зачатки анархизма в далекой старине, вывести их на свет божий и противопоставить их идеям коммунистов.

Когда мы это сделаем, то мы увидим, что анархизм обладает своей собственной экономической системой.

Приступим же.

* * *

ГЛАВА I.

К какому типу примыкает анархизм в экономической сфере.

История нам показывает, что в первую эпоху развития пролетарского сознания в массе циркулировали только идеи коммунистов.

Оуэн и Кабэ были властителями дум рабочего класса.

В чем состоит суть коммунизма, мы уже с вами видели, —это частичное пожертвование своим трудом в пользу ближнего, до механического или пропорционального уравнения.

Жертва! жертва! была единственным лозунгом пролетариата, пробуждавшегося от капиталистического кошмара.

Но вот незаметно и постепенно на историческую сцену начи-

нает выступать другое течение, робкими и еле слышными шагами...

Оно начинает шептать вместо жертвы — **каждому его;** вместо любви — справедливость; вместо демократии — свобода или анархия ....

И чем дальше оно идет вперед, тем шаги его делаются смелее, мысли его отчеканиваются , принимают ясную, твердую и логическую форму ...последователей его становится все больше и больше.

Оно уже не идет, а двигается грозной волной, лавиной . . . Недостает только сильного и могучего ума, который, охватив бы всю суть новых идей, формулировал все и бросил в мир закованные в сталь идеи.

Но вот и ум является.

В истории анархизма таким умом был **Прудон.**

Он сильно и резко подчеркнул новые черты нового учения.

Он создал анархизм, — анархизм, как политическую, экономическую и моральную систему.

Эта система стала в резкую противоположность с системою коммунизма.

В коммунизме — любовь	**В анархии** — справедливость
” власть	” свобода
” жертва.	” каждому — его.

Так, в лице Прудона, идея анархизма впервые противопоставила себя идее коммунизма.

Прудон умер — и у него нашлись ученики и последователи.

С Прудоном были знакомы почти все видные теоретики “так называемого” анархизма: Бакунин и Толстой.

Кропоткин знаком с Прудоном через его последователей юрцев*).

Как воспринято было новое учение последователями? Развили они учение или исказили его?

К сожалению, приходится сказать второе — воспитанные в предрассудках социализма и любви, ни Бакунин, ни Кропоткин**), ни Толстой не могли окончательно порвать со своими старыми

---

*) Сторонники Прудона в Швейцарии.

**) Эту одностороннюю эволюцию интересно проследить на Кропоткине; он был социалист и, столкнувшись с анархией, усвоил только часть ее.

взглядами. Все, что они усвоили от Прудона, — это идею безвластия.

Однако, анархическая струя не в одинаковой степени всех разложила. Бакунина она коснулась сильнее, чем Крапоткина и Толстого. Бакунин стал коллективистом, Толстой же с Крапоткиным остались **коммунистами.**

Но коллективизм не можжет быть анархической системой, ибо он отрицает принцип "каждому по труду," вводя общую собственность на орудия труда и средства производства. Разбирая суть обобществления, мы отметили воровскую его природу.

Девиз же Крапоткина: "от каждого по силам и каждому по потребностям" — и подавно ничего общего с анархизмом иметь не может.

Как видите, последователи Прудона свернули с дороги (впрочем, они на ней никогда не стояли), проложенной им, и запутались в "евангельских отвлеченностях."

После всего сказанного, для вас теперь стали яснее идея экономического анархизма, а также недостатки метода Эльцбахера. Его метод не выясняет идею анархизма, но запутывает ее. Чтобы понять суть анархизма, нужно держаться социометрического метода.

Отрежем же, следуя нашему методу, все лишнее у "так называемых" анархистов, отбросим все неанархическое, все шлаки, которые повисли на их теориях, — такими шлаками являются коллективизм Бакунина и коммунизм Толстого и Крапоткина, — и тогда мы найдем чистый анархизм.

Удивительно, как Эльцбахер проглядел все мною сказанное; это тем более удивительно, что Крапоткин даже не называет себя анархистом, а величает себя прямо "безгосударственным социалистом".

Итак, к каким же выводам все предыдущее нас обязывает? А к тем, что анархизм имеет свой особенный экономический строй, свой экономический принцип, выражающийся в краткой формуле: **каждому по его труду — и этот принцип заставляет нас отнести анархизм к третьему типу.**

* * *

ГЛАВА II.

Разные группы анархистов.

Из предыдущей главы мы уже знаем, что не все чистые анархисты — те, которые считаются анархистами. Из последовательных анархистов приходится выкинуть Толстого и Крапоткина, имеющих в своих системах очень мало анархического — они анархисты только в политической сфере, а во всех прочих сношениях между людьми они остаются ярыми коммунистами.

Чистых же анархистов можно разделить в экономической сфере на две группы: анархистов-индивидуалистов и анрхистов-ассоциационеров.

Группа анархистов-индивидуалистов — группа древняя. Виднейшим ее представителем является **Прудон.**

Теория анархистов-индивидуалистов вполне сформирована и закончена.

Теория же анархистов-ассоциационеров — туманна и не выработана.

Видными представителями ее надо считать **Штирнера и Тукера.**

В своей работе, как показывает ее заглавие, я решил исследовать ассоциационный анархизм. Я поставил своею целью разработку этой системы, хочу поставить ее на научную почву.

В виду этого, индивидуальному анархизму я посвящу лишь небольшую главу, тогда как ассоциационному отдам все силы.

* * *

ГЛАВА III.

Индивидуалистический анархизм или прудонизм.

Истинным основателем анархизма безусловно нужно считать Прудона, а не Фурье, как некоторые думают.

Фурье не дал стройной системы общества. Правда, он хотел основать свои ассоциации **на свободе,** но лишь **на свободе договора,** а не на об'ективном основании: "не вреди". Он допускает и капитал, и проценты на него.

Общее у него с анархистами заключается лишь в свободе договора, но это общее Фурье имеет и с либералами, но как либералы не анархисты, так и Фурье далек от них.

Другое дело — Прудон. Он дал вполне резкий и точный анализ. Коммунисты редко занимаются принципами и идеями Прудона — они все свое внимание сосредоточивают на тех практических формах, в которые вылилось учение Прудона.

О, здесь для них пища богатая! — Прудон был плохим практиком.

Однако, человек, который хочет понять суть индивидуальной анархии, не должен сосредоточивать своего внимания на неудачных практических формах, а должен разсмотреть те принципы и идеи, которыми он живет.

А они поистине гениальны!

Что же касается форм, то оне изменчивы.

Анархизм может вылить свои идеи в разнообразные формы, подобно социализму.

Социализм же, как мы видели, выливал свои идеи в разные формы — то в частные мастерския, то в более или менее обширные общины, то, наконец, в одно огромное государство, охватывающее все стороны общественной жизни.

Гениальный ум Прудона впервые прозрел третий тип отношений между людьми.

В то время, как коммунисты и буржуазия бились между индивидом и обществом, Прудон звал к третьему типу отношений, который он довольно ярко обрисовал.

В истории мысли это открытие Прудона составляет такую же эпоху, какую коммунисты, хотя и неправильно, приписывают Марксу в области социологии.

Прудон, можно считать, заложил основание новой науки — социометрии.

Прудон же дал резкую критику капитализма, Маркс его лишь жалкий подражатель. Прудон показал нам всю гнусность капитализма, всю его воровскую природу. Он дал нам наглядныя картины того, как капитал пьет народную кровь.

Никто сильнее его не ругал и не ненавидел капитала.

Но тонкий ум Прудона видел всю гнусность коммунизма.

Никто лучше его не вскрыл подлости и пошлости коммунизма. Он дрался на два фронта, он клеймил два противоположные течения.

Но, клеймя, он создавал. Он выдвигал третий тип отношений... Он требовал свободы, неэксплуатации и справедливости, хотя облек их, повторяю, в неудачную одежду — мелкое производство и обменный банк.

Сейчас мы увидим зависимость этой одежды от идей Прудона.

Почему Прудон проповедывал мелкое ремесленное производство и мелкое крестьянское хозяйство с общинным владением на землю? Да потому, что ремесленник, мелкий крестьянин-общинник никого не эксплуатируют и не дают никому себя в эксплуатацию — а этого-то и требует третий тип отношений.

Связывающим же звеном между производством и обменом Прудон признавал народный банк, целью операций которого был прием сработанных товаров по их трудовой стоимости, и выдача в обмен других товаров, нужных покупателям, но только равной стоимости.

Так думал Прудон примирить свои теоретические взгляды с практическим их осуществлением.

Коммунисты, повторяю, набросились, как воронья стая, на эту сторону его учения — и одержали победу, ибо не трудно было видеть, что возврат к мелкому ремеслу — ретроградён, что при возросшем населении мелкия формы производства не сумеют даже прокормить существующего количества людей, что мелкое ремесло вообще невозможно, так как оно гибнет от крупного, и через несколько лет его совсем не будет.

Не трудно было раскритиковать и проектируемый Прудоном банк. Утопичность его ясна, как белый день: может ли банк правильно исполнять свои функции, если производство не организовано?

Конечно, нет.

Если производство не будет организовано, то никакой обменный банк не поможет, ибо в него будут поступать никому ненужные товары, а в необходимых будет ощущаться недостаток — и банк лопнет.

А раз лопнет, то все пойдет вверх ногами, ибо раз обмен будет парализован — появится нужда, и старый строй со всеми своими пороками и эксплуатацией снова, словно призрак, восстанет из гроба.

Отсюда вывод тот что недостаточно организации обмена, что нужна **организация производства.**

* * *

ГЛАВА IV.

Ассоциационный анархизм.

А) Организация производства.

а) ВВЕДЕНИЕ.

Анархисты-ассоциационеры это поняли.

Анархисты-ассоциационеры поняли, что им нечего бояться организации производства, раз анархисты-индивидуалисты не боятся организации обмена.

Конечно, цель организации производства у анархистов-ассоциационеров совсем другая, чем у коммунистов.

Целью организации производства у коммунистов являлось удовлетворение потребности **всех**, всего "общества".

Целью организации производства анархистов является **личное** удовлетворение потребностей, а потому и вся организация анархистов носит совсем другой характер, чем у коммунистов.

У анархистов вся организация построена на **личных связях.** Первый вопрос, который мы должны задать об организации производства — это к какому типу организации примыкают анархисты.

* * *

в) К какому типу организации примыкают анархисты-ассоциационеры.

"К какому типу организации примыкают анархисты?" удивленно переспросит читатель: "но, ведь, этот вопрос безсмыслен, **ибо** анархисты никаких организаций не признают; они по самому существу своему дезорганизаторы".

Верно ли это ходячее мнение об анархизме?

Нет. Анархизм признает организацию, но организацию своеобразную.

Из теоретической части всем известно, что между людьми существуют только три типа отношений.

Сообразно этим трем типам отношений существует и три типа соединений: властное, подданическое или вассальное и свободное.

А потому люди, вступая друг с другом в сношения, могут: или, подобно баранам, отказавшись от инициативы и самоопределения, бежать под властную руку диктатора, или сами сделаться тиранами и прочих людей механизировать и организовывать, распределять и классифировать, или, презирая баранов, игнорируя Цезарей честно протянуть друг другу руки и договориться о будущем способе производства, как равноправные товарищи.

Какой же из этих трех способов соединения мы можем признать? Конечно, только третий способ соединения — договор.

Только в договоре одна личность уважает дургую, только в договоре пропадает всякая власть и подданство, и действуют только простые люди и товарищи, ибо в договоре я не являюсь ни начальником, ни подчиненным, ибо в договоре я не повелеваю, ни командую, но и не играю роль простого материала в руках других.

Следовательно, **анархисты по своей организации примыкают к третьему типу отношений.**

В договорной организации нужно отличать **принцип** организации и **форму** ее. Принципом ее является **договор**, формой же — **ассоциация**, т.-е. **добровольное соединение.**

Договор, как принцип, еще не даст возможности облечь анархизм в конкретную форму. Большинство анархистов забывает это, а потому и свои теории они не могут никак облечь в **практические** формы, витая лишь в области теории, т.-е. договора.

* * *

c) Совместим ли договор с анархизмом?

Это страшно трудный вопрос. Не говоря уже о публике, которая в анархии видит свободу, а **в договоре путы**, и на этом основании упрекает анархистов в противоречии, даже среди анархистов есть такие, которые считают договор несовместимым с анархией. К числу их принадлежит, напр., Штирнер.

Вот как он доказывает несовместимость договора с анархией:

"У кого есть сила—у того и право; нет у вас силы,—нет и права. Неужели так трудно постичь эту мудрость? Меня хотят уговорить пожертвовать своими интересами ради интересов государства. Я, напротив того, об'являю войну не на жизнь, а на смерть, всякому государству, даже самому демократическому... Всякое государство есть деспотия, независимо от того, является ли этим деспотом один чело-

век или многие, или же, как это себе представляют в республике, господами являются все, т.-е. когда все друг для друга деспоты. Так оно и бывает каждый раз, когда выраженная воля какого-нибудь народного собрания становится законом для отдельной личности,— законом, которому эта отдельная личность обязана повиноваться. Если даже представить себе, что народная воля, действительно, представляет волю всех отдельных личностей, что мы, действительно, получили бы совершенную "коллективную волю",—то от этого дело все-таки не изменилось бы. **Не был ли бы я связан сегодня и завтра моим вчерашним мнением? А если бы это было так, то это означало бы, что моя воля окаменела. Жалкое постоянство! Мое собственное творение, а именно, определенное выражение моей воли, стало бы моим повелителем. Мне же, творцу, были бы поставлены преграды, которые мешали бы дальнейшему свободному проявлению моей воли; только потому, что я вчера был глупцом, я должен им оставаться на всю жизнь. Таким образом, в государственной жизни я в лучшем случае являюсь собственным рабом. Только потому, что я вчера был человеком с волей,—я сегодня должен быть человеком без воли; вчера свободен—сегодня раб".**

Верно ли,что договор и свобода противоречат друг другу?

Последовательные анархисты, каков Прудон, дают отрицательный ответ.

Кто же прав?

Чтобы дать ответ на этот вопрос, рассмотрим доводы и доказательства Штирнера, как человека, который наиболее талантливо сгруппировал все возражения, облекши их в обаятельную форму.

Все они сводятся к следующему: "Договор стесняет волю договорившегося. Раз я договорился на что-либо, а после раздумал, то я уже не волен располагать собою. Где же свобода? Воля моя связана и ограничена. А анархизм требует полной свободы проявления своего "я".

Полной свободы—да; но не полного произвола.

Разве анархист **не связывает** свою волю тем, что не имеет права убивать другого, эксплуатировать другого?

А разрушение договора иногда равносильно убийству, воровству и т. д.

За примерами не далеко ходить.

Если, например, вы договорились смотреть за ребенком, а после раздумали, бросили его одного — и он убился. Не убийца ли вы?

Если, например, вы договорились смотреть за топкой доменных печей, а после ушли, а они погасли. Не вор ли вы?

Убийца и вор.

Отсюда следует, что соблюдение договора есть основной принцип анархизма, так как анархист ставит своей целью непричинение активно вреда другому человеку, и что в таком соблюдении договора нет никакого стеснения свободы.

Штирнер же впадает в противоречие лишь потому, что он, во 1-х, провозглашает моралью анархизма **эгоизм**, а не справедливость.

Если бы он правильно нашел моральную суть анархизма, то он не сказал бы, что договор—путы. Но Штирнер, стоя на той точке зрения, что другой индивид для него лишь "пища", вполне последовательно видит стеснение своей воли, если индивид не хочет попасть на его стол. Мы же видим в этом лишь ограничение произвола. Во 2-х, Штирнер в определении свободы стоит на идеалистической точке зрения. По его мнению, **свобода—это делай то, что ты хочешь**—и потому он видит ограничение свободы в уважении равных прав других; а потому он видит тиранию в воле, которая мне велит сдерживать договор, чтобы не убить другого. Тогда как тут нет никакой тирании, ибо свобода состоит не только в воле, но в воле, согласованной с хорошим поступком. Социометрия это показывает яснее света. Социометрия показывает, что свобода—это не наше внутреннее состояние души: хочется или не хочется мне сдержать договор,—а такое **отношение одного человека к другому, когда я не заедаю его жизни.** А если это так, то свобода требует, чтобы я поступал не так, как мне хочется, а так, чтобы я не причинил **вреда** другому. Несоблюдение договора причиняет вред, а потому свобода требует его соблюдения.

И то, что Штирнеру представляется господством, тиранией идеи над живым человеком, на самом деле есть призыв ее к человеку не быть тираном, остаться верным идее "не вреди"... быть свободным человеком. И у анархиста, поставившаго своею целью третий тип отношений, не может даже и мысли родиться нарушить договор.

Тут вы меня перебьете, сказав: "Ну, уж это утопия! Если я закабалюсь договорами на целые годы, а после настроение изменится, то разлад, даст себя чувствовать".

Но анархический договор никогда и не заключается на целые годы; он заключается лишь на одно действие, на исполнение одной работы, одного предприятия, по исполнении которых индивид по-

лучает возможность заключать новые договоры.

Весьма вероятно, что в большинстве практических случаев в жизни можно будет завести условные договоры, т.-е. такие договоры, которые я могу порвать каждую минуту, не докончив дела... Почти вся экономическая жизнь может быть построена на таких договорах.

Возможность условных договоров основывается на том соображении, что всегда можно найти других людей, которые согласятся довести до конца начатую работу.

* * *

d) Организация хозяйственной жизни.

Раз анархисты признают организацию, то вам, читатель, уже не должно казаться странным и диким, если я заговорю подробнее об организации хозяйственной жизни, о тех учреждениях, которые придется создать для урегулирования нормального течения производства.

А анархисты отлично понимают, что для того, чтобы производственный процесс совершался безболезненно, необходимо, во 1-х, организовать спрос и предложение, во 2-х, соорганизовать труд.

Эта деятельность неизбежно должна вызвать к жизни два учреждения: 1) справочное бюро спроса и предложения и 2) бюро, дающее возможность скомбинировать труд.

Прежде чем описывать функции этих бюро, мы должны сказать о том, кто ими будет заведывать, и каким образом достанется заведывание ими.

Как коммунисты справились с этой задачей, мы это видели: у них заведуют лица, выбранные большинством, представители большинства.

Кто же у нас, не признающих власти и выборов, будет заведывать бюро? Да и возможна ли организация без власти, выборов...

Ответим на все эти вопросы.

Будучи сторонниками договора, договорной системы, мы, конечно, и при организации хозяйственной жизни можем прибегнуть только к ним.

У нас в бюро получат работу лица не по выбору, а по договору.

"Непонятно", — промолвите вы.

Сейчас поясню.

Предположите, что общество анархистов состоит из 1000 человек.

Каждый из них понимает выгоды организованнаго производства (историческая жизнь развила стремление к организации), а потому и стремится соорганизоваться.

Зная, что необходимо кому-либо исполнять работу в бюро, часть из этой тысячи, положим 100 человек, предложит свои услуги для работы в бюро.

Предложение это может состояться разными путями: личными переговорами, посредством газет и нарочно основанных для этой цели органов.

Словом, так или иначе, каждый из этой сотни заявит о своем желании работать по конторской части, и его желание будет услышано всеми.

Когда выяснится число лиц, согласных работать в бюро, тогда остальные 900 человек предполагаемаго нами общества начнут заключать договоры с лицами, выразившими желание работать в бюро. Каждый из этих 900 человек будет индивидуально заключать договор с тем или другим нравящимся ему человеком из 100.

Один из этих 900 человек заключит договор с одним из 100; другой — с другим; третий — с третьим; четвертому может опять понравится первый... и т. д.

В конце концов, каждый из 900 вручит тому или другому кандидату из 100 то количество времени, которое, по предварительному подсчету, потребуется для наведения необходимых каждому справок.

При этом, конечно, разные кандидаты получат разное количество времени, в зависимости от количества заключенных договоров, а следовательно, и разное право на количество часов занятий в бюро.

Одни получат 100 часов, другие 50, третьи 25 и т. д.

Такова суть договорнаго распределения работ в бюро.

* * *

Первое возражение, которое мне, вероятно, придется от вас услышать, будет такое: "вы описываете не договор, а выборы".

Об'яснимся.

Что такое выборы и что такое договор?

Договор — это индивидуальное заключение контракта с другим.

Выборы — это назначение на должность одного лица толпою, обыкновенно, ее большинством.

Что же у нас — договор или выборы?

Безусловно, договор.

"Не торопитесь с выводами", — так я читаю в ваших глазах.

Вам, наверное, кажется, что в выборах я упустил один элемент, а именно, **согласие избираемаго** — и, благодаря такому упрощению задачи, одержал легкую победу.

Нет. Я сознательно дал выше стоящее определение.

Об'ясню причину. Согласие избираемаго — это отступление от чистой власти большинства, ограничение ее; это частичный договор. Больше, — согласие избираемаго на выбор, если хотите — частичный анархизм. И все-таки, тем не менее, между договором и этими разлагающимися выборами (выборами с согласия избираемаго) — большая разница.

Разлагающиеся выборы дают свободу индивиду не быть выбранным против воли, **но они не дают индивиду выборных прав.** При "разлагающихся выборах" толпа и большинство продолжают еще властвовать, ибо с кандидатами, выставившими свои кандидатуры, меньшинство не имеет права заключать договоров: работу получат лишь любимцы большинства.

Словом, при "разлагающихся выборах" лишь большинство может заключать договоры с кандидатами, а не индивиды и не меньшинство — они изгои.

Договор же совершенно развязывает руки индивидам, делая их самих устроителями своей жизни. Он отвергает не только назначение против воли, но и лишение индивидов права заключать договоры с кандидатами. Договор требует уничтожения **выборов** кандидатов, из'явивших свое согласие на получение работы, он требует замены выборов личными контрактами с кандидатами.

Чего же требует наша система? — Личных контрактов.

Следовательно, она не выборная система, а договорная.

* * *

Вторым вашим вопросом о моей системе замещения мест в бюро, вероятно, будет следующий: "что вы за свободник! где у вас свобода? Свобода требует свободнаго выбора занятий, а не спрашивания согласия у другого на работу. При вашей свободе человеку и двинуться нельзя будет. Весьма вероятно, у вас и сесть и стать без согласия других невозможно. Вы, видно, сами не понимаете анархизма, если такие штуки говорите."

Ответим.

Анархисты не могут признать системы "свободнаго" выбора себе занятий без согласия другого.

Эта система крайне груба, и я удивляюсь, как вы осмеливаетесь ее проповедывать.

Что означает эта система? Ни больше, ни меньше, как самоуправство, "нашему ндраву не препятствуй".

Подумайте немного над этим, и вы сами убедитесь в истинности сказаннаго мною.

Право "свободы" выбора занятий означает: "во что тебя одену, в том и ходи; что приготовлю, то и ешь". Право "свободы" выбора означает право другого человека снабжать меня, чем он хочет; оно означает право другого человека обратить меня в болвана, куклу, которую можно по своему усмотрению одевать и раздевать. При такой системе портные могут вас замучить с примерками, если им понравится ваша фигура*).

Словом, система свободы выбора — это система навязывания своей воли другому. Признание этой теории было бы насилием над моею личностью. Человек, исповедующий ее — наглец.

Теория "свободы" выбора занятий — это теория сверх'человеков.

Не менее ненавистна и противна нам и противоположная теория, изобретенная рабами и усвоенная коммунистами: **назначение на должности.**

Право, противно и больно смотреть, когда толпа говорит индивиду: "иди туда" — и он, как баран, блея и мотая головой многоголовому тирану в знак подчинения, бредет на указанный урок.

Кроме этих двух соединений, остается еще только одно — это договорное соглашение, договор.

В договоре один человек уважает волю другого.

В договоре ни один из контрагентов не смеет сказать без согласия другого: "работай на меня", — это было бы подчинением его. Но никто не смеет сказать без согласия: "я буду работать на тебя", — это было бы порабощением меня; но каждый должен спросить друг друга: "хочешь ли работать на меня, нужна ли тебе моя работа", — а это и есть договор.

Итак, мы, анархисты, признаем, что одного желания занять место в бюро мало, на это нужно согласие другого.

Что же касается вашей нападки, что у нас без позволения

*) При системе "свободного" выбора, на вашу долю "свободники" могут оставить чистку нечистот, себе забрав музыку и пение.

нельзя ни сесть, ни стать, то она основана на недоразумении с вашей стороны.

Никто из нас не запрещает вам деятельности, которая касается только вас: вы можете сидеть, стоять, лежать, вы можете для себя рисовать картины, шить брюки, вести домашнюю статистику и т. д.

Согласие требуется только тогда, когда вы свою деятельность хотите направить на меня, напр., шить для меня брюки, наводить для меня статистические справки и т. д.

Мы против такой "свободы", протестуем — и в стеснении ее не видим никакого ограничения нашей истинной свободы, ибо каждый человек природою предназначен для удовлетворения всех своих потребностей. Разделять же труд с другими он может только тогда, когда другой выразит на то согласие.

* * *

"Ваш договор шаблонирует и регламентирует индивидов", скажете вы мне, "заставляя придерживаться их одной системы распределения работы, — тогда как индивидам в будущем могут понравиться и иные распределения работ, напр. распределение работ через лотереи, по свободному выбору, очередныя работы во всех производствах и т. д. При таких условиях, ваш договор будет железным ярмом для индивидов".

Вы не правы, дорогой коммунист. Анархисты чужды шаблонов, — шаблоны удел коммунизма. Вы, коммунисты, со своим государством, со своими законами, со своим стремлением подвести всех под одну мерку, установите ту или другую систему распределения работ, обязательную для всех индивидов.

Наш же договорный принцип позволит разным группам индивидов завести у себя такую систему распределения работ, какая им нравится. У нас могут существовать все перечисленные вами выше системы, но только, конечно, с согласия индивидов.

Договор, давая право каждому индивиду распоряжаться своим трудом, как он хочет, допускает это.

В своей же работе я описываю лишь **право индивидов на договор** и одну из возможных организаций анархического строя.

Это прошу помнить.

* * *

Третий вопрос, который вы мне предложите, будет, вероятно, таков: "Как быть, если окажется слишком много желающих работать в бюро, через что голоса могут очень раздробиться — и каждый получит слишком мало?

Как, в самом деле, быть?

Очень просто.

Те, которые получат мало часов труда в бюро и через то сочтут невыгодным работать в них, могут отказаться от этого занятия, и оставшиеся, благодаря их уходу, получат возможность больше трудиться.

Наконец, для избежания дробления голосов, могут возникнуть ассоциации, дающие согласия дать работу одному какому-нибудь лицу.

Словом, так или иначе, тем или другим путем, каждый договорится с другим.

Четвертый вопрос, который вы мне зададите, будет противоположное предположение: как быть, если в бюро окажется слишком мало желающих работать постоянно?

И это препятствие мы сумеем обойти: мы **будем или лично каждый для себя или по очереди** друг для друга **наводить необходимые справки.**

Организация труда нужна, мы все ее желаем, мы все видим ее необходимость, а потому из такого положения только этот выход и будет целесообразным.

Практически, в данном случае, можно себе представить организацию так: в разных местах образуются ассоциации*) для наведения необходимых сведений, ассоциации разных городов снесутся друг с другом — и получится полная возможность добывать необходимые статистическия справки.

* * *

Дальнейшие вопросы, которые вы мне предложите, будут касаться уже не договороной системы организации, а устройства, месторасположения бюро... Вы, наверное, поинтересуетесь узнать, будут ли наши бюро находиться в одном месте или нет, будут ли они обнимать спрос и предложение всей страны, или каждый де-

*) Образуются ассоциации, в которые войдут все жители разных городов. (Конечно, жители каждого города в свою ассоциацию). Работать будут по очереди.

партамент, каждая провинция будет иметь свою пару бюро и т. д.

Попробуем и на эти вопросы ответить.

Я думаю, что бюро будут находиться в одном центральном месте, и думаю это на следующем основании: целью бюро является сконцентрирование спроса и предложения, комбинация труда и т. д., а потому гораздо удобнее, чтобы бюро находилось в одном месте, чтобы они через это сконцентрировали в себе все сведения.

Такое положение бюро будет всем понятно — и все к нему будут стремиться.

В подобном предположении нет ничего утопического — **ибо в выборе места нахождения бюро будут играть не столько личные симпатии и антипатии к месту его нахождения, сколько его экономическое** положение.

Положение же бюро в центре страны наиболее экономично.

Только ненормальным людям может прийти мысль устроить его, скажем, на крайнем севере, в углу страны, ибо такое его положение потребовало бы массы лишней траты времени и издержек.

Только центральное положение бюро сократит издержки по наведению справок, только оно даст и должную быстроту в наведении их... и т. д.

Вероятность нахождения бюро в центре можно вывести еще чисто психологическим путем: центр — это такое нейтральное место, на котором все сойдутся, если среди анархистов возникнут по этому поводу разногласия.

Взаимные уступки друг другу при договоре о месте нахождения бюро в конце концов приведут к тому, что все согласятся, чтобы оно находилось в центре. Я говорю — взаимные уступки, так как никто не захочет об'эксплуатировать воли другого, воспользоваться экономическими преимуществами в свою пользу.

Если, все-таки, несмотря на мои уверения, в будущем найдутся такие оригиналы, которые захотят, чтобы бюро помещалось в другом месте, они и могут устроить свое отдельное бюро.

Такое раздвоение ни капли не повредит общему ходу дел: центральные бюро в случае необходимых справок смогут свободно сноситься с ним.

Бояться неосуществимости анархизма только из-за того, что мы не сговоримся о месте, — право, смешно.

Повседневная практика различных союзов, бирж, железнодорожных компаний наглядно показывает, что из-за местонахождения

союзы не распадаются*).

Но станем на минуту на вашу точку зрения, допустим, что наши ожидания о нахождении бюро в центре не оправдаются, — разве от этого анархизм рухнет?

Ни капли. Пусть желания населения разобьются на 20, 30, 100, 1000 частей — и пусть, поэтому, бюро возникнут в 20, 30, 100, 1000 местах. Мы допускаем прямо-таки невозможное раздробление воли, ибо обыкновенно люди раскалываются на два, на три лагеря с противоположными мнениями — и что же?

Экономически, подобное раздробление бюро будет, быть-может, маловыгодным — уж это воля самих людей, — но стройность справок не нарушится, так как эти бюро для взаимных справок установят между собою связи.

Пойдем еще дальше. Допустим, что в каждом селении люди будущего пожелают иметь по паре бюро; и тогда анархизм не рухнет, ибо посредством договора можно будет сосредоточить в разных местах спрос на какой-нибудь предмет, что сохранит при децентрализации все выгоды централизации.

Например, в Воронеже может быть бюро, ведущее спрос на сахар; в Киеве — на чай; в Чернигове — на сапоги; в Москве — на бумагу и т. д.

При таком разделении бюро по разным городам, спрос будет **концентрирован, бюро же** децентрализованы.

Но, повторяю, скорее всего оба наши бюро, обнимая собою каждое весь спрос страны, будут находиться в центре.

* * *

До сих пор вы, читатель, распрашивали меня, теперь же я сам себе позволю сказать несколько слов.

Договорная организация впервые освободит человечество от язвы чиновничества.

Что такое чиновник? Чиновник — это должностное лицо, назначенное на свое место **волею одного** или **волею многих**, через что чиновник является лицом, отнятым от общества, стоящим вне его, выше его.

---

*) Прекрасным доказательством правильности моей мысли служит зарождающаяся организация французских рабочих — биржи труда.

Рабочие, понимая выгоды нахождения справочной конторы в одном месте, создают уже **центральные бюро**, и споры о месте у них не играют ровно никакой роли. См. Пелутье: "Биржи труда".

Это гражданин, облеченный властью.

По отношению к меньшинству — это насильник.

Чиновник, как паразит, вьет свою паутину... все отравляет и делает противным то учреждение, где служит...

Будучи бюрократом, он ленив. Будучи выбран большинством, он к каждому индивиду относится с презрением, ибо всегда может затеснить некоторых, не лишаясь большинства. А этим некоторым может быть каждый из нас.

Наша организация впервые уничтожает чиновничество... Мы впервые делаем людей людьми, работниками, товарищами...

У нас нет назначений, выборов; у нас только договор одного лица с другим — и договор временный, до нашего обоюдного довольства друг другом.

Договор подрывает, подрезывает крылья власти.

Наш статистик не смеет быть грубым, ибо я всегда могу порвать с ним договор и заключить новый с другим.

Могу даже, игнорируя всех, и сам навести для себя нужные справки, ибо мое право всегда остается при мне.

Правда, что за свобода?

Правда, как легко дышится без чиновников и должностных лиц!

* * *

Прежде чем окончательно расстаться с подотделом этой главы, позволю себе сказать еще несколько слов о выборной и договорной системе организации для тех, которым она еще не ясна.

Выборы — назначение по большинству.

При выборах власть попадает в руки лиц, приятных большинству, кандидаты меньшинства проваливаются, через что воля меньшинства насилуется.

При выборном начале меньшинству приходится иметь дело с неприятными для него лицами, — с чиновниками, ибо по отношению к меньшевикам будущие статистики являются начальством, которому надо подчиняться, перед коотрым нужно гнуть шею, соблюдая всю пошлость иерархии.

При договоре ничего подобного быть не может.

При договоре каждый отдает свой голос кому хочет — и взявший его будет делать, оказывать мне услуги, какие я хочу.

Благодаря этому, пропадает чиновничество, власть и насилие... все превращаются в рабочих и равноправных товарищей.

Благодаря договору, ни над чьей шеей не будет стоять ни

одного чиновника.

Статистики анархистов — обыкновенные рабочие, а не власть.

При выборах, **рабочий выбирает себе начальство**, при договоре рабочий становится со статистиками товарищем.

Ну, приступим теперь к описанию различных бюро.

* * *

е) Функции статистиков.

а) Справочное бюро спроса и предложения.

Задачи этого бюро не будут иметь ничего общего с коммунистическим бюро.

У коммунистов оно играет активную роль — подсчет потребностей, распределение труда и т. д., — одним словом, опекунскую роль.

Такие функции бюро лишают человека индивидуальности и самоопределения — не от него зависит направлять производство.

Индивид в коммунизме играет роль лишь **живота**, и то не индивидуального, а общественного. Члены коммунистического бюро ощупывают этот общественный живот и сообразуются с ним, игнорируя запросы отдельных желудков. Подсчитав потребности общественного живота, статистики опробывают мускулы каждого и, сообразно его силам, нагружают тем или другим количеством работы, которую он обязан выполнить.

У нас же роль бюро будет чисто **посредническая**, через что оно не будет пользоваться ни одним правом индивида. На долю статистиков бюро выпадут, если так можно выразиться, чисто почтовые функции — способствовать сношению потребителей-работников с работниками, ищущими труда.

Сообразно таким функциям бюро, в него будут поступать лишь письма или телеграммы с просьбою указать, с одной стороны, лиц, которые согласны **выполнять** ту или другую, необходимую для нас, работу, с другой стороны — лиц, которые **нуждаются** в той или другой работе.

Дать подобные справки наши статистики вполне смогут, так как в бюро будут поступать все необходимые сведения по спросу и предложению, посылаемые индивидами через сговоренных статистиков.

Это бюро нам нужно лишь потому, что без него трудно найти лиц, желающих работать тем или другим видом труда или желающих иметь те или другие предметы.

Напр., я совершенно не знаю, кто в Петербурге желает шить сапоги, или нужно ли кому-либо в Киеве молоко.

Бюро же, концентрируя в своих недрах все желания, комбинируя весь спрос и предложение, выражает все чаяния страны, а потому дает возможность без всякого труда точно знать, кто какую работу желает получить, кто в чем нуждается*).

Дело бюро, повторяю, будет чисто почтово справочным. Оно будет сообщать только адреса рабочих потребителям, адреса потребителей рабочим — **договор же об условиях работы будет совершаться** самими заинтересованными сторонами, индивидами, а не статистиками.

Словом, наше бюро — это посреднически-справочная контора.

Злоупотреблений в передаче сведений быть не может, ибо справки будут поступать помеченными на телеграфе минутами отправления.

Статистики тоже будут обозначать время дачи справки.

Этих нормировок при печатании отчетов вполне будет достаточно для аккуратности наведения справок статистиками и для уничтожения всякого кумовства. Правильность передачи справок всегда может быть проверена по отчетам.

Подобная организация бюро ведет к важным последствиям.

1) Благодаря тому, что наши статистики **не заведуют** определением спроса, а лишь получают сведения от разных индивидов о том, в чем они нуждаются, то в нашем бюро будет представлен спрос каждого и потребности каждого через это получат возможность удовлетворения.

2) Благодаря тому, что наши статистики не будут обладать правом назначать кого бы то ни было на работу, распределение

---

*) Я потому говорю: у нас известно, кто какую работу желает получить и кто в чем нуждается, что у нас спрос на известные продукты, как и предложение труда, посылается каждым индивидуально с обозначением своего адреса. Напр., отправляя в бюро записку, я указываю: мне, такому-то, проживающему там-то, нужно то-то. Вследствие такой индивидуальной статистики, наше бюро ведает не огульный спрос страны, а спрос каждого.

Все эти индивидуальные сведения, скопляясь в бюро, дают возможность статистикам легко указывать адреса потребителей производителям, а производителям — потребителей.

работ у нас совершается **самими индивидами** через бюро. По указаниям статистиков мы будем находить лиц, которые согласны исполнять для нас те или другие работы, и договариваться с ними об этом.

А такое распределение, распределение индивидуальное, по воле каждого, **помимо общественных чиновников**, имеет важные преимущества.

Отметим их.

1) Личный договор есть наилучшая гарантия хорошего производства. Каждый, взявший работу, будет стараться угодить лицу, давшему заказ, ибо от него одного будет зависеть дать работу или нет, а при демократическом выборе достаточно лишь аккуратно исполнять работы для большинства.

2) Возможность индивидуально заказывать не парализует вкусов отдельных индивидов, не нивеллирует потребностей и устранит, как мы говорили, произвол чиновников, могущих в силу "общественных" интересов воспретить то или другое производство.

3) Инидивидуальный заказ и конкуренции отведет должное место. Каждый рабочий будет стремиться наперерыв лучше готовить предметы, чтобы не потерять работы*).

* * *

Рассмотрим теперь вопрос, как у нас заключаются договоры.

Обыкновенно потребитель-рабочий и рабочий, ищущий труда, узнав адреса друг друга, переписываются о своих желаниях**).

Рабочие могут посылать и образчики своего труда.

Если оба желающие заключить договор довольны друг другом, то договор заключается приблизительно в такой форме:

"Я буду вам заказывать, а вы будете исполнять мои заказы до тех пор, пока оба будем довольны друг другом".

Конечно, такой договор не обязателен, но он диктуется самою

---

*) Дурных последствий конкуренции нечего бояться. Наша конкуренция будет конкуренцией в высшем смысле этого слова, т.-е. производством лучших продуктов без гибели орудий и средств труда, как это происходит в современном строе. Капитал у нас принадлежит, как это мы увидим ниже, не рабочим, как производителям, а рабочим, как потребителям, а потому с переменой рабочих он не гибнет.

**) Там, конечно, где над производством предмета, вследствие разделения труда, работает несколько человек, договорной единицей является эта группа, по договору набирая то или другое количество работы.

выгодою. Такой договор предпочтительнее договору на раз, ибо при разовом договоре и времени даром много уйдет, и договаривающимся придется часто менять род труда: **сегодня я взял одну работу, а завтра я могу ее не найти.** К тому же, частая перемена занятий ведет к бродячей жизни, ибо трудно найти в том месте, где живешь, разные виды труда.

Кроме этих двух недостатков, частые договоры безполезно увеличат издержки по приисканию работы, что нежелательно как для работающего, так и для потребителя.

Вы не думайте, читатель, что я оспариваю тот принцип, что иногда хорошо переменять занятия — я сам понимаю, что иногда это нужно. Но быть перелетной птицей, перегоняться постоянно с места на место — крайне неприятно.

Переменять же занятия — и у нас переменяют.

Форма нашего договора, не исключая возможности переменять род труда, дает возможность для каждого желающего заниматься одним видом труда, **что крайне важно.**

* * *

"Вы проектируете, как я вас понимаю, не что иное, как **рекомендательную** контору **современного** капитализма. Но разве это организация производства? Это анархия, прежняя анархия, только замаскированная. В смом деле, ваша "контора" будет обладать тем же недостатком, что и современные справочные конторы.

Не говоря уже об эксплуатации, контора ваша оставит массу людей без работы, обрекая их на все ужасы смерти. Все современные конторы страдают именно этим недостатком, благодаря чему в них почти никто не записывается. Ну, что вы мне ответите на эту критику вашей системы?"

Прежде всего я вам скажу, что ваше возражение серьезно — оно касается вопроса жизни и смерти людей — и я на нем подробно остановлюсь. Мне кажется, что вы в своей критике несправедливы, смешивая наше бюро с предпринимательскими конторами современного строя. Разница между ними великая, как между небом и землею. Отмечу эту разницу.

1) Рекомендательные конторы—конторы **предпринимательские,** эксплуататорские, обдирающие с рабочего последнюю шкуру. Наше же бюро основано потребителями для собственных целей. В нем ни капли коммерции. Благодаря этому, оно является народным телом,

а не паразитом, к нему прилепившимся.

2) Капиталистические рекомендательные конторы, благодаря современным условиям производства, принуждены влачить роль, о которой вы упоминаете: они не могут обеспечить заработок обращающимся к ним. Условия, которые препятствуют этому, таковы:

а) Хотя у каждого из записавшихся в конторе есть взаимное желание работать друг на друга, но отсутствие орудий труда и средств производства у них обрекает их на голодание, на сидение без работы, пока господин капиталист не соблаговолит эксплуатировать их труд. Обладай они орудиями труда, они сейчас бы взялись работать друг на друга. Но капиталисты никогда не дают рабочим в руки этих орудий и очень часто предпочитают совсем не давать работы, чтобы на меньшем количестве товара получить большую прибыль.

Следовательно, в недаче работы виновата не контора, а условия современного капитализма.

в) Алчные стремления побуждают капиталистов игнорировать рекомендательные конторы. Они в конторы не любят обращаться, так как предпочитают заключать договоры с теми лицами, которые не могут по нужде в них записаться. Здесь можно жертву гораздо вернее опутать, заставив ее согласиться на самые мизерные условия. И с этими стремлениями капиталистов контора беззсильна бороться, и записавшиеся в них принуждены часто бывают даром тратить свои сбережения, тщетно ожидая долгие месяцы, а то и годы, когда улыбнется им счастье.

Наш же строй, уничтожая всех пиявок,в корень парализует и этот второй недостаток современных контор.

3) Современные справочные конторы содержат в себе спрос и предложение лишь небольшого круга лиц, а потому, хотя в стране и есть спрос на труд обратившегося, контора удовлетворить его не может — и ищущий работы вынужден голодать. Наш строй, устанавливая единое бюро для всей страны, дает возможность точно знать весь спрос на труд, тем самым уничтожает и третью причину безработицы. Такова громадная разница между нашим справочным бюро и современными капиталистическими конторами.

Я твердо убежден, что, если вы дадите рабочим орудия труда и уничтожите эксплуатацию, то посредством нашего бюро все найдут работу: ни одного безработного вы не увидите.

Сомневаетесь? Вам все еще кажется, что наша система родит

безработных и обрекает их на смерть? Вам все еще кажется, что я проповедую пресловутый гармонизм интересов? Так слушайте и вдумывайтесь в те мысли, которые я сейчас буду развивать — и вы увидите, что у нас все найдут работу.

В основе нашей системы лежит то положение, что потребности общества концентрируются в одном месте, что бюро представляет из себя резервуар, в котором заключаются потребности всего общества.

Потребности эти требуют различного вида труда: сапожников, шорников, земледельцев, механиков ..., и сапожники, шорники и прочий трудящийся люд будут разбирать с договора различные "потребности" из резервуара.

Весьма вероятно, что различные люди заберут из резервуара и "ваши потребности", **оставив свои для вас.** Словом, вещи, необходимые для вас, одного индивида, будут делаться взявшими из резервуара право делать для вас эти вещи; вам же придется делать оставшиеся работы для других. На вашу долю, несомненно, останется какой-либо вид труда.

Раз какие-либо люди взяли на себя удовлетворение ваших потребностей, то для вас в резервуаре они оставят свои*): никто на вас без эквивалента у нас работать не станет. **Каждый в будущем будет набирать работы на такое количество времени, какое требуется для производства вещей, потребных для него.**

Итак, ваши опасения, читатель, ложны.

Будущим людям нечего опасаться, что они **не найдут** работы, но им может угрожать другая опасность.

Основательность ее мы сейчас и разберем.

По моему мнению, вопрос будет состоять не в том, что кто-нибудь **не найдет работы**, а в том, что не придется ли, при нашей организации, какому-либо индивиду, в конце концов, все самому на себя сработать, если, по случайности, из **резервуара потребностей** никто не возьмет на себя удовлетворение его нужд.

Рассмотрим.

Такой случай, действительно, может представиться только тогда, когда разделение труда невелико. Но, при развитом разделении труда, каждое новое лицо втягивается в цепь специализации.

Сейчас уже Бюхер насчитывает более 10.000 профессий. Чем

*) Если удовлетворение их потребностей взяли уже другие, то эти другие оставят свои потребности для вас, ибо и они без эквивалента работать не будут.

дальше же будет итти развитие, тем больше и больше будет разделение труда. А чем больше будет разделяться труд, тем более возможно будет специализироваться — и каждый новый член, вступая в производство, будет усиливать этот процесс.

Если раньше некоторым лицам приходилось кроме главного занятия прирабатывать в другом, то новый член дает возможность отказаться от подсобной работы, взяв на себя труд удовлетворения потребности вступившего индивида в своей специальности — а такое стремление даст и новому члену возможность специализироваться.

Другие лица отберут у вступившего приготовление других предметов своей специальности и дадут возможность вступившему члену еще более специализироваться и т. д.

Иллюстрирую эту истину наглядным примером..

Вообразите себе, для простоты, общество из трех лиц, имеющих три потребности — в хлебе, одежде и орудиях труда.

Раньше, каждый из этих трех лиц все сам делал для себя, т.е каждый был хлебопашцем, портным и кузнецом.

Потом, двум из них пришла идея вступить в союз, причем один договорился доставить другому хлеб, а другой — орудия труда. После этого договора союзники стали людьми более специализированными, чем третий.

В то время, как третий делал все сам: был и хлебопашцем, и кузнецом, и портным, двое других были уже один земледельцем и портным, а другой кузнецом и портным.

От такого разделения труда ни один из союзников не остался без хлеба, ибо раз я взял удовлетворение известных потребностей другого, то ему оставил удовлетворение своих.

Видя выгоды разделения труда, решил примкнуть к союзу и третий — и что же вышло?

Третий взял на себя портняжество, договорившись с земледельцо-портным за продукты земледелия доставлять одежду, а с кузнецо-портным — за орудия труда.

После этого нового союза произошла полная специализация.

Один стал земледелец, другой — портной, третий — кузнец— и притом никто не остался без работы.

Присоединение четвертого, пятого ... двадцатого ... еще больше разделило бы труд. И никто, опять, не остался бы без работы...

И если теперь вы вообразите себе громадное общество с бесчисленными потребностями, то для вас станет ясно, что при том раз-

делении труда, которое произойдет в нем, никому не придется работать на себя все. Само собою разумеется, что и без работы никто не останется, ибо каждый будет работать на другого.

Этих рассуждений, я думаю, вполне достаточно для доказательства того, что никому не придетсяя самому удовлетворять все свои потребности разными видами труда.

В невозможности быть вынужденным самому себе работать все необходимое в будущем обществе нас еще больше убеждает то соображение, что потребности людей **безграничны.**

В силу этой безграничности каждый стремится расширить свое потребление, работая, конечно, своим специальным трудом — и в результате предлагаются и требуются предметы самого разнообразного свойства, а потому новый член, взамен какого-нибудь определенного вида труда, сумеет добыть все ему нужное.

Если в этом году человек не достигнет приятной ему дифференциации, то наплыв населения в следующем году поможет ему в этом. Заметьте, в одной Росси вступают в рабочий возраст каждый год более 200.000 молодежи.

Отвечу теперь на последний ваш вопрос. Вы спрашиваете, где же у нас организация. Неужели вы ее не видите? Неужели вам нужны генералы, и без генералов вы не понимаете организации?

Наша организация состоит в том, что мы поняли безумство производства наугад, безумства, оставляющего тысячи семейств без куска хлеба, расхищающего наше имущество, губящего наши жизни — и **решили впредь производить по заказу, по договору,** и для этой цели создали бюро.

Мы, прежде чем производить, справляемся в бюро, нужна ли кому наша работа, нужны ли те предметы, которые мы собираемся производить — и бюро нам всегда дает точный, полный и ясный ответ.

Раз в бюро мы видим, что те продукты, которые мы хотели бы производить, нужны, — мы узнаем, кому они нужны; узнав это и получив согласие на производство, мы приступаем к работе.

Раз же мы видим, что в бюро нет спроса на те продукты, которые мы хотели бы производить, то к чему и производить их? Чтобы они гнили, а мы сидели без куска хлеба?

Концентрированный спрос бюро служит для нас как бы маяком, показывающим всю бессмысленность производства того, на что нет спроса, а господа капиталисты, не имея бюро, проделывают такие штуки.

Раз я вижу, что в бюро нет спроса на известные продукты, то производство, которое я вздумал бы завести для изготовления их — заранее погибшее дело, и приняться за него может только безумец.

Вот наша организация. Там, где вы регламентируете производство волею большинства и генералами, там мы обходимся **простым договором.**

Нашего принципа: **производить по договору то, на что есть спрос,** вполне достаточно для правильного функционирования производства.

* * *

"Теперь я все понимаю, — воскликнете вы:—вы отрицаете право **свободного выбора** занятий. Если мне в будущем захочется быть художником, или артистом, или инженером, а в бюро уже не окажется спроса на эти занятия, то мне придется заниматься черной работой, быть может, даже вывозить нечистоты. Уже не говоря о тирании такой системы распределения работ, она несет смерть гению и таланту, закабалив их в черную работу. Вы проповедуете не свободу, а барщину."

Ответим на этот вопрос.

Да, мы отвергаем "свободу" выбора труда. Говоря о договорной системе, мы разобрали три типа разбора работ: захват работы без согласия другого (это так называемый "свободный" выбор), назначение и договор, и сказали, что анархисты сторонники договорной системы распределения.

Там же мы вскрыли и **истинную суть теории "свободного" выбора работ,** показав, что она свободна лишь по форме, тогда как на самом деле является навязыванием своей воли другому, взваливанием на других всей черной работы, а для себя захвата легкой работы.

Действительно,что вы сделаете со сторонником "свободного" выбора труда, если он возьмет себе художество, литературу, а вам оставит всю физическую работу?. Ничего, ибо он скажет вам: "вы признаете "свободу выбора", ну я и выбрал себе творчество, чего же вы ко мне лезете." На основании какого принципа вы лишите его привилегированного положения? С вашей точки зрения — ни с какого, ибо он прав.

Мы же, опираясь на договорное право, на право, отрицающее произвольный, без моего согласия, захват труда, попросим та-

кого молодца отказаться от своего привилегированного положения...

Отсюда для вас ясно, что справедливое распределение работ создает не **"свободный" выбор работ, а договор**, что только в договоре заключается право индивида не быть навьюченным грязной работой сторонником "свободного выбора" и коммунистическим чиновником.

Памятуя эту разницу между "свободным" выбором и договором, разберем ваш пример.

Суть его такова: "мне хочется быть художником, а придется чистить нечистоты, благодаря вашему бюро".

Здесь у вас, дорогой читатель, мало логики.

В нашем строе никто не запретит быть вам художником. Если вы захотите рисовать — рисуйте.. Вам другие запретят лишь рисовать на них, так что в будущем вы можете быть художником и возчиком нечистот.

Некрасиво? Не морщитесь! В будущем всякому придется вывозить нечистоты, — Ванек и Васек, ведь, тогда не будет.

Ну, шутки в сторону!

С тем гнетом, который вы указываете нам, мы сумеем бороться разными средствами. Напр., мы можем установить (договор, делая нас полноправными, дает нам право устанавливать, что за "чистую" работу через бюро нельзя требовть "грязной"*). Например, за столярную работу — вывозки нечистот, чистки навоза и т. д.

Такое установление вас вполне гарантирует от возможности быть вывозчиком нечистот будущего общества.

Все нечистые работы, весьма вероятно, по договору будут исполняться каждым по очереди.

Такое из'ятие из ведения бюро всех грязных работ уравняет все прочие по привлекательности, так что для меня будет совершенно все равно — достанется ли мне из бюро сапожная, портняжная, или какая-либо другая работа. Технических препятствий к выполнению этого не будет, ибо при техническом образовании, при однотипности машин, каждый сумеет в неделю выучиться и исполнять какую угодно работу.

---

*) Это установление, конечно, не будет обязательным для всех. Лицам, которые захотят за чистую работу исполнять "грязную", никто этого не воспретит. При договоре, человек, желающий отдать грязную работу за чистую, должен об этом переговорить с любителем золотарского искусства. Это легко, так как в бюро будет отдел грязных работ, и там будут адреса всех чистильщиков.

Если же у кого-либо все-таки будет стремление к определенным видам труда, то при таком стремлении и любви к этой работе — у него безусловно будет и талант, а раз так, то он всегда получит ту работу, которую хочет. Талант всегда найдет своих почитателей. Самое большее, что несколько дней ему придется поработать другую работу*).

Чтобы показать, что наш строй дает наибольшую свободу, я разберу еще вопрос о том, мыслим ли такой строй, где бы каждый работал ту работу, какую хочет.

И без доказательств можно сказать, что немыслим.

Противное дерзает утверждать лишь теория гармонии, сторонниками которой являются главным образом фурьеристы.

Рассмотрим основательность этой теории.

Теория утверждает, что свободная игра страстей заставит людей трудиться в направлении, нужном для общества. Каждый, выбрав себе занятия, удовлетворит потребности других.

Нелепость такой теории очевидна ... Это проповедь дезорганизации производства ... А к какой гармонии она ведет — это ясно показывает современный строй.

Кроме всех ужасов перепроизводства и всех несчастий безработицы, эта теория готовит нам еще один сюрприз — а именно, видеть, как "пироги точает сапожник, а сапоги печет пирожник," и кушать обед, приготовленный какою-нибудь гнусавою неряхою.

Вы еще не убеждены, вы еще думаете, что коммунизм даст требуемую свободу, благодаря искусству организаторов.

---

*) Те же, которые найдут несправедливым проектируемое нами распределение работ и более соответствующим духу равенства поочередное исполнение всех работ, также сумеют осуществить свой идеал.

Для этой цели они откроют особый отдел при бюро, который будет принимать лишь такие записки, в которых будет сказано, чтобы заказ был дан не одному лицу, а распределен между всеми желающими работать поровну.

Когда, по истечении известного времени, определяемого сроками заказов таких записок наберется достаточное количество, тогда статистики подсчитают, сколько и каких именно поступило заказов, и распределят их поровну между всеми выразившими желание принять участие в таком распределении работ.

Такую же свободу в распределении работ найдут и все прочие учения.

Договор, договор все живит и уничтожает всякие шаблоны .Видите, какая свобода. Хотя такая свобода распределения работ и будет предоставлена каждому, но можно думать, что договорная система, развиваемая мною, имеет больше шансов на победу; она проще, и при развитой технике каждому будет безразлично, какую работу ни исполнять.

Это утопия! Это ложная мысль! — Никакой организатор не сможет согласить несогласимое.

Если 5000 человек пожелают производить бураки, а для общества достаточно работы 500, то планомерность требует, чтобы работало 500, а не больше, а потому остальные должны заниматься другим видом трруда и, вопреки своей воле, работать нужные для общества предметы.

Итак, организация нужна, а раз организация нужна, то пусть она будет лучше свободной, чем чиновничьей.

* * *

Опровергнем здесь еще одно небольшое недоразумение, могущее возникнуть по поводу описываемого бюро.

Кому-либо из читателей может показаться, что при индивидуальном способе договора индивиды будут обременены массой лишней работы по договорам, а вот бюрократия де устранит все хлопоты, взвалив на свои плечи труд организации.

Верно ли это?

Нет, ибо и при существовании бюрократии каждый должен сообщать ей о своих потребностях, говорить ей — хочу того-то и того-то, и ходить в склад за тем и другим.

Не больше времени на все это пойдет и у нас — нам тоже придется определять потребности (но только свои) и брать нужное.

Разберем здесь, кстати, также и вопрос о том, каким образом каждый будет определять свой спрос.

Первый вопрос здесь будет такой: должен ли потребитель вести счет не только предметам потребления, но и **средствам производства,** необходимым для них, т. е. должен ли он договариваться с булавочником, проволочником, рудокопом и т. д., если ему нужна булавка, или потребитель должен вести дело только с булавочником.

Мы думаем, что каждый потребитель будет заключать договоры только с теми, которые приготовляют предмет в окончательном виде, ибо едва ли под силу индивиду вычислить все необходимое для производства всех нужных ему предметов.

Итак, как **потребители,** мы будем требовать лишь готовых предметов, т.е будем заключать договоры с булавочниками, портными, сапожниками, часовщиками и т. д.

Как производители, мы будем заказывать предметы, нужные для нашей специальности.

Поясню это примером.

Положим, я — сапожник. Я узнал, что вам нужны сапоги — и вот мы с вами договариваемся. Вы записываете себе сапоги, я — кожу, гвозди, ушки ... Или, скажем, вы требуете холщевую рубашку. Портной заключает с вами договор и дает вам рубашку. Портной же выписывает холст и для того заключает договор с ткачем. Ткач же, зная, что вам нужен холст, заключает договор с прядильщиком и т. д.

Итак, как потребители, мы требуем уже готовые предметы. А сырье мы выписываем лишь в нашей специальности. Значит, как производители, мы имеем дело лишь с теми лицами, которые приготовляют сырье для нашей работы.

Такое подсчитывание очень упрощает систему личных договоров и делает ее вполне возможной.

Например, я заказываю только булавку; булавочник (тут целая серия рабочих — точильщиков, шляпочников) заказывает проволоку. Проволочник имеет дело лишь с рудокопом.

* * *

С главными вопросами организации первого бюро мы покончили, теперь остановимся на некоторых второстепенных.

Одним из таких будет коварный вопрос о том, можно ли заключать договоры помимо бюро?

Безусловно. При тех оживленных сношениях, которые будут царствовать в будущем, при постоянных осмотрах фабрик, складов, образцовых музеев, будет заключаться масса договоров.

Бюро же наше служит лишь громоотводом на случай неудач. Через него в будущем будет заключаться лишь небольшое число договоров.

Вам интересно знать причину этого — вот она: раз бюро указало нам лицо, которое желает работать для нас, и мы заключили с ним договор, то все дальнейшие заказы мы направляем прямо к нему, минуя бюро.

Вследствие такой организации, у бюро спроса и предложения будет мало работы. На его долю будет выпадать сообщение сведений только в крайних случаях. Например, в случае разрыва договора, в случае смерти одного из договорившихся, в случае роста и новизны потребностей, в случае прироста и вступления в жизнь новых поколений и т. д.

Заговорив о бюро, я не могу удержаться, чтобы не заметить

еще раз, что бюро у нас не бюрократическое учреждение, т. е. не находится в заведывании чиновников, выборных общества, а что наши статистики (к ним даже это выражение неприменимо) —те же работники. С ними заключает договор **каждое отдельное лицо.**

Как, если мне нужны сапоги, я обращаюсь к сапожнику, так, нуждаясь в справках, я заключаю договор с статистиком.

Пока это лицо удовлетворяет меня — оно мне наводит справки; когда же я почему либо расхожусь с ним, я договариваюсь с другим.

Словом, индивидуальное распределение работ устраняет массу стеснений личности, уничтожает совершенно бюрократию, эту язву общества, этих генералов промышленности, проектируемых Белами и К-о — и в то же время сохраняет все выгоды организации.

Мне кажется, в будущем можно будет обойтись даже совсем без статистиков.

Индивиды будущего, понимая необходимость концентрации спроса и предложения,сознают необходимость центрального учреждения, которое заключало бы в себе весь спрос и все предложение. С этой целью они воздвигнут громадное здание, разобьют его на отделы по количеству предметов, потребляемых в будущем обществе, и по количеству различных отраслей труда. Так, напр., на сахарный отдел, сапожный и т. д.

В это-то центральное бюро каждый сможет сам отправиться, разложить по отделам записки с нужным ему, навести справки о той форме труда, которой он хотел бы работать, и, заключив договоры, отправиться домой.

Конечно, такая организация потребует большого количества труда,чем описанная нами, но это дело индивидов.

* * *

"Не лучше ли, для безопасности, к вашей организации труда прибавить еще право на труд?" — скажете вы мне.

Право на труд?! К чему это, когда у нас и так каждый будет иметь работу. Этот вопрос мы уже выяснили.

Эта теория нам ни к чему.

Она имеет еще значение в настоящее время, служа заплатой к современному строю, выбрасывающему тысячи рабочих на мостовые и не допускающему их ни к земле, ни к орудиям труда.

Естественно, что, при таких ненормальных условиях, мысль не

может обречь эту толпу на голод; отсюда и формулируется, как поправка, право на труд. Но эта поправка, хорошая в современном строе, в будущем станет никуда негодной, ибо она насилует волю индивида, принуждает другого индивида дать работу, когда он не хочет и когда индивид, требующий права на труд, может иначе устроиться, разделяя свой труд с другими,для удовлетворения своих потребностей.

* * *

"Я чувствую, что вы держите еще один камень за пазухой — бросайте его."

Если вы хотите — ладно. По моему мнению, ваша система распределения работ напоминает мне, по бессмысленности, распределение работ посредством лотереи, проектируемой некоторыми писателями-утопистами.

Действительно, не все ли равно, что даст мне работу — жребий, или слепой случай. В лотерее мне даст работу жребий; у вас — слепой случай. Ведь у вас работа дается за №№ по первенству подачи заявления, а ведь это и есть слепой случай.

Справедлив ли упрек, брошенный мне читателем? По моему — нет, и вот почему. В лотерее такая работа может достаться человеку, совершенно незнакомому с ее производством, тогда как у нас работу получают умеющие работать. Затем, лотерея окончательно делает рабочего работником определенного продукта, у нас же требуется еще заключение договора.

Говоря в предыдущих параграфах о договоре, я мельком упомянул, что договор у нас не будет бессмысленным, что рабочий будет присылать образчики своей работы, и что договор состоится только тогда, когда потребитель одобрит работу.

Поэтому, здесь мне остается лишь еще раз повторить это утверждение в более ясной и полной форме; повторю: у нас договор будет осмысленным, так как каждый о рекомендованном может судить по его работам.

Если же через бюро мне и не удастся совершить хорошаго договора, то, путешествуя по стране, я сумею наблюдать образчики и перезаключить договор.

Однако, к такому перезаключению, весьма вероятно, редко придется прибегать, ибо предварительный осмотр работ даст возможность заключить прочные договоры.

* * *

2) Бюро, дающее возможность комбинировать труд.

Метен. 356 (программа. тукеристов) "Упразднение государства и должностных лиц; каждый сам себе хозяин: **организованный** труд распределяется между группами, **добровольно сформированными** и вполне автономными..."

* * *

Итак, работы взяты, заказы разобраны...

"Что же дальше делать? — спросит нетерпеливый читатель. Неужели каждый в одиночку и примется изготовлять взятую работу? Но, ведь, это ужас! Это мелкое ремесло. Это гибель всякой культуры!"

Подождите горячиться, дорогой читатель!

Мы не хуже коммунистов понимаем выгоды крупного производства — ведь мы дети одного и того же способа производства.

У всякого из анархистов есть стремление кооперировать (соединять) свой труд с другими.

Кто же будет организовывать у нас труд?

У социалистов — выборные. Кто же у нас? Никакой организации со стороны власти мы не признаем. Так как же тогда?

Очень просто.

Как в первом бюро мы разобрали работу без власти, посредством договора, так мы и труд сумеем скомбинировать без власти.

Как же так?

А вот как.

Те, которые поймут выгоды крупного производства (а поймут все), будут стремиться скооперироваться.

Единственное возможное средство для этого, не прибегая к власти — это открытие второго бюро, целью которого будет **служить посредником** между рабочими, желающими сообща работать, и такое бюро, как говорили мы выше, необходимо. Целью его **явится**, повторяю, быть лишь посредником.

В это бюро, статистики которого, как и в первом, займут свои места с договора, будут поступать от рабочих такого рода заявления: прошу мне указать, кто хочет сообща работать на бумагопрядильной. что ли, фабрике; я желаю работать в такие то и такие то часы.

Посредством таких договоров через бюро организуются промы-

шленные товарищества, ассоциации **для удовлетворения потребностей**, которые они обязались удовлетворять.

Величина этих ассоциаций будет зависеть от технических условий производства. В тех отраслях производства, где разделение труда невелико, там и ассоциации будут незначительны. Где же оно будет развито, там и ассоциации будут сложнее.

Такова наша организация трудящихся.

Видите, как и здесь мы обошлись без всякой власти. Видите, как свобода дышит в такой организации.

Комбинирование труда в производительные товарищества не представляет из себя никаких затруднений, так что, разобрав лишь несколько возражений, прямо перейдем к изложению дальнейшей теории ассоциационного анархизма.

Первое возражение или, вернее, вопрос, который может возникнуть в голове читателя, будет таков: можно ли заключать договоры помимо бюро? На этот вопрос, конечно, кроме утвердительного ответа, другого и быть не может. Однако, благодаря концентрированию спроса, через него будет образовываться масса договоров.

Второе сомнение по поводу организации труда может быть таково: все ли обязаны ассоциировать свой труд?

Нет. Если найдутся толстовцы или рескинцы, то никто им не запретит индивидуально ковырять землю.

* * *

д) О собственности на орудия труда, средства производства и землю.

1) Обассоциирование орудий и средств производства.

> "В наши дни воруют при помощи мошенничества, злоупотребления доверием, игры, лотереи, воруют посредством ростовщичества, ренты, наемной платы, откупов, воруют под видом коммерческих и промышленных прибылей..." — Прудон.

* * *

Работы разобраны... Трудовые ассоциации составлены...

На чем же они будут работать, где они достанут необходимые для них землю, орудия труда и средства производства, в чьей собственности они будут находиться?—таков ряд вопросов, который

предстанет перед читателем на первых порах.

Землю, орудия и средства производства анархисты-ассоцианонеры думают достать экспроприацией экспроприаторов во время великой социальной революции.

Как мы поступим с экспроприированным имуществом — вопрос трудный и сложный, а потому прошу тебя, читатель, набраться терпения и добросовестно следить за моими словами.

Вы уже знаете, что мы не можем обобществить орудия и средства производства, ибо обращение орудий производства в собственность общества, огульное производство — содержат в своем лоне эксплуатацию.

Чем же возможно заменить обобществление производства?

Мы думаем, что его с громадными выгодами для общества можно заменить **обассоциированием производства.**

Какая разни́ца между обобществлением и обассоциированием производства—это мы сейчас выясним.

Обобществление — это передача **всех** орудий и средств производства в собственность общества, хотя не все члены его заинтересованы в таком огульном переходе к нему этих орудий и средств. Напр., не пьющие ни капли вина не заинтересованы в том, чтобы винные заводы сделались собственностью общества, ибо им придется содержать ненужное им учреждение: при общей разверстке труда и на них падет часть бремени по содержанию этих бесполезных для них фабрик.

То же самое можно сказать про табачные фабрики, про бойни, про кружева... Они не всем нужны, но, при обобществлении, каждый должен тратить на созидание их свою энергию...

Обассоциирование производства, прежде всего, хочет уничтожить эту эксплуатацию.

Обассоциирование говорит, что все орудия и средства производства не должны перейти в огульную собственность всех, а должны принадлежать различным частям общества, которым эти орудия и средства производства нужны.

Напр., чтобы табачные фабрики принадлежали не всем, а только курильщикам, ибо только курильщики в них заинтересованы; чтобы бойни принадлежали мясоедам, а парники с разной зеленью—вегетарианцам и т. д.

Как видите, мы стремимся собственность на орудия и средства производства сделать не общественными, а ассоциационными.
Словом, мы хотим, чтобы орудия и средства производства принадлежа-

ли тем, кто в существовании их заинтересован, и чтобы посторонние лица не расплачивались за наши аппетиты.

Экспроприированное наследство мы обассоциируем, а не обобществим.

* * *

Первый вопрос, с которым вы ко мне обратитесь, наверное, будет таков: "велики ли будут обассоциированные капиталы?"

Величина ассоциационного имущества, ассоциационных орудий и средств производства будет, конечно, зависеть от количества ассоциационеров.

Ассоциационное имущество будет тем больше, чем больше будет ассоциационеров, и тем меньше, чем меньше их.

Определенной величины, определенной границы провесть нельзя.

Ассоциационное имущество и размеры ассоциаций могут быть самыми разнообразными, начиная с лилипутской, микроскопической ассоциации, охватывающей двух-трех человек и обладающей незначительным имуществом, и кончая грандиознейшей ассоциацией, обнимающей всю нацию и владеющей огромными капиталами.

Теоретически же можно сказать, что район применения ассоциирования безграничен: поскольку у всех членов общества будет наблюдаться однородность потребностей, постольку ассоциация, повторяю, может охватить всю нацию и для удовлетворения этой потребности иметь одно имущество.

* * *

Второй вопрос, который вы мне предложите, наверное, будет таков: "из кого будут состоять наши ассоциации: из лиц, живущих на одной территории, или из другой какой-либо части общества?"

Этот вопрос крайне важный, и на нем я останавлюсь подольше.

По правде сказать, меня ваш вопрос удивляет, ибо, говоря об ассоциировании, я несколько раз повторил, что в ассоциацию войдут лица, обладающие однородными потребностями, но для ясности я остановлюсь на этом вопросе специально.

У нас орудия и средства производства будут принадлежать не лицам, живущим на одной территории и связанным чисто внешним путем соседства, а **людям, имеющим однородные потребности.**

Мы вращаемся не в идее **территориальной ассоциации**, что желают нам приписать неблагородные противники, а признаем свободные ассоциации, **основанные на однородности потребностей.**

При обассоциировании, собственниками сделаются группы лиц, имеющие одинаковые потребности, нуждающиеся в одних и тех же предметах.

Поэтому, говоря об обассоциировании и обобществлении, мы сказали, что табачные фабрики будут принадлежать курильщикам, пивные—бахусистам и т. д.

Наши ассоциации не имеют никаких территориальных рамок, в них может войти и эллин и иудей, раз их связывает однородность потребностей.

* * *

"Час от часу не легче. Ваша теория меня положительно приводит в изумление. По вашей теории выходит, что орудия и средства производства принадлежат разнообразным по величине группам потребителей, но это ужас! Это будет наглая эксплуатация рабочих. То-то вы говорили о сложности вашей теории. Ассоциации разобрали работу, а теперь пожалуйте в руки эксплуататоров-потребителей".

Ответим.

Удивительная у вас логика, читатель! Живя в капитализме, вы привыкли различать "рабочих" и "потребителей". Рабочие—это волы, создающие все богатство. Потребители—это белоручки. Но надо помнить, что капитализм не вечен, надо помнить, что в будущем настанет строй, где не будет бар и господ, где все будут тружениками. А анархизм—как раз такой строй. В нем нет бар и рабочих—в нем все труженики, а потому мы не боимся сказать, что ассоциационная собственность будет принадлежать не рабочим, а потребителям,—**точнее, она будет принадлежать рабочим, но не как производителям, а как потребителям.**

В будущем **каждый будет потребителем** и рабочим и, **как потребитель,** будет иметь свою долю в тех ассоциациях, в продуктах которых он нуждается.

А нуждаться каждый будет в тысячах предметов—и в сахаре, и в полотне, и в сапогах, и в стульях, и в сукне, и в чернилах, и в часах и т. д., а потому каждый и будет иметь свою долю орудий и средств производства в сахарном, текстильном, сапожном и прочих предприятиях (производствах). **Каждый будет ассоциационным собственником почти во всех производствах,** его доли не будет только в тех предприятиях, которые ему не нужны.

Теперь, в общих чертах, ассоциационная собственность для вас уже должна быть понятна, а потому я вам смогу ответить на первый из

ваших вопросов: на чьих орудиях труда будут работать образовавшиеся через 2-ое бюро ассоциации?

Вы не удивитесь, если я вам скажу: **на своих.** Я потому говорю —не удивитесь, ибо вы уже слышали от меня, что в будущем **каждый** будет **ассоциационным собственником почти во всех производствах.** А раз он будет ассоциационным собственником почти во всех производствах, то он будет и собственником в том производстве на той фаорике, работать на которой ему достанется. Вы мне можете сказать, что я делаю не совсем правильный вывод, что при выводе я забываю предательское **почти,** благодаря которому мне может достаться работа на такой фабрике, где у меня нет орудий труда. Едва ли это может случиться, ибо, весьма вероятно, каждый будет работать только в таких производствах, в которых он нуждается, ибо, игнорируя вино, табак, я и работать их не стану.

Формулируем сказанное: в будущем каждый работник будет иметь собственность в тех производствах, где ему придется работать, но будет иметь ее не **как работник, но как потребитель.**

Таким образом, ваши опасения, читатель, что наши ассоциации будут работать на чужих орудиях производства, принадлежащих каким-то эксплуататорам-потребителям, есть просто плод фантазии. Наши ассоциации, еще раз повторю, будут работать на собственных орудиях производства, находящихся в ассоциационной собственности с другими. На фабриках, где им придется работать, они явятся такими же собственниками, как и те, на кого они будут работать.

Поясню это примером.

Вообразите себе общество в сто человек.

Из них все нуждаются в сапогах, в верхней одежде, сахаре, хлебе, дровах. Кроме того, среди них есть группы курящих и пьющих по 20 человек.

В общей ассоциационной собственности будут орудия ткацкие, земледельческие, сахарные и т. д. Каждый будет состоять собственником и в ткацкой, и в сахарной, и в земледельческой промышленности.

Посредством бюро, как мы говорили, каждый выберет себе тот или другой вид труда. Если обществу нужны будут 20 земледельцев, 10 ткачей, 15 сапожников и т. д., то из этих 100 человек будет 20 земледельцев, 10 ткачей, 15 сапожников и т. д.

Из сапожников, ткачей, земледельцев, образуются ассоциации, и каждая из них будет работать на той части ассоциационного капитала, который ей нужен.

И в то время как сапожники будут работать в сапожном предприятии на ассоциационных орудиях, в которых они имеют свой пай, ткачи—в ткацком предприятии, на ассоциационных орудиях, собственниками которых они тоже являются, будут ткать материи, на которые получили заказы.

Курильщики и поклонники Бахуса (поскольку они только курильщики и поклонники Бахуса) будут иметь отдельное имущество и будут ублажать себя своим собственным трудом. Конечно, курильщики и любители спиртных напитков, нуждаясь, кроме вина и табаку, в хлебе, одежде и т. д., должны участвовать в общем производстве, взяв себе ту или другую специальность из бюро.

Следовательно, рабочие ассоциации будут работать на собственных ассоциационных орудиях, так что им нечего бояться потребителей-эксплуататоров — они миф.

* * *

Сделаем еще шаг вперед в анализе ассоциационной собственности.

Попробуем себе еще конкретнее представить соотношения между ассоциационной собственностью и производительными ассоциациями.

Каким образом будут производительные ассоциации пользоваться ассоциационной собственностью для работ?

Здесь может представиться несколько разных случаев.

Рассмотрим их.

Начнем с самого простого.

Положим, что у нас существует всего одна ассоциация потребителей чая, обладающая одной фабрикой.

Члены этой ассоциации через бюро договорились с рабочими, рабочие образовали ассоциацию для производства.

На чем они будут работать?

Естественно, на той фабрике, которая находится в общей собственности ассоциационеров.

Здесь решается вопрос просто.

Усложним пример.

Положим, что у нас, по прежнему, существует одна ассоциация потребителей чая, но обладающая уже двумя фабриками.

Попрежнему, потребители чая обратились в бюро, заключили договоры... образовались рабочие ассоциации... требуют орудий труда.

Кому какая из этих фабрик достанется?

Здесь вопрос уже сложнее, но он, мне кажется, может быть решен двояко.

Или, во 1-х, ассоциационеры предложат самим рабочим выбрать себе какую хотят фабрику, добровольно разбившись на группы, что, вероятно, всегда и будет происходить, ибо фабрики по технике будут одинаковы, устройство их также будет одинаково, и спору никакого быть не может. Разделиться на группы самим рабочим очень выгодно, ибо они сумеют так сгруппироваться, что подберут удобно для себя рабочие часы.

Или во 2-х, ассоциационеры-собственники могут разделить фабрики между собой; тогда производительным ассоциациям придется перегруппироваться так: те, которые получили от ассоциационеров первой фабрики работу, сгруппируются между собою, а те, которые получили от ассоциационеров второй фабрики,—между собою. Первая рабочая ассоциация будет работать на первой фабрике, вторая—на второй.

Такое разделение ассоциационной собственности для рабочих будет менее выгодно, ибо оно стеснит их группировку.

Поэтому, я думаю, там, где ассоциационную собственность можно не делить, там она не будет делиться. К этому будут побуждать выгоды группировки, в которых будут заинтересованы сами ассоциационеры-собственники, ибо они будут являться на фабрике не только собственниками, но и рабочими, **главным образом рабочими.** Личные интересы их будут побуждать соединять собственность, чтобы добиться для себя лучших условий труда.

Усложним еще наш пример.

Положим теперь, что у нас существуют две ассоциации потребителей чая, имеющие каждая свое ассоциационное имущество, отличающиеся и степенью техники, и устройством.

Начнем прослеживать соотношение между собственниками и рабочими (в нашем смысле, конечно) с самого начала производства.

Отдельные члены той и другой ассоциации посылают в бюро свои билетики. Но эти билетики уже будут разниться от обыкновенных.

На этих билетиках будут писать: нужен чай такому-то ассоциационеру первой или второй ассоциации, смотря потому, к какой ассоциации принадлежит каждый.

В бюро находятся сейчас же желающие... заказы разбираются у всех.

С разобранными заказами рабочие идут во второе бюро, и там уже будут об'единяться по ассоциациям: те, которые взяли билетики у членов 1-ой ассоциации, соединятся промеж себя; те, которые взя-

ли билетики у членов 2-ой ассоциации, соединятся со вторыми.

После этого об'единения, каждая партия рабочих отправится на ту ассоциационную фабрику, на ассоциационеров которой они взялись работать.

При этом случае, другой группировки быть уже не может.

Для рабочих такая собственность дает меньше простора для группировок. Однако, они сумеют с этим бороться переменой работ во второй и в первой фабриках с согласия заказчиков.

Вообще, при будущей технике, рабочие не только одной отрасли производства сумеют переменяться работами между собою, но даже между рабочими других отраслей. Простор для группировок будет громадный.

Дальше, я думаю, не к чему усложнять примеров, все равно они нового ничего не дадут. Дальше все само собою будет понятно.

Скажу еще несколько слов об ассоциационной собственности, которые дадут возможность еще лучше понять простоту ассоциационной собственности в ее отношениях к рабочим ассоциациям.

Ассоциационная собственность — это собственность паевая. Доля каждого из нея трудно выделима, так что она выражается скорее в идеальной части, чем в конкретной доле. Каждый в ассоциационной собственности имеет право на определенную стоимость, выраженную в том или другом количестве часов.

Благодаря этому, каждый ассоциационер имеет к фабрике чисто внешнее отношение, в роде современных акционеров — и потому давить никого не может. Каждый ассоциационер не сращен с фабрикой, а потому и договоры с рабочими носят чисто формальный характер. Они лишь показывают, на каких фабриках должны работать рабочие.

* * *

Зачем нужно, чтобы орудия труда принадлежали рабочим, как потребителям, а не рабочим, как производителям? Не все ли равно?

Нет, не все равно. Разница большая.

Если бы ассоциационная собственность принадлежала рабочим, как рабочим, а не рабочим как потребителям, то она сковала бы волю рабочих во многих отношениях, подвергла бы их многим случайностям и опасностям.

Во-первых, если бы ассоциационная собственность принадлежала рабочим, как производителям, она закабалила бы рабочего к одному ремеслу. Имея определенного рода орудия труда (по своей специальности), я не в силах был бы переменить род труда без значи-

тельных потерь для себя—мне пришлось бы продавать свои инструменты и покупать новые, что сопряжено с большим риском и опасностью.

Во вторых, для удовлетворения разных потребностей нужны инструменты различной ценности—и многие рабочие должны были бы иметь громадные капиталы, например ювелиры— и через это они легко могли бы монополизировать разные отрасли труда.

В-третьих, для приобретения этих орудий разным рабочим пришлось бы накоплять орудия и средства производства различной стоимости и, следовательно, отказывать себе в своих потребностях; такое воздержание могло бы повести к созданию процента и всех ужасов современного строя.

В четвертых, гибель орудий труда вследствие каких-либо стихийных сил природы, например пожара, циклона, при таких условиях, могла бы ввергнуть рабочего в нищету, ибо он сразу лишился бы всех орудий труда; тогда как при собственности потребителей на орудия они лишь немного пострадают от такого бедствия: от циклона пострадает какая-либо $^1/_{100000}$ часть их имущества. Поясню примером. Положим, что фабрика стоит 100000 рублей, работает на ней 100 человек. Если бы она принадлежала рабочим, каждый из них потерял бы все свое имущество и не мог бы восстановить его. Тогда как, если эта фабрика принадлежит 100000 потребителям (не преувеличиваю,) то на каждого падет один рубль—и они легко восстановят ее.

В-пятых, если бы орудия труда принадлежали рабочим, они разорились бы от перемены моды, а при принадлежности орудий труда потребителям, за свои вкусы они расплачиваются сами.

Если собственность будет принадлежать рабочим, как потребителям, то все эти недостатки пропадают, **и рабочий делается действительно свободным и независимым от средств и орудий производства.**

* * *

Почему анархисты-ассоцианионеры требуют ассоцианионной собственности, а не частной?

Во-первых, потому, что орудия производства громоздки и одному человеку приобрести их нет сил.

Во-вторых, частная собственность на них **одного** противоречила бы нашему принципу "не вреди", ибо собственник мог бы эксплуатировать нас.

В-третьих, равноценность требует, чтобы никто не затрачивал и не мучил себя ради других, а частная собственность предполагает

сбережения и мучения стяжания собственника; а если бы он предложил безвозмездное пользование своим добром, это было бы эксплуатацией его.

В-четвертых, в возмездное же пользование мы сами не взяли бы ничего, ибо это, не говоря уже о противоречии принципу "не вреди", было бы нам и экономически невыгодным. Зачем нам платить %, заставлять человека мучиться, когда мы и сами хорошо можем устроиться.

Собственник—монарх, и с ним плохо устраиваться.

* * *

"Мне вполне понятно, что ассоциационная собственность выгодна и хороша, что она даже лучше общественной; мне ясна также ее устойчивость от стихийных сил природы, но в одном она возбуждает во мне сомнения и опасения—это в вопросе о конкуренции.

Мне кажется, что ваши ассоциации вступят в смертный бой из-за сбыта товаров, и в происшедшей на этой почве борьбе ваш строй погибнет—вот где, по моему мнению, ахиллесова пята ассоциационной собственности", — скажет читатель.

— Вы боитесь конкуренции, перепроизводства? Но для подобных опасений нет никаких оснований.

Перепроизводства и конкуренции в нашем строе не может быть потому, что наши ассоциации будут вести хозяйство **не меновое, а натуральное.**

Все наши будущие ассоциации—не соперники, не конкуренты друг для друга, ибо носят потребительный характер, имеют потребительные цели.

У нас производство ведется не на **рынок**, а для собственного потребления. Продукты ассоциации отправляются **не на базар, а отправляются к заказчикам.** Каждая ассоциация производит то, что надо, а потому конкуренции и не может быть. Вся наша организация построена не в целях рынка, а в **целях потребления.**

На подобное устройство нашей хозяйственной системы ясно указывают как наша форма собственности, так и сама организация производства.

У нас орудия труда, как вам уже известно, принадлежат не рабочим, как производителям, **а рабочим, как потребителям.**

Почему у нас орудиями владеют не производители, а потребители? А потому, что мы признаем натуральное хозяйство, потому что производство у нас, **идет для себя.**

Если бы мы хотели конкуренции, то мы установили бы ассоциационную собственность для производителей, но мы поступили наоборот.

У нас, благодаря нашей организации, работники не имеют даже орудий труда—и если бы они и хотели конкурировать, то не могли бы.

Что же касается организации нашего производства, то она носит столь же ясный характер организации для себя.

Наши рабочие — не самостоятельные хозяйчики, дерущиеся из-за прибылей и ведущие наугад производство без всякаго компаса, а ассоциационеры, работающие друг на друга по договору.

Всмотритесь в нашу организацию — и вы это увидите.

Вы увидите, что производство у нас не предоставлено на волю слепому случаю. У нас производство идет **не на неопределенный рынок,** а на заказ, по требованию спроса.

Заказ дается у нас через бюро **потребителями.** Рабочие-потребители через бюро ищут рабочих-производителей для производства предметов, **им нужных для себя.** У нас приступают к работе лишь по заключении договора.

Где же тут элементы для конкуренции?

Где тут можно найти хотя малейший намек на возможность перепроизводства?

Даже если мы станем на точку зрения врагов, даже если мы представим себе наши ассоциации работающими не на потребителей, а ведущими самостоятельное производство, и то наша организация не даст возникнуть перепроизводству.

Почему?

Да потому, что у нас производство договорное. Потому что у нас ассоциации не начинают производить раньше, чем получат заказ.

Держаться такого правила при производстве научило нас наше справочное бюро, которое, концентрируя все потребности людей в своих стенах, показывает все безумие производства наугад.

Раз, зайдя в справочное бюро, я вижу, что общество насыщено уже известными предметами, то зачем я стану их производить?

Затем, чтобы тратить капитал и продукты?

Все равно, как теперь вы не найдете в нашем обществе человека, который вздумал бы приготовлять фетишей, так и в будущем никто не станет приготовлять никому ненужных вещей.

Какие предметы нужны, а какие нет — указывает справочное бюро спроса и предложения.

Раз оно мне говорит, что те предметы, которые ты хочешь производить, никому ненужны, то, зная наверняка, что продукты моего труда не найдут сбыта, я приступлю к производству таких предметов, спрос на которые показывает справочное бюро — и, заключив договор на производство их, чтобы не потерять рынка и не произвести никому ненужного, я приступлю к работе.

Как видите, при **договорном производстве** кризисы, перепроизводство и конкуренция — невозможны.

Панацеею от кризисов является **договор.**

Мы избегаем кризисов и конкуренции договором, а коммунисты — постановлениями большинства.

Каким из этих способов лучше гарантировать себя, предоставляю решить самому читателю.

Его же лишь прошу помнить, что, благодаря нашей организации производства, мы не подвержены кризисам, этой чуме производства.

* * *

Чтобы для вас была еще яснее наша позиция в поднятом вами вопросе, скажу еще несколько слов.

Люди в жизни своей целью могут поставить два процесса производства — **производить для себя и производить для других.**

Люди, поставившие своею целью **пройзводство для других,** основывают **меновое** хозяйство.

Люди же, поставившие своей целью производство **для себя,** основывают **натуральное хозяйство.**

Цель менового хозяйства — отыскивание **потребителей,** покупателей.

"Меновщики" снуют по рынкам, одевают и обувают других. Такой тип хозяйства царствует теперь.

Целью же натурального хозяйства является не приготовление продуктов на рынок, а забота о себе, удовлетворение **своих** потребностей, одевание и обувание себя. "Натуровики" сами на себя работают, и если у них не хватает сил, то они **ищут себе работников,** отплачивая им, конечно, эквивалентом.

Такое хозяйство существовало в древния времена. К такому хозяйству и мы стремимся; но желаем при этом поставить его на широкую базу, заменив, индивидуальное производство ассоциационным.

Формулируем теперь **основную** разницу между **потребительно-**

натуральным хозяйством и **торгово-меновым.**

Натуральное хозяйство целью ставит себя, удовлетворение своих потребностей, **ищет работников.** Меновое имеет целью других, удовлетворение чужих потребностей и ищет **потребителей, покупателей.**

Натуральное хозяйство — безкризисное, меновое подвержено конкуренции. К какому же типу относится проектируемая нами система?

Достаточно поставить так вопрос, чтобы получить ответ.

Наша система — натурально-потребительная.

Всмотритесь еще раз в нашу систему производства — она вся проникнута натуральным духом.

Вся наша договорная система показывает, что мы стремимся организовать производство **для себя.**

У нас **потребители** ищут **рабочих** и заказывают им то, что им нужно для себя; орудия производства принадлежат потребителям, как и подобает натурально-потребительному хозяйству.

Наши рабочие не гоняются по рынкам за потребителями, в надежде сбыть им заготовленные товары. Нет, они **лишь отрабатывают** за те продукты, которые они получили для собственного потребления. Их идеал — удовлетворение себя, но так как они сами не могут всего сделать, то **ищут рабочих** и отплачивают им своим трудом.

Больше мне по этому поводу нечего сказать; вдумайтесь в две развиваемыя мною системы, поймите ту пропасть, которая их отделяет — и вы, я уверен, согласитесь со мною.

* * *

Согласна ли наша система со **свободой промышленности** — вот вопрос, который сейчас мы думаем решить.

Нам смешны и странны те люди, которые думают, что анархисты должны признавать **товарное производство** со всеми его ужасами, так как только товарное производство есть единственное свободное производство. Правда, эта свобода, по их мнению, не без шипов, но зато свобода. Свободный же человек, ради обезпеченности, не должен себя замуровывать в коммунистическую стену, а должен скорее лечь костьми, чем изменить идеалу.

Покажем же ошибку этих людей.

Ошибка этих людей состоит в том, что они противопоставляют друг другу две системы хозяйства: современное капиталистическое и будущее коммунистическое, тогда как надо противопоставлять **товарное и вообще натуральное.**

Об'ясню сейчас, в чем дело.

Противопоставляя современное хозяйство и коммунистическое, неизбежно сделаешь вывод, что коммунистическое хозяйство — хозяйство рабское, современное — свободное. И отсюда уже, как следствие, явится, что раз желаешь свободы — примыкай к товарному производству.

Но это будет лишь жалкий торгашеский вывод!

Получился он благодаря неправильному сопоставлению родового понятия (менового строя) видовому (коммунистическое хозяйство). Ведь коммунизм есть лишь одна из форм натурального хозяйства.

Совсем к другим и крайне интересным выводам мы придем, если будем сопоставлять вообще **меновое** с **вообще** натуральным.

Какия мысли у нас возникнут из такого сопоставления?

Каждый индивид своею целью может поставить двоякий процесс производства — **для себя и для других.**

И в том, и в другом случае он будет свободным человеком.

Свободным человеком будет, если он поставит своей целью удовлетворять себя. Свободным человеком будет, если поставит своей целью производство на других.

Свободный человек менового хозяйства своей свободой будет считать право без всяких ограничений строить фабрики, приготовлять товары другим, сбывать их...

Свободный человек натурального хозяйства будет считать своей свободой право организовать производство для собственного потребления так, чтобы его никто не насиловал, не давил, не вмешивался в его хозяйствование.

Вывод отсюда тот, что как меновое, так и натуральное хозяйства сами по себе могут быть свободными, если в организации их индивид пользуется полной автономностью.

Каждое из них обладает **одинаковой свободой.**

На основании всего сказанного, анархисты, не изменяя идеям свободы, могут с полным правом презирать товарное производство, считая его лишь по форме свободным.

Пора уже бросить предрассудок, что только товарное производство совободно! Нет, свободно может быть и натуральное.

Проектируемое же нами ассоциационное производство, устраняя казарменность коммунистического строя, давая каждому индивиду инициативу, свободу и автономность, как раз и осуществляет это свободное натуральное хозяйство.

Зная теперь, что такое ассоциационная собственность, зная ее преимущества и выгоды перед частной и общественной, разберем теперь принципы, которыми анархисты руководятся при восстановлении и накоплении капитала.

В этих вопросах ассоциационное имущество опять стоит выше общественного.

Коммунисты, как мы видели, проектируют огульное восстановление капитала обществом, не считаясь с истиранием машин, приходящимся на долю каждого. В результате такого общественного восстановления — эксплуатация одного другим.

У нас же восстановление капитала должно быть прямо пропорционально поглощению его каждым.

Пополнение капитала у нас происходит сообразно потреблению его, т.-е. он пополняется тем, кто пользуется им для своих нужд, и постольку, поскольку им пользуется.

Напр., табачныя фабрики восстановляются курильщиками, винные заводы — поклонниками Бахуса.

Нам совсем чуждо стремление обложить данью все общество, заведя "общую трудовую повинность" для восстановления капитала, потребного для удовлетворения лишь наших индивидуальных потребностей.

Табачные и винные фабрики восстановляются опять-таки не огульно курильщиками, но каждым пропорционально его потреблению.

Совсем в разрез с коммунистами мы идем и при накоплении капитала. Коммунисты опять, руководясь евангельскими принципами, накопляют огульно, мы же — пропорционально потребности в новом капитале каждого.

У меня расширяются потребности — и я накопляю.

Родители, как виновники жизни детей, должны накоплять для них орудия труда, а не все общество. Каждый, конечно, накопляет пропорционально количеству своих детей.

* * *

Из всего анализа ассоциационной собственности у нас остался не разобранным вопрос **о распоряжении его отдельными индивидами**. К пополнению этого пробела мы сейчас и приступим.

Проблема о распоряжении каждым индивидом ассоциационной собственностью распадается на три вопроса:

1) на вопрос о доле каждого,

2) на вопрос о праве распоряжения этою долею, и

3) на вопрос о **возможности** распоряжения этой долей.

Какова доля каждого индивида в ассоциационной собственности?

На этот вопрос мы попутно уже дали ответ. Здесь же мы остановимся на нем подробнее.

Вопрос о величине пая — вопрос сложный, и самым лучшим ответом на него будет исторический ответ.

С этой целью мы и проследим **величину пая**, начиная с наступления анархии.

После революции, капиталистическая (не частная, а воровская) собственность будет экспроприирована.

На ее месте воцарится ассоциационная собственность.

Фабрики перейдут в собственность ассоциационеров-потребителей. Каждый станет ассоциационным собственником в тех производствах, продукты которых он намерен потреблять.

Чтобы при экспроприации сделаться собственником, достаточно будет простого заявления, простой приписки.

Когда собственность обассоциируется вышеуказанным путем, тогда легко будет определить долю каждого в каждом производстве.

Для этого нужно будет всю ассоциационную собственность выразить в трудовой стоимости — и полученную цифру разделить на число ассоциационеров.

Иллюстрируем сказанное на примере.

Пусть нам дана будет табачная фабрика, стоимостью в 100,000 час. Ассоциационеров, курящих ее табак, 25,000 чел. Пай каждого — 4 часа.

Определивши таким же путем пай каждого во всех ассоциациях, в которых мы будем участвовать, мы получим общую сумму имуществ каждого.

После революции каждый и получит **равные** паи, включая сюда и детей, как полноправных членов во всех отраслях, производство которых он сочтет для себя необходимым.

Сохранится ли это равенство паев в дальнейшей жизни анархического строя?

Нет. Вследствие разнообразия потребностей, одни увеличат одни паи, другие — другие; одни — в однех отраслях, другие — в других; даже в одной отрасли появится различная величина паев вследствие разного по количеству потребления.

Все это разнообразие вкусов обязательно поведет к дифференциации паев.

Каким же образом произойдет эта дифференциация?

Ответ на этот вопрос таится в нашей теории восстановления и накопления капитала.

В теории образования капитала мы сказали, что накопление и восстановление капитала — личное дело каждого.

Поэтому, полученные от экспроприации паи каждый переделает сообразно своим потребностям: одни с общим ростом потребностей увеличат общую сумму паев, другие с падением потребностей уменьшат ее; одни увеличат паи в одних производствах и сократят в других, другие уменьшат в одних и увеличат в других; одни, с прекращением потребности на некоторые предметы, совершенно уничтожат свои паи в фабриках, их (эти предметы) производящих, другие, напротив, возымев новыя потребности, приобретут доли в тех производствах, в которых они раньше не участвовали, и т. д.

Словом, индивид, обладая правом накопления и восстановления, легко сумеет подобрать паи сообразно своим потребностям.

В развитой анархии паи, следовательно, будут не равны: величина их будет зависеть от степени потребностей каждого.

Таков ответ на этот первый вопрос.

Теперь можно будет перейти и к праву распоряжения каждым паями.

Уже из предыдущаго ясно, что каждый имеет право распоряжаться своей долей, как он хочет: увеличивать, сокращать, уничтожать ее.

К этим правам надо прибавить еще право отчуждать и приобретать паи за эквиваленты.

Таковы права индивида в распоряжении собственностью.

Их можно формулировать так: **каждый имеет абсолютное*) право распоряжения своей собственностью.**

---

*) Это право, конечно, нельзя понимать так: мне взбрело в голову выйти из ассоциации, я пошел на фабрику и унес колесо.

Оно имеет следующий смысл: я имею право распоряжаться своим паем после прекращения договора, который у нас был заключен при основании фабрики.

Например, если мы, основав фабрику, заключили договор на неделимость имущества в течение 5 лет, то я не могу касаться своей доли в течение этого времени. В течение этих 5-ти лет я имею право лишь передавать свои права другому, ибо это не нарушает правильности производства.

По прекращении же договора я могу сделать с своим паем все, что хочу: могу его даже совсем уничтожить, если у меня пропадет желание участвовать в этом производстве.

Сделаем теперь дальнейший шаг в нашем анализе: от прав перейдем к возможности осуществлять их — она одна только и имеет ценность, ибо раз нам дано будет право распоряжаться своими паями, а мы не сможем этого сделать, то и право будет дутое.

Вопрос о возможности осуществить свои права распоряжения собственностью сводится к вопросу о **величине паев.**

Индивид сумеет осуществить свои права в восстановлении и накоплении, в уничтожении и приобретении паев только тогда, когда они будут **ничтожны по величине.**

Подумайте сами, может ли индивид пользоваться правами приобретения и забрасывания паев, если они стоят тысячи? Нет и нет.

Напротив, если пай будет выражаться в рублях, тогда право выступать из ассоциаций и вступать в них будет фактическим.

Без дальнейших слов приступим к определению величины паев.

Для определения я хочу взять один из богатых винокуренных заводов, полныя сведения о котором мне удалось собрать.

Прежде всего мы определим стоимость завода.

Он застрахован в 200,000 руб. Следовательно, настоящая его стоимость равна 300,000 руб., ибо страховые учреждения дают лишь ⅔ стоимости.

Теперь определим стоимость средств производства, которые он поглощает.

Это можно определить следующим образом.

Завод ежегодно выбрасывает 28,000,000 градусов спирта; если градусы перевести в ведра, то получится 28,000,000: 40 = 700,000 ведер водки.

На производство ведра водки идет ½ пуда ржи; всего на 700,000 ведер идет 350,000 пудов ржи. Если рожь мы оценим в 50 коп. пуд, то сырого материала завод поглощает на 175,000 руб.

Итого орудия и средства производства обходятся 300,000 + 175,000 = 475,000 рублей.

Теперь вычислим число потребителей этого вина. Его можно высчитать так: узнать число ведер, приходящееся на каждое лицо, и разделить на это число годовое производство завода.

Проделаем это.

По отчетам московского акцизного управления за 1905 год в среднем приходится по 5 ведер на душу.

Завод производит 700,000 ведер.

Следовательно, потребителей 700,000:5 = 140,000.

Определив стоимость завода и средств производства в 475,000

руб., зная число потребителей — 140,000, мы можем сказать, каков будет пай каждого. Для этого нужно 475,000:140,000 = около 3 р. 40 к. *).

3 р. 40 коп. нужно для того, чтобы сделаться мне пайщиком в винокуренном заводе.

Не поражает ли вас цифра? И это, примите во внимание, при капитализме с его несовершенной техникой!

В анархии же эта цифра уменьшится еще в несколько раз, ибо более совершенная техника сократит количество труда, потребного для производства орудий труда и средств.

Отвечать ли на вопрос: возможно ли право легкаго вступления и выступления из ассоциаций и в ассоциации?

Какия следствия такой собственности сами собою просятся на язык?

Полная свобода индивида. Да, полная свобода индивида.

Разбирая коммунизм, мы видели, как он сковал индивида, лишив его орудий, средств производства и права распоряжаться своим трудом.

Ассоциационная же собственность, делая каждого собственником, давая право и фактическую возможность составления ассоциаций, впервые раскрепощает индивида.

Действительно, в будущем анархическом строе анархисты сумеют свободно удовлетворять все свои потребности, ибо наша форма собственности не будет служить для них тормозом, но всячески пойдет навстречу удовлетворению их желаний,

Подумайте немного над нашей формой собственности — и вы убедитесь в этом сами.

Для того, чтобы завести то или другое производство, на долю каждого индивида, благодаря принципу ассоциирования, падет ничтожный расход**).

Такая ничтожная затрата по приобретению орудий и средств производства сделает доступным каждому образование ассоциаций для производства того, чего каждый желает: всякий найдет единомышленников.

---

*) Любопытно проследить цифры отдельно для орудий и средств производства.

На создание орудий с каждого пойдет 300,000: 140,000 = около 2-х рублей. Эти орудия могут служить в продолжение 14- 15 лет, ибо % погашения на этих заводах = 7%. Следовательно, в год орудий труда стирается на 15 коп.

**) Смотри выше вычисление.

Такая легкость составления ассоциаций даст полную свободу в удовлетворении потребностей индивидов.

Без всякого испрашивания, без всякого унижения, без всякого разрешения, в будущем, после социальной революции, мир покроется теми ассоциациями, какия будут нужны индивидам.

Возникнут винныя, табачныя, шелковыя ассоциации.

Свобода ассоциационного производства покажется вам еще шире, если вы поймете, что при ассоциализме не только легко создаются ассоциации, но что и выход из них легок, благодаря ничтожным потерям, с этим сопряженным.

Пай в ассоциационной собственности не закабаляет индивида. Он легко, с переменой вкусов, может порывать старыя связи и вступать в новые, внося небольшую лепту труда, нужную для создания его доли средств производства и орудий.

Ассоциирование труда для приобретения орудий и средств производства будет единственной правомерной формой составления капитала.

В этой-то свободе составления средств и орудий производства и лежит вся свобода анархизма.

В противоположность коммунизму — организации сверху, анархизм организуется снизу. Анархизм только и живет свободной инициативой индивидов.

Видите, какая широкая свобода!

Такую свободу только и может дать анархизм с его правом распоряжаться своим трудом, с его правом иметь собственность, с его правом образовывать ассоциации. При коммунизме же, с его общественной собственностью, на все нужно **разрешение и согласие большинства**, ибо каждую индивидуальную затею придется удовлетворять не самому, не самим заинтересованным индивидам, а всему обществу.

* * *

Та замечательная гибкость в удовлетворении потребностей, та подвижность индивида, та возможность комбинирования и соединения собственности, которыя дает наш строй, являются следствием того, что мы отдали собственность в руки не производителей, а потребителей.

Если бы собственность принадлежала производителям, то никакой свободы не получилось бы.

Поэтому, отметим еще раз преимущество того положения, что собственность в будущем будет принадлежать не рабочим, как про-

изводителям, а рабочим, как потребителям.

Свободу, свободу дает только наш строй, и притом наш строй дает свободу не на словах только, а на деле, ибо **он дает не только право организовываться, но и фактическую основу, материальную возможность для этого.**

* * *

В заключение главы об ассоциационной собственности, хочу дать ее общую картину.

В ассоциационной собственности нет однообразия, как в коммунизме; ассоциационная собственность связана и перепутана между собою тысячью уз. Она представляет из себя необыкновенное богатство форм.

Тем не менее, я попробую для ясности набросать ее схему.

Предположите, для простоты, что общество состоит из 1000 человек. Каждый из тысячи имеет потребность в сахаре, чае, хлебе, обуви и одежде. Но в табаке, вине, кофе имеют потребность только некоторые.

При таких условиях 1000 человек будет иметь общую ассоциационную собственность в сахарных, чайных, сапожных фабриках, но винныя, табачныя, подобно отрогам гор, ответвляясь от общего ствола, будут частной ассоциационной собственностью курильщиков, потребителей вина...

Напр., если будет 200 курильщиков, 300 потребителей вина, 400 любителей кофе, то табачныя фабрики будут принадлежать 200, винныя 300, кофейныя 400 индивидам.

Каждый из курильщиков, потребителей вина, имея ассоциационную собственность в орудиях для производства хлеба, сахара, чая со всем обществом, имеет еще свою ассоциационную собственность в табачных и винных орудиях и средствах производства.

Приложу таблицу для наглядности.

	Собственность.	Число собственников.	Кто потребители.
Сахар		1000	Все.
Кофе		400	Любители кофе
Чай		1000	Все.
Обувь		1000	Все.
Одежда		1000	Все.
Хлеб		1000	Все.
Вино		300	Потребит. вина.
Табак		200	Курильщики.

* * *

2) Обничнение земли.

"Даже самое безплодное поле принадлежит деспоту, который может преследовать судом путешественника, осмеливающегося подышать на нем чистым воздухом. Жадность и насилие овладели землею. Они согласились не позволять никому пользоваться ею, кроме тех, которые согласятся на них работать. Не осталось ни одного уголка, который мог бы служить убежищем человеку, не могущему заплатить дань этим двум тиранам". — Ленге (Щеглов, 235).

* * *

В настоящее время все группы, все партии признают собственность на землю в той или другой форме.

Коммунисты желают **сделать собственником общество**, индивидуалисты — **отдельных** лиц.

Рассмотрим, может ли одна из этих теорий быть принята нами?

Начнем с частной собственности на землю.

Грубость и пагубность этой формы собственности на землю давным-давно всеми признаны, так что я ограничусь лишь критикой ее Спенсером.

"Принцип равноправности, стало-быть, не допускает **собственности** на землю, ибо если бы одна часть земной поверхности могла по справедливости сделаться владением какого-либо индивида и удерживаться им для собственного потребления и пользования, как нечто такое, на что он имеет исключительное право, то и всякая другая часть земной поверхности могла бы удерживаться в таком же владении, могла бы удерживаться в таком владении и вся поверхность земли: вся наша планета могла бы оказаться во владении частных лиц. Подумайте теперь о той дилемме, к какой приводило бы такое положение. Предположив, что, таким образом, был бы разобран по участкам весь обитаемый мир, мы должны были бы сделать вывод, что если землевладельцы имеют сколько-нибудь обоснованное право на поверхность земли, то все прочие люди, не землевладельцы, не имеют на нее никаких прав, что они могут существовать на ней только по **снисхождению**. Все они явились бы непрошенными гостями. Без позволения владельцев земли они

не могли бы иметь столько места, сколько занимают ступни их ног. Более того: признай владельцы земли за удобное для себя отказывать им в местопребывании, все безземельные люди могли бы быть прогнаны с лица земли. И потому, если признание земли предметом собственности допускает обращение всего земного шара в собственность некоторой части ее жителей, при чем все остальное население могло бы пользоваться своими силами и могло бы существовать лишь с дозволения владельцев, то не ясно ли, что исключительное владение землею есть нарушение закона равной свободы. Ведь люди, которые не могут жить и пользоваться жизнью без позволения других людей, конечно, не могут считаться столь же свободными, как эти другие люди".

Теория частной собственности на землю ведет к теории Мальтуса, кричащего: "Раз весь мир занят, всякий вновь вступающий в него не имеет ни малейшего права на какую бы то ни было долю участия в сокровищнице природных средств к существованию. Он на земле лишний, и ему нет места за великим столом, уготованным человеку природой. Сама природа требует его удаления и, не колеблясь, добивается исполнения своего желания".

Эта теория мила сердцам различных нитшеанчиков, ибо, при признании земли частной собственностью, они надеются прибрать ее к своим рукам.

А что тогда будет с другими? Какое дело до этого нитшеанцу. Приравнивая человека к вещи, к материальному предмету, он, по самой сути своей психологии, не может признать за другими людьми никакого права на землю.

Склад природы должен принадлежать сверх'человеку и быть его исключительной собственностью. Между прочим, такое владение складом очень заманчиво: владея им, владеешь всем.

Эта система свойственна второму типу отношений. **Феодализм — идеал ее.** Лозунг: **земля — моя**, и никто, кроме меня, не имеет на нее прав.

Противоположную точку зрения, **отречение от земли индивида**, проповедуют и энергично отстаивают братушки-коммунисты.

Всякий из них не дерзает стать **феодалом по принципу** (хотя втихомолку и мечтает о теплой крови ближнего).

Каждого из братушек свое право на землю тяготит, каждый из них стремится отдать ее своим ближним, т.-е. обществу.

Обобществление, социализация земли — вот их лозунг.

Рассмотрим, что он означает.

Он означает, что землею может распоряжаться не индивид, а его ближние — "многия ты;" что они постановят, то и будет.

Чтобы понять всю соль этой "общей собственности", надо лишь помнить, что общество у коммунисотв — **это большинство.**

Вследствие этого в его усмотрении будет находиться "общая земля".

"Многия "ты" будут хозяевами, "я" же их — батраком.

При общей собственности, меньшинство окажется в руках собственников: они будут все регламентировать.

Итак, **всякая собственность на землю — зло.**

При существовании какой бы то ни было собственности, воля индивида будет скована: собственник, будет ли он одноголовым или коллективным существом, будет иметь право располагать ею по своему усмотрению: он сможет, если захочет, запретить пользование ею тому или другому индивиду, вообще, — даже доступ к ней; он сможет предписать вести тот или другой способ производства, сеять те или другие растения, держаться того или другого плодосмена.

Пользование без разрешения и пользование собственника становится немыслимым.

Каждый индивид при таких условиях становится рабом, ибо от усмотрения собственника зависит не только дать или не дать землю, но даже запретить заниматься той или другой промысловой деятельностью — и бездомному индивиду ничего другого не остается, как подчиниться или повеситься.

Собственность на землю признает верховенство собственника над несобственником.

Вполне прав Генри Джордж, говоря, что "владелец земли — владелец людей". Да, кто владеет землей, тот владеет и людьми.

Поэтому, мы отвергаем как общую, так и частную собственность на землю. Нам одинаково противны обе теории, ибо оне продукт идей господ и рабов.

Мы ищем выхода из этого круга, мы ищем третьяго типа отношения к земле — и находим его в **обничнении земли.**

Термин "обничнение", как показывает этимологический состав слова, означает, **что земля должна быть ничьей,** что она должна быть свободна, как воздух, что она не должна никому принадлежать в частности, но всякий ею имеет право пользоваться для своих нужд.

Обничение — термин, противоположный **собственности**, как родовому понятию, т.-е. не расчлененному еще на частную и общую собственность.

В то время, как собственность предполагает известное право индивида или индивидов на всю поверхность земли, обничение отрицает их, ибо оно признает в собственности на землю первородный грех, будь то собственность общественная или частная.

Наш лозунг: долой всяких верховных собственников на землю: на землю все имеют лишь равное право пользования!

Единственный выход мы видим в уничтожении всякой собственности на землю. По нашему мнению, только полное освобождение от нее развяжет волю людей, сделает их свободными.

С уничтожением собственности не наступит анархии (понимай это слово здесь в современном его смысле), на место собственности воцарится **пользование.**

Анархисты, исходя из идей равноценности людей, могут признать лишь **равное право пользования на землю.**

Между обничением и собственностью — громадная разница.

Собственность диктует условия. Обничение ведет к равенству и договору, ибо раз нет верховных собственников на землю, которых надо умолять и просить, то есть лишь люди, **имеющие равное право** на землю, независимо от дарований и пожалований со стороны общества или частного лица.

Раз нет собственности и собственников, то есть лишь равноправные соискатели земли, и ни общество, ни человек не могут лишить **их права на получение своей доли.**

Земля — ничья, в пользовании — мы равны: подай мне мою долю, и больше ничего.

Раз обничение и равное пользование создают только товарищей, то они по договору и возьмут ее в пользование каждый поровну.

Если нас 1,000 чел. и 10,000 десятин земли, то каждый из нас имеет право на 10 десятин.

Как я ими буду пользоваться, что я с ними сделаю — это мое дело.

Никто не может вмешиваться в мою деятельность: нет собственников, а есть лишь товарищи-пользователи.

Обничение с равным правом пользования вполне соответствует духу нашего учения. Обничение, определяя каждому индивиду его долю земли, делает его вполне автономным и свободным в своей

деятельности. Какое хозяйство захочу, такое и буду вести; какая промышленная деятельность понравится мне, такою и буду заниматься.

Хотя наша форма распоряжения землею допускает всевозможное пользование ею — и личную обработку земли, и товарищескую, и общественную, но мы, анархисты, будем ею пользоваться на товарищеских началах, соединяя свои доли в огромные угодья для совместной обработки.

Мы отлично понимаем выгоды крупного производства и не будем рыть земли индивидуально, сохой.

Ассоциационное использование земли будет вполне соответствовать ассоциационному производству в промышленности.

Наше учение о земле вполне это допускает.

* * *

Зная суть обничнения земли, познакомимся теперь подробнее, что такое равное пользование, разберем сомнения, которые оно возбуждает, а потом увидим, возможно ли его осуществить.

Итак, что такое равное право на землю?

Равное право на землю, **прежде всего,** означает, что человек имеет право на землю, находящуюся в различных климатах — в холодном, умеренном и жарком, — ибо человек, признающий равноценность людей, не имеет права занять равное количество земель в теплом климате, а прочим людям оставить негостеприимный север.

А потому, каждый человек имеет право селиться в трех местах: жарком, умеренном и холодном поясах.

Поэтому, если кто-либо, живя на севере, вздумает переселиться на юг, ему должна быть дана его доля земли.

Но, конечно, разные лица будут жить в разных климатах — желания различны. Родившиеся на севере не любят юга, и наоборот — северянин подобен полярному медведю, и на юге ему нужен лед. Каждый, к тому же, привыкает и к месту, имея знакомых и друзей, от которых не хочется отделиться — все это большую часть населения будет удерживать в границах их рождения, так что переселений будет мало*).

Во-вторых, равное право на землю означает, что никто не

*) Так как люди будут жить в разных климатах, то я думаю, что южане могут только по договору брать южные земли — и тогда им придется оплатить северянам некоторые неудобства холодного климата. Личный договор, договор группами, как мы увидим ниже, будет вполне реален.

имеет права занять более удобные и более плодородные земли, никто не имеет права воспользоваться выгодными силами, через что, так сказать, стать в привилегированное положение, захватив доли других.

На этом основании, лучшие земли должны быть обложены рентою, которая уравняла бы невыгоды худшей земли.

Например, положим, что ваш участок при одинаковой затрате труда приносит вдвое меньше даров природы, чем участок соседа. Тогда ½ вашего продукта — рента.

Для того, чтобы справедливость не была нарушена, рента должна быть разделена на 2 равные части, из которых одна останется у вас, другая достанется соседу.

В-третьих, места исключительно красивые: курорты, водопады — должны быть в нераздельном пользовании всех.

Такова суть равного права на землю.

Познакомимся теперь с теми возражениями, которые могут быть сделаны по поводу равного пользования.

Их можно разбить на две группы: на личные и вещественныя.

Личные будут касаться прав индивидов на землю; вещественныя — прав пользования землею.

Начнем с вещественных.

1) Предполагает ли **равное право** пользования землею, что каждый имеет право брать одинаковое с другими количество даров **природы?**

Какой коварный вопрос! Если ответить на него положительно, то тогда свобода индивида сковывается, индивиды должны нивеллироваться, должны подлаживаться под самых плохих едоков, придерживаться самых отсталых способов производства.

На первый взгляд, отрицательный ответ кажется и немыслимым*), но это только так кажется, ибо в этом возражении, к счастью, кроется недоразумение — и вот в чем оно состоит.

Если мы не будем мальтузианцами, а быть ими нельзя, — Мальтус понял проблему о населении абстрактно, тогда как плодовитость зависит от способа производства и к нему приспособляется; средства сокращаются, сокращается и плодовитость; в конце концов, она приспособляется к средствам, — то мы должны признать,

*) Ибо мы сами признаем, что мы все имеем равные права на блага природы; сколько мне благ принадлежит, столько и тебе, а беря больше, ты захватываешь мою долю.

что блага природы неистощимы, а потому их на всех хватит; сколько бы каждый ни черпал, ничьей доли никто не может захватить. Безконечное множество даров природы останется еще потомкам.

Согласно этому, потребление самого расточительного для экономики природы равноспльно скопидомству самого скупого богача.

Один, неизвестно для чего, трясется над своим имуществом, а другой пользуется жизнью.

Насколько разумны бережливость и расточительность — это дело каждого, но навязывать другим свои хозяйственные склонности никто не смеет.

2) Хотя блага природы и неистощимы, но безмерный захват их может на мне отразиться. Напр., разве рост ваших потребностей не ухудшит моего положения, разве он не заставит меня трудиться больше, если мы вынуждены будем перейти к обработке худших сортов земли из-за вашего аппетита?

Адская мысль!

Однако, наша теория и из этого затруднения дает легкий выход.

Никому нет никакого дела до моих потребностей, потому что каждый из нас берет одинаковое количество и худшей и лучшей земли, и расширение моих потребностей будет совершаться на моей земле, и, поэтому, оно не может отразиться ни на ком в смысле ухудшения его положения.

Если у вас маленькие потребности, вы будете получать хлеб с лучшей земли; возрастут — вам придется пустить в ход худшие участки земли. Я же и рост моих потребностей ни при чем.

Так, мне кажется, безконечное пользование дарами природы примиряется с непритеснением никого.

Социализация же земли непременно угнетет, отдаст лучшие куски жадным индивидам.

Вам непонятно — почему, так слушайте.

Положим, что нас 100 человек.

С земли плодородия № 1 можно собрать по 1 пуду. Еще по пуду — с земли плодородия № 2.

В обществе одни употребляют по 1 пуду, другие — по 2 пуда.

Если бы у всех потребность была в 1 пуд, то в обработку можно было бы пустить участок № 1, и каждый получил бы пуд с наименьшей затратой труда.

Но у нас есть некоторые, которые расширяют свои потребности до 2 пудов. Положим, что таких 50.

Ради них придется распахать худшие земли.

Если первый участок земли дает за 1 час труда пуд, а второй дает его за 2 часа, то вся стоимость хлеба станет: $100 \times 1 = 100$ час. (с первого участка) $+ 50 \times 2 = 100$; (со второго) = (итого) $100 + 100 = 200$. Пудов же будет 150 (100 с первого + 50 со второго). Отсюда пуд стоит $200 : 150 = {}^{20}/_{15} = {}^{4}/_{3} = 1{}^{1}/_{3}$ часа.

Вывод отсюда такой: общество заставит индивидов, потребляющих пуд хлеба, жертвовать в пользу остальных ⅓ часа; мы же не можем признать такого расплачивания за чужие аппетиты.

Перейдем теперь к личным возражениям.

1) Имеют ли дети равное право со взрослыми на свою долю земли, как лучшего, так и худшего качества?

Безусловно, дети — такие же люди, и имеют такое же право на землю, как и взрослые.

Если бы мы этого не признали, то мы признали бы привилегии за взрослыми, что противно нашему учению.

Мал ли, велик ли человек, но он имеет одинаковое право как на лучшие, так и на худшие участки земли, и имеет полное право удовлетворять свои потребности с лучших участков, если их хватает для его прокормления.

2) Имеют ли будущие поколения такое же право на землю, какое на нее имеют современные люди?

Этот вопрос потому важно решить, что рождение каждого нового члена заставляет, для удовлетворения своих потребностей, переходить других к худшему участку земли, так как на лучшую почву является больше претендентов, и такое ухудшение положения кем-либо может быть почтено за активный вред.

Вред ли это — это мы сейчас и рассмотрим.

Чтобы ясно понять решение, которое мы дадим, нужно задуматься над существующим строем (т. е. не современным, но над тем, в котором вообще живут люди). Ведь в нем также есть старики, родившиеся раньше, молодые люди, увидевшие свет позже, дети — еще позже.

Разве из того, что некоторые родились позже, следует, чтобы старики не дали им добывать себе пищу с лучших участков? — Это значило бы дать одним членам социальную привилегию над другими. Это значило бы отрицать то, что земля — ничья; это значило бы утверждать, что **первородники наши имеют исключительные права, что первородники являются единственными собственни-**

ками земли. Это значило бы, что люди неравноценны, что первое занятие, первое появление на свет создают какое-то особое право на землю.

Итак, право старшого поколения на землю ведет к теории первородства. Для нас важны не мотивы, во имя которых требуют привилегий. **Мотивы — дело личное,** сама же привилегия — есть зло. А потому все имеют равное право на землю, и земля — ничья.

Насколько первое различие (признание, что имеющий более потробностей должен обрабатывать и худшие участки) законно, настолько первородство гнусно. В "первородстве" заключается посягательство на земельные права других людей. Во имя его берут себе ренту; вообще, оно — отрицание равного права на землю. А в невыравнивании ренты нет несправедливости, ибо при этом люди не посягают на лучшие участки, не захватывают лучший участок в свою пользу и не эксплуатируют его выгод больше других.

Первое различие стремится обуздать эксплуатацию, а второе — ввести ее, ибо родившиеся **не активно** вредят. Младшие имеют равное право на землю, как люди, а у "первородников" есть стремление запретить им пользование лучшими участками, на том-де основании, что они имеют большие права на землю, и во имя эгоистического недовольства, что приходится больше работать из-за того, что другие имеют равное право на землю, они стараются захватить жирные куски.

Да, первородники! всякий ближний, как это ни досадно вам, имеет с вами равные права. Вашей воле они противопоставят свою.

Правда, какая проклятая преграда для вас!

Итак, всякий член: и новый, и старый, и будущий, имеют равные права на землю.

* * *

Какой же кусок земли может занимать каждый для своих нужд, соблюдая указанные условия?

Дать точный ответ — столько-то — конечно, нельзя, ибо население не находится в стационарной форме, но — то растет, то убывает.

В виду этого можно дать только отвлеченный ответ:

Максимум земли, которую каждый может занять, определяется наличным населением и приростом, могущим быть в течение его жизни.

Когда кто-либо берет участок земли, на котором он поселяется,

то он сообразуется с тем, как велико будет общее население к концу его жизни, ибо, если бы каждый считался только с существующим населением и занял равный участок с другими, то через 20 лет, при известном % прироста, ему пришлось бы тесниться, уничтожать кое-что из сделанного, дабы дать место приросту. А потому, каждый при своем поселении должен принимать во внимание прирост.

Поясним.

Положим, что у нас 100 десятин; нас 10 человек; при 80-летней жизни (средн. срок) население удвоивается.

Зная это, я при своем поселении беру $^{100}/_{20}$, т.-е. 5 десятин, а не $^{100}/_{10}$, т.-е. 10 десятин, ибо молодые поколения возьмут у меня все, сверх 5. Эти 5 десятин никто не может взять у меня, не нарушая наших равных прав на землю. Никто у меня не может потребовать их.

* * *

"Все это понятно, — скажете вы мне, — но для того, чтобы провести это в жизнь, нужна могучая бюрократия, сильное государство, которые перечислили бы население, размерили участки, определили ренту, учли мировой прирост населения и т. д.

Начальство нужно даже для того, чтобы отвести каждого на его участок.

Для вас, анархистов, отрицающих всякий авторитет, я не вижу другого выхода, кроме поножовщины.

Каким другим путем вы определите вашу долю, презирая сведения, которые может добыть только власть?

До сих пор я склонялся на вашу сторону, но теперь вижу, что коммунисты куда практичнее вас. С этим вопросом они сейчас бы справились. Их начальство точно измерило бы землю, назначило ренту — и все индивиды, как овцы, заняли бы отведенные им участки. Организация... власть!"

Несмотря на ваш гнев, читатель, попробую все-таки переубедить вас.

Ваша ошибка, мне кажется, заключается в том, что вы, как и прочие люди, смешиваете **учреждения и власть.**

Против учреждений мы ничего не имеем, против же власти и регламентации мы восстаем всеми силами.

Поверьте, что мы не хуже вас понимаем, что одному человеку не под силу собрать все сведения о земле, которые нужны для

справедливого решения вопроса.

Но от признания этого до создания правительства и власти — далеко. Власть была бы нужна, если бы никаким другим путем нельзя было добыть необходимых сведений.

Но это ложь.

Их можно добыть путем создания свободных учреждений.

Понятно ли вам это? Понятна ли вам ваша ошибка?

Да? — Ну, так я пойду дальше.

Понимая, что для правильной ориентировки в земельном вопросе нужно обладать многими знаниями, собрать которые одному индивиду трудно, мы создаем еще одно бюро.

Назвать его можно рентным.

Это бюро будет, как и прежние два, основано на договорных началах, не выборных.

Это бюро, как и первые два, не будет обладать никакою властью, никакими правами назначения, распределения земли...

Единственной целью его будет **сообщение** индивидам всех сведений о земле, необходимых для них.

И этой целью будут определяться все его функции.

Формулируем их.

1) **Ведение** статистических данных о количестве земли [1]).

2) **Регистрация** числа людей (наличный состав, количество смертей, рождений и т. д.) [2]).

3) **Группировка** земли по сортам (напр., глина, песок, камень, равнина, болото) [3]).

4) **Подробная** запись всей занятой и оставшейся свободной земли [4]).

5) Занесение в книги рент, даваемых каждым участком [5]).

6) Распланирование земли на участки по числу людей [6]).

---

1) См. 6).

2) См. 6).

3) См. 6).

4) См. 6).

5) См. 6).

6) Все это будут не активные роли, а пассивные, сводящиеся не к определению, а к **констатированию** фактов, так что произвола никакого быть не может.

Покажем истинность этого утверждения, подвергнув его **функции** анализу.

1) Могут ли быть какие-либо плутни при определении общего количества земли?

Нет тут ничего не утаишь и не скроешь; всякая ассоциация будет знать каждую пядь земли, и в случае какой-либо фальши плутня моментально выяснится.

Благодаря той массе сведений, которые накопятся в этом бюро, оно будет играть для нас роль энциклопедии, живой энциклопедии по всем аграрным вопросам, которые необходимо знать каждому, чтобы не об'эксплуатировать другого и не быть самому об'эксплуатированным.

Я сейчас употребил слово "энциклопедия" — оно очень рельефно рисует роль рентного бюро в нашей жизни. Наше бюро — не власть, а энциклопедия, ибо оно дает только сведения, но не решает, не определяет, не насилует ничьей воли.

Всего сказанного, я думаю, достаточно для вас, чтобы убедиться в том, что власть, для собирания всех сведений, необходимых для правильного решения вопроса, совершенно не нужна.

Покажем теперь, как мы обойдемся без нее и при распределении земли.

Вы уже знаете, что статистики не будут распределять землю; так кто же будет это делать?

Будут распределять землю сами индивиды посредством договора.

Вы удивлены?

В вашем мозгу как-то не вяжется мысль, что можно обойтись при разделе земли без власти, без сходов.

---

2) Можно ли неверно показать число людей? Нет, и здесь простая регистрация. Убавить число не позволит ни одна община, ибо это равносильно отнятию у нее земли. Прибавить же число людей в какую-либо общину не дозволят соседи.

3) Можно ли дать неправильные сведения о сортах земли? Нет: глина — и будет глиной, песок — песком. И всякая попытка неверно классифицировать сейчас же будет пресечена, как только ассоциация осядет на месте.

Если же возникнет разногласие, то при сортировке оно будет отмечено.

4) Тут тоже не сплутуешь!

5) Занести неправильно ренты, уплачиваемой каждым, тоже нельзя, ибо в величине ее, конкретно, каждый заинтересован.

6) Распланирование земли по участкам тоже не допускает никакого произвола — это чисто механический вопрос.

Смотрите, как будет оно происходить.

Для примера возьмем **черноземный** пай.

Чтобы определить мой пай в черноземе, нужно весь чернозем разделить на число лиц данной страны.

Скажем, чернозема 1000 дес., а населения 100 чел., тогда на каждую душу придется по 10 десятин.

Ко всей этой простоте функций прибавьте гласный отчет и личную инициативу ассоциационеров в разработке многих из этих вопросов — и вы увидите, что ни малейшего произвола быть не может.

А между тем, распределение земли самими индивидами является самым гуманным, самым справедливым, самым правильным.

Покажем, как у нас индивиды будут распределять землю между собою.

Каждый, желающий получить свою долю, отправится в бюро.

В бюро индивид пойдет не затем, чтобы распинаться и ломаться перед статистиками, выпрашивая у них клочок земли, а просто затем, чтобы получить свою долю.

Придя в бюро, индивид попросит наглядные географические карты (впрочем, оне могут висеть и на стене), приготовляемые еженедельно.

На этих картах земли различного качества будут различно заштрихованы; на них также будут помечены занятые и незанятые еще участки, на занятых будут обозначены ренты, платимые за них.

Кроме того, карты будут разбиты на паи, приходящиеся на долю каждого.

Взглянув на эти карты, индивид узнает все, что нужно: он узнает, какие земли заняты, какие нет, какая рента на каждом занятом участке, какая доля земли ему приходится и т. д.

Узнав все, индивид самостоятельно будет решать вопрос, в каком месте взять себе участок и взять ли уже занятый или свободный. Рассмотрим эти два случая.

Если индивид решит занять свободный участок, то статистик сделает на карте простую пометку: такой пай взят.

Не фантазируя, скажу, что в большинстве случаев в будущем индивиды будут занимать только свободные участки. Об'ясню причину такого явления.

Как мы уже говорили, паи всех людей будут одинаковы: каждый будет расположен в трех разных климатах и состоять из разнообразной почвы: чернозема, песка, глины, камня и т. д. Равенство требует, чтобы никто не смел взять **моей доли.**

В виду этого, для меня будет совершенно безразлично, какой пай ни взять.

Если так, то зачем я буду тревожить другого индивида? Для того, чтобы согнать человека с места? Это бессмысленно, и я твердо уверен, что занять несвободный участок — в анархическом строе будет казаться столь же диким, как согнать человека, стоящего на улице, чтобы занять его место.

Ну, к делу.

Я решил взять свободный участок. Что же я с ним буду делать? Ведь он в разных климатах, состоит из разной почвы. Это не участок, а клочки. Обрабатывать их — крайне непроизводительно, переезды отымут много времени и т. д. К тому же непривычка к различному климату, к разной погоде способна отбить у каждого охоту кочевать.

Не критическое ли положение будущего анархического пайщика?

И не я один буду так страдать — и другим достанутся такие же участки, которые будут причинять им лишь безпокойство: человеку, прибывшему с севера, будет противен юг, прибывшему с юга — северные доли участка.

Как же быть?

Выход один, и простой.

Он состоит в обмене участков.

И в анархизме такой обмен широко будет практиковаться.

При рентном бюро будет устроен обменный отдел.

Он будет разбит на части по географическим широтам и долготам.

В этом бюро каждый легко сумеет обменять части своего участка так, чтобы оне находились в одном месте и в одном климате.

Так как обмениваемые участки по почве и климату будут неоднородны: одни лучше, а другие хуже, то при обмене возникнет рента.

Для установления ренты мы не создадим начальства и чиновников, ибо мы не можем признать государственных нормировок: оне — зло, насилие. Мы имеем гораздо лучшее средство для установления ренты. У нас рента будет устанавливаться самими обменивающимися индивидами.

Такое установление ренты будет гораздо правильнее и справедливее, чем государственное. Оно доведет до точности выгоды и удобства различных участков, ибо, если участок будет иметь какие-либо особые выгоды — договор их уравняет. А так как договор будет личным, то никто не может быть в обиде на чью-либо деспотию: каждый сам будет участвовать в определении величины ренты.

Государство своими нормировками ренты убило бы себя, возбудив общее недовольство, анархизм же с своей системой договора, напротив, упрочит свое положение.

Возникшая на хорошие участки рента будет итти тем, которые получат худшие участки — и, благодаря этому, уничтожится та социальная несправедливость неравноценного распределения земли, от которой страдают северные народы, оттесненные завоевателями в негостеприимные края.

Рента, конечно, будет уплачиваться теми лицами, которые получат вместо худших лучшие участки.

Притеснений со стороны друг друга при таком обмене бояться нечего — все будут экономически самостоятельны.

Теперь перейдем ко второму невероятному случаю, т.-е. к тому случаю, когда индивид вздумает занять уже взятый другим участок.

Как быть при таком столкновении воль?

Мне кажется, что такие вопросы в будущем могут разрешаться следующим образом.

Индивид, желающий занять несвободный участок, должен об этом заявить его пользователю.

После этого они сами решат этот вопрос промеж себя конкуренцией, ибо только экономические причины — выгодность занятого участка — могут возбудить в соискателе желание занять его — и участок останется за тем, кто больше за него даст*).

Рента, полученная с этого участка, разделенная на равные доли, пойдет уже в пользу всех, ибо здесь конкурируют два отдельные участка, предполагаемые по свойствам одинаковыми. Но раз они оказываются, по мнению индивидов, неодинаковыми, то выгоды лучшего должны быть разделены между всеми участками.

Как видите, и в этом случае мы опять-таки обошлись без правительства и жандармов — и, поверьте, рента нами будет в этом случае определена точнее и вернее, чем ордерами правительственных чиновников.

Личная конкуренция доведет до мельчайшей точности выгоды и удобства разных участков, ибо, если какой-либо участок будет иметь особые выгоды — конкуренция их уравняет.

А так как конкуренция будет личной, то при установлении ренты никто не может быть недоволен**).

---

*) За улучшение должно быть уплачено конкурентом.

**) Быть-может, читатель, вы меня спросите, почему не признать единого способа распределения земли, именно второго. При этом втором способе пришлось бы землю разделить на равные участки по величине, а качество их уравняла бы конкуренция. Это проще, но несправедливо. При таком распределении индивид лишается своих прав на землю в разных климатах.

Надеюсь, что нашу постановку земельного вопроса вы поняли; но практическое решение его вам кажется трудным, так как вы представляете себе миллионы конкурирующих индивидов...

Но это лишь плод вашей фантазии. Мы говорили уже вам, что у нас обрабатывать землю будут не индивиды, а ассоциации, крупные, могучие ассоциации, а потому вопрос о распределении земли сильно упростится. Ассоциации сразу будут захватывать тысячи паев — и будут обмениваться между собою целыми сотнями десятин.

Так мы решаем вопрос о пользовании землею — и наше решение дает полную свободу индивиду.

Индивид ни перед кем не унижается, не просит ни у кого согласия и разрешения на занятие участка земли, но, как равный, требует своей части, лишь из чувства справедливости справляясь в бюро о своей доле.

Как я поступлю со своим участком, как я его буду брабатывать — это моя воля, и никакое общество не имеет ни малейшего права писать мне законы.

Словом, в нашем решении вопроса дышит сама свобода.

Индивид — суверен в своих правах.

* * *

Тесно с вопросом о пользовании землею связан вопрос о переделах.

Мы, отрицающие собственность на землю, должны признавать переделы земли по мере прироста населения.

Через какое время должны совершаться переделы?

Для этого законов существовать не будет.

Земля будет переделяться тогда, когда все пан уже взяты, и новым членам нечего уже занять.

Напр., у нас общество в 20 человек владеет 100 десятинами земли. Ежегодный прирост — 5 человек.

Если каждый возьмет по 5 десятин, то передел произойдет через год, ибо через год появится 5 ртов — и для них земли не будет.

Если половина возьмет по 5, а другая по 4, то передел наступит через **два года**, ибо останется свободных 10 десятин от тех, которые заняли по 4 десятины. Эти десять десятин поглотятся в два года.

Если же каждый возьмет по 4, то в запасе останется 20 де-

сятин, и передел наступит лишь через 4 года.

Если же каждый возьмет по 3 десятины, то передел наступит через 10 лет и т. д.

На скорость наступления передела, как видите, влияет количество занимаемой каждым земли: чем оно больше, тем передел наступает скорее.

Если люди будущего при распределении земли будут держаться того принципа, который мы вывели для занятия земли*), то передел наступит лишь после смерти пользователя.

Если же люди будут захватывать более указанного количества, то они будут страдать от переделов.

От переделов, конечно, будут страдать не все, а лишь те, которые занимают доли будущих поколений, которые появятся на свет при жизни занявших.

* * *

При переделах может возникнуть одно довольно важное недоумение, а именно, кому-либо может прийти в голову, что постоянные переделы земли обратят земледелие в кочевье.

Это опасение было бы основательно, если бы земледелие в будущем обществе носило индивидуальный характер. Но раз возделывание земли возьмут в свои руки ассоциации, то неудобства переделов устраняются, ибо % прироста населения во всех ассоциациях, хозяевах отдельных участков, будет одинаков, и им не придется переменять мест.

* * *

Прежде чем окончательно расстаться с земельным вопросом, скажу несколько слов, во-первых, о своих предшественниках, вернее — о своем предшественнике, Генри Джордже; во-вторых — о земельных программах.

Генри Джордж в своей знаменитой книге "Запутавшийся философ" очень близко подходит к верному решению проблемы.

Он дает замечательно мастерской анализ идей **"общего права"** и **"равного права"** на землю, оставляя все свои симпатии на "равном праве"**).

---

*) Максимум земли, который у нас каждый имеет обыкновение занимать, определяется существующим населением и приростом, могущим быть в течение нашей жизни.

**) Вот этот отрывок. "Запут. филос.", стр. 50—52.

"На самом деле, не замечая того, Г. Спенсер бросил идею **равного права**

Великую заслугу Генри Джорджа я вижу в этом разграничении понятий "общего права" и "равного права".

Однако, его анализ не докончен, — нужно было бы пойти дальше, дойти до формы собственности — и тогда истина стала бы ясна.

"Общее право" вытекает из идеи "общей собственности на землю".

"Равное право" вытекает из идеи "обничнения земли".

Этот вывод мы и сделали в нашей работе.

на землю и поставил на ее место нечто совершенно иное — **идею общего или соединенного права** на землю. А разницу между тем и другим не трудно заметить, ибо общее или соединенное право, может быть, и нередко бывает **неравным правом.** Предмет этот имеет большую важность, ибо отсюда проистекает немалая путаница в мыслях людей. А потому я позволю себе выяснить его более или менее полно.

Когда известные лица имеют равное право на какой-либо предмет, напр. на комнаты или принадлежности клуба, членами которого они состоят, то каждый из них имеет право на пользование всем этим предметом или известной частью его, когда им не пользуется никто из прочих членов. И лишь когда кто-либо пользуется им, или имеются какие-либо указания на то, что им пользуется кто-либо из других лиц, общая для всех вежливость предписывает обращаться с фразами: "могу ли я взять", или "не будете ли любезны дать мне" и т. п.

Но где люди имеют **общее или совокупное право** на какой-либо предмет, напр. на известную сумму денег, находящуюся на их общем счету, там для пользования этим предметом или какою-либо частью его некоторыми из числа этих людей требуется согласие всех их.

Право людей на пользование землей не есть общее право: оно есть равное право.

Будь на земле только один человек, и он имел бы право на пользование всей землей или какою-либо частью ее. Когда на земле есть более, чем один человек, то право на пользование землею, какое имел бы каждый человек в том случае, если бы он был один, **отнюдь не уничтожается: оно лишь ограничивается.**

Право каждого человека на пользование все же остается прямым, первоначальным правом, которое он получает самостоятельно, а отнюдь не в силу дарения или согласия других людей; оно лишь ограничивается подобным правом других людей, и потому является **равным.**

Его право на землю не прекращается, но в силу этого ограничения, вместо абсолютного права на пользование какою-либо частью земли, оно становится: 1) абсолютным правом на пользование какою-либо частью земли, на которой не может быть столкновения с равным правом других людей (т.-е. которой никто другой не хочет пользоваться в то же время), и 2) одинаковым с прочими людьми правом на пользование какою-либо частью земли, которой этот человек и прочие люди желают пользоваться в одно и то же время.

Мы — анархисты — должны держаться принципа "обничнения" с равным пользованием на землю. Социалисты же логически должны держаться общей собственности на землю с общим правом на нее.

Большинство социалистов всех стран логичны и ясно формулируют свои идеалы в программах.

Только социалисты-революционеры представляют в этом вопросе какую-то странную смесь. Они умудряются каким-то образом комбинировать "общую собственность на землю" и "равное право".

Удивительная логика!

Судите сами, читатель.

Раз вы признаете равное право за индивидом, то индивид делается независимым от общества, делается самостоятельным верховным индивидом. Его право на землю является абсолютным. Индивид в себе почерпает право, а не в обществе берет его, — никакое общество отнять его не смеет. Люди, стремящиеся отнять у меня это право, — преступники. **В равном праве индивид стоит против общества.**

Посмотрим теперь другую половину программы — общую собственность. Что такое общая собственность? Это собственность общества, как единого целаго. Оно — верховный собственник, оно — распорядитель земли. Свое право оно черпает в себе. Ни одна единица не смеет перед ним выставлять свое право, говорить, что она имеет какие-то права на землю. Единица, индивид, при общей собственности не имеет никаких прав. Он будет обладать такими правами, какие даст общество. **Здесь общество стоит против индивида.**

Какой же части программы мы должны верить? Оне говорят прямо противоположное: в одной части индивид полноправен, в другой — общество.

Таковы противоречия теории.

Практика не лучше.

Люди, которые практически наградили индивида равным правом на землю, должны быть индивидуалистами. Они должны всего ждать от индивида и его самодеятельности.

Но что же мы видим?

Мы видим, что землею будут распоряжаться не индивиды, как у нас, а общественная бюрократия, которая внесет во все дух плесени и мертвечины, которая обделит и урежет паи индивидов — и индивиды, лишенные прав самоопределения в аграрном вопросе, принуждены будут смиренно целовать стопы своих благодетелй за то,

что они хотя обгрызки им бросили.

Я не шучу, читатель!

Общинное уравнение земли — это отдача земли в руки кулаков. Только наше индивидуальное распределение освободит индивида.

Интересно теперь спросить себя, что же побудило социал-революционеров дать такое странное бюрократическое решение вопроса? Единственно то, что в каждом социалисте сидит дух бюрократа.

Из всего сказанного о социал-революционерах для вас ясно, что они сидят между двух стульев, что они и от социал-демократов не отстали, и к анархистам не пристали, хотя по направлению к ним и сделали большие шаги, признав равное право вместо общего.

Такую же странную, промежуточную позицию социал-революционеры занимают во всем*), как вы увидите ниже. Искренно советуем им определиться и стать на чью-либо сторону.

* * *

i) Философское обоснование обничнения земли и обассоциирования производства**).

До сих пор по вопросу о собственности мы догматизировали, мы говорили: мы, анархисты, признаем то-то и то-то, теперь же мы приведем философские обоснования нашего учения о земле и собственности и покажем, как оно согласуется с основными принципами нашей теории.

Чтобы ясно понять нашу позицию в вопросе о собственности, я считаю нужным, прежде всего, ознакомить читателя с разными философскими теориями права собственности, так как вопрос всегда всего лучше выясняется, если мы беремся за принцип, а не за приложение его.

По моему мнению, главных философских систем о собственности можно привести три: 1) теорию потребностей, 2) теорию силы, 3) теорию труда.

Прочие же теории примыкат то сюда, то туда.

---

*) Разбирая ассоциационное производство, я не упоминал о позиции эс-эров. Здесь уж, кстати, скажу несколько слов. Она, подобна аграрной, представляет промежуточную форму между эс-деками и нами, анархистами.

Они ни общей собственности не требуют, ни ассоциационной, а останавливаются на общинной.

**) Эту главу читатель без ущерба для смысла может опустить.

Начнем наш анализ с теории потребностей.

Главный представитель ее — Бриссо.

Суть этой теории такова: "Если владелец не имеет никакой потребности, а я имею, — вот мое право. В противном случае (если владелец имеет потребность), вопрос делается вопросом статистики". "Потребность есть единственное право на нашу собственность;" "какой-нибудь француз имеет такое же право на дворец могола, на сераль султана, как сам могол или султан". "В силу этой собственности, несчастный, страдающий от голода, может взять и с'есть хлеб, который принадлежит ему потому, что он голоден. Голод — вот его право*).

Словом, по этой теории, каждый индивид имеет право на все, если у него есть на то потребность.

Я голоден и ленив, а ты трудился и у тебя есть запасы. Что ж из этого. Давай мне их — голод мое право, и я должен быть собственником.

"Право на существование" или право на "достойное существование" есть лишь ослабленная, оскопленная теория права собственности, основанного на потребностях.

В самом деле, здесь только отрицается право ближняго всегда и очень широко залезать в чужой карман, но иногда, когда насущные потребности не удовлетворены — можно: богач разрешает, боясь, что бедняк, если ему не гарантировать корки, все возьмет.

Теории, выводящие право собственности из понятия личности, примыкают сюда же и служат лишь перефразировкой теорий права на голое существование или на достойное существование.

Изложим теперь вторую теорию — теорию силы.

Суть этой теории состоит в том, что собственность приобретается копьем и мечом.

Копье и меч — универсальное средство для приобретения собственности.

Рыцари средних веков были убежденными последователями этой теории.

Частичным отрывком этой теории является теория оккупации, учащая, что собственником является лицо, захватившее землю первым.

Менее ясно выраженной, теория силы является в **легализаторской теории**, проповедующей, что собственность не **есть вечная**

*) Из цитаты по Щеглову между 225 — 228 стр.

истина, что она в разные эпохи была разной, а потому основание ее лежит в обществе. Установление общества служит основанием собственности.

Поскольку общество допускает собственность, постольку она и будет существовать. Общество, конечно, может отменить и изменить собственность — это его дело.

Я говорю, что эта теория потому менее ясно выражена, что в ней грабеж маскируется **волей общества.** Иначе говоря, это — теория хотя узаконенного грабежа, но тем не менее грабежа.

Перейдем к третьей теории.

Суть ее лежит в труде. По этой теории, **собственность дается труду.**

Вот как эту теорию передает Фуллье, разбирая учение Локка*):

"Теория собственности составляет одну из самых оригинальных и самых сильных сторон учения Локка. Каков принцип, на основании которого человек помимо всяких общественных условий, помимо вмешательства власти и закона, из члена общины делается индивидуальным собственником?

До Локка такой принцип видели в оккупации или законе: Локк глубже смотрит на вопрос и признает основанием собственности труд. В то время, как земля и животные еще были общими, каждый имел право уже на свою собственную личность. Можно сказать, что труд собственных рук был личным имуществом. Все, что человек своим трудом и старанием извлекал из природы, принадлежало ему одному; так как этот труд и старания были его собственными, то никто не имел права на его приобретения, тем более, что оставалось еще достаточно подобных предметов одинакового количества в общем пользовании"...

Искаженную теорию трудовой собственности представляет теория Шефле**): "Наиболее плодотворная индивидуализация средств к производству и к потреблению, наиболее производительная утилизация всего трудового имущества при разработке всех природных источников производства, наконец, наиболее полное удовлетворение индивидуальных потребностей во всех членах человеческого общества — вот что дает имуществу вообще и всем отдельным его видам законное право на существование".

---

*) "Истор. филос.", стр. 244.

**) "Социал.", стр. 99.

В этой теории труд заменен **производительностью** труда.

Таковы основные философские теории собственности.

Теперь попробуем отнестись к ним критически, выяснить их недостатки и, устранив их, воздвигнуть чистую теорию собственности.

При критике теории мы будем исходить из той мысли, что собственность не есть нечто, падающее с неба, что она, подобно прочему земному, имеет свои корни на земле, что она **приобретается человеком**. А человек, как человек, может добыть собственность только борьбою с природою, т.-е. трудом.

Никаким другим способом он не может добыть даров природы.

Тру́д, и только труд, затрата мускулов и нервов — вот что дает человеку возможность добывать необходимые ему предметы.

Зная эту истину, приступим к критике выше приведенных теорий.

Теория потребностей ложна, ибо она проповедует рабство, воровство и эксплуатацию.

Почему? Да потому, что предметы вырываются у природы не "голодом", "не потребностью", а борьбою. "Голодовкой" природы не возьмешь, а, между тем, теория говорит, что "голод" дает право. На что же он дает право? Ясно, на что — на эксплуатацию, воровство и ограбление ближнего.

Теорию потребностей любят коммунисты.

Теория силы не менее ложна. Она тоже проповедует грабеж и насилие. Силой можно отнять **уже отнятое другим у природы**, но меч и копье могут только разрушать, но не создавать.

Теория же труда, верно схватывая суть собственности, не дает ей, однако, должного основания.

В самом деле, можно ли основать собственность, исходя лишь из труда? Нет.

Трудом можно все добыть, даже другого человека!

Напр., римляне и другие древние народы добывали рабов войной. Ссылаясь на труд, вор может сказать, что он в праве есть хлеб, добытый из амбара соседа — ведь он для переноски его затратил труд, да и риск должно оплатить: предприятие опасное.

Из этих примеров видно, что для обоснования собственности недостаточно труда, хотя в то же время и понятно, что труд играет какую-то роль в собственности.

Если мы выясним, чего не хватает трудовой теории для обоснования собственности; если мы выясним, какую роль должен играть

труд в истинном обосновании теории собственности — мы решим тогда мучительный вопрос философии права собственности.

Приступим же к этой задаче.

По нашему мнению, основной недостаток теории трудовой собственности состоит в **игнорировании правовых принципов.**

Трудовая теория будет верна, если мы к труду прибавим еще право.

Какое же право?

Я думаю, что читатель догадывается уже — какое, если не забыл еще нашего теоретического анализа.

Итак, какое же право? — Право: "не вреди".

Если вы это право присоедините к труду, вы получите стройную теорию собственности.

Право собственности есть право своим трудом добывать из земли все, в пределах "не вреди".

Все добытое в пределах "не вреди" никем не может быть взято без обращения личности другого в орудие эксплуатации, ибо это было бы правом на труд другого, на его личность.

Право на собственность, добытую своим трудом, с соблюдением "не вреди", — право законное, неот'емлемое. Ни общество, ни индивид не могут, не имеют права его отменить. В этом мы резко расходимся с **легализаторской теорией**, считающей право собственности даром общества.

Нет! Стоимость **не дар** общества, а **естественный** дар природы, отданный человеку в обмен на его труд*), а потому и не могущий быть отнятым у него без узурпации.

Тот, кто ничего не добывает, не имеет права и брать ничего. А "общество" ничего не добывает (трудятся конкретные индивиды), а потому ни брать, ни перераспределять ничего не может.

Такова наша теория. Она всецело вытекает из нашего принципа "не вреди", дозволяющего всякую деятельность человека, не вредящую другому.

Из этой теории логически вытекают **ассоциационное имущество** и **обничнение земли.**

Я говорю: ассоциационное имущество — ибо раз я имею право на все, добытое мною у природы, то я имею право и на орудия труда и средства производства, и если выгоды заставляют меня

*) Социалисты этого никак не могут понять, болтая о каких-то "заслугах", за которые индивида нужно награждать.

соединить свою собственность с другими, то это мое дело, и никто запретить мне этого не может.

Отсюда — правомерность ассоциационной собственности.

Я говорю: **обничнение земли — ибо раз мы признаем, что собственностью являются продукты труда, то собственности на землю не может быть:** она, ведь, не есть продукт труда: она есть лишь склад всех пищевых продуктов, материалов и сил — и обращение этого склада в собственность равносильно недопущению к нему труда.

Действительно, раз собственник закрывает склад, то где же труд может приложить свои силы? Дозволит ли ему собственник даром приложить свои силы? Не потребует ли он с него доли продукта за пользование землею? Безусловно потребует, ибо имеет право потребовать вознаграждения за пользование **его** собственностью, за истощение и порчу ее.

А раз он имеет право потребовать вознаграждение, то труд должен платить дань за землю, за это даровое благо; труд является тогда рабом, собственность теряет тогда свой характер собственности — ибо не сеющий, но владеющий складом может собирать чужую жатву...

Какой же отсюда логический вывод? **Тот, что для того, чтобы собственность была собственностью, земля должна быть ничьей,** ибо при собственности на землю отрицается положение: что собственность приобретается трудом в пределах "не вреди".

Чтобы окончательно покончить с вопросом о собственности, нам придется еще разобрать возражения противников абсолютного права собственности.

Разберем главных из них, **Соловьева и Спенсера.**

Соловьев. ("Вест. Европы", 1896 г., стр. 562—3. № 12): "Но тут является новое и более важное затруднение: предметом собственности могут быть только вещи, а основанием собственности признается труд, их производящий. Это было бы хорошо, если бы труд мог производить какие-нибудь вещи, между тем труд никаких вещей не производит, а производит только полезности в вещах; но полезности, будучи только отношениями, а не реальностями, не могут быть предметом собственности. Хотя в житейском словоупотреблении и принято говорить о разных вещах, созданных работниками, но всякий и не обучавшийся политической экономии понимает, что работники производят только в данном материале

такие перемены, которые сообщают ему некоторые новые относительные свойства, соответствующие тем или иным потребностям общества. Труд производит не вещь, а только некоторое частичное свойство в ней, неотделимое, однако, от целой вещи, не может давать права собственности на то, что он не производил и что от него не зависит"...

Спенсер (Генри Джордж, "Зап. филос.", стр. 52):

"Никакое количество труда, затраченного индивидуумом на какой-либо части земной поверхности, не в состоянии **уничтожить права общества на эту часть...** Никакой человек простым актом присвоения какого-либо дикаго, никем неохраняемого животного или плода не мог бы уничтожить общего совокупного права на него всех других людей. Несомненно, что труд, который расходуется каким-либо человеком на ловлю животного или на собирание плодов, дает этому человеку более права на пойманное животное или на собранные плоды, **чем какому бы то ни было другому человеку.** Но, ведь, требуется доказать не то, что труд, таким образом затраченный, дает этому человеку право на пойманное животное или собранные плоды, превышающее ранее существовавшие права всех других людей, взятых вместе. И пока этого не сделано, человек этот может признаваться владельцем не в силу какого-либо **правого принципа,** а только лишь ради известных удобств для общества".

Покажем ошибку этих рассуждений.

Ошибка Спенсера ясна, как день. И Генри Джордж вывел ее на свет как нельзя лучше.

Поэтому, вместо своей критики я позволю себе процитировать его: "Что человек не может иметь права на собирание диких ягод в пустыне, **пока не заручится на это согласием всех других людей** — это Reductio ad Absurdum. Это Reductio ad Absurdum является как вывод из идеи **общего права** на землю, тогда как выводом из **равенства** прав на землю была бы истина, что при подобных обстоятельствах человек обладал бы правом собирать столько ягод, сколько нужно, и все прочие люди вместе не имели бы права запретить ему этого".

Другими словами, идея общей собственности на землю ставит всю деятельность индивида в зависимость от общества, тогда как "обничнение" земли образует ясное право собственности.

Соловьев же ту же мысль (что человек не имеет права на вещь) облекает в более туманные формы. Он думает, что человек, потому

что не **производит предмета** целиком, потому что не производит материи — и не имеет права владеть предметом.

Но это заблуждение. Предметы — ничьи, и труд имеет право похищать из склада все, что каждому надо — и такое похищение из склада материи и дает на нее право собственности.

Вот и все рассуждение. Только признание склада общим все туманит. Но земля — не общая собственность, а — ничья.

Раз вы признаете эту истину, то для вас делается все ясным, а не признать того, что земля — ничья, невозможно.

* * *

к) Фабричная жизнь и фабричные распорядки будущего производства.

а) Введение.

В предыдущих главах мы касались **общей организации** производства всей страны, рассматривали формы собственности на землю, орудия и средства производства, теперь же нам предстоит спуститься в ячейку организации, в отдельную фабрику.

Предметом нашего рассмотрения будет фабричная организация производства: 1) величина рабочего дня, 2) организация труда.

Цель, которую мы будем преследовать при описании фабричной организации, будет заключаться в том, чтобы показать возможность свободного сотрудничества при работе.

Мы твердо и глубоко убеждены в том, что как нам удалось обойтись без власти при организации производства во всей стране, так никакой власти не понадобится и для организации внутренней жизни фабрики.

Всюду свобода, товарищество и договор способны выгнать власть, указки и иерархов.

Нет такой стороны жизни, где бы эта истина не могла быть применима.

Как мне удастся выполнить свою задачу — тебе судить об этом, читатель! Я же, без дальнейших слов и риторических фраз, приступлю к решению поставленной себе задачи. Задача важна. Раз свободы не будет в ячейке — не будет свободы вообще.

* * *

б) Устройство и вид фабрики.

Первоначально вид и устройство фабрик будут таковы, какими они достанутся рабочим после обассоциирования процесса производства.

Различные отрасли производства отойдут в собственность групп потребителей.

Трудно только сказать, будет ли целая отрасль производства, например сахарного, охвачена одной ассоциацией или несколькими.

Однако, можно сказать положительно, что размеры будущих производств будут так велики, как того будут требовать экономические выгоды.

В любой отрасли можно образовать несколько самостоятельных предприятий, и технический уровень их будет самым усовершенствованным.

Когда фабрики достанутся в руки будущих ассоциационеров, они, конечно, их преобразуют, поставив их на уровень техники, комфорта и удобства*).

Кто будет преобразовывать фабрики?

Ассоциационеры.

Ассоциационеры, конечно, своим трудом доставят и необходимые для этого средства.

Орудия производства будут создаваться, как и восстановляться, каждым потребителем сообразно изнашиванию капитала на предметы, им потребляемые.

Доля каждого в восстановлении и созидании капитала легко может быть вычислена следующим образом: предыдущий опыт страны установит, что при таком-то **ежедневном труде машин** оне в течение своей жизни могут произвести столько-то продуктов потребления; а отсюда можно вычислить, что на каждый продукт потребления идет такая-то доля машины, которую и должен восстановить получающий предмет.

Поясним это примером.

Положим, что машина, стоящая 1000 дней труда, изнашивается при производстве 10,000 гвоздей на одну-тысячную часть своей стоимости при определенном рабочем дне.

*) Ассоциационеры у нас, ведь, рабочие, а потому сами заинтересованы в хорошем устройстве фабрик.

Отсюда ясно, что на 10,000 гвоздей с стоимости машины перешел 1 день. Если рабочий день положим в 10 часов, то на 100 гвоздей переходит с стоимости машины **1 час.**

Следовательно, покупающий **100 гвоздей** должен дать 1 час своего труда на восстановление орудий труда; покупающий 300 гвоздей — 3 часа и т. д.

Каждый рабочий будет знать своих потребителей, будет знать число предметов, которые он для них изготовил, а потому он легко может подсчитать, какая доля машин истирается на его потребителей.

По мере истощения машины, каждый и будет извещать своих потребителей о необходимости восстановления машины, и когда она придет в негодность, рабочие, располагая временем потребителей, закажут новую и поставят ее на место старой.

Однако, рабочие могут выделить расценку капитала в особую функцию. Можно думать, что наблюдение за восстановлением портящихся машин выпадет на долю **инженеров.**

Инженер на каждой фабрике будет сообщать о необходимости восстановлять машины по мере их снашивания. Он будет располагать трудом потребителей по восстановлению капитала.

Как рабочие будут производить продукты, так инженер следить за машинами.

Как видите, пока что, мы обходимся без власти.

Посмотрим, как дальше будет.

Важным вопросом при устройстве фабрик является вопрос о количестве машин в них.

Не вызовет ли он необходимость власти? Нет — ибо количество машин зависит не от индивидуальной воли, а от об'ективных причин, которые мы сейчас выясним.

Количество машин зависит:

1) От количества предметов, которое нужно произвести.

2) От производительной силы машины (сколько она производит в единицу времени).

3) От срока, в который нужно сработать предметы.

4) От рабочего дня машины (сколько времени будет работать машина).

Зная эти 4 условия, легко определить нужное количество машин.

Определим значение каждого из этих условий.

Срок следующим образом влияет на количество машин.

Если не определено срока, то 2000 требующихся предметов

может быть произведено в 4 года одной машиной, производящей каждый год по 500. Но если, положим, в год для общества нужно не 500, а 2000 предметов, то придется поставить 4 машины, хотя спрос теоретически и мог бы быть удовлетворен одной машиной.

Рабочий день машины оказывает влияние на число машин следующим образом: машина, работающая целые сутки, произведет вдвое больше, чем машина, работающая лишь 12 часов, а остальное время бездействующая, стоящая без работы.

Напр., если рабочие почему-либо не желают работать целые сутки, напр. ночью, то для производства того же количества предметов нужно поставить вдвое больше машин, ибо рабочие будут прилагать свой труд не один за другим в течение суток, а будут совместно работать 12 часов. А для такой совместной работы нужно вдвое больше машин.

Ясно, каким образом **количество нужных предметов** определяет собою число машин.

При известном рабочем дне, срок, в который нужно сработать вдвое большее количество предметов, потребует вдвое большего числа машин.

Влияние **производительности машин** на число их так ясно, что разбирать этот пункт совершенно нечего.

Зная все условия для определения числа машин, мы легко сумеем определить нужное количество их.

Для наглядности приведу пример.

Ассоциации нужно 10,000 пудов сахару. Рабочий день — 10 часов. Производит машина в 1 час 1 пуд. Сахар должен быть доставлен через 100 дней.

Узнаем прежде всего, сколько в день потребуется сахару. Для этого 10,000 : 100 = 100 пуд. Итак нужно 100 пудов в день.

100 пудов можно произвести лишь в 100 часов при производительности 1 пуда в 1 час.

На одной машине при 10-часов. труде можно произвести лишь 10 пуд., а надо 100; значит, чтобы удовлетворить весь спрос, надо поставить **10 машин.**

Временное расширение спроса может быть удовлетворено запасами, а также расширением рабочего дня машины. Определение числа машин тоже, наверное, будет функцией инженеров.

* * *

Все у нас, как видите, обошлось без власти.

На это мне, конечно, вы возразите следующее:

У вас все обошлось без власти потому, что вы приняли за данную величину и рабочий день машины, и потребности, тогда как на самом деле эти величины спорныя.

Один иднивид захочет один рабочий день, другой — другой; вот тут и определяй, сколько нужно машин. Один захочет удовлетворить свои потребности к одному сроку, другой — к другому, и опять путаница.

Без власти не обойдетесь. Срок и рабочий день должны быть установлены властью. Только власть дает планомерность.

Рассмотрим, насколько серьезны возражения.

Верно ли, что разница во времени удовлетворения потребностей, различие рабочих дней могут послужить помехой для правильности выводов?

Нет — и вот почему.

Для правильности вычисления важны общее рабочее время и общий срок заказа, а не индивидуальные.

Сложив разные рабочие дни, мы узнаем средний рабочий день.

Сложив разные сроки заказов, мы узнаем общее время к которому их можно приготовить.

Зная же эти две величины, мы можем с математической точностью определить нужное количество машин.

Ну, покончим с этим вопросом, перейдем теперь к более важным и интересным:

1) К проблеме о снашивании машин, 2) к величине общего и индивидуального рабочего дня.

Начнем с вопроса о снашивании.

* * *

в) Какой рабочий день для перенесения стоимости машин на предметы мы должны считать нормальным?

Вопрос о перенесении снашивания машин на предметы среди других вопросов занимает **самое важное место**, а потому мы и разберем его раньше других.

Правильное разрешение этого вопроса даст нам ключ к пониманию многих сторон фабричной жизни будущего.

Величина рабочего дня снашивания машины имеет важное значение **при перенесении стоимости машин на предметы:** а именно, чем меньше будет рабочий день каждого индивида, тем, для приготовления к известному сроку предметов, придется поставить больше машин, тем большее время машины будут стоять в бездействии и портиться от времени, тем большую ценность оне должны переносить на каждый произведенный продукт — и наоборот.

Спрашивается, какой рабочий день человека мы должны считать нормальным в перенесении стоимости машины на предметы, и отклонения от которого должны считаться **недобросовестным отношением к машине?**

Чтобы лучше понять суть вопроса, поясню его примером.

Положим, что вы заказываете булавки. Булавочники, скажем, такие индивидуалисты, что хотят работать в сутки один час, и только в 12 часов пополудни.

Благодаря такой своей индивидуальности, они, для производства к известному сроку, должны будут поставить гораздо большее число машин, чем пришлось бы поставить, если бы они свой рабочий день удлинили до 12 часов.

Если, скажем, при 12-часовом рабочем дне достаточно для производства поставить 4 машины, то при рабочем дне в 1 час придется поставить машин в 12 раз больше, т.-е. 48.

Почему?

Да потому, что при 12-часовом рабочем дне булавочники работали бы друг за другом по очереди. Сначала 4 человека, затем новая смена в 4... и в продолжение дня на 4-х машинах могли бы переработать 48 человек. Если же все 48 человек захотят работать в одно время, в один час, то тогда придется поставить каждому по машине.

Постановка лишних 44 машин не может не отразиться на стоимости продуктов. Каждый продукт впитает большую стоимость от стершихся машин — и в цене страшно подымется.

Понятна ли теперь вам вся важность проблемы о стирании машин?

Итак, зададим себе вопрос: какой рабочий день должно считать нормальным рабочим днем для пользования машиною, и отклонения от которого должны падать на индивидуалистов-производителей, а не на потребителей?

Так, если бы мы признали, что нормальный день равен 12 часам, а индивидуалисты хотели бы работать только **один час**, то к

каждому предмету прибавлялась бы такая ценность изнашивания машины, как если бы 4 машины работали 12 часов.

Потребители оплачивали бы только подобное снашивание, но не оплачивали бы причуд и удобств индивидуалистов, заставивших машину портиться даром 11 часов. Такая порча пала бы на них, и $^{11}/_{12}$ стоимости машины уплатили бы они сами.

Итак, какой рабочий день человека мы должны признать нормальным для снашивания?

Я думаю, что относительно этого не может быть никаких колебаний.

Нормальным рабочим днем человека для перенесения снашивания надо считать такой день, который всего лучше в смысле производительного потребления имущества, ибо только такой день не портит ни иоты капитала и не причиняет владельцам его вреда.

Такой рабочий день уже и сейчас, как показал опыт в Америке, можно считать в 8 часов, и даже в 6 — и это при истощенности рабочего!

В дальнейшем будущем рабочий день, вероятно, как покажет опыт*), будет еще меньше.

Для известного времени он — постоянная величина.

Почему не лучше 12-ти или 18-ти часовый день в смысле производительности труда? — спросит читатель.

Да потому, что рабочий делается вялым и во время труда не так интенсивно использует машину.

Итак, нормальным рабочим днем по снашиванию надо считать такой, который не истощает организма человека и, через это, дает наиболее производительную затрату потребления капитала.

Заметьте, что я говорю не об индивидуальном рабочем дне, а о рабочем дне **снашивания машины,** что не одно и то же.

Рабочий день снашивания машины показывает только ту стоимость, которую я должен начислять на предмет, работаю я 2 или 6 часов.

Итак, рабочий день снашивания машины — постоянная величина, и споров относительно нее быть не может.

---

*) Опыты сокращения рабочего дня машины будут производиться рабочими-производителями, чтобы сократить рабочий день снашивания. Они будут проделывать опыты с величиной рабочего дня, пробуя работать 5, 4, 3 часа и сравнивая продуктивность их — и **посредством договора** с потребителями установят такой день, который по продуктивности окажется выше всех.

Но если кто-либо не поверит, что все анархисты согласятся с данным мною определением, то анархизм от этого не погибнет.

У него есть еще одно средство для определения величины рабочего дня для снашивания — **это договор.**

И если, действительно, тот признак, который я даю, покажется многим не об'ективным, то этот вопрос сами рабочие решат посредством договоров — и такое решение будет гораздо лучше и справедливее, чем декретирование его свыше разными генералами от инфантерии и кавалерии социал-демократии.

При общей экономической самостоятельности, из договора кроме добра ничего не может выйти.

* * *

г) Общий рабочий день.

Теперь мы можем сделать дальнейший анализ рабочего дня.

Перейдем от рабочего дня снашивания машины к **рабочему дню вообще.**

Рабочий день вообще надо отличать от **рабочего дня снашивания,** чтобы ясно понять проблему о перенесении стоимости машин на предметы.

Смешивание этих двух дней может повести к недоразумению, а смешение их легко может произойти оттого, что и общий рабочий день имеет влияние на снашивание.

Поясню это примером.

Положим, что **у вас машина.** Рабочий день снашивания у нас равен 8 часам.

Спрашивается, неужели при таких условиях выгодно, чтобы машина работала лишь 8 часов, а не 16 и не 24 часа?

Нет, потому что работа в продолжение 24 часов будет выгоднее в смысле использования имущества, чем 8 часов. При восьмичасовом рабочем дне машина будет 16 часов бездействовать и ее даром будет пожирать время.

Почему же мы считаем нормальным снашивание машины в продолжение лишь 8, а не 24 часов?

Попробуем ответить на это.

Нормальным днем снашивания, как вам известно, мы считаем такой день, в который **рабочий** может наиболее производительно использовать имущество.

Если рабочий отклонится от этого дня, то он будет причинять ущерб имуществу, будет эксплуатировать общее ассоциационное имущество. Следовательно, когда я вступлю в процесс производства, то, чтобы не оказаться эксплуататором, я должен признать для себя нормальным днем день наиболее производительного снашивания.

Следовательно, этого нормального дня только и могут от меня требовать природа и имущество — от меня, как индивида.

В какие же часы я буду работать, в какие часы я буду снашивать имущество — это по отношению к **естественному процессу производства никакого значения не имеет.**

К нему имеет отношение лишь то, чтобы при работе я снашивал аккуратно ежедневно свой срок.

Поясню примером.

Причиню ли я ущерб имуществу, если я свой день начну с 12, с 1, с 5 часов — и буду аккуратно использовывать свои часы?

Нет. В какой час ни начните, но только аккуратно снашивайте — и вы в процессе не будете эксплуатором.

Поэтому, к производству имеет отношение лишь **день** снашивания, а "не часы, в которые я буду рдботать", т.-е. **не день рабочий вообще.**

"Как не часы? Как не день вообще?" — скажете вы: "и часы, в которые каждый будет работать, имеют значение, ибо, например, капиталист может расположить рабочее время так, что рабочие будут работать под ряд один за другим — и использование имущества для него выгоднее".

Не сомневаюсь, для него это будет выгоднее... но для рабочих выгоднее работать в другие часы...

Но мы говорили не о выгодах для отдельных лиц, а говорим об использовании с **естественной** точки зрения.

Раз я работаю восемь часов — я не причиняю тебе ущерба.

А в какие часы я буду работать — об этом мы поговорим, потолкуем, примем во внимание твои и мои выгоды, а не только твои выгоды. Ради твоих выгод я не должен себя обращать в вьючного верблюда.

Отсюда такой вывод: что день снашивания — это категория экономическая, соблюдения ее требует справедливость.

Общий же рабочий день — дело **суб'ективное**, дело личных симпатий и настроений.

День снашивания, поэтому — величина **определенная**, независимая от воли человека, об'ективная величина.

Общий день, поэтому — величина переменная, **договорная.**

Теперь для вас понятно, почему мы для снашивания кладем не **рабочий день вообще, а наиболее производительный день человека.**

Зная это, перейдем теперь к определению величины будущего **общего** рабочего дня.

Определять общий рабочий день у нас никто не будет — это было бы насилованием воли одних другими. Справедливость требует, чтобы такого насилования не произошло.

Поэтому, общий рабочий день у нас получится из **индивидуального заявления** всеми тех часов, в которые они хотели бы работать.

Поясню.

Один свой рабочий день снашивания машины хочет начать с 6 часов утра и кончить в 12 дня. Другой — с 12 дня и кончить в 6 вечера; третий — с 6 вечера и кончить в 12 ночи; четвертый — с 7 утра и кончить в 1 час дня; пятый — начать с 8 утра и кончить в 2 часа дня и т. д.

Из всей этой совокупности и выяснится **общая** величина рабочего **дня.** Величина его начнется с самого раннего заявления, а кончится самым поздним.

Такова у нас величина общего рабочего дня.

Перейдем теперь к описанию уклонений снашивания рабочего **дня машины.**

* * *

д) На кого будут падать уклонения от рабочего дня снашивания машины?

На потребителя и на рабочего?

Когда на потребителя и когда на рабочего?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно рассмотреть те причины, которые влияют на количество машин: Их мы насчитали 4:

1) Количество предметов.
2) Производительность машин (труда).
3) Срок доставки заказа.
4) Рабочий день.

Мы видели, что эти 4 условия вполне определяют число нужных машин.

Из этих условий, на уклонения влияют только 2 — срок и рабочий день.

За **срок** расплачивается потребитель.

За уклонения от рабочего дня снашивания — рабочий.

За срок будет расплачиваться потребитель потому, что если он захочет, чтобы заказ был исполнен раньше, чем его можно приготовить, работая нормально, то для приготовления к сроку придется поставить новые машины.

Напр., положим, что потребитель требует 100 ручек через месяц, а известно, что при нормальном рабочем дне снашивания, при определенной производительности, можно изготовить лишь 50.

Тогда стоимость второго комплекта машин должна пасть на потребителей.

За сокращение нормального дня снашивания платится рабочий, потому что при меньшем рабочем дне придется поставить лишние машины — по очереди уже нельзя будет использовать их. Придется поставить лишние машины по вине рабочих, ради их удобства — за свои же удобства каждый и должен расплачиваться.

Количество предметов и производительность машин влияет лишь на общую постановку машин, а не на уклонения.

Расходы же по общему оборудованию фабрик падают, как мы уже знаем, на потребителей.

Так логика заставляет нас разрешать вопросы — и власти здесь делать нечего.

Но пойдем дальше.

* * *

е) Рабочий день каждого.

"А! о рабочем дне хотите говорить", саркастически улыбаясь, скажет коммунист: "ну, уж тут без власти не обойтись — иначе у вас выйдет кавардак".

Не будем сейчас полемизировать, а лучше изложим суть вопроса, помня французскую пословицу: "посмеется хорошо тот, кто посмеется последним".

Сколько часов в будущем каждый будет работать? Коммунисты проектируют работу или по силам или по равному числу часов.

Из нашего же принципа следует, что каждый будет столько работать, сколько ему нужно для удовлетворения его потребностей.

Поэтому, рабочий день каждого будет различен. У человека с большими потребностями и рабочий день сравнительно велик; у че-

ловека с малыми потребностями — мал. Но, во всяком случае, как это доказывает современная техника, он будет колебаться от ¾ до 2-х или 3-х часов в сутки, смотря по потребностям.

При анализе рабочего дня каждого, нужно различать **фактический** рабочий день от **потенциального.**

Фактический рабочий день определяется потребностями каждого, а потенциальный — теми часами, в которые лицо согласно работать.

Поясню примером.

Положим, что рабочий день снашивания равен 8 часам. Но вы такой индивидуалист, что хотите работать между **2—6 часами** дня всего **2 часа**, которые вам нужны для удовлетворения ваших потребностей. Фактический рабочий день ваш будет 2 часа, а **потенциальный — 4.**

Рассмотрим связь между фактическим и потенциальным днем.

Фактический рабочий день определяется нуждами каждого, а потенциальный — **историческими условиями.** Так, в силу известной обезпеченности, население не хочет работать ночью. Дневные часы также могут быть ограничены утренними лекциями. В разные эпохи потенциальный день различен.

Но как фактический рабочий день никто не может стеснять, так и потенциальный тоже.

Дело каждого — когда он хочет работать.

Различный потенциальный день будет влиять только на снашивание мишин. Чем меньше будет потенциальный день, тем больше придется поставить машин.

Вообще, если потенциальный день равен рабочему дню снашивания машины, то рабочий ничего не платит за снашивание машин — все падает на потребителя. Поскольку же потенциальный рабочий день расходится с рабочим днем машины, постольку "простой машины" падает на рабочего.

Итак, чем больше рабочий будет уменьшать свой потенциальный день, тем с большими издержками это будет сопряжено для него.

Из всего сказанного вам будет понятно, что обществу нет никакого дела **до рабочего времени каждого,** что оно (общество) никому не может назначить время, в которое он должен работать — это личное дело каждого.

Если кто-либо хочет нести большие издержки, то он может работать в определенный час. Если он не хочет нести никаких издер-

жек, то он будет растягивать свой потенциальный день до рабочего дня снашивания.

Можно думать, что падение стоимости снашивания на рабочего будет содействовать слиянию потенциального дня каждого с рабочим днем снашивания машины.

Тот, кто ограничит потенциальный день фактическим днем, тот будет работать в то время, когда он захочет.

Тот же, кто потенциальный день растягивает до рабочего дня снашивания, тот тем самым из'являет согласие работать в каждый из часов рабочего дня снашивания.

* * *

"Все это было бы хорошо", скажет мне читатель, "да все дело в топке, отоплении фабрики. В сутках может уместиться несколько дней снашивания машины. Если вы примите рабочий день для снашивания равным 6 часам, то в сутках их уместится 4.

Потребители, естественно, отпустят отопления лишь **на один день снашивания машины**, в нашем примере — лишь на 6 часов, а на чей счет она будет остальные 18 часов отапливаться, если ваши индивидуалисты захотят работать хотя и весь рабочий день снашивания, но одни в утренний период, другие в дневной, третьи в вечерний, а четвертые в ночной?.. Вот тут-то лежит для вас камень преткновения".

Попробуем ответить.

Ваше предположение, что люди будут работать утром и ночью — неправдоподобно; уже и сейчас рабочие в ряде производств стремятся совершенно упразднить ночную работу (от 6 вечера до 6 утра), **где это возможно**, ибо ночная работа вредна. В будущем, когда люди будут культурнее, невозможно предположить, чтобы они хотели себя истощать ночью, а потому рабочие часы, в которые они согласятся работать, придется ограничить уже двумя сменами; но, как я уже старался показать, в анархизме будут еще общие для всех культурные привычки, занимающие одни и те же часы, — привычки, которые отнимут от этих 12-ти часов еще несколько, скажем, часа 3. Остается тогда **рабочего дня лишь 9 часов**, что уже не так страшно.

Отапливать фабрику лишних три часа уже не так дорого, и культурному человеку свобода дороже всего. Ради экономии люди будущего насиловать себя не будут.

Вы, ведь, рассмеетесь, если вам кто-либо, ради сбережения

времени, предложит жить, как сельдям в бочке, в жалких конурах... Но, право, так же смешно принуждать себя работать в то время, когда не хочется, из-за трех часов отопления фабрики — и рабочие будущего не стеснят себя, и с удовольствием возьмут на себя отопление фабрики лишних три часа, чтобы работать в то время, когда хочется.

В каком размере падут издержки по отоплению фабрики на каждого?

Мне кажется, что этот вопрос может быть решен так.

Отопление потребителей будет разделено на равное число часов рабочего дня — в нашем случае на 9.

Тогда на каждый час "казенного" топлива придется не по 1 на час, а по $^6/_9$ или $^2/_3$. На каждый рабочий час недостанет **топлива** на $^1/_3$ часа.

Если в час фабрика потребляет 30 пудов, то на каждый час не дохватит **10 пудов.** И эти-то 10 пуд. топлива и разложатся между теми, которые будут работать одновременно. При этом, конечно, если в известные часы будет работать больше народу, чем в другие, то в такие часы по отоплению фабрики падет меньше издержек на каждого, чем в другие.

Это явление, мне кажется, будет также побуждать рабочих свои потенциальные дни приноравливать к одному времени.

Те рабочие, которые захотят работать в оригинальные часы, в которые другие не захотят работать скоро убедятся, что это невыгодно, и переменят рабочее время.

Можно думать, однако, что при той громадной массе людей, которая будет вступать в договоры, каждый сумеет подобрать себе достаточное количество товарищей, желающих работать в одни и те же часы, чтобы пустить в ход фабрику, не обременяя себя очень сильно.

Я думаю, что даже желающие работать ночью — и те найдут единомышленников, и в состоянии будут работать, не обременяя себя больше, чем дневные рабочие.

Вышеизложенная система рабочего дня в миллионы раз свободнее и лучше, чем казарменное решение рабочего дня по насилию, виноват — по воле большинства.

Какое право большинство имеет диктовать свою волю меньшинству, по какому праву оно желает забрать все отопление фабрики и употребить его на топку тогда, когда оно хочет? Нет, ра-

венство и свобода требуют, чтобы отопление было распределено пропорционально — на такое решение вопроса нас наталкивает наш неизменный принцип "не вреди". Он — та путеводная звезда, которая выводит нас из всех затруднений.

Вы, принуждая себя приспособляться ко взглядам и вкусам большинства, не имея возможности за малочисленностью осуществить своих желаний, можете мой хвалебный гимн свободе перебить указанием на то, что у нас меньшинство будет подавлено большинством.

Но это не подавление свободы меньшинства.

Подавлением называется активное навязывание воли меньшинству; меньшинство не хочет, сопротивляется, а его тянут.

У нас этого нет.

У нас каждому дано право работать, когда он хочет; у нас каждый имеет право группироваться с другими для преследования своих целей... Большинство группируется для своих целей, меньшинство для своих — никто не насилует.

Если же меньшинство находит невыгодным оставаться одному, то примыкает к большинству, но не из-под палки, а из сознания выгод.

Где же тут насилие?

Здесь есть лишь неосуществление своих желаний, но мы никогда и не думали дать гармонию желаний и дела,, мы обещались дать свободу — и даем ее.

* * *

ж) Возможность различного фактического дня для рабочих.

Рассеем здесь одно недоумение о величине рабочего дня каждого, которое, наверно, запало в душу читателя.

Возможна ли различная продолжительность фактического дня для различных рабочих? Не останется ли на фабрике, при различном фактическом дне, в конце рабочего дня один рабочий, которому одному придется топить паровую машину? Не абсурд ли, по этим причинам, различный рабочий день? Не должен ли, поэтому, быть равным рабочий день?

Ответим.

У нас индивидуальный рабочий день — различный, но он гораздо меньше всего рабочего дня машины, так что в одном рабочем дне, при рациональном его распределении, могут уложиться

несколько индивидуальных рабочих дней различной величины — и все-таки все работу кончат в один час.

Важно только, чтобы было соглашение между членами работать весь рабочий день. Тогда, приходя в различные, выбранные каждым, часы, все удовлетворят свою индивидуальность.

Поясним примером.

Положим, что у нас принят **шестичасовый рабочий** день — от 1 часа дня до 6 — в другое время никто не хочет работать.

На фабрике 15 чел. с следующими фактическими рабочими днями:

№ 1 $^4/_5$ ч. № 2 $1^3/_4$ ч. № 3 $2^2/_5$ ч. № 4 $^4/_5$ ч. № 5 $1^3/_5$ ч. № 6 $2^4/_5$ ч. № 7 $1^1/_{15}$ ч. № 8 $^8/_{15}$ ч. № 9 $^4/_5$ ч. № 10 $1^3/_5$ ч. № 11 $^4/_5$ ч. № 12 $^4/_5$ ч. № 13 $2^2/_5$ ч. № 14 $2^2/_5$ ч. № 15 4 ч.

В общей сумме они будут работать 24 ч.

При 6-часовом дне они могут это сделать, работая лишь на 4-х машинах.

Фабрики же с 4 машинами для них вполне достаточно: они станут работать все по очереди и кончат работу вместе.

Покажем это на таблице:

					1	2	3	4	5	6
		Часы								
На	машине	№ 1	работают	№ №	1. 2	2	2. 3	3	3. 4	4. 5
”	”	№ 2	”	№ №	5	5. 6	6	6. 7	7. 8	8. 9
”	”	№ 3	”	№ №	10	10.11	11.12	12.13	13	13.14
”	”	№ 4	”	№ №	14	14	15	15	15	15

Как видите, индивидуальные рабочие дни уравнялись в общем дне, а потому нет надобности для одного топить всей фабрики.

Правда, у нас у 2-х рабочих день разбит на 2 части, но это не обязательно.

Это можно устранить разными путями.

Например, один может более работать в этот день, другой —в другой, так что эта неправильность уравняется.

Если же у многих столкнутся желания работать в один час (при потенциальном дне), то и это можно устроить без всякого вмешательства власти, посредством чередования — равноценность этого требует.

Возможно, что работать будут по целым дням или неделям по очереди. Все будет зависеть от договора.

* * *

3) Нужна ли власть, чтобы производство при разделении труда шло правильно?

Для доказательства верности этой мысли приводят следующие доводы: современное производство — не ремесленное производство, а машинное. Каждый предмет проходит иногда десятки и сотни рук.

Примером первого разделения труда служит приготовление булавки, второго — ружья.

При таком изготовлении предмета — один тянет, другой режет, третий заостряет, насаживает, полирует и т. д., вследствие чего деятельность одного находится в зависимости от другого; если проволочник перестанет тянуть, то работа остановится на всех инстанциях изготовления булавки.

Если одни опоздают, то другие должны ждать и бездействовать.

Власть, власть и власть способна все это урегулировать.

Рассмотрим это возражение и посмотрим, нельзя ли обойтись без власти?

По нашему мнению, вполне возможно посредством договора между группами рабочих, работающих отдельные части, устранить все шероховатости.

Раз работа одних будет стоять из-за других, то, договариваясь производить вместе, мы условимся, чтобы этого не было.

Избежать такой зависимости работы одних от других можно разными средствами.

Напр., 1) **Заготовлением материала** для других: рабочие могут делать запасы проволоки и т. д. так, что если они не придут вовремя, другие не будут сидеть без работы.

2) **Заменой себя товарищем.** Если мне надо пройти куда-нибудь по делу, то за меня может поработать товарищ.

А машинист, а кочегар также могут опаздывать или должны во-время прийти?

Конечно, во-время, но для этого власти не нужно, а лишь договор.

У машинистов будет разный рабочий день — и не больше, чем у других рабочих. Поэтому, машинисты легко могут заменять друг друга.

Кроме того, в будущем можно надеяться на прогресс электрической техники, когда фабрику можно будет приводить в движение аккумуляторами.

А тогда на отдельных фабриках легко и совсем обойтись без машиниста.

* * *

и) Кто будет заведывать доставкой сырого материала, необходимого для правильного функционирования производства?

На первый раз этот вопрос кажется довольно серьезным и трудно разрешимым без власти.

В современном капитализме целые кадры монтеров, мастеров, маклеров, коммивояжеров раз'езжают, выискивают, покупают и распределяют сырые материалы.

Такую возню добыча сырых материалов вызывает потому, что производство не организовано, потому что не известно, где их всего легче и дешевле можно добыть.

Другое дело у нас.

У нас рынков нет, бегать и рыскать по стране, поэтому, нечего.

Сырые материалы у нас можно достать таким же путем, как и предметы потребления, т.-е. заказом.

Говоря о бюро спроса и предложения, мы уже об этом упоминали.

В будущей фабрике заботиться о заготовлении сырых материалов будет каждый производитель сам.

Зная число своих заказчиков, зная количество предметов, которые им нужны, каждый рабочий легко определит, сколько ему нужно сырого материала.

О доставлении ему нужного материала он и вступает в договоры с лицами, приготовляющими сырые продукты.

Впрочем, в будущем доставка сырых материалов может быть организована и на иных началах. Вместо того, чтобы каждому самому выписывать все необходимое для производства, индивиды, составив ассоциации, могут поручать это дело разным лицам, которые каждой ассоциации понравятся.

Вот наше решение о снабжении фабрики сырым материалом, необходимым для производства.

Мы решительно не понимаем, для чего нам, как проектируют коммунисты, заводить **одного** управляющего, вершителя и повелителя судеб всей фабрики...

Не проще ли вопрос разрешается договорным, ассоциационным путем.

Правда, у нас может быть несколько лиц, заведующих доставкой сырого материала, если все на одном лице не сойдутся, но зато

у нас свобода, зато у нас отсутствие власти.

Стройность же доставки материала ни капли не нарушится.

Я вполне верю, что мы таким же дружеским, товарищеским путем и распределим доставленный материал, обойдясь без всякой власти.

Действительно.

Если у нас на фабрике заготовлять сырые материалы будет один для всех, тогда у нас будет один склад, из которого каждый и будет черпать столько материала, сколько ему нужно для работы.

Если будет несколько заготовщиков. то каждая группа будет иметь свои склады, из которых и будет брать материалы по мере надобности.

Видите, как сквозит во всей организации самодеятельность. Власть совсем изгнана из наших отношений.

* * *

i) Общие производственные отношения.

Подведем итоги всего сказанного в этой главе.

Главные отношения, которые могут возникнуть на фабрике при производстве, нами рассмотрены — и всюду мы видели, что и при определении общего рабочего дня, и рабочего дня каждого, и при доставке машин и устройстве фабрики, и при доставке и распределении сырого материала — власть совсем не нужна, что свобода и договор вполне гарантируют гармоничность и правильность функционирования фабрики.

Все наши отношения на фабрике, как вы видели, мы выливаем в товарищеския, свободно-договорныя, федералистические отношения, у нас на фабрике совсем нет надсмотрщиков, генералов и иерархии.

В этом отношении мы представляем резкий контраст с коммунистами-властниками, мечтающими об иерархии, субординации, чинах, лампасах и лентах.

На коммунистической фабрике рабочий без разрешения фабричных генералов и унтеров шагу ступить не может: на все нужно распоряжение, разрешение, указка.

Плодом такой системы является холопство, раболепство и безропотная покорность... иерархия с'ест людей.

И к чему, зачем это?

К чему, зачем, когда можно обойтись без всяких чинов и без всякого гнета.

Пойми это, рабочий! Пойми, что твое достоинство требует **не выбора себе начальников,** а совместной работы **с товарищами.**

Договор тебе даст это. Договор будет твоей матерью, которая разовьет и воспитает в тебе твердость, смелость духа и человеческую личность.

Будем же твердо держаться за автономные, свободные начала на фабрике. Долой иерархию и иерархов!

* * *

к) Невыгодность основания новых ассоциаций.

Прежде чем окончательно расстаться с этой главой, рассею еще одно недоумение об ассоциационном производстве.

Некоторым из читателей может показаться, что при основании новых ассоциаций возникает эксплуатация одних членов другими, потому что предприятие, основывающееся вновь, на первых порах не сможет поставить все дело на широкую ногу. Новые же члены, которые вступят в самый расцвет, будут пользоваться выгодами крупного производства и не будут нести убытков основателей...

Такое предположение мне кажется неосновательным. Оно возникает у нас теперь потому, что в капитализме, в котором мы живем, дела обыкновенно основываются с небольшими средствами, а в будущем можно будет прямо приступить к крупному производству, ибо капитал будет ассоциационный, и спрос на предметы каждый год будет расти сильно...

Если мы возьмем население современной России при 2% приросте, то ежегодно новых потребителей будет:

100 — 2
100,000,000 — X

$$X : 2 = 100{,}000{,}000 : 100 \qquad X = \frac{100{,}000{,}000.2}{100} = 2{,}000{,}000 \text{ чел.}$$

А когда анархизм охватит народы, то в жизнь будет вступать еще большее количество людей, в десятки раз больше.

2,000,000,000 человек!

Неужели при такой массе потребителей нельзя будет основать новых крупных предприятий?!

Если первое время и нельзя будет, то можно удовлетворить в первое время потребности расширением рабочего дня машины: многие согласятся работать в неурочное время, чтобы после работать на новой фабрике.

Да и запасы могут быть на первое время сделаны.

* * *

B) Процесс распределения.

a) Сомнения читателя насчет возможности устроить у нас распределение продуктов.

"Предыдущее изложение вами экономического строя анархии сделало для меня ясным многие стороны экономической жизни—я понял отлично, как происходит у вас распределение работ, как образуются у вас трудовые ассоциации для производства, как совершается, наконец, самый процесс производства; теперь мне недостает для составления полной картины вашего экономического быта только описания **распределения продуктов.**

Без такого описания ваша теория делается неясной.

Представить себе ваше распределение продуктов я совершенно отказываюсь.

Для меня совершенно непонятно, каким образом продукты, изготовленные рабочими, попадут в руки потребителей?

Ни один рабочий, ведь, не отдаст потребителю изготовленного им продукта без эквивалента.

Но какой эквивалент может дать потребитель?

Продукт своего труда, скажете вы.

Но это немыслимо, ибо продукты потребителя мне могут быть как раз не нужны. Если мне и нужны будут продукты потребителя, то, быть-может, в разном количестве...

На это вы мне ответите, что я недобросовестно отношусь к вопросу, что я забываю бюро, организацию спроса и предложения, забываю, что посредством договора в первом бюро можно уладить, сорганизовать договор и об эквиваленте.

Нет, я не забываю этого. Я вижу прямую непригодность бюро для этой цели.

Слушайте, и вы сами убедитесь в этом.

Положим, что у вас потребность в сахаре; вы об этом извещаете бюро. Бюро вам рекомендует производителя сахара.

Производитель сахара к вам является. Вы просите его изготовить вам, скажем, 10 фун. сахару. Он принимает заказ.

Чем же вы ему отплатите за сахар?

Вашим трудом? Но ему не нужен ваш труд. Положим, он не пьет водки, а ваша специальность — виноделие.

Как тогда быть?

Разойтись и просить бюро прислать другого? Но вам и второго пришлют такого же... И так через бюро и в бюро может тянуться ваш договор, могут сотни лиц перебывать у вас, а договора вы все-таки не заключите.

Но положим, что после долгих мучений вам удастся найти человека, которому нужно ваше вино — и все-таки до гармонии еще далеко.

Во-первых, заключая договор, вы уничтожаете из бюро только свой бланчок с потребностями, а бланчок производителя сахара остается лежать в бюро с требованием вина: спрос будет ложно выражен, что поведет к страшной путанице.

Во-вторых, в бюро исказится и предложение труда — ваш билет будет лежать в бюро и будет требовать винной работы, тогда как вы уже ее взяли.

В-третьих, положим, что все это вы устраните, так как по отметкам времени посылки их можно легко найти и вынуть, но договор посредством бюро, в крайнем случае, сумеет организовать только прямой обмен, а не косвенный, через что масса лиц останется без удовлетворения своих потребностей, в бюро же будет лежать масса записок, спрос на которые может быть удовлетворен не прямым обменом, но лишь посредством косвенного.

Поясню это примером. Для краткости возьму 7 человек с их разнообразными потребностями.

Спрос.

	Сахар.	Керос.	Мук.	Сапог.	Одежд.	Ламп.	Книги.	Итого
Сахарщик . . .	2	3	5	1	7	5	8	31
Керосинщик . .	3	5	4	2	6	5	9	34
Мельник	5	9	3	3	0	3	6	29
Сапожник . . .	8	6	8	1	0	2	1	26
Портной . . .	4	4	2	7	9	0	1	27
Ламповщик . . .	3	3	6	9	3	6	2	32
Книжник	6	4	1	3	2	11	3	30
Итого . .	31	34	29	26	27	32	30	

Из этой таблички видно, что делающие заказы не могут отплатить произведениями своего труда рабочим.

Так, сахарщик не может получить отплаты от сапожника за 7 предметов (все предметы мы предполагаем равной стоимости), но зато и сам не может отплатить за 7 предметов своим трудом: 3 портному, 2 ламповщику, 2 книжнику.

Так, керосинщик не может отплатить своим трудом мукомола (5), сапожника (4), но зато и сам не может отплатить 2 одеж., 2 лампов., 5 книжник. (всего 9) и т. д.

Конечно, в жизни реже будут встречаться такие случаи, ибо там будет не один мукомол, а тысячи с разнообразными потребностями, но все-таки и там будут возможны указанные затруднения.

Эти затруднения неизбежны при прямой мене товаров; потому-то и возникли деньги. Только косвенный обмен даст возможность безпредельно развивать разделение труда.

Но ваша организация не допускает косвенного обмена.

Как видите, для вашей теории распределения все доступы отрезаны.

Любопыно мне будет, как вы выберетесь из этого затруднения".

* * *

б) Организация процесса распределения.

Выбраться из этого затруднения возможно очень просто.

Как, напр., сейчас люди выпутываются из дилеммы прямого обмена?

Посредством денег.

Ну, и мы могли бы решить этот вопрос введением системы трудовых бонов.

При такой системе вопрос распределения решался бы просто.

Работник-ассоциационер доставлял бы потребителю продукт и получал бы трудовой бон; в свою очередь, когда к нему присылали бы продукты, он тоже отдавал бы не продукт своей работы, но трудовой бон и т. д.

Видите, как просто разрешается вопрос трудовыми деньгами.

Мы же этот вопрос хотим решить несколько иначе.

Как? — я сейчас это об'ясню.

Мы вместо денег хотим ввести **квитанции.**

Чтобы понять употребление их, нужно ознакомиться с нашей системой передачи предметов друг другу.

Чтобы сделать яснее нашу передачу продуктов, чтобы сравнить выгоды ее, вкратце очерчу раньше существовавшия, ныне существующия и проектируемыя в будущем системы распределения.

В первобытных обществах процесс производства и распределения протекал в одном хозяйстве, а потому там существовало так называемое прямое распределение.

Но в более развитом строе, где все отношения построены на разделении труда, устанавливается косвенное распределение — продукт должен перейти из одного хозяйства в другое.

Напр., в современном строе распределение благ совершается благодаря торговле по законам конкуренции.

Гнусная роль торговли давно уже выяснена Фурье, Прудоном, Родбертусом... Марксом.

Торговец — это тормоз, стоящий на пути хода продукта от производителя к потребителю.

Купец — это своего рода сборщик податей.

Торговец — это грабитель, обирающий рабочего и потребителя.

Уничтожение этой пиявки должно быть делом всякого социального реформатора.

Коммунисты проектируют уничтожение торговли, но на место ее они устраивают общественные лавки, из которых каждый может брать, что хочет.

Что касается нас, то мы хотели бы совсем уничтожить торговлю, сравнять с землею лавки, оставляемые коммунистами. По нашему мнению, всего более типу прямого распределения соответствуют почты-склады.

Сейчас об'ясню, что они представляют.

Так как наше производство идет на заказ, то у нас нет надобности устраивать магазины с многочисленными чиновниками, меряющими, отвешивающими... и т. д.

Мы обходимся без них. Для нас вполне достаточно почт-складов.

Почты-склады представляют из себя подобие наших почт, но только с более обширными складами.

Через эти почты, как и через теперешния, будут пересылаться заказанные продукты.

Зная нашу систему передачи продуковт, вы легко поймете теперь квитанционную систему распределения.

Слушайте, как у нас будет происходить распределение.

Рабочий приходит в почту-склад и приносит на почту исполненную работу в виде посылки.

Почтовым служащим отмечается стоимость ее, и пославшему выдается квитанция на соответствующую сумму.

Эта квитанция и заменяет трудовые боны.

Вы спросите, конечно, зачем эта замена слов. Суть бона и квитанции ведь одна.

Нет. Здесь не подмена. В этой замене кроется нечто **большее.**

Боны — бумага — и у ученого читателя кроме улыбки ничего не могут вызвать.

Квитанции же — бумажные деньги, ибо они обезпечены **предметами.** Оне являются как бы варрантами, которые и в современном строе играют роль денег.

Кроме того, для выдачи бонов нужна власть, которая контролировала бы число выпущенных бонов; чрезмерное количество их подорвет все производство. Квитанции же произвольно нельзя выпускать — оне выдаются только по создании богатства; и для выпуска квитанций не нужно власти. Квитанции имеют дело лишь с индивидами.

Такова важная разница между квитанцией и боном.

По полученным с почты квитанциям я и могу брать продукты, приходящие на мое имя в склад-почту.

Почтовый работник об'являет мне о приходе на мое имя посылки на такую-то стоимость. Я иду с квитанцией. Почтовый рабочий просматривает и отрезает от нее ту стоимость, на которую пришла мне посылка. Так у нас организован косвенный обмен.

* * *

"Странная у вас организация!" — скажет мне читатель: при ней возможны будут очень значительные мошенничества. Напр., я могу послать кому-нибудь ненужный продукт и за него получить, что хочу. Наконец, я просто могу ничего не послать и жить себе припеваючи, получая посылки. Раздолье мошенникам!"

Рассеем эти первые недоразумения.

Во-первых, если вы пошлете ненужный потребителю предмет, то он его не возьмет и отправит вам его обратно — ваша квитанция будет недействительна, и вам, кроме разных неприятностей, придется уплатить еще двойную стоимость за пересылку. А потому, таким образом, никто и не может рассчитывать устроить себе "свободу труда".

Во-вторых, наша система пересылки никому не может дать возможности жить не работая.

Никто у нас не может получить посылки, не отправив раньше **нужного** другому, ибо посылки выдаются только по пред'явлении квитанции, которую можно получить, **отправив что-нибудь***).

В-третьих, у нас невозможно будет сплутовать, послав квитанцию меньшей стоимости, а взяв квитанцию большей.

Обман по получении посылки обнаружится — и ваша квитанция потеряет силу.

Кроме того, с этим можно бороться **контролем.**

Но надо думать, что плутовства в будущем не будет, так как строй наш не разовьет плутовских наклонностей.

"Ладно", скажете вы, "понимаю, что нельзя у вас смошенничать, но не расстроится ли, не нарушится ли у вас правильность обмена из-за того, что если кто-нибудь умрет и не пошлет посылки?"

Ни капли. Если кто умрет, то это и заказчику, и потребителю будет известно; и если умер потребитель, то рабочий бросит готовить ему предметы потребления и найдет другого, кому пошлет заказ; если умер рабочий, то мне остается только передать заказ другому.

Вот и все.

"Но ваша система страдает еще важным недостатком — она не гарантирует вас на случай неурожая, на случай изменения спроса"...

Не торопитесь! Мы все предвидим, и все случайности у нас предусмотрены.

У нас есть **запасные склады,** в которых хранятся вещи на случай расширения спроса, на случай неурожая, на случай взаимного изменения спроса. Статистика помогает точно учесть колебания.

Склады содержатся, конечно, на счет заинтересованных ассоциаций.

У нас есть даже обменный банк, основанный на случай перемены вкуса.

Напр., если я заказал сало, а после захотел масло, — обменный банк обменивает. Статистика точно позволяет учесть изменения спроса.

Все эти предохранительные учреждения представляют из себя резервуары, смягчающие колебания спроса.

---

*) У нас может существовать и "без'эквивалентная" пересылка, но тогда на посылке пишется: "безплатная" — и вам дают ее под простую расписку без квитанции.

в) Кто работает в почтах-складах?

Это учреждение такое же договорное, как и первые два бюро.

Бюрократии и бюрократов мы не терпим — у нас все решается самодеятельностью и самоопределением.

Тот же самый договор дает работу ассоциационерам, желающим работать в почтах-складах.

"У вас, значит", спросите вы, "может быть в городе несколько почтовых контор?"

Может, подобно тому, как в большом городе есть масса почтовых отделений, и стройность работы от этого не нарушается.

Наши почтовые учреждения могут федерироваться.

Функционирует же правильно международный почтовый союз без всякой внешней власти над собой?

Так и у нас.

Функционировала же правильно почта в средние века на тех же основаниях?

У вас гнездится, чувствую я, еще одно недоумение — вы думается, что наши частные почты будут мошенничать.

Этого быть не может.

Целая ассоциация содержит почту и ручается за нее.

Во всей пересылке нельзя смошенничать.

Смотрите.

Приношу пакет, сдаю известному лицу, которое дает мне квитанцию. Оно передает в другое почтовое отделение тоже под расписку и т. д. — до самого потребителя.

На какой инстанции пропадет посылка — сразу видно, и данное лицо будет отвечать.

* * *

г) Оплата провоза продуктов.

Заговорив о пересылке продуктов, разберем тесно связнный с ней вопрос о стоимости провоза.

Приступлю прямо к делу — **тарифа, платы за расстояние у нас не существует. Плата за провоз — равная для всех расстояний.**

Расстояние не принимается нами в соображение потому, что тариф заключает в себе несправедливость, привилегии. Живущий ближе к месту производства предметов пользовался бы незаслуженными

выгодами*).

"Что вы там заговорили о справедливости", скажет мне читатель: "жизнь признает лишь выгоды, а выгоды расстроят все ваши иллюзии, заставят ввести тарифы, ибо, при образовании ваших натуральных ассоциаций для производства, ассоциационеры не будут принимать в свои ассоциации отдельно живущих лиц, чтобы не взвалить на себя бремя пересылки на далекие расстояния. Отдаленно живущим потребителям они предложат тарифную систему".

Ошибаетесь, этого не может быть — и вот почему: каждый в будущем строе будет получать, массу предметов из различных стран и частей света, а потому ему нужны **будут дороги** всюду и притом длиннейшия.

Один будет жить к одному производству ближе, другой — к другому производству — это не важно. **А важно то, что всем нужны дороги и притом одинаковой длины**, раз я беру хотя один предмет из разных мест производства.

Например, я живу близ сахарной фабрики, а вы — табачной, но оба мы пользуемся сахаром и табаком. Значит, вам нужна дорога от сахара до дома, а мне от табака до дома — в итоге равенство путей.

Конечно, кто не пользуется какою-либо дорогою, тот ее содержания оплачивать не будет.

Но та дорога, которой все пользуются, равно всем нужна—и чем больше этою дорогою будут пользоваться, тем выгоднее для всех, ибо она даром будет меньше портиться от времени.

Итак, в виду сказанного, при пользовании дорогою мы расстояние не принимаем во внимание. Единственно, что нами ценится — это пользование дорогою: чем оно будет больше, тем больше придется платить.

Вообще, во внимание должно приниматься лишь **пользование вагонами**, а их порча об'ясняется **количеством** взятых вагонов, которые, опять-таки, определяются количеством перевозимых предметов, **их весом.**

Практически легко вычислить, сколько на предмет надо прибавлять стирания железной дороги.

Легко вычислить, сколько лет служит вагон и сколько пудов он перевез.

---

*) Впрочем, если в ренту войдет и элемент близости от фабрики, тогда можно будет и тариф установить. Но это едва ли будет.

Положим, что он перевез 100,000 пуд. Вагон стоит 1000 часов труда, да за время своей жизни истер рельсов на 1000 часов труда.

Тогда провозка пуда = 2000:100,000 = $^2/_{100}$ = $^1/_{50}$ часа труда.

Я здесь сделал общее вычисление истирания вагонов.

Но в жизни для разных вагонов истирание будет неравным: вагоны, везущие 1000 пудов, будут скорее истираться, чем везущие 500.

В будущем, весьма вероятно, будут особые вагоны для перевозки тяжелых и легких вещей — и можно будет учесть стираемость каждого из них.

На практике эти сведения применятся так: потребитель, получающий легкие вещи, будет платить за стирание легких вагонов; получающий тяжелые — за стирание тяжелых.

* * *

д) Возможно ли определить стоимость продуктов?

Наше об'яснение распределения было бы неполно, если бы мы не упомянули о **стоимости** предметов.

Этот вопрос — капитальнейший из всех вопросов: вся наша экономическая система построена на **неэксплуатации, на неприсвоении чужого труда,** все наши продукты пересылаются по трудовой стоимости.. Разрешение этой проблемы даст нашей теории необычайную простоту и рассеет последние сомнения относительно невозможности анархизма.

Приступим же к решению проблемы.

Все предметы — продукты труда.

Природа свои дары отдает только труду, а потому мерилом стоимости предметов является труд.

"Труд?" — перебьет меня какой-нибудь читатель: "труд? Но как труд может быть мерилом стоимости, когда люди различны по силе, энергии, когда природа в единицу времени дает одному больше, а другому меньше? Труд, будучи сам неопределенной величиной, не может служить мерилом".

Несмотря на ваше такое категорическое заявление, я все-таки повторяю: **мерилом стоимости предметов является труд.**

Труд, как заметил читатель, различен по плотности и количеству в каждом человеке. Какой же труд мы примем за единицу труда?

Право, для нас все равно, какой ни взять — с нашей точки зрения это совершенно праздный и совершенно неважный вопрос.

Вопрос о том, каким трудом мы будем соразмерять предметы — вполне аналогичен вопросу, каким металлом мы будем узнавать их тяжесть: легким ли алюминием, или плотным свинцом.

Все равно, каким металлом мы будем измерять предметы, лишь бы мы измерили все предметы одним металлом. Если мы все предметы измерим одним металлом, то узнаем относительный вес всех предметов.

То же и по отношению к труду.

Каким трудом мы будем измерять предметы — это все равно, важно только, чтобы все предметы были измерены одним каким-нибудь трудом.

Запомним же эту истину: чтобы узнать стоимость предметов, нужно, чтобы все предметы были произведены одним каким-либо видом труда, или верхне-необходимым, или средне-необходимым, или нижне-необходимым.

При определении стоимости, — прошу это твердо помнить, — **должно только считаться с трудом, и одним трудом.**

Всякую технику, всякую редкость, всякое плодородие надо выбросить за борт, ибо природа дает предметы только человеку и его труду.

Маркс впал в фетишизм, введя в свою теорию стоимости технику (в средне-необх. время входит техника), тогда как нужно считаться **только с трудом***).

Труд, труд, один труд определяет стоимость.

С этой точки зрения, одинаковые предметы будут иметь разную стоимость, если на их производство потрачено разное количество однородного труда, благодаря применению различного уровня техники.

Напр., 1 арш. холста, сработанный ручным ткачем стоит дороже, чем аршин, сработанный тем же ткачем, на машине.

В первом будет больше одинакового труда.

Мы несколько отклонились в сторону, вернемся к делу: мы сказали, что безразлично, какой труд взять за единицу труда, но важно, чтобы он был одинаковой силы, энергии и т. д.

Возьмем за единицу труд среднего человека.

Минута среднего человека будет единицей труда.

Раз мерка нами найдена, то мы легко определим стоимость

*) Наша теория стоимости при изложении капитализма проливает необыкновенный свет и дает возможность освободить трудовое учение от всех противоречий, в которые его затолкнул Маркс. — Смотри мою "Полит. экономию".

всех предметов — для этого нам стоит попросить средних рабочих изготовить предметы в различных отраслях и посмотреть, сколько на изготовление их пойдет труда.

Положим, что на стакан ушло 20 минут, на стул 200 м., на лампу 400, на диван 800 м. и т. д.

Тогда стоимость стакана будет равна **20 минутам среднего труда;** стула — **200 среднего** труда и т. д.

Так возможно точно определить стоимость всех предметов.

* * *

Открытое нами мерило стоимости **об'ективно и справедливо** для всех людей.

Об'ективно, потому что если слабые будут работать те же предметы, то у них получится то же самое временное отношение при производстве предметов, хотя на каждый предмет и уйдет больше времени при приготовлении, ибо слабый затрачивает в каждую минуту меньше энергии.

Возьмите, напр., людей **вдвое** слабых, чем средние люди; тогда каждый из них на приготовление потратит вдвое более времени: на стакан уйдет 40 м.; на стул 400; на диван 1600 м.; на лампу 800.

Как видите, труда на каждый предмет затрачено вдвое больше, но отношение между предметами осталось то же.

В первом случае, природа давала труду за один диван 2 лампы, 4 стула, 40 стаканов; и во втором случае 1 диван = 2 лам. = 4 **стульям** = 40 **стаканам.**

Отсюда вытекает важное следствие, что природа ценит предметы по энергии — она берет вдвое больше за предмет, если отбить его у нее вдвое труднее.

Будет ли отбивать у нее предметы слабый или сильный человек — она безпристрастна: она каждому даст за 1 див. или 2 лампы или 4 стула или 40 стаканов.

Поэтому, стоимость в будущем можно измерять еще, кроме среднего времени, которое кажется необ'ективным для слабого, **предметным путем.**

Напр., за единицу труда принять не минуту среднего человека, а **стакан,** скажем.

Если слабый, при такой системе, зхочет от сильного взять диван, то сильный скажет: "давай 40 стаканов, ибо в диване в 40 раз больше равной энергии" — и слабый ничего не может сказать:

попробует сделать стакан и диван и убедится в истинности требований сильного.

Справедливо, потому что при нашей трудовой стоимости ничья энергия не переходит в организм другого, каждый получает то, что дает ему природа. Никто у нас не расплачивается за недостатки и грехи другого.

Если я от природы получаю диван, 40 стаканов, 2 лампы, 4 стула, то, давая кому-нибудь две лампы, я беру 40 стаканов, 4 стула и т. д. Если бы я этого не брал, то я отдавал бы другим свою энергию, ухудшал бы свое положение в борьбе за существование. Если я могу отбить у природы в одинаковое время 40 стаканов или 1 диван, то зачем же я отдам другому 80 стаканов за диван, если он мне нужен?

Здесь была бы эксплуатация!

* * *

Из сказанного становится ясной разница в понимании средненеобходимого времени нами и коммунистами.

Мы стоим на точке зрения борьбы с природою.

Для добычи дивана природа требует 40 стаканов. Раз я тебе даю 40 стаканов, то давай*) мне за них диван, сколько бы труда ты на него ни потратил. На равную мою трудовую энергию давай же мне равную по количеству твою энергию.

Словом, мы признаем в трудовом начале право.

Коммунисты же исходят в своих доводах совсем из другой точки зрения.

Они не обращают внимания на то, за какое количество энергии природа отдает нам предметы... А они взывают к человечности, жалости... Они вопиют, глаголют и взывают: "Чем виноват слабый, что он слабее? Чем виноват он, к тому же, что еще обжора? Мы должны с его слабостью считаться, отдавать слабому то, что мы отобьем у природы... Сама нравственность требует такого отношения, ибо для нравственности не важны продукты труда, а важны лишь желания, усилия. Он час трудился и я час — ну, вот и хорошо... Он тоже, бедняга, утомился... Мы должны судить усилия, а не результаты... В результатах никто не повинен"... И отсюда они выводят свою замечательную теорию стоимости: **предметы имеют равную стоимость по сумме вложенных в их производство усилий, а**

*) Конечно, по договору.

не по количеству фактической энергии, в них заключающейся.

Здесь капиталист и коммунист жмут друг другу руки — оба эксплуатацию одобряют.

Эта теория неизбежно ведет к коммунизму, ибо раз мы будем принимать во внимание не результаты, а усилия, то все, делая равные усилия, хотя и производят разное, имеют равное право на все предметы.

Такова разница теорий.

Бойся, читатель, теории коммунистов — они хотят надеть на твою шею хомут, разжалобив и растрогав тебя.

Они говорят, что слабый не виновен.

А чем же ты виноват, что слабый слабее тебя? За какие грехи коммунисты хотят превратить тебя в вьючного осла, нагрузив тебя всеми слабыми мира сего?

Да что это за слабые? Не здоровые ли, ленивые парни, притворяющиеся калеками со сломанными руками и ногами, водимые коммунистами, чтобы разжалобить тебя и жить на собранные гроши? Безусловно. Ведь эти "слабые" люди лишь немного слабее тебя, могущие легко и свободно прокормить себя сами, не нищенствуя и не обременяя других.

Не поддавайся речам коммунистов.

Помни, что ты имеешь все права на жизнь, которые дала тебе природа.

Помни, что ты имеешь право на полный продукт своего труда.

Что же касается их рассуждений о нравственности, заслугах и результатах, то они во всем неправы

Нравственно, как ты знаешь, **не пить крови ближнего,** а не брать тело и жизнь другого, как рекомендуют "слабому" коммунисты.

"Слабый" не должен, подобно вампиру, сосать кровь и жизнь более здоровых, а потому наша теория нравственна, а не коммунистов.

Что же касается заслуг, чинов, то в коммунистах здесь еще говорят иерархи, рабовладельцы, дающие, берущие, ценящие и оценивающие работу человека.

Нас награждает не общество за труд, а природа.

* * *

"Ваша теория не верна", перебьет меня здесь читатель: "не верна потому, что она принимает во внимание только **механический** эквивалент: равенство энергии. Но разве на стоимость предмета не

влияют интенсивность и тяжесть работы, опасность, грязь, неприятность, духота? Нет сомнения, что влияют. Несправедливо, чтобы одинаковую плату получал шахтер и полевой рабочий, каменотес и контролер — шахтер и каменотес медленно вымирают от своей работы, тогда как полевой рабочий и контролер только здоровеют. В стоимость неизбежно должны входить, кроме количества энергии, еще опасность, неприятность и т. д."

Ответим.

По нашему мнению, все разницы в интенсивности, тяжести, опасности, вредности, неприятности исчезнут.

Современная техника стремится к нивелированию условий труда, заменяя ручной труд машинным и улучшая условия труда во всех отраслях его.

Теперь, напр., труд рабочего, тащащего бревно, тяжел, труд же писца — легок*).

В будущем машина все вытеснит. Человеку всюду придется делать лишь однообразные движения.

Опасность пропадает с принятием предохранительных мер в шахтах, машинах; грязь и неприятность тоже пропадут с усовершенствованием техники**).

Так что, в конце концов, разница останется только во времени, и труд будет измеряться только им.

"Это в далеком будущем будет, а до того времени как быть? Не придется ли вам ввести власть, которая назначала бы цену?"

Нет и нет! Мы можем признать лишь одно решение — договор.

"Договор!" — воскликните вы?

Не бойтесь этого слова, читатель! Я уверен, что вы уже пережили тот возраст, когда боятся пугал. А договор коммунисты обратили в пугало для некритических людей. Наш договор не будет заключаться — уже не первый раз приходится мне это повторять — на почве выбора между голодной смертью и непринятием условий, которые нам об'явят.

Не бойтесь, что наш договор будет формальным договором, скрывающим под собою приказания господина, договором, вполне заменяющим плеть господина и цепи раба.

Повторяю еще раз, не бойтесь этого слова.

---

*) Конечно, если не целый день писать.

**) Изумительные примеры технического прогресса и улучшений санитарных условий труда собрал Кропоткин: "Земледелие, промышленность и ремесла".

Наш договор будет настоящим договором, так как он будет основан на материальной состоятельности каждого.

Базою договора будет знание трудности работы каждого предмета. Каждый, соразмеряя трудность работы и суб'екивную неприятность ее, и будет договариваться с потребителем.

Договор о работе, как мы говорили, будет у нас личным, и потому каждый сумеет в договоре удовлетворить свои индивидуальные отклонения.

Мне кажется, теория договора, неприменимая у Беллами, у нас вполне осуществима.

Неприменимая у Беллами, потому что он проектирует **договоры целыми кучами** посредством понижения и повышения платы.

При таком понижении и повышении всегда будут переливы одной части в другую — и равновесие никогда не восстановится.

* * *

"Пусть ваша теория разрешает вопрос о стоимости материальных предметов, но она совершенно неприменима к умственному труду; умственный труд требует подготовки — и равнять час умственного труда часу физического — прямо-таки бессмысленно.

А гений, а талант! Если можно мечтать об устранении опасностей, интенсивности и трудности, то гениальность все-таки останется".

Ответим.

Ваше первое возражение легко парализуется следующим соображением.

Возможно легко учесть предшествующий труд, затраченный на обучение, и прилгать его к современному труду, ибо при квалифицированном труде во время работы не тратится больше энергии, чем при простом — только на предварительное обучение идет больше времени.

Практически, легко произвести вычисление.

Надо взять среднюю жизнь ученых. Положим, что она 25 лет. Рабочих часов за это время наберется 100.000. Времени на обучение потрачено 14 лет, а часов 40,000. Тогда чтобы узнать, сколько прибавить минут к трудовому часу;

надо $40{,}000 : 100{,}000 = \frac{40}{100} = {}^{4}/_{10} = {}^{2}/_{5}$ часа*).

*) Труд — стоимость картин и книг. Как на создание материального пред-

Что же касется гения, таланта, красоты их произведений, особого искусства, т.-е. того, чего нельзя измерить трудом, то здесь придется предоставить место договору.

* * *

Выяснивши сущность нашей теории стоимости, отделим ее яснее от разных туманностей, напускаемых на нее австрийцами и Ко.

Надо различать стоимость и ценность.

Под стоимостью нужно понимать труд, затраченный на добычу предметов; под ценностью — значение какого-либо блага для нас **помимо** труда, — значит, просто, как продукта.

Предмет может иметь малую стоимость, но громадную ценность, напр. вода, воздух: без воздуха и минуты не проживешь, а труда в нем нет.

Справедливость требует обмена по усилиям, а не по полезности, ибо предметы отнимаются у природы трудом, а не полезностью: за полезность может брать лишь плут.

Справедливость требует, чтобы за предмет брали то, что он стоит, а не то, насколько он мне полезен и нужен.

Пользуясь жаждой, ловкий торговец может взять миллион в то время, как вода стоит грош.

Брать по полезности — это значит эксплуатировать чувство другого, значит пользоваться его нуждою, ловить рыбу в мутной воде, пользоваться минутой...

На основании этого, мы и великие изобретения ценим по труду, а не по пользе, ими приносимой, ибо трудно сказать, что больше приносит пользы — кусок хлеба или гений изобретателя, выразившийся в машине, облегчающей труд: хлеб дает жизнь, а машина дает возможность меньше трудиться, а потому в смысле пользы земледелец дает изобретателю жизнь, а изобретатель — лишь свободное время.

мета тратится труд, так и книги и картины стоят труда.

Книга содержит определенное количество труда — за этот труд она и должна продаваться. Обратить же книгу в свою собственность и по мере выхода новых изданий ее брать и брать все новые деньги, хотя бы труд, заключенный в ней, уже окупился, будет стремлением к **литературному майорату.**

Практически, стоимость литературных произведений легко подсчитать; мне кажется — даже легче, чем стоимость материального труда, ибо великие книги почти все сохранились, и известно, сколько на них потрачено труда.

Кто у нас будет определять стоимость?

Этот вопрос считается роковым для анархии.

Послушайте, с какою важностью его ставит Фагэ*): "Он (Прудон) не признает ни конкуренции, ни государства, как экономического деспота; а именно для того, чтобы "точно определить цену", **ему нужно было бы принять или первую или второе".**

Об этом же говорят Головин и Соловьев и масса других писателей.

Менгер же **единственный выход** для анархистов видит в кулачном праве, в обирании друг друга.

Вот послушайте его: "Коммунисты-анархисты, согласно своим **основным воззрениям, поскольку они отрицают всякую государственную организацию, понятно, должны быть сторонниками этой системы распределения** (каждому по потребностям), **так как при отсутствии государственной организации, некому взять на себя распределение материальных благ"**).

Верны ли все эти страхи и опасения за жизненность анархии?

Не основаны ли они, скорее, на торгашеском или бюрократическом складе ума писателей?

Безусловно. Анархия вполне может избежать Сциллы (конкуренции) и Харибды (коммунистической чиновнической опеки) и прийти мирно в гавань счастья и спокойствия.

Вы удивлены? Авторитеты... и пр.

Но удивляться нечему, взывать к авторитетам тоже нет причин, нужно только не забывать сказанного ранее.

Я, ведь, неоднократно говорил, что соединение людей в организацию возможно и помимо власти, а именно — посредством договора.

Нет основания и к определению стоимости не применить этого метода — и он окажется крайне плодотворным.

Кроме государственной власти и расточительной конкуренции, трудовая стоимость может быть легко установлена **договорами** между отдельными лицами и целыми ассоциациями в случае их единомыслия.

Поясню примером.

Положим, что какой-либо изобретатель в будущем изобретет машину, сокращающую труд.

---

*) Фагэ "Полит. мысл. и мор.", стр. 185.

**) Менгер "Экономич. жизнь в раб. госуд.", стр. 9.

Узнав об этом, различные потребители сейчас же составят ассоциацию для приобретения ее.

Приобретя машину, потребители сейчас же вступят в договоры с рабочими, чтобы опробовать производительность машины.

Согласившиеся опробовать ее приступят к делу, и потребителям и рабочим будет ясно, сколько труда идет на каждый предмет, какова его стоимость — и трудовая стоимость получает права гражданства в ассоциации, после взаимного соглашения на этот счет потребителей и работников.

По мере распространения машины, и другия ассоциации приобретают ее и устанавливают стоимость или таким же образом, или, что проще, принимают уже опыт прежней группы — и так идет до тех пор, пока новая машина не вытеснит старой, и пока новая трудовая стоимость не сделается достоянием всех.

Ну, где же власть, и к чему она? Отлично и без нее стоимость установлена.

В чем же ошибка господ Головиных и им подобных? В том, что они не понимают анархизма, смешивают его с каким-то грандиозным хаосом — и все это, повторяю, потому, что они привыкли к нагайке и кулаку и вне их не видят спасения.

* * *

"Не будут ли при вашей системе стоимости ремесленники эксплуатировать потребителей?"

— Каким образом?

— Очень просто. Вы, ведь, допускаете, чтобы два одинаковые предмета имели разную стоимость. Напр., стол, сработанный ручным путем, будет стоить в несколько раз дороже стола, сработанного машинным. Вот рабочему и придет в голову — предметы, сработанные машинным путем, продавать по ремесленному тарифу".

— Странно, как это вы могли допустить такое предположение. Оно имело бы вид некоторой правдоподобности, если бы у нас работали без договора. Но как вы мне поставите работу по ремесленному тарифу, когда я договорился, чтобы вы мне работали на машине?

Никак! Если вы руками сработаете то, что я вас просил сделать машинным путем, то это — ваша индивидуальность, и за нее вы сами будете платиться. Я с вами расчитаюсь так, как договаривался.

Если вы рескинец, то приготовляйте предметы ручным путем,

глупейте в борьбе с природою вследствие непроизводительности труда. Платите друг другу четверные ценности. Мы вам не препятствуем, но с вами ремесленных договоров заключать не будем.

О большей стоимости предметов, приготовленных ручным путем, я говорил потому, что если какому-либо потребителю вздумается заказать предметы, чтобы они были изготовлены ручным трудом, то за такую фантазию должен расплатиться потребитель, а не производитель

* * *

Какова будет ближайшая форма распределения?

Прежде, чем окончательно расстаться с вопросом о стоимости, разберем еще и этот вопрос.

Идеалы анархизма и коммунизма мы знаем.

Анархия — по труду. Коммунизм — по потребностям.

Как различны идеалы, так различны и ожидания осуществления их.

Коммунисты верят в постепенность, в эволюционность наступления их идеала, мы же верим в катастрофу и революцию.

Вот как ближайшее будущее рисует рабочему эрфуртская программа:

"Совершенно утопично думать (о, конечно!), будто нужно вырабатывать какую-то особую систему распределения, которая будет затем действовать на вечные времена; **и в этой области,** как и во всех остальных, социалистическое общество не сделает никакого скачка, а **возьмет за исходный пункт то, что застанет на долгие времена** (а в экономической области оно застанет дикую эксплуатацию рабочего). На долгия времена распределения благ в социалистическом обществе должно будет происходить в таких формах, которые будут приготовлять собою дальнейшее развитие **нынешних форм** заработной платы. Оно должно будет исходить из этих форм. А так как формы заработной платы не только изменяются с течением времени, но и одновременно являются различными для различных областей (т.-е. рабочий получает крохи, а буржуазный интеллигент — все), то возможно (надо сказать: страстно желательно), что в социалистическом обществе будут иметь место **самые разнообразные** формы распределения продуктов в зависимости от различных традиций и обычаев, которые сохранятся в населении (т.-е.

организаторы, в будущем — генеральские чины, будут продолжать получать генеральское жалованье, чернь же — крохи), и от изменяющихся потребностей производства".

Прочли?

Не говорил ли я тебе, рабочий, что коммунисты подлые тарантулы? Не тарантулы ли? В классической программе своей они имеют нахальство говорить рабочему, что ты в "нашем" государстве будешь получать крохи.

Целые годы рабства и кабалы обещают тебе вожаки коммунистов и целою кипою книг стремятся оправдать свои гнусности.

Но не бойтесь, рабочие! Наука и ожидания их ложны.

Только полное историческое невежество, полное непонимание причин смен одного строя другим, политиканство и легализаторство заставляют коммунистов толковать о цепях.

Истинная наука показывает другое.

Она говорит, что переход будет революционный, а потому все старое будет смыто до основания.

Революционному переходу будут соответствовать и новые формы распределения — пролетарии сразу восстановят свои права, введут в обращение трудовую стоимость, а не станут влачить безконечные годы цепи!

Техническому переходу соответствует и эволюция распределения; революционному — революция распределения.

Долой рабское учение коммунистов!

История сулит каждому после революции полный продукт труда.

* * *

C) Интеллектуальное производство.

Прежде чем окончательно расстаться с процессом производства, скажу несколько слов об интеллектуальном производстве.

В будущем, лиц, желающих заниматься литературой, искусствами, науками, медициной..назначать, как проектируют коммунисты, у нас никто не будет.

Каждый, чувствуя стремление к научным занятиям. предается им, работая, конечно, той работой, которую каждый себе выбрал в материальном производстве.*)

---

*)Работу эту можно будет начать очень поздно — это мы увидим ниже.

Ремесленную работу каждый сумеет забрасывать по мере того, как его труды начнут разбираться публикой.

Забрасывая работу, человек будет становиться чистым ученым, литератором, медиком, художником...

Средства к жизни такой человек будет зарабатывать себе своим трудом, обменивая свои продукты на продукты, ему нужные.

Можно думать, что и в умственном труде создадутся ассоциации для достижения общих целей.

Возникнут литературные, художественные общества, которые коллективно будут творить и разрабатывать разные проблемы....

Ассоциационное производство даст могучий толчок всякому творчеству, создав благоприятные условия для жизни.

В будущем, любимейшим удовольствием людей будут умственно-художественные занятия.

Отметим одну неизмеримую выгоду ассоциационного производства для людей умственного труда.

Ассоциационное производство ставит в равноправное положение людей производительного и непроизводительного труда, превращая непроизводительный труд из слуги, раба, приживальщика в ассоциационного собственника, — ведь у нас орудия труда имеют не производители, а потребители.

Такое положение интеллектуального труда даст ему прочное положение в обществе и избавит его от того клейма позора, которое на него кладут собственники.

* * *

Резюме экономического строя.

(Великие следствия обассоциированного производства).

1) Общественная собственность — собственность большинства; обассоциированная собственность — собственность народа. . .

Общественная собственность потому собственность большинства, что только оно имеет право распоряжаться ею по своему усмотрению. Индивид же, меньшинство — пролетарии. Они ни одной долей имущества располагать не могут.

Ассоциационная собственность потому собственность народа, что в ней нет парпев, ибо каждая часть народа, каждый индивид имеет право распоряжаться своею частью.

2) Общественная собственность требует организации сверху,

свыше.. Ассоциационная собственность живет народной инициативой.

При общественном производстве все вершат бюрократы, иерархи; они все шаблонируют, все регулируют, всем распоряжаются. Труд индивида принадлежит им. Производство идет по их воле. Отдельные индивиды, не имея собственности, не располагая своим трудом, не могут удовлетворять своих желаний, принуждены приноравливаться к потребностям большинства. Индивид обращается в "полипа, сидящего на скале братства."

Ассоциационная собственность разбивает все путы.

Давая право индивиду располагать своим трудом, давая право индивиду организовываться, создавать и располагать своею долею имущества, ассоциационная собственность впервые превращает рабочего из раба в независимого человека.

Индивид, при ассоциационной собственности, получив широкий простор для своей деятельности посредством комбинирования своего труда, сумеет достигнуть всего, чего хочет, сумеет удовлетворить все свои желания. Не спрашиваясь ни у каких генералов, индивиды сами будут формировать производство. Только экономическая независимость создает личную независимость. А экономическую независимость дает ассоциационная собственность. Только при ней я могу располагать своим трудом, только при ней я могу основать те учреждения, какие я хочу, производить те продукты, которые мне нравятся. Общность же есть порабощение индивидуальной воли. Огульное решение всегда делает индивидов несчастными. Огульное решение давит всякую индивидуальность. Только анархизм, дав свободу, вызывает в обществе жизнь. Жизнь потечет тысячью руслами.

3) Делая индивидов собственниками, давая широкую свободу для осуществления своих желаний, ассоциационная собственность дает и наибольшую экономическую выгоду.

Экономические выгоды обассоциированного производства неизмеримо велики.

Глубокое заблуждение — думать, что ассоциационное производство будет менее выгодным, чем социализм и капитализм.

Во 1-х, анархизм допускает самое крупное производство с самыми совершенными техническими изобретениями, ибо ассоциации у нас основаны на однородности потребностей и потому охватывают такое же громадное число потребителей, как в коммунизме и капитализме. Враги только измышляют на анархистов, что мы проповеду-

ем какие то мелкие общины, ограниченные территориальными рамками.

Допуская крупное производство со всеми его выгодами, анархизм дает и отступления от этого правила; если почему либо индивиды не хотят жить **экономно**, то это их дело. Мы не будем их ради экономики, подобно коммунистам, загонять в "путы".

Такая особенность анархизма есть не недостаток его, а достоинство, ибо "вопрос о наилучшей организации народного труда, ведь, не исчерпывается возможно большим производством ценностей. Человек не животное, от которого требуется лишь как можно больше физического труда и полезных продуктов"*).

Во 2-х, анархизм, допуская крупное производство, создает и здоровое побуждение к труду, которое не дает машинам заржаветь, но разовьет гигантскую производительность.

Нашим побуждением к труду, нашим единственным стимулом является **полное вознаграждение за труд.**

В анархизме только рабочий, зная, что получит все, что следует, разовьет всю свою энергию. В современном строе он работает в полсилы, ибо его эксплуатируют, ибо наемный труд не заинтересован в труде. В коммунизме рабочий совсем бросит работать.

Анархия же разовьет страстное влечение к труду и вполне оправдает принцип: "охота пуще неволи".

В 3-х, анархизм,уничтожив **гибельные черты конкуренции,** сохранит ее хорошие стороны, чем даст возможность совершенствоваться труду и технике — и в корне уничтожит рутину, в которой грозит заснуть коммунизм.

В 4-х, ни коммунизм, ни современный строй не могут уничтожить "антропофагии, ужасного, медленно пожиравшего свои жертвы каннибализма, в котором участвуют все, который присвоивает себе чужие хозяйственные имущества на счет жизненных сил и жизненного развития отдельных человеческих личностей, без полного за них вознаграждения."

Обассоциирование же процесса производства, освобождая людей от эксплуатации, прекращает пожирание человеческого мяса.

В 5-х, анархизм дает громадные выгоды, уничтожив различных паразитов: капиталистов, рантьеров, предпринимателей, чиновников...

4)Анархизм дает полную свободу и в самом процессе производства, что крайне важно.

---

*) Головин, 17.

В анархизме на фабрике рабочий — не раб, не подчиненный, а товарищ, свободный человек.

5)Распределение анархическое — наиболее экономическое и выгодное: оно уничтожает торговцев, посредников и лавочников, и в то же время дает и наибольший простор для свободы.

6) Анархизм, обязывая родителей содержать детей, замечательно благотворно влияет на прирост населения.

* * *

Таковы выгоды и следствия обассоциированного производства.

Сознание важности ассоциационного начала уже всюду проникает.

За него уже начали хвататься и коммунисты, и родные их братья, буржуа; но только они еще осторожно подходят к нему, с сомнением.

Вот, напр., как Лабулэ думает об обассоциированном производстве:

"Частная инициатива, особенно в форме ассоциационной, нашла бы в таких случаях (образование, напр.) подходящее поле для своей деятельности. Ассоциация — это своего рода естественный посредник между государством и индивидом, — посредник, как раз пригодный для выполнения задач, которые были бы не под силу индивиду и за которые не может взяться государство, не накладывая невыносимого ига на индивида".

Возможность ассоциационного производства в интеллигентном труде допускают и коммунисты под влиянием анархизма, но все обассоциировать они почему то боятся, не высказывая, однако, причин.

Капиталисты же откровеннее: они боятя ассоциационного производства главным образом потому, что не считают народ способным справиться так легко с производством, как они, капиталисты, гоняющиеся за копейкой и барышом, все расчитывающие и взвешивающие...

Они думают, что народ не справится с организацией производства; для этого нужны-де "**высшие**" способности души: специальность, расчетливость, знание рынков, умение устранить конкурентов... Словом, они думают, что гегемония предприимчивых — самое нормальное состояние общества.

Попросим Прудона ответить им: "Вот чем были собственники и капиталисты. Они были вождями труда, как короли и герцоги

были вождями политическими и военными. Но они, как и те,должны исчезнуть по тем же самым причинам или по аналогичным им. Политический глава заменен в современных обществах уполномоченными, которым поручено исполнять волю всех, а не свою собственную, так как **при большей осведемленности, при легкости и постоянстве сношений инициатива может исходить от всех.** Глава труда исчезнет также, потому что **ассоциации стали составляться легче, труд не нуждается** более в главе — и дух инициативы и антрепризы может принадлежать целой ассоциации, как некогда он принадлежал только одному человеку".

Этим местом Прудон хочет сказать, что в будущем рынки исчезнут со всеми подвохами, которые изобретают капиталистические головы. Предприятия будут работать на заказ, а потому не нужно будет рыскать по рынкам, предугадывать величину спроса и конъюнктуры, подставлять ножки ближним и т. д. Словом, ассоциации будущего не будут нуждаться как в **современном духе предприимчивости,** так и во властном управлении.

Это наглядно видно из выше набросанной картины организации труда и производства, где и безумец может работать, не нарушая стройности производства.

Что же касается коммунистических отношений к ассоциационному производству, то они просто основываются на косности мысли, стремлении к генеральству.

Где логика! Раз ассоциации применимы к образованию, медицине и т. д. , то почему они не применимы к производству?

Всюду ассоциации способны, как мы показали, вытеснить общественное производство и удовлетворить потребности индивидов полнее чем всякое другое производство.

Поэтому, мы вполне согласны с предвидениями Анри Мишеля, восклицающего: "Чем свободнее граждане, тем лучше они понимают пользу ассоциаций, т.-е. то увеличение сил, ума и самой свободы, которое вытекает из соединения сил, умов и свобод.

Но ассоциации будут не только развиваться, они будут образовывать федерации. Будущее государство будет ассоциацией ассоциаций, свободной централизацией, являющейся результатом самой децентрализации"*).

* * *

*) Анри Мишель "Идея о государ.", стр.524, 5.

Д) Обассоциирование или обобществление потребления?

Изложение экономического быта будущего строя было бы неполно, если бы я еще не упомянул о потреблении.

В современном строе потребление совершается в частных квартирах каждого.

Такое потребление удобно для лиц богатых, располагающих большим штатом прислуги.

В будущем же, когда прислуги не будет, когда каждый будет заниматься производительной деятельностью,, домашнее приготовление обеда падет тяжелою обузою на индивидов.

В виду этого, домашнее приготовление обедов должно будет исчезнуть, заменившись более производительными видами потребления.

Коммунисты предлагают домашнее производство заменить обобществлением потребления.

Такое решение нами отвергается, ибо оно тиранизирует и сковывает индивидуальные потребности.

При обобществлении потребления нам придется приноравливаться под вкусы большинства, есть то, что оно постановит и велит.

Что за кабала!

Всю курьезность "обобществления потребления" прекрасно высмеяли Рихтер и наш русский его подражатель Велицин.

Желающих подробнее ознакомиться с их критикой "обобществления потребления" отсылаю к их работам*).

Я же лишь кратко упомяну о том трагическом положении, в которое попадет потребитель "обобществленного потребления."

Ему хочется одно есть, но меню составлено по вкусу большинства. Ешь, что дают. Сегодня потребителль голодает, завтра его тошнит от с'еденного, противного ему блюда, послезавтра, чтобы не умереть с голоду, ему придется обратиться в дикаря и отыскивать себе пищу в лесу.

Вот куда может завести идея "обобществления потребления".

Обассоциирование потребления устраняет все эти недостатки.

В будущем люди с однородными вкусами и аппетитами соединятся в ассоциацию и будут есть то, что им нравится.

**) Рихтер "Социал — демократические картинки будущего"; Велицин "Торжество социализма".

Выгодно и хорошо!

Обассоциирование в будущем коснется не только кухонь и столового белья, но и стирки, уборки комнат, чистки платья, сапог и т. д.

Словом, в будущем произойдет полное "обассоциирование потребления."

Не желающие могут, конечно, возиться дома.

* * *

Е) Понятия о собственности в будущем и о распоряжении ею.

Чтобы окончательно расстаться с экономической организацией бдущего строя, разберем еще сферу личной собственности и распоряжения ею.

Ассоциационный способ производства вполне признает полную личную собственность на продукты потребления, в чем бы они ни состояли.

Каждый имеет право владеть какими угодно вещами.

Никто в этом отношении не может насиловать волю другого. Каждый, не спрашиваясь другого, имеет право отнимать у природы дары, какие хочет.

Отсюда, конечно, вытекает и тот принцип, что каждый может, что хочет, и делать со своими предметами, даже уничтожить их: раз я создал их, то я имею право и уничтожить их.

Мы употребили выражение "каждый может делать со своею собственностью, что хочет", но это не совсем верно. Вернее было бы сказать, что он может делать со своими предметами все, что хочет, но не принося вреда другому.

На этом основании мы отрицаем право отдачи имущества в рост.

Рост — это замаскированная эксплуатация, взымание за предмет больше, чем он стоит. Рост — это вампирство, это пользование чужою нуждою; рост — это сети паука.

Основывать право получения вечного % на том основании, что я копил, мучился, трудился, — неосновательно, ибо, ведь, над каждым предметом человек страдает, мучится, однако за это % не требует, а за мучение берет лишь равное мучение другого. Страдание и мучение, иными словами — труд, потраченный на скопле-

ние при тяжелых условиях, имеет свою ценность; но он не может служить источником **вечного** вытягивания соков, потреблением без производства, он может лишь единовременно прибавить ценность*).

А потому % — грабеж.

Столь же неудачно и учение Генри Джорджа о %. Он думает привлечь к оправданию % даровую работу сил природы, но это — заблуждение, ибо стоимость есть **усилие человека, а не работа сил** природы. Там, где кажется, что силы природы помогают человеку, на самом деле идет борьба человека с ними — и результаты этой борьбы и затраты сил человека на борьбу определяют стоимость предмета.

Человек может направлять свою энергию на мертвую материю и на силы ... и стоимость будет результатом только труда человека.

А потому % — грабеж.

Кроме отдачи имущества в рост, мы отрицаем **накапливание наследства,** хотя и не само оставление **наследства.**

Разница между накапливанием и оставлением наследства большая.

Накапливание наследства для другого означает отдачу своего труда другому, обращение себя в раба другого.

Ни один анархист не согласится быть таким рабом — это для него противно.

Но еще менее согласится кто-нибудь взять **накапливаемое** для него наследство — это значило бы взять пот и кровь другого.

Если ты видишь, что кто-либо копит наследство, и не влияешь на него бросить делать это, в надежде получить накопленное, ты —вампир, пьющий из любящего тебя существа кровь, обращающий его в вьючного верблюда; ты — бессердечный убийца жизни человека.

Мы все это глубоко чувствуем и никаких наследств не копим. Конечно, запретить быть **добровольным** рабом мы никому не можем,—мало ли у кого бывают какие фантазии—это личное дело каждого.

У нас таких безумцев быть не может, ибо у нас нет причин, которые побуждали бы к накапливанию ради накапливания, посте-

*) Хотя мучение скряги и не имеет ничего общего с мучением труда, — ибо природа не признает мук живота, а лишь перед трудом склоняется, — но если даже предположить, что оно может прибавлять стоимость, то только единовременно, но не бесконечно.

пенно обращая накапливание в страсть.

Что касается имущества, которое остается после смерти каждого и которое было необходимо при жизни для самого умирающего, то каждый им волен распоряжаться по своему усмотрению, — что хочет, то и может с ним делть.

Дарение мы тоже отвергаем — это обычай рабов.

Древние его не знали; они знали лишь **обмен подарками** в знак дружбы. И мы следуем в этом отношении примеру их — в нем лежит что то приятное.

* * *

Ф) Несколько слов о будущем виде общества.

Выяснив экономическую жизнь будущего общества, скажем теперь, какие преобразования в городской и сельской жизни повлечет за собою ассоциационное производство.

Оно безусловно изменит весь современный вид государства, уничтожит противоположность между городом и деревней ...

Современный город и деревния возникли исторически в зависимости, конечно, от способов производства. Капиталистический и феодльный способы производства способствовали дифференциации населения на горожан и крестьян, ненормально увеличивая города.

Трутни всего мира свили в них свои гнезда. Главная часть города живет только от них и тесно связана с ними.

Ради них в городах ютятся рестораны, кондитерские, ради них ютятся тысячи ремесленников, тысячи прислуги, ради них в городах группируются тысячи чиновников, полицейских, жандармов, войск и блестящих офицеров.

С уничтожением капитализма и классового строения общества, города должны будут рассосаться.

Блестящие офицеры и полки солдат разбредутся, а вместе с ними исчезнут тысячи ремесленников, домостроителей. Исчезнут науки-чиновники, судьи ... и в городе станет **еще пустее.**

Спешно из города выкатят рантьеры, процентщики, ростовщики, землевладельцы, и вслед за ними в городах закроется масса лавок; приказчики, торговцы и люди, снабжавшие их кормом, тоже поплетутся из городов. Пропадет полиция, бродяги, монахи и прочее духовенство—и от города останется какая-либо $^1/_{10}$ или $^1/_{100}$ **часть.**

Ассоциационное производство уничтожает классы и антагонизм, уничтожает эксплуататоров ... а потому при нем города неизбежно исчезнут, а вместе с ними, конечно, деревни—юдоли плача и скорби.

Центром, около которого будут группироваться будущие люди, явится **место** работы каждого. Громадные, построенные по последнему слову науки, фабрики будут тянуть к себе население; около них и будут скапливаться люди.

Деревни исчезнут, ибо сельская работа, как отдельное занятие,вероятно, исчезнет, и земли будут обрабатываться фабричными рабочими. Вся страна разобьется на ряд фабричных центров.

Величину их трудно определить, ибо это будет зависеть от того, сколько фабрике нужно будет рабочих.

Поскольку выгоды большаго использования машин будут требовать, постольку люди будут селиться вокруг фабрик. Когда одна фабрика насытится населением, тогда возникнет другая с таким же населением и т. д.

Во всяком случае, фабрики могут в себе концентрировать **десятки тысяч человек**, как показывают это некоторые современные крупные предприятия.

Дома, весьма вероятно, будут группироваться кругом фабрики в форме **шестиугольника***), наиболее экономичной формы поселения для страны.

Из общественных построек придется отметить **почту-склад**, быть может, отделение бюро, училища, театры и т. д. Весьма вероятно, в каждом городе будет **ассоциационная гостиница**, содержимая на счет путешественников. Дома, ради удобства, будут расположены отдельно, так чтобы каждый дом можно было обойти с четырех сторон.

Широта улиц будет зависеть от способа передвижения—воздухоплавание, быть может, и совсем их уничтожит.

Освещение, мощение, канализация—будут делом ассоциационным; кто не хочет—может и не примыкать к ним. В каждом поселке могут быть разные улицы—мощеные, немощеные и т. д.

При образовании промышленной ассоциации может быть договор относительно освещения, чтобы группы разбились на кварталы.

Дома, наверное, будут ассоциационной собственностью, ибо это облегчит передвижение, переселение.

---

*) См. работу Бедриса: "Идеальное государство."

Но дома могут быть и частной собственностью. Если дома будут ассоциационной собственностью, то каждый сумеет заказывать себе какие хочет, вводить какие угодно поправки и т. д.

Если около фабрики возникнет несколько концентрических поселений, то, конечно, на дома ведется рента, уравнивающая невыгоды более отдаленного поселения.

Чем определяется размер ренты, куда она идет и кто определяет ее? Начнем с последнего вопроса. Рента будет определяться самими рабочими.

Будет она определяться конкуренцией между желающими поселиться на одних участках. Величина ренты, весьма вероятно, будет зависеть от различных причин—от места расположения домов от фабрик, от увеселительных мест, садов и т. д.

Распределяться она будет между всеми поровну.

* * *

Отдел II. ИДЕОЛОГИЯ.

(Исторический строй: нравственный, семейный, бытовой и пр.)

Общее введение к идеологии.

Способ производства кладет свой отпечаток на все идеологические формы—на политику, мораль, религию, семью и права. Там, где экономический строй дает свободу, самостоятельность индивидам—там люди будут горды и свободны. Там же, где он лишает человека собственности, там, где он его ставит в экономическую зависимость, там вырабатываются и рабские натуры.

Эту истину прошу помнить при разборе идеологических форм. Экономическое рабство создает и политическое, и моральное ... Экономическая свобода дает свободу и политическую и моральную. Эта истина отражается даже на психологии писателей. Писатель, ставший на точку зрения экономического закабаления индивида, с пафосом и жаром требует для него кабалы моральной и политической—это вы увидите ниже.

Здесь я еще хочу, прежде чем приступить к детальному анализу идеологии высказать несколько общих соображений по поводу влияния способа производства на характер людей. Начну с коммунизма. Влияние его будет отвратительно и омерзительно — он будет **создавать стадную мораль.** Человек, не имея экономической самостоятельности, скованный в своих действиях волею большинства, не сможет проявить ни нравственной самостоятельности, ни твердой инициативы; он принужден будет, подобно флюгеру, колыхаться по воле большинства.

Там, где власть принадлежит большинству, там, где экономически большинство—хозяин, там будет и его царство, там будет считаться преступлением итти против его воли ... Постоянный и упорный протест будет даже не безопасен для него. Вспомните книгу Токвилля о демократии. Там протестант—опальный человек: его избегают, его устраняют от должностей, его игнорируют—и это вполне понятно: человек, несогласный с мнением общества, с его благом,—враг человечества.

Отсюда возникает стадность, стремление социализировать свои нравственные понятия, **подойти под общую мерку**—возникает ненавистная для свободного человека тирания: "общественное мнение". Оно слагается в могучую силу, в "моральную полицию". Оно клеймит все оригинальное, все индивидуальное. Оно принижает человека пуще всякой тирании, ибо тирания общества проникает во все подробности частной жизни и **кабалит самую душу.**

При коммунизме мы нравственно погибнем, выработав какую то рабскую, прирученную душу, трясущуюся, если она хотя на каплю разойдется с общим мнением; при коммунизме мы превратимся **в нравственных лакеев.** Не менее гибельно коммунизм отразится и на политической форме общежития—непокорную ,неугомонную личность человека он превратит в под'яремного гражданина, не имеющего ни своей воли, ни своего права.

Послушный, аккуратный демократишка — вот продукт коммунизма. Моральный и политический раб и в семейной жизни не может быть самостоятелен; единственная роль, которую он сумеет сыграть в будущем,—это роль случаемого скота в руках выборных толпы. В дальнейшем изложении вы увидите истину сказанного. Коммунисты будут сторонниками любви демократии и государственного брака. Позор всем коммунистам, стремящимся из человека сделать послушную собаку, стадо! Пусть погибнут все такие стремления!

* * *

Совсем другие результаты должно дать обассоциирование производства и обничнение земли. Когда обассоциирование производства даст людям экономическую самостоятельность, право распоряжаться своим трудом, тогда жизнь в обществе будет течь многими руслами, появится многообразие и оригинальность целей, образуется масса независимых центров притяжения—большинство стушуется и исчезнет. Воцарится индивид и царство индивида. Стадность, приниженность в морали сменит гордый, могучий, непреклонный, мятежный дух; разовьются сила, инициатива и энергия ....

В политическом отношении выработается твердая натура, с ненавистью глядящая на шаблоны и указки большинства, толпы и цезарей.....Политическая свобода, самобытность и самоопределение, самостоятельное решение всех дел—вот будет достойная награда ассоциационному производству. Такие натуры не позволят себя случать—они смело и открыто построят свое семейное счастье на договоре с любимым человеком. Ну, довольно пророчествовать. Ана-

лиз взглядов коммунистов и анархистов на все вопросы покажет теоретическую истину сказанного.

Однако, расставаясь с введением, я позволю себе в подтверждение сказанного сослаться на авторитеты—я хочу сообщить вам взгляды Токвилля и Нитше на будущего человека, если он усвоит социально-демократические формы правления.

Токвилль (стр. 562—563):

"Я желаю представить себе, в каком новом образе деспотизм мог бы явиться в мире: я вижу бессмысленную толпу людей, подобных и равных, которые без-устали кружатся на одном месте для добывания себе мелких и пошлых наслаждений, служащих для наполнения их души. Каждый из них сторонится от других и остается чуждым участи всех остальных, так что его дети и личные друзья одни составляют для него все человечество; прочих же своих сограждан он не видит, хотя и находится рядом с ними; он касается их и не чувствует их присутствия; он существует лишь сам по себе и для себя и, если у него остается еще семья, то, по крайней мере, можно сказать, что у него уже нет отечества.

Над этими людьми возвышается огромная покровительственная власть, берущая на себя обеспечение их пользования жизнью и наблюдения за их судьбой. Власть эта абсолютна, способна входить в частности, правильна, предусмотрительна, кротка. Она была бы похожа на родительскую власть, если бы задачей ее было, как у последней, подготовление людей к возрасту возмужалости;но она, напротив, старается навсегда удержать их в детстве. Она любит, чтобы граждане веселились, лишь бы только они думали о веселье.

Она охотно трудится для их счастья, но желает быть его единственным устроителем и решителем; она заботится об их безопасности, предусматривает их потребности и обеспечивает их удовлетворение, облегчает их удовольствия, ведет их важнейшие дела, руководит их промышленностью, устанавливает правила для их наследования, делит их наследственное имущество; жаль, что она не может совершенно устранить от них беспокойства мыслить и трудности жить. Таким образом, она делает с каждым днем все менее полезным и более редким применение свободной воли; она заключает действие воли в более тесные пределы и мало-по мало отнимает у каждого гражданина даже возможность располагать самим собою. Равенство подготовило людей к этому; оно предрасположило их к тому, чтобы все это выносить и часто даже считать за благодеяние.

Взявши, таким образом, в свои могучие руки каждую личность по очереди и переформировавши их на свой лад, верховная власть простирает свою десницу над целым обществом; она покрывает его сетью мелких правил, сложных, мелочных и однообразных, сквозь которые самые оригинальные умы и самые сильные характеры не могут пробиться, чтобы стать выше толпы; она не ломает личной воли, но размягчает ее, подчиняет себе и управляет ею; она редко заставляет действовать, но бесцеремонно препятствует действию; она не истребляет, но не дает зарождаться; не тиранизирует, но затрудняет, теснит, обессиливает, гасит, отупляет и, наконец, доводит нацию до состояния **стада** робких, несмышленых животных, для которых правительство является пастухом."

* * *

Нитше ("Заратустра", 21, 22 стр.) :

"Смотрите! — Я покажу вам последнего человека. Что такое любовь? Что такое творчество? Что такое счастье? Что такое звезда? — Так вопрошает последний человек и бессмысленно моргает. Земля сделалась маленькой-маленькой, и по ней попригивает последний человек, делающий все маленьким. Его племя неистребимо, как земляной блохи; последний человек живет всего больше.

"Мы открыли счастье", — говорят последние люди и бессмысленно моргают. Они уже покинули страны, где было холодно жить: ибо им не обойтись без тепла. Они еще любят ближнего, и они прижимаются друг к другу, ибо им нужно побольше тепла. Захворать или быть недоверчивым — считается у них грехом, ибо ходят они осмотрительно. Безумец, кто падает на камни и на людей! От времени до времени чуточку яду: от этого бывают хорошие сны, — и в конце побольше яду, чтобы приятно умереть. Они еще трудятся, ибо труд развлечение. Но они заботятся, чтобы развлечение не утомляло их.

Не будет более ни бедных, ни богатых: то и другое слишком хлопотливо. Кто еще захочет повелевать? Кто повиноваться? — То и другое слишком хлопотливо. Нет пастыря, одно лишь стадо! Каждый желает равенства, и все равны: **кто мыслит иначе—добровольно идет в сумасшедший дом.**

"Прежде весь мир был сумасшедшим", говорят благороднейшие из них и бессмысленно моргают. Они мудры и знают все, что случилось: поэтому у них нет конца смеху. Они еще ссорятся, но скоро мирятся — иначе это расстроило бы желудок. У них есть свое

маленькое удовольствие для дня и свое маленькое удовольствие для ночи: но они уважают здоровье. "Мы открыли счастье", говорят последние люди и бессмысленно моргают".

* * *

Часть I. НРАВСТВЕННОСТЬ И РЕЛИГИЯ.

а) Введение.

Следуя избранному нами методу произвольно не причислять ни одного учения к тому или другому типу отношений, я в вопросе о нравственности не изменю своему способу изложения. Я постараюсь сделать несколько выписок из главных представителей нравственных учений, чтобы, характеризуя их, читатель сам мог сознательно отнести их к тому или другому типу; должен сказать, что эта работа будет трудна по отношению к коммунистам, так как они скупы по изложению своих моральных взглядов. После такой фактической стороны дела, я каждый отвлеченный принцип освещу примерами, ибо эта часть практическая, и мы должны облечь в плоть и кровь холодные, ничего не говорящие сердцу, принципы. Практика, практические примеры всего лучше выясняют тип. Затем, после критики, в заключение дам каждому типу общую характеристику.

Таков мой план, которому я думаю следовать в изложении этой части. Нравственности я уделю гораздо больше внимания, чем религии, ибо нас горячее интересуют отношения между людьми, нежели отношения между людьми и богом. Религии я почти исключительно коснусь лишь постольку, поскольку она касается **отношений между людьми.**

* * *

ГЛАВА I.

Эгоизм.

Эгоизм — это учение древнее, учение всякого классового общества. Его исповедует и современный строй, проникнутый гнилью с верху до низу. В современном строе носителями эгоизма является

большинство буржуазных писателей. Все они тайно или явно исповедуют учение, "что своя рубаха к телу ближе". Ценным представителем этого учения является Нитше, проповедующий принцип: сверх-человеку, т. е. господину, "все позволено." Господа ради своего счастья,ради своей скотской страсти, всех и все могут давить, бить, гнуть и насиловать. Приводить ссылки и цитаты об этих его мыслях, я думаю, совсем излишне, так как многие из них вы уже прочли в моей работе. Наверно, вы не забыли его мечты о "китайском типе рабочих", о "спокойной совести", с которой сверх-человек имеет право принимать жертвы от массы и т. д.

Лучше я облеку эгоизм в конкретные формы. Смотрите, сейчас пройдет перед вами ряд эгоистов. Смотрите, вот первым идет перед вами персидский шах. Этот милый господин ради эффекта, ради своего развлечения придумывает шахматную игру не с фигурами, а с живыми людьми. Игра эта происходит так.
Рисуется огромное шахматное поле, а места шахмат занимают люди; пешки, офицеры, туры ... имеют различные костюмы, а шахи, стоя на местах королей, "двигают фигуры". И та пешка или офицер, которые берутся противниками, убиваются и сбрасываются с шахматного поля. Во время игры кровь бьет—фонтаном, заливая целыми потоками самое шахматное поле. Раздаются стоны, предсмертное хрипение и звон палашей, дробящих человеческие кости. И дикий восторг овладевает восточными деспотами.

Не милая ли забава? Десятки человеческих жертв — ради своего удовольствия. Перенесите теперь ваш взор на "гуманных греков". У спартанцев существовали так называемые критии. Под именем критий назывались походы, совершаемые спартанским юношеством на илотов. Илоты были рабы, которые, размножившись, могли составить силу и отпасть от Спарты. Вот для того-то, чтобы они "не разводились", и предпринимались ежегодно критии, имевшие целью, во-первых, ежегодное избивание илотов, а во-вторых—военные упражнения "доблестного" юношества. А теперь посмотрите на "богомольного" русского боярина. Посмотрите, во что он обратил человека. Не говоря о том, что он был волен в жизни и смерти своего крепостного—мог его бить, изувечить, отдать в рекруты, а то и просто убить,—он даже не стеснялся, играя в карты, проигрывать своему партнеру жену или дочь своего крепостного. А сколько было примеров насилий на глазах у мужа или отца!

Не думаете ли вы, что благороднее купец? Нет, он не довольствуется барышами, приносимыми ему его обыкновенной деятель-

ностью. Его алчные взоры ищут более приличных его званию заработков, в погоне за которыми он не останавливается ни перед чем. Его гений создал новый вид промышленности—транспортировку живого товара.. Такой купец, подобно гиэне, выслежвает голодную семью пролетария и, пользуясь безработицей, кризисами, покупает у изголодавшегося отца его единственную дочь. Но не всегда кризисы и безработица бывают его пособниками; тогда он устраивает настоящие облавы на свои жертвы. В лучшем случае, он заманивает и завлекает, в худшем—захватывает силой и устраивает семейное счастье своей жертвы в гареме турецкого султана.

Она, несчастная, тщетно бьется в хитрых и крепких руках султана—не уйти ей из об'ятий сладострастного турка. Вы возмущены, читатель, поступками эгоистов. Вы возмущены тем, как это человек может отдать невинную девушку в развратные об'ятия старика, как это можно человеком торговать и играть, как вещью ... Но эгоист иначе смотрит—он практик, он считается лишь со своим "я" и его ("я") запросами. Дадим теперь общую характеристику типа. Эгоизм —это ворон, выклевывающий глаза ближнему. Эгоизм—это ястреб, растерзывающий голубку. Эгоизм — это гиэна, роющаяся во всякой падали.

* * *

ГЛАВА II.

Любовь.

Любовь—это учение всех слабых и жалких натур. Сторонниками ее являются вымирающие классы, которые только и могут жить подаянием и призрением. В настоящее время любовь сделалась девизом всех коммунистов. Излагая коммунистические учения, мы приводили взгляды коммунистов на ближних. Вы, наверное, их не забыли; все они проникнуты христианством, самопожертвованием, самоотречением в пользу ближних. В большинстве случаев коммунисты туманны и не выражают своих моральных взглядов, так что приходится судить о них лишь по общему тону работ. Но этот тон дает безошибочное представление. Пересмотрите их работы и вы увидите, что они христиане. Платон, Томас Мор, Кабэ, наиболее видные фигуры коммунизма—все поклонники любви.

Новейшие же коммунисты утаивают свои моральные взгляды.

Главные же столпы учения безмолвствуют. Только в последнее время ученики их начинают формулировать ясно свои взгляды. На разборе их мы и остановимся. В последнее время на русском языке появились две статьи о коммунистической морали. Одна—**Лозинского** (в "Образовании" или "Мире Божьем"). Другая—Устинова (в "Вестнике революции" за февраль месяц). Лозинский в своей статье старается отграничить коммунистическую мораль от христианства, говоря, что христиане проповедуют любовь к человеку вообще, а мы, коммунисты,—любовь к классовому человеку.

Насколько такая мораль выше христианской—я разбирать не стану, но суть той и другой морали одна и та же—жертва индивида в пользу другого. Христиане призывают индивида падать ниц перед человеком вообще, Лозинский зовет совершить коленопреклонение перед классовым человеком. Но, право, странно на таком незначительном различии отпихивать от себя христианство. Действительно, не все ли равно, перед кем я буду гнуть голову,—перед братом или сватом? В морали коммунизма важен один момент—это отдача индивида себя другим, момент, роднящий эти две морали.

Перейдем теперь к статье Устинова. Устинов, подобно Лозинскому, вступает в полемику с христианством, но для того только, чтобы после снова обуздать индивида. Вот суть его рассуждений. Христиане требуют, чтобы индивид служил индивиду. Я же требую, чтобы индивид "был слугою" общества. Словом, он воюет против жертвы одному, но отдать индивида стаду—он считает своею священнейшею обязанностью. Быть "слугою" общества—это идеал социал революционеров*). Приведем несколько примеров, вызывающих дикий восторг у христиан и коммунистов.

Помнишь ли ты, читатель, пьесу Метерлинка "Монна Ванна?" Помнишь ли ты весь конфликт души Монны Ванны? Помнишь ли ты ту борьбу, которую ей пришлось вести с собою, прежде чем пойти на жертву? Припомни, как перед нею стояли "наглые ты" и как они смотрели на нее своими псиными глазами, говорящими: "Слышишь Монна Ванна! Иди, иди ради нас, отдай себя—и ты спасешь всех нас, и мы будем славить твою добродетель. Иди, иди, а то ты будешь безнравственной ... Иди, иди!" И бедное "я" Монны

---

*) Статья принадлежит соц.-революционеру. И в этой статье прямо-таки говорится, что индивид должен быть слугою общества.

Сейчас получил отдельную брошюрку Устинова: "Что такое социалитическая нравственность", см. стр. 55 и 56.

Ванны не устояло ... Дрожа, боясь, трепеща—жаль ей было своего счастья—она пошла на свою казнь, на свою Голгофу. А псы? Псы рады и торжествуют—их шкура спаслась, чего им еще больше ... И, скаля зубы, они именуют поступок Монны Ванны "пожертвованием ради общего блага".

"Общего?" О, негодные псы! Как мне хочется выклевать ваши бесстыжие глаза, как хочется мне растерзать ваше поганое тело! Что вы сделали? Вы убили человека, вы пролили невинную кровь... А ради чего?... Ради собственной шкуры. О, нравственные! Уходите прочь, прочь с глаз моих, в ваши отвратительные пещеры! Читатель, чего вы сумрачны? Иль вас гибель Монны Ванны не тронула? Молчите? Так слушайте еще. Мне невольно вспоминается прочитанный в детстве рассказ. Перед моими глазами, как сейчас, встает деревушка, об'ятая всеми ужасами голода. В одной из ее изб живет крестьянин Иван со старым отцом и матерью. Иван, проникнувшись евангельским текстом: "накорми алчущего, напои жаждущего",— делит последний кусок между своими престарелыми родителями ... сам же голодает и, наконец, умирает от истощения.

А через несколько часов после его смерти пришел обоз с хлебом. Вот достойное последствие любви—родители сожрали (мягче не могу выразиться) своего сына. О любовь, любовь! Еще пример. Суд... "повесить", звучит металлический голос судьи. Что? кого? за что? Это преступника вешают, бог знает за что. Видя это, толпа дрожит... из ее рядов выделяется пастор, быстрыми шагами он приближается к эшафоту и просит повесить себя вместо приговоренного... "Извольте"—и пастор, делая судорожные движения, бьется в петле. А подсудимый—что? Он принял жертву пастора, как должное. Пошел с спокойной совестью домой... Вот как добрые, придерживаясь заповеди Христа: "пиите и ядите" ... пьют кровь и едят тело своих ближних. Пусть эти примеры, дорогой читатель, послужат нам темою для рассуждения о моральной ценности любви.

По моему мнению, нравственность состоит не в том, чтобы "пить" другого, не в том, чтобы давать "сосать" себя другому, т. е., как у нас любят выражаться, жертвовать собою, а **в уважении** личности другого, в уважении его "я". Помня эту истину, разберем вышеупомянутые примеры. Нравственен ли первый пример? Нет. Если бы "псы" хотели действительно поступить нравственно, то они не воспользовались бы жертвой Монны Ванны, не выпили бы крови ее ради собственного блага. Будь они нравственны, они сказали бы: "Монна Ванна! что ты задумала? Какие мысли у тебя в голове? Что? ты

хочешь отдать себя за нас ... О нет, нет! Принять твою жертву мы не можем; она легла бы на наше сердце кровавым пятном, и наша жизнь стала бы нам не в жизнь. Не думай поступать так, как ты хочешь. Нас всех постигло горе—умрем же вместе!"

А она, бедная, когда шла на свои мучения, она не заметила, с кем имела дело. Она невинно несла на алтарь свою жертву, все свое драгоценное. Она не разобрала их черных душ; она не видела всей их чудовищности. Чудовища! Противные чудовища! Как жаль, что у меня нет в руке копья, чтобы заколоть вас. Как вам нравится моральная ценность второго примера? Не правда ли, он отвратителен?! С'есть собственного сына из-за голода—что может быть омерзительнее! Моральный человек никогда бы не взял хлеба. Он оттолкнул бы руку, приносящую свою жизнь. Не так думают добрые.

А третий пример? Но стоит ли о нем говорить. Он и так должен вызвать у каждого крик негодования. Сделайте теперь, дорогой читатель, обобщение всех поступков любви, которые вы когда-либо совершали, и вы увидите, что в любви один—раб, а другой—господин; один—жертва, а другой—паук. Все наиболее вдумчивые писатели согласны с этим. Слушайте их мнения о любви. Франк *) : "Все, что говорит Нитше об альтруистической морали и жалости сострадания, заключает в себе страшно глубокую этическую правду. Вся эта мораль не преодолевает еще противоположности между рабом и господином, слабым и сильным, а потому не может быть моралью будущаго. Я думаю, что постыдно для достоинства человека строить мораль на возстании рабов, слабых и страждущих, которые приносят с собою требования ограничения и урезывания "я", т.е. посягают на самую сущность жизни и духа".

Брандес**): "Она, эта мораль, учит отсутствию себялюбия. Быть нравственным—значит быть неэгоистичным. Нам говорят, что хорошо быть неэгоистичным. Но что такое хорошо?

Хорошо для кого? Не для того, кто жертвует собою, а для ближнего". Чем же об'яснить такую живучесть, такое нравственное обаяние самопожертвования? Единственно непониманием***) того, что "преступление, совершаемое толпою, столь же гнусно,как если оно совершается одним человеком". Вся ошибка любви состоит в

---

*)"Сбор.проб. идеалист.", 192.

**) Брандес, "Рус. Мыс." 1900 г.,№ 11, 12 стр.147

***) Конечно, живучесть надо искать в способах производства.

том, что она смотрит однобоко, на **одного** лишь человека. Она проповедует жертву, отдачу себя; но говоря одному: отдавай, она другому говорит тем самым: пей. И в этом весь трагизм любви. Обращая внимание на жертвователя, она не видит той подлости, которую совершает " ты ", принимая жертву. Поистине прав тот, кто сказал, что любовь слепа. А, между тем, выход так ясен, так прост. Для правильного решения проблемы нужно перенести центр с " я " на " ты ", и сказать ему только: " не бери жертв " — и конфликт пропадает. Вместо раба и жертвы, мы увидим свободных людей. Но это уже область справедливости.

С чем же мы можем сравнить любовь? Если эгоизм—коршун, ястреб, ворон, то **любовь— пиявка.**

* * *

ГЛАВА III.

Справедливость.

Справедливость—это учение анархистов. "Что вы толкуете", перебьет здесь меня читатель: "у анархистов нет морали. Вернее, они признают все моральные принципы—и эгоизм, и любовь, и справедливость. Вы не верите—вот вам примеры. Штирнер—эгоист. Крапоткин и Толстой—сторонники любви. Прудон—поклонник справедливости." Что мне ответить на это? Фактически читатель прав. Штирнер—эгоист. Крапоткин—альтруист. Прудон—ревнитель справедливости. Ответ мой будет тот же, что и раньше, когда я отвечал на обвинение анархизма в отсутствии у него экономической системы.

Дело в том, что Штирнер и Крапоткин не чистые анархисты. Штирнер не отделался еще от буржуазии, а Крапоткин—от христианства и коммунистов. Штирнер проповедует: "делай, что хочешь", Крапоткин же хочет обратить анархистов в стадо блеющих баранов. Сейчас мне удалось прочитать статью Крапоткина—"Анархическая мораль"*) Это нечто ужасное! Копыта, вымя, рога, бычьи тупые морды так и торчат на каждой строчке. Подумайте сами, читатель: мораль анархиста по Крапоткину заключается **в служении виду.** Слушайте дословно его слова: "Ни муравей, ни птица, ни сурок, ни дикие чукчи не читали ни канона, ни святых отцов, ни даже Моисея.

*) "Черное Знамя", стр. 125, 6.

И, однако, у них у всех представления о добре и зле одинаковы. И если вы чуточку поразмыслите о том, что лежит в основании этого понятия, вам тотчас же станет ясно, что хорошим и у муравьев, и у сурков, и у христиан или атеистических моралистов считается то, что полезно для сохранения рода, а дурным—то, что вредит этому, не то, что полезно или вредно отдельному индивиду, как утверждали это Бентам или Милль, а **то, что полезно или вредно целому виду.**

Таким образом, идея добра и зла не имеет ничего общего с религией или мистическим сознанием; она является естественной потребностью животной расы. И когда основатели религий, философы и моралисты, говорят нам о божественной или метафизической сущности, они только пережевывают то, что практикуется каждым муравьем, каждым воробьем в своем маленьком обществе: "Полезно ли это обществу? В таком случае **хорошо.** Вредно ли это обществу? В таком случае это **дурно**"*) Стадо! Стадо и стойло! Куда же эта стадность ведет,—слушайте дальше Крапоткина: "Первобытный человек мог находить, что **очень хорошо,** т. е. полезно для племени, поедать своих престарелых родителей, когда они становятся бременем (в сущности, очень тяжелым) для общины. Он мог находить, что хорошо, т.е. опять таки полезно для общины, избивать новорожденных младенцев, оставляя только подвое или потрое на каждую семью"**).

Не проповедь ли это оправдания убийства во имя стада? Прочь стадо с его стадными инстинктами и законами!Как с эгоизмом, так и со стадностью анархист ничего общего не имеет. Поэтому идеалом анархизма является справедливость. Что она такое, в чем она состоит—это мы сейчас выясним. Для выяснения сути справедливости мы воспользуемся теми примерами, которые мы дали выше для выяснения морали эгоизма и любви. Припомните примеры эгоизма и любви. Это—шах, спартанцы, крепостники, торговцы живым товаром.. Монна Ванна, голод, пастор. Все эти примеры мы нарочно старались сгруппировать так, чтобы они были взяты из разных областей человеческой жизни. Во всех этих примерах вы видели взаимное пожирание людей друг другом.. Справедливость против этого протестует.

Она протестует как против личного произвола, так и против вышеперечисленных "преступлений толпы" (случай с Монной Ван-

*) "Черное Знамя", стр. 125, 6.
**) "Черное Знамя" 126, 127.

ной). Она—против нарушения чужих прав, против сваливания на чужие плечи тяжестей жизни. Против всякой эксплуатации, заключающейся в любви и эгоизме, и протестует справедливость. Она требует уважения личности другого, его труда, его счастья—и справедливый предпочитает лучше сам умереть, чем дозволить себе построить свое счастье на несчастии другого. Ни один анархист, как сторонник справедливости, не дозволит себе воспользоваться жизнью, трудом, счастьем другого, в какой бы это малой дозе ни было, как бы приятно и выгодно ему это ни было. В этом вся сила и мораль справедливости.

Ну, перейдем к примерам. Как поступил бы анархист в примере с шахом? Он разбил бы шахматную доску и повесил шаха. Такой игры анархист не может признать, ибо люди для него не пешки, а люди. С илотов же анархист снял бы оковы и вооружил их против их врагов. Сам же бить и "упражняться" на живых людях он не мог бы. Личность других для него священна. С крепостниками долго разговаривать нечего. Обратить своих ближних в вьючных скотов, работающих на него, анархист не может, но и сам себя не даст запрячь. Не эксплуатируй людей—вот его экономическая программа. Жизни Монны Ванны анархист ни за что не взял бы. В общей беде он погиб бы с нею.

Само собою разумеется, что анархист никогда не с'ел бы хлеба и жизни своего ребенка. Ни один анархист не согласиться с'есть доли другого. Давай ему, проси взять—он не возьмет, а скорее умрет. Таково было бы отношение анархистов во всех приведенных примерах. Оно резко отличалось бы от отношений господ и рабов. Приведу еще один пример справедливости, практикуемой у древних. Смотрите. В одной из индейских степей идет белый, как лунь, старик с томагауком в руке. Он идет убить себя. Зачем? Затем, что он не хочет сидеть на чужой спине, не хочет заедать чужую жизнь. Он сам в жизни боролся, никто ему ничем не обязан. Вы удивлены такому решению? Но старик знает, что он делает. Он знает, что счастье, веселье—дороги молодежи; так какое же он имеет право взвалить на них свое бренное тело? Смотрите...топор падает, и жизнь пресеклась. Вот живой акт справедливости.

Не так бы поступил сторонник любви. Он начал бы ломаться, убеждать себя, что и старость имеет "права на жизнь", права ехать на чужой спине, и кончил бы тем, что, крепко вцепившись за шею молодежи, держался бы за нее, пока не издох бы. Подлый труп! Подлое учение, которое тебя воодушевляет. Понятна ли теперь вам

разница между любовью, эгоизмом и справедливостью? Нет? Так слушайте. Эгоизм говорит—бери жизнь, счастье, труд другого. Любовь говорит—давай свою жизнь, труд, и счастье другому. Справедливость говорит—**не принимай** труда, счастья и жизни от другого.

Пойми это, дорогой читатель, и—будешь ли ты один или в стаде—ставь себе эту скрижаль. Отговаривай толпу, отговаривай индивидов от того, чтобы они расточали чужую жизнь и чтобы не жертвовали собой—ты равный человек. Какой поэтический образ можно дать справедливости? Если эгоизм—ворон, если любовь—пиявка, то справедливость—это **солнце**, приветливо греющее всех своих детей.

* * *

ГЛАВА IV.

Вопль рабов.

Что я слышу?.. Что это?.. Стоны... Вопль...

Откуда, из какой души они идут? О Боже! Это рабы плачут, что с них снимают цепи...

Слушайте, что вылетает из их сдавленной груди: "Настал конец нравственности.. Перед нами стало все мрачно и темно... Все наши идеалы рушились. Для чего нам теперь жить?.. Ведь у нас отнята цель жизни... Ведь любовь низвергнута... Для чего теперь нам жить? Для кого? Раньше мы жили для ближнего, для его блага, а теперь для чего же? Зачем теперь мы будем даром биться в этом мире?"

О, бедные рабы! Неужели у вас так иссякли чувства личности? Неужели вы не видите другого смысла жизни, кроме указки господина, кроме обязанности быть служанкой, сиделкой у него? Неужели вам так приятно возиться в его навозе? Поистине вы верблюды и рабы морали.

Посмотрите на детей, "одержимые!" Посмотрите на их быстрые и проворные ножки, посмотрите на их сияющия личики... и вы увидите, как в них кипит и бурлит жизнь. Для них жизнь прелестна, чудна своим обаянием, тем весельем, которым она полна, тем упоением, которое кружит, туманит голову.

В них (детях) бьет родник жизни. А вы? Вы не видите прелести жизни, вы обратились в сиделок, в хромоногих, в нравствен-

ные мумии...ходячую хандру и сплин...

А, между тем, насколько жизнь юноши должна быть богаче и содержательнее жизни ребенка. Перед юношей открыты целые миры неведомого, таинственного, влекущие к себе с сверхестественной силой... В жизни, а не в рабстве должен быть ваш идеал. Не уподобляйтесь рабам, плачущим по господам после своего освобождения.

Вы должны сбросить ваши цепи, перестать лизать руки ваших господ... перестать быть лекарями дряхлого, противного, отмирающего. Для человека есть более благородная почва — насаждение жизни. Ваши усилия должны стремиться сделать потомство с каждым поколением жизнерадостнее и жизнерадостнее*).

Ставьте себе эту цель — и с каждым поколением будет получаться все более и более могучий тип. Проникнувшись силой принципа "не вреди"—больные, калеки, ходячие трупы перестанут тянуть соки из жизни, и жизнь забьет ключем.

Наследственность станет передаваться от сильных к сильным: слабые будут пропадать, а сильные не будут расточать своих сил на поддержание вырождающейся жизни. Поймите, рабы и одержимые, это! Бросьте вашу печаль и сделайтесь борцами за дальнее, за лучшее, за полноту жизни...а разлагающимся и гниющим трупам, почти уже земле, позвольте соединиться с нею.

* * *

ГЛАВА V.

Почему анархисты — сторонники справедливости.

Почему анархисты не могут признавать ни любви, ни эгоизма, но должны быть сторонниками справедливости? Ясно, почему?

Мы, анархисты, признавая человеческую свободу, не можем признать эгоизма, ибо в эгоизме человек давит свободу другого, ставя свою волю выше всего. Мы, анархисты, признавая свободу, не можем признать любви, ибо в любви человек давит круг своей свободы, своей полноты жизни.

Только справедливость, никого не давя, никем не жертвуя, не стесняет свободы проявления индивидуальности каждого — она дает максимум свободных колебаний для индивида.

---

*) Конечно, не жертвуя собою.

ГЛАВА VI.

Религия.

Из истории культуры мы уже знаем, что религия зависит от способа производства в том отношении, что борьба с природою открывает нам все новые и новые тайны ее и тем самым изменяет наши понятия о божестве. Можно думать, что при анархии совершенно исчезнут религии, ибо уже теперь способы производства настолько развились, что для об'яснения всех жизненных явлений гипотеза о существовании Бога становится излишней.

Хотя говорить о религиозном устройстве будущего строя совершенно излишне, однако, принципиально разберем этот вопрос для скептиков, признающих вечность религии. Анархия и в религиозной сфере дает такую же свободу, как и во всех прочих. При решении религиозного вопроса нужно обратить внимание на два пункта:

1) На религиозную свободу. 2) на устройство культа.

Что касается религиозной свободы, то она неизбежно вытекает из идеи анархизма. Анархизм, проповедуя полную свободу, требует и религиозной свободы. Принуждать человека, обращать его насильно в ту или другую веру, запрещать каждому отправлять тот или другой культ — анархизм не дозволяет.

Благодаря этому, в анархизме свободно могут существовать различные религиозные секты.

Религиозная жизнь в анархии может быть богатою и разнообразною. В анархии могут найти убежище все веры и все религии; шаблона, указки оне не найдут. Свобода религии — наш идеал.

Теперь перейдем к вопросу о культе. Здесь, прежде всего, мы мы столкнемся с практическими вопросами: с вопросами, на кого должно падать содержание церквей, священника, клира и т. д.

В этом вопросе коммунисты и анархисты резко расходятся. Коммунисты требуют устройства церквей, содержания жрецов на общественный счет*). И они вполне логичны.

Выходя из идеи общества, его блага, выходя из идеи удовлетворения общественных потребностей, другого решения и дать нельзя. Действительно, во имя какого принципа неверующие откажутся от удовлетворения религиозных потребностей верующих, во имя какого

*) Кабэ. Щеглов, стр. 294.

принципа они взвалят бремя содержания жречества на плечи верующих?

Во имя того, что у них нет религиозных потребностей, во имя того, что они не нуждаются в духовенстве? Но на это верующие могут возразить: мы же отдаем свой труд на постройку театров, цирков, на сады, хотя ими и не пользуемся; почему же вы не хотите дать нам своего труда на постройку церквей?

Религия такая же общественная потребность, как и всякая другая — и она должна быть удовлетворена общественно. Сделавшись только анархистами, можно говорить, что религия мне не нужна — и я ее не буду культивировать. Словом, с коммунистической точки зрения, духовенство должно содержаться обществом — и все истинные коммунисты, не зараженные "тлетворным" духом анархизма, этого требуют.

Анархизм же, выходя из своих основных принципов, отрицает обобществление культа. Он и в религии стремится провести принцип обассоциирования. По ученью анархистов, забота о церквах и попах — дело тех лиц, кому они нужны. К удовлетворению религиозных потребностей должен быть применен принцип ассоциации.

Верующие соединяются в различные ассоциации и своим трудом доставляют все необходимое для культа и его служителей. Духовные ассоциации, составленныя верующими — вот наш идеал.

* * *

Часть II. Политический строй.

(ДЕМОКРАТИЯ ИЛИ АНАРХИЯ).

"Никаких подданных, а только члены ассоциации". (Прдуон).

"Властвовать? Навязывать мой тип другим? Отвратительно!" (Нитше).

"Всякий имеет право выйти из государства и образовать государство в государстве". (Фихте).

"Долой всякий деспотизм, будет ли то воля народа или каприз царя". (Вашеро).

* * *

ВВЕДЕНИЕ.

ГЛАВА I.

Круг политического ведения.

Политический строй охватывает совсем иной круг отношений, нежели экономический. Экономический строй заведует экономической жизнью страны. Он исследует производство, распределение и обмен. Его интересуют те отношения, которые создаются при производстве, те следствия, которыя вытекают из него...

Каков круг политических отношений, и резко ли разнится его сфера действия от сферы действия экономической жизни?

Ответим сначала на первый вопрос.

К ведению политического строя относятся:

1) Регулирование отношений с соседями, для чего существует министерство иностранных дел.

2) Решение конфликтов между народами — два министерства: военное и морское.

3) Наблюдение порядка в стране — министерство внутренних дел (полиция и жандармерия).

4) Забота о просвещении народа — министерство народного просвещения.

5) Отправление правосудия—министерство юстиции (суд и тюрьмы).

6) Сбор податей — министерство финансов.

Во всем этом люди нуждаются, и все это должно быть удовлетворено. Зная теперь круг отношений политической жизни страны, попробуем ответить на второй вопрос. Резко ли разнятся сферы политики и экономики?

Безусловно, резко.

* * *

ГЛАВА II.

Что такое свобода в политической сфере?

Свобода в политической сфере — это "не вреди". "Не вреди" — это краеугольный камень как политической, так экономической и всякой другой свободы. Что оно означает — это мы уже знаем из теоретической части нашей работы.

"Не вреди" — это не стесняй деятельности человека, которая не касается ни твоей физической*), ни моральной**) личности и не эксплуатирует твоего труда.

"Не вреди" — это и не дозволяй стеснять своей деятельности, если она не трогает ни моральной, ни физической личности другого и не эксплуатирует его труда.

Соблюдение этого правила ведет к **полной** политической свободе, к полной свободе самоопределения индивида в политических вопросах.

Все дела — военныя, судебныя, внутренния — должны быть решаемы **самим индивидом.** Каждый индивид должен сам сознательно обсудить каждый вопрос и постановить решение, т.-е. принять или отвергнуть его.

Никакая посторонняя сила не должна принуждать индивида поступать против его воли, эксплуатировать его энергию для достижения своих целей. Ни один индивид не должен жертвовать своими политическими убеждениями, ни один индивид не должен дать об'эксплуатировать себя ради осуществления целей другого. Полная свобода **мысли и критики**, полная свобода **самоопределения**, полная **свобода действия** в политических вопросах—вот истинная свобода.

Эта свобода, конечно, не имеет ничего общего с тем, что понимают сейчас под свободой, т.-е. под правом бросать билетик в

*) См. об'яснения в теорет. части, что такое физическая личность.

**) См. об'яснения в теорет. части, что такое моральная личность.

урну, чтобы после этого "ближние", продиктовав свою волю, запрягли тебя для осуществления своих целей.

Обладая добытым нами критерием свободы, приступим к анализу анархии и демократии.

* * *

Демократия.

"Легко сказать в общем, обязательном для всех постановлении: я подчиняюсь только собственной воле и, таким образом, сохраняю свою свободу. **На деле выходит иное.** В собрании возникают различныя мнения, образуются большинство и меньшинство. Если я остаюсь в меньшинстве, то **постановление составляется против моей воли, я по необходимости должен подчиниться чужой воле, и свобода моя исчезла**". (Чичерин. "Политич. мысли", стр. 37).

* * *

ГЛАВА I.

Может ли государство дать свободу?

Может ли дать государство свободу?

Нет, ибо государство — фикция, ибо верховная "власть народа" — выражение, лишенное смысла. Государство, демократия — призрак.

Вы изумлены, вы оглушены, читатель?! Вы недоумеваете, почему государство и одна из его форм, демократия, — фикция, ложь? Они потому — ложь и призрак, что государства нет, как реальности. Государства не существует — это абстракция, это отвлеченное понятие, это фантастическое существо.

Существуют индивиды — и только конкретные индивиды. Государство не живое существо, обладающее единою волею и жизнью, а лишь сумма индивидов, притом, сумма живых индивидов, одаренных разнообразными желаниями и стремлениями.

Это разнообразие воль, эта центробежность, неизбежная при

всяких способах производства*), обращают "верховную власть" **народа** в бессмыслицу.

Почему? Да потому, что решение может быть народным только тогда, когда все индивиды согласятся с ним; но этого не может быть, ибо индивиды, как мы видели, обладают разными взглядами, мыслями, стремлениями и через это распадаются на тысячи групп. А раз **решение** не будет единым, то часть мнений, желаний будет подавлена, смята...

Решение выйдет не решением всех, а только решением **части** индивидов, — части, при разных формах государства разной: при монархии — кучки, при аристократии — меньшинства нации, при демократии — большинства. Государственная машина попадет в руки некоторых, которые для прочих превратят "свободу" в египетския казни. Такую судьбу "свободы" предвидят многие проницательные писатели.

Приведу для примера **Струве:**

"Так как государства не существует, то на его место тотчас становится более или менее обширная группа **живых** существ, для которых очень удобно давать своим, подчас низменным, интересам высокую государственную санкцию**).

Да, это — истина. Во всяком государстве создается большинство и меньшинство, и у власти становится одно из слагаемых, которое всею своею тяжестью давит другое. Властное слагаемое и является государством, "принудительным органом", чем-то чуждым и посторонним мне, индивиду, чем-то тяготеющим над моею волею, имеющим надо мною какия-то права.

Это властное слагаемое является кандалами даже для индивидов из большинства, ибо каждого из них в одиночку оно легко может раздавить, раздробить между своими челюстями.

Для меньшинства же, — кто может ручаться, что мы не будем им? — для всего непокорного власть одного слагаемого — убийство, насилие и смерть. Оно не потерпит крамольников — и задушит, сметет все чистое и сильное. Как давит властное большинство несогласных с ним — это мы сейчас и рассмотрим.

---

*) Ибо не только способ производства создает различие характеров, взглядов, чувств, но и разнообразие занятий в одном способе производства; напр.: ученый, философ думают иначе, чем простой смертный. Смотри интересные по этому поводу рассуждения Каутского в его "Анти-Бернштейне".

**) Струве. Сборник; "В чем истин. национ.", стр. 532.

ГЛАВА II.

Гнет государства.

"Я считаю нечестивым и отвратительным то правило, что в деле управления большинство может делать все, что вздумается, и, однако, в воле большинства вижу источник всякой власти". (Токвиль).

* * *

Вообразите себя на минуту в каком-либо государственном учреждении, создающем законы, решающем разнообразные политические вопросы, напр., в совете министров или в самом демократическом учредительном собрании. Вообразите — и вы поймете все насилие, весь гнет государства.

Смотрите, — "в говорильнях" поднят вопрос о войне. Смотрите, с каким одушевлением говорят сторонники войны, какою ненавистью дышат их лица. Видите? Обратите теперь внимание на другую часть. Не кажется ли вам, что их лица бледны и подернуты невыразимой тоскою и грустью?

Они не хотят войны, за ними стоят десятки, сотни тысяч граждан, на воле, за стенами законодательных учреждений, и с трепетом ждут от всесильного большинства смертного или оправдательного приговора. Ждут потому, что они безправны, потому что они не имеют силы сказать своего властного вето — дела решаются не каждым по своему усмотрению, а другими, присвоившими себе право выражать их волю.

Нормально ли, справедливо ли, чтобы в таком важном вопросе, в вопросе жизни и смерти, противник должен отдавать свою жизнь за ненавистное дело, ярым врагом которого он является?

Но какое дело государству до страданий индивида? Оно — бездушный механизм. Если большинство демократии, если совет короля высказался за войну, то с моими убеждениями считаться не будут, меня насильно оторвут от семьи — и погонят на убой. По какому праву, на каком основании? Ответ один: по праву сильного, на основании силы.

"Война — экстраординарный случай", скажете вы: "а потому индивид и может поступиться собою, не особенно жертвуя своей свободой".

Не согласен с вами. Чтобы убедить вас в государственном гнете, возьму ординарный, заурядный пример из военного дела — солдатчину. Большинство — сторонники армии*), все равно в какой форме — в форме ли нынешней солдатчины или социал-демократической милиции — и я должен отбывать воинскую **повинность** (подлое слово!).

Но на основании какого права? На основонии чего я должен быть телохранителем, оруженосцем других, когда у меня нет никакого желания итти ни в милицию, ни в солдатчину? На основании все той же силы: "так приказало государство" или "так угодно большинству".

* * *

Войдем снова в парламент. В парламенте поднят вопрос об образовании — идут горячие прения о системе образования, о типах школ... Депутаты распадаются на несколько групп с несходными взглядами: одни хотят насадить реальное образование, другие стоят за классицизм, третьи — за школы смешанного типа и т. д.

Страна с жадностью следит за борьбою мнений представителей различных групп, ведь здесь решается судьба их детей. От принятия той или другой системы молодое поколение может превратиться или в стойких, честных работников, или в безвольных, с атрофированными способностями, манекенов.

Повторяю, народ с жадностью следит за состязаниями лидеров партий; заметьте, что он только следит, ибо решать не может: раз та или другая система образования принята большинством парламента, при референдуме большинством народа — индивид подчинится.

Меньшинство будет подавлено в вопросе об образовании — ему будет навязана система образования, которая ему ненавистна.

Но на каком основании, по какому праву?

* * *

Заглянем теперь в душные кулуары думы. На этот раз разбираются внутренние вопросы: вопросы о полиции, жандармерии и цензуре.

---

*) По нашему мнению, **милиция — это родной брат солдатчины.** В обоих случаях меня насильно забривают, в обоих случах меня отдают под начало капралам, в обоих случаях другие присвоивают себе право распоряжаться моею личностью, жизнью, трудом и временем.

Большинство, положим, оказались стронниками всех этих милых институтов. Тут нет ничего неправдоподобного, ибо при государстве, синониме стеснения свободы, подавления воли, всегда будут протестанты, всегда будут "внутренние враги".

Если даже и наступит социализм, то он тоже найдет своих внутренних врагов в анархистах, которые, не признавая ни одного социалистического закона, ни одного их начальника, ни одной из их попыток регламентации жизни, направят свою разрушительную энергию на парализацию правительственного механизма. Засвищут бомбы анархистов... польется кровь.. засверкают штыки социалистов, заиграют их выселицы...

Социалисты уже предчувствуют появление новых революционеров и уже заранее обрекают нас на расстрел*) в день своей победы.

Но не убить им анархии — она задавит их своею мощью.

К чорту новых тюремщиков — мы смерти не боимся!

Мы несколько отвлеклись в сторону — вернемся.

Большинство высказалось за учреждение полиции, жандармерии и цензуры. Могут ли оставшиеся в меньшинстве дать на это свое согласие? Дадут ли ему, внутреннему врагу, мятежнику, все аргусы большинства охрану и спокойствие? Нет и нет!

Голосовать ему за милицию, жандармов — это голосовать за свое тюремное заключение.

Надеяться на помощь полиции большинства—безумие.

На основании всех этих соображений, меньшинство будет протестовать против цензуры, полиции и жандармерии, будет требовать их уничтожения.

Предложению большинства оно противопоставит свое предложение: защиту и охрану каждого самим собою или добровольно составленными союзами. Оно будет всеми силами защищать свое предложение потому, что оно дает ему право носить оружие, право равной защиты с большинством.

Тогда вопрос — посмеет ли большинство проводить свои гнусные декреты, видя дымящиеся фитили бомб перед своим носом и чувствуя, что у него нет никаких прав подавить гордое меньшинство. Но решение одно — и большинство, как и все прочие тираны, проведет свои желания, чтобы успешно бороться с "крамолой".

Но на каком основании, по какому праву, большинство лишает

---

*) Смотри живую и полную интереса брошюру: "Непримиримый". Изд. "Истина". М. 1906.

меня права бороться и умереть с оружием в руках, отстаивая свои взгляды? По какому праву, на каком основании оно желает меня, безоружного, цепкими руками тюремщика отправить на эшафот?

Виселица и эшафот — это подлость государства.

О Волхов, Волхов, Великий, могучий Волхов, как ты привлекателен со своим правом самозащиты меньшинства!

* * *

Позволю себе завести вас еще раз в то место, где фабрикуются законы. Видите ли вы тех людей, которые сидят в мантиях палачей? Это судьи.

Что такое судья? — Это человек, присвоивший себе право судить меня, — человек, смотрящий на меня как на "судебное мясо".

Большинство! Ты хочешь меня судить, ты хочешь обратить меня в подследственного? Но ты, ведь, забываешь, что я уже не подданный — я свободный, равный тебе человек. Я никому не подсуден — у меня своя воля, свои права. Я не могу признать тебя своим судьею — я сам хочу разбирать свои дела. Что тебе надо? Разберем. Не хочешь?

Ты все еще претендуешь на роль судьи? Но пойми, что я не могу признать тебя судьею даже с формальной стороны, не говоря уже о праве. Каким праведным судьей ты хочешь быть для меня, когда я во всем с тобою расхожусь,—расхожусь с тобою даже в праве судить меня? Судьи твои—палачи по отношению ко мне.

Единственно, что общее у нас с тобою — это ратное поле, на котором, давай, и сойдемся с тобою, если не поладим. Но большинство думает иначе: оно лишает меня судебных прав и сажает на скамью подсудимых.

Двух решений нет, и индивид в государстве должен подчиниться решению палача-большинства.

* * *

Прежде чем окончательно расстаться с разными ратушами, кулуарами и "передними", взглянемте еще в рейхстаг, где идут прения по одному очень важному политическому вопросу: по финансовому.

Смотрите, как темные фигуры разных дельцов с воспаленными глазами дебатируют вопрос, насколько, как, и в какой степени можно ободрать индивида. Смотрите, как большинство стремится накинуть налоговое бремя на шею индивида, не сочувствующего ни

одному его проекту. Смотрите, смотрите — вон оно уже заарканило его.

С какой стати, на каком основании, посторонние люди могут залезать ко мне в карман? Где написано такое право, по которому министры или большинство народа могут посягать на мое имущество?

Я не сочувствую ни одной цели большинства: ни его системе образования, ни его военным планам, ни его внутренней деятельности... так зачем же я буду давать им налог?

Я не хочу дать ни гроша.

Но разве государство считает меня полноправным, разве оно дает мне самоопределение? Нет, государство или одна из его форм — демократия — смотрит на меня лишь как на денежный мешок, из которого его рука всегда может брать, сколько хочет.

Вот вам пресловутая свобода государства!

* * *

ГЛАВА III.

Из практики демократии.

От теории перейдем к практике.

Позволю себе иллюстрировать гнет государства фактами и наблюдениями писателей над практикой демократии. Смотрите внимательнее, и вы увидите, что насилие большинства проникает всюду.

1) Страною нагло правит большинство, а не индивиды.

Токвиль: "В Соединенных Штатах все более и более распространяется обычай, который, наконец, сделает безполезными гарантии, предоставляемые представительным правлением: очень часто случается, что избиратели при выборе депутата указывают ему план действий и возлагают на него известное число определенных обязательств, от которых он совершенно не может уклониться. **За исключением шума, это все равно, как если бы большинство само обсуждало дела на площади**"*).

2) В суде большинство делает бессильным правосудие.

Вы сомневаетесь, чтобы это было так—слушайте же Токвиля**):

"Во многих штатах он (закон) предоставляет назначение судебной власти **избранию большинства**".

---

*) Токвиль "Дем. в Амер.", стр. 201.

**) Токвиль "Дем. в Амер.", стр. 201.

3) Из образования большинство делает участок, так как силою старается навязать мне ненавистную культуру.

Приводить цитаты по этому пункту я считаю совершенно безполезным, так как всем известно, что большинство государств ввело "обязательное" обучение.

4) Мое воинское право большинство обратило в воинскую повинность.

Во всех государствах существует солдатчина, этот налог крови.

5) Свобода мысли обращается во флюгер, вертящийся по воле большинства.

"Вестник" Вольфа: Новая Зеландия запретила сочинения Зола. Как вам это нравится?

6) Свобода поведения, свобода симпатий иссякает в демократии. Все в ней должно совершаться по шаблону.

Слушайте Милля и Токвиля.

Милль: "Общественное мнение организуется в могучую полицию для преследования пороков" (т.-е., другими словами, всего индивидуального) *)

Токвиль: "... Но раз оно (большинство) высказалось безповоротно, всякий умолкает, и тогда как друзья, так и враги, повидимому, с общего согласия, запрягаются в его колесницу. Причина этого проста. Нет такого абсолютного монарха, который мог бы соединить в своих руках все силы общества и уничтожить всякое сопротивление, как это может сделать большинство, облеченное правом издавать законы и приводить их в исполнение. Оно вас не выдерет, и если вы будете требовать от него уважения, то тогда оно будет делать вид, что отказывает вам в нем. **Вы останетесь среди людей, но потеряете человеческия права. Когда вы приблизитесь к кому-либо из подобных себе, то они будут убегать от вас, как от существа нечистого; и даже те, кто верит вашей невинности, покинут вас** (подлое влияние стада), потому что иначе их также стали бы избегать ...**).

7) А вот послушайте теперь, как аргусы большинства держат себя в Америке; тогда, быть-может, вы поймете нашу ненависть против всего государственного.

Токвиль***): "Имея гарантию во мнении наибольшего числа и сильные его содействием, они (чиновники) решаются на такие ве-

*) Милль "Свобода", стр. 352.

**) Токвиль "Дем. в Америке", стр. 207.

***) Токвиль "Дем. в Америке", стр. 207.

щи, которым европеец, привыкший к произволу, все-таки удивляется". Всем известна ненависть к анархистам американской демократии, главным образом ее чиновничества, рвущего зубами народный пирог.

Смертная казнь им вписана у них в кодексе.

Как, хороша жизнь в демократии? Я думаю, что вы сделаете отрицательный кивок головою, ибо весь этот гнет, взятый вместе, делает для меньшинства жизнь невыносимой.

Полюбуйтесь на ту общую безотрадную картину положения меньшинства, которую рисует безподобный наблюдатель демократии Токвиль*):

"Когда человек или партия в Соединенных Штатах страдают от несправедливости, куда они могут обратиться? К общественному мнению? Но оно-то и образует большинство. К законод. собранию? Но оно представляет собою большинство и слепо ему повинуется. К исполнительной власти? Она назначается большинством и служит для него пассивным орудием. К военной силе? Но она есть не что иное, как то же большинство, **облеченное правом произносить приговоры**; даже судьи, и те в некоторых штатах выбираются большинством. Значит, как бы несправедлива и неразумна ни была направленная против вас мера, вы должны ей покориться".

* * *

ГЛАВА IV.

Общая критика государства.

"Суверенитет народа — это идея, что моя воля не может быть независимой от воли моих сограждан и должна склоняться под игом их воли; что мои вкусы, мои мысли, моя душа, моя личность должны приноравливаться к общим тенденциям, к общей душе моих сограждан". (Прудон).

* * *

Резюмируем недостатки государства. Демократия — власть толпы, а, следовательно, невежества и тьмы. Она не дает простора для гения, живет умом среднего человека. Демократия — это режим невыносимой нравственной низости.

Демократия — это скрытое право силы. Демократия — это рег-

*) Токвиль "Дем. в Америке", стр. 205.

ламентация людей по воле большинства. Демократия — это цезаризм. Демократия — это принесение меньшинства в жертву большинству.

Демократия — это обезличивание человека. Все демократы дышат и мечтают о том, чтобы отдать всего индивида, его душу, его тело в руки государства. Демократия не признает личности, ее прав, ее нравственных стремлений.

"Палач, по выражению Сен-Симона, единственный профессор морали, получивший диплом от власти". В нашем изложении мы всего больше нападали на демократию, но все эти рассуждения вполне относятся вообще к государству, к этому "холодному псу", ибо демократическое государство разнится от государства вообще только числом и одеждой. В деспотии все вершит один, в аристократии — кучка, в демократии — масса... Но разве оттого, что вершит один, два, сто... несогласный с этим решением не будет испытывать гнета?

Разве оттого, что меня будет душить человек, одетый в гусарские брюки и погоны, мне будет легче, чем если бы я попал в лапы демократа во фраке? Отличительной же чертой демократии является то, что она признает большинство своим господином, как собака хозяина. Что ни прикажет это многоголовое чудовище, индивид всегда говорит: "слушаю-с!" Вследствие своей подчиненности, демократ попадает в какое-то двусмысленное, если не сказать больше, положение.

Демократ является несовершеннолетним, детообразным существом: что папа скажет: хорошо — то хорошо; что плохо — то плохо. Папа — это большинство. Демократ безличен. Он дрожит перед большинством... Он даже не смеет высказать противного мнения, а то возьмут под надзор, как еретика. Для примера возьмем товарищеские суды среди ссыльных демократов.

Суд говорит: "не смей относиться к такому-то как к товарищу", — и демократишка дрожит, хотя и знает, что товарищ не виновен. У демократишки даже совесть атрофируется. Он живет не своею мыслью, а чужими отбросами. Демократ — это нравственный гермафродит, хамелеон, ибо признает в одно и то же время "и да и нет", а такая двуличность не есть ли нравственный гермафродитизм?

Говоря, что демократ — нравственный гермафродит, я, право, не шучу; на самом деле, как-то не знаешь, к какому полу в нравственности его отнести: 5 минут назад он относился к факту иначе, чем теперь — большинство изменилось, а через 5 минут большинство опять иначе скомандует.

Жизнь демократа — жизнь под указкой, под линейкой; вот почему демократизм нам так противен. В демократе — рабья душа, хотя он и много кричит. Раб только способен торговать своими убеждениями, своею совестью; только он способен против убеждения нести свои гроши на ненужныя, противныя ему цели; только он способен против совести лить свою и чужую кровь во имя своего бога; только он способен продаваться совсем своему господину.

В виду всего этого анархист ненавидит демократа. Да и в самом деле, какой свободный человек может мириться со всеми шаблонами большинства, с обезличиванием себя, с принижением и закабалением своей личности.

* * *

ГЛАВА V.

Социал - демократия.

Социал-демократия думает, что ее государство (демократия) будет иное, чем государство, как таковое; но это заблуждение. Всю свою аргументацию она строит на том основании, что в будущем не будет классов, а потому все будут согласны; но это утопия. Мы уже видели, что различия в обществе вызываются не только классовым строением, но и групповым. А раз так, то и в будущем не может быть, чтобы люди представляли слепки с одной и той же модели: в будущем социал-демократическом государстве будет то же разнообразие мнений, вкусов и желаний, что и во всяком государстве.

За будущее разногласие в социал-демократическом государстве ручается современная действительность. Вспомните грязную грызню эс'деков на последних с'ездах. А что будет в будущем, когда современные генералы партии получат соответствующую зубам силу? Итак, единомыслия в социал-демократическом государстве ждать нечего. С уничтожением классов останутся партии и группы. А раз останутся, то все люди не будут читать одних философов, не будут одобрять одни и те же учреждения, считать одно и то же хорошим. Отсюда разногласие, подавление несогласных большинством, и свобода социал-демократии — утопия!

А раз останутся, то все люди не будут согласны с тем, чтобы отдавать свой труд "слабым". Отсюда разногласие, подавление, и

свобода социал-демократии — утопия! А раз останутся, то все люди едва ли одобрят открытие новых отраслей производства. Отсюда разногласие, подавление, и свобода социал-демократии — утопия! А раз останутся, то не может быть согласия в величине и распределении бюджета между главными отраслями производства: столько-то на стол, столько-то на образование, столько-то на развлечения, столько-то на каждый сорт блюд и т. д. Отсюда разногласие и кабала, и свобода социал-демократии — утопия!

А раз останутся, то не будет согласия в величине и продолжительности рабочего дня. "Малопотребные" будут стремиться сократить его, "многопотребные" — увеличить. Отсюда разногласие и цепи несогласным, и свобода социал-демократии — ложь! А раз останутся, то не все склонятся и будут одобрять одну и ту же систему образования; образуется большинство и меньшинство, людские желания и стремления разобьются между разными типами, системами и методами... Отсюда свобода социал-демократии — утопия!

А раз останутся, то люди не согласятся следовать одному и тому же стилю при постройке зданий. Отсюда подавление, и свобода социал-демократии есть утопия! А раз останутся, то согласия не может быть в том, какого художника освободить от труда, чей гений развить... Отсюда разногласие и подавление, и свобода социал-демократии — утопия! Словом, благодаря тому, что в будущей социал-демократии будут чревоугодники, спортсмены, поклонники наук и искусств, моралисты и философы, — каждый будет стремиться тянуть в свою сторону, чтобы уделить на свое дело побольше... Отсюда всеобщая свара, и свобода социал-демократии—утопия!

Обладай каждый возможностью располагать своим трудом — все эти конфликты можно было бы уладить, но в социал-демократии всем будет располагать и распоряжаться большинство — и петля на шее индивидов все туже и туже будет затягиваться. От большинства будет зависеть, какия потребности удовлетворить, какие нет, какие здания в каком вкусе воздвигнуть, а какие нет.

Общая воля принесет и общее порабощение.

Не будь власти большинства — вся эта пестрота моментально разорвала бы в клочки все общественное тело. Там, где решение зависит не от заинтересованных лиц, а от воли всех, там есть господа и рабы, там есть недовольные, там нужна твердая власть, державная рука, чтобы не дать недовольству разлиться и удержать от гибели "общество". Повторяю, без власти моментально погибло бы "общее благо", да и власть не сохранит его. "Общее благо!"

— О, позорный призрак! Как будто есть благо помимо индивидов. "Общее благо" — это счастье одних, пот и кровь других.

Чем скорее "общее благо" погибнет, тем скорее все мы будем счастливы. Тогда уже не будет большинства и меньшинства, тогда все тело разорвется на самодовлеющие части... тогда мы вступим в анархию.

Приведу в заключение один парадокс — он здесь к месту. "Индивид должен всем жертвовать во имя общего блага. Общее благо практически есть благо большинства. Чем больше индивид будет жертвовать общему благу, тем лучше.

Отсюда — порабощение меньшинства есть высшее общественное благо. И чем больше будет это порабощение, тем больше будет благо". Найди логическую ошибку этого силлогизма — и быть-может, ты станешь анархистом.

* * *

Анархия.

"Свободный союз есть мое создание, и в качестве такового не есть нечто, стоящее выше меня, — я даю ему бытие. Между тем, общество есть соединение людей, сложившееся помимо моей воли, независимо от моих интересов. **Все мы являемся его вассалами** и подчинены ему уже с момента рождения. Будучи искони моим сувереном, общество старается до конца сохранить надо мною свою опеку".

(Штирнер).

* * *

ГЛАВА I.

Что такое анархия?

Мы знаем теперь, что демократия — зло. Мы знаем теперь также, в чем заключается это зло. Основное зло демократии, ее первородный грех состоит в **общем, единообразном** решении политических вопросов, откуда проистекает весь гнет, вся регламентация жизни индивидов. Единообразие шаблонирует и вяжет. А потому для искоренения зла, для насаждения свободы нужно лишь уничтожить "общую волю", "единообразие", и вопрос разрешиться сам

собою: вместо цепей, брани и раздоров воцарятся свобода и гармония.

Сомневаетесь? — Смотрите, я буду решать те же самые политические вопросы, что и демократия — и ничьей воли не подавлю. Будем рассматривать и решать вопросы в том порядке, в каком решали их разные государственники. Сначала, следовательно, мы начнем с военных вопросов — с вопроса о войне и армии.

Вы еще не забыли наверное, как государственники решили вопрос о войне: они решили его единообразно — и тем заставили меньшинство итти на смерть против воли. Мы же, исходя из идеи свободы, можем решить вопрос о войне только следующим образом: "Вам хочется воевать — воюйте! Для достижения своей цели несите налоги, сажайте себя на барабаны, забривайте себя, но нас трогать, нас обрекать на смерть вы не имеете права. Мы не хотим воевать и не пойдем". И такое решение вопроса о войне сразу разбивает насилие и гнет одной части индивидов над другой.

Решим вопрос и об армии.

Члены парламента, демократы, социалисты — постановили, как вы видели, чтобы все отбывали милиционную службу.

Анархисты же удивляются такому решению и спрашивают: разве мы вассалы, рабы, чтобы вы имели право наложить на нас "воинскую повинность?" Вам нравится милиция, вы таете перед капралами, — служите, пусть они вас муштруют, но мы в солдаты не пойдем ни по вашей воле, ни по своей. Сами на себя добровольно не наденем ярма дисциплины. Нам она противна, как ее родной брат — милиция. Обе оне насильственны.

Если нам будет нужна защита, мы составим добровольные боевые дружины и дадим лучший отпор, чем все ваши наемные убийцы.

К политическим вопросам относится, как мы знаем, не только военное дело, но и образование, внутренния дела, суд и налоги.

Рассмотрим, как мы их разрешаем.

Образование.

Мы не признаем, не можем признать ни за кем права навязывать нам ту или другую систему образования, и сами не имеем никакого желания навязывать ее другим. Отсюда допустимо только одно решение: пусть каждый индивид принимает ту или другую систему образования, какая ему нравится: не будем шаблонировать его воли.

Следствие — принудительное государственное образование должно исчезнуть. Те же, кому нужны школы, соединятся в группы, скомбинируют свой труд и построят школы, какие им нравятся.

Если среди нас появится несколько мнений, то сокрушаться нечего: мы разобьемся на группы и устроим школы по-своему

Внутренния дела.

Государство хочет против моей воли поставить **своих** охранителей там, где я живу. Я этого не хочу. Какое же право вы имеете навязывать мне их? Вы боитесь воров — содержите полицию и сторожей, вешайте друг друга, мы же сумеем защитить сами себя иначе, составив взаимный охранный союз. Поэтому, мы не хотим ни ваших полицейских, ни ваших жандармов и т. д.

Перейдем к финансовым вопросам.

Государство требует обложения всех налогами. Мы говорим, что это насилие, ибо никто не имеет права на мой труд, на мою силу. Налоги — остатки крепостничества, феодализма. Сообразно нашей идее мы уничтожаем принудительность сбора налогов и их "общность". Мы не можем собирать "общих налогов" (у коммунистов же налог в виде трудовой повинности берет все) на "общия дела", ибо знаем все эти "общия дела".

Составление бюджета у нас дело не большинства, а **каждого индивида.** Каждый индивид, соединяясь с другими лицами для своих целей, составляет с ними ассоциационные средства, нужные для осуществления поставленных себе целей.

Надеюсь, что вдумчивый читатель заметил уже руководящий принцип анархии. Зададим себе все-таки вопрос, в чем он состоит. Он состоит в **добровольном комбинировании воль** для достижения политических целей, **в политической ассоциации***).

А потому, на место государства и общества анархисты хотят поставить **политическую ассоциацию.**

Душою государства является **обобществление** воль, душою анархии — **обассоциирование их,** — в этом вся разница, но последствия ее удивительны. В то время как государство, благодаря "обобществлению воль", все сковывает, все принижает, все давит, парализует, на все накладывает печать подданства и рабства, — политическая ассоциация развязывает руки индивидам, дает небывалый простор для самодеятельности индивида в политической сфере.

При анархии каждый индивид **сам решает** все политические вопросы: итти ли ему на войну или нет; вступить ли ему в боевыя дружины или нет; завести ли ему ту или другую систему образо-

*) Слово ассоциация, союз, мы противополагаем обществу. Общество — это стадо, и в нем царствует его воля. Ассоциация, союз — добровольное соединение.

вания; охранять ли ему себя от врагов или нет; дать ли часть своих средств на то или другое дело или нет.

Если индивид решил итти на войну, он пойдет; нет — не пойдет. Если индивид решил вступить в боевые дружины — он вступит; нет — нет. Словом, все политические вопросы при анархии каждый решает сам за себя, и так как одне и те же цели преследуют многие, то для их осуществления образуются ассоциации: ассоциации военныя, боевыя, образовательныя, финансовыя...

Анархия, уничтожая права общества на мое тело и жизнь (уничтожение воин. повин.), на мою душу (образование), на мои мысли и стремления (цензуру), осуществляет полную свободу, уничтожает всякую власть, делает бессмысленным и ненужным принуждение. Скажу еще несколько слов, чтобы вы лучше поняли различие между анархизмом и государством.

В государстве индивид передает свои права, инициативу другим, а сам остается голым*), "ощипанным цыпленком;" в анархии индивид сохраняет все права. С передачей прав обществу, индивид обращается в добровольного раба: он уже не смеет самостоятельно решать вопросы, вступать или выступать из государства; он обязан быть подданным и повиноваться господину, быть рабом которого он дал согласие.

В анархии же индивид, оставаясь полноправным, живет: он свободно соединяется, примыкает, решает и действует. Не чувствуя на себя ярма, индивид является свободным человеком. Пойми, читатель, эту громадную разницу: демократ делегирует свои права обществу, анархист сохраняет их. Демократ, через делегацию, живет под указкой, регламентацией, — анархист сам является творцом своей политической жизни.

* * *

ГЛАВА II.

Сравнение анархии и демократии.

"Воля народа может быть волею деспота". (Прудон).

"Вы пристрастны в своей критике демократии. Вы стремитесь смешать ее с грязью, с низостью и пошлостью. Но демократия, хо-

*) Эту идею очень удачно проводит Руссо. Его мысли о передаче индивидом прав обществу — очень ценны.

тя и государство, однако от прочих государств отличается широтою свободы, которую она дает своим согражданам. Право, недобросовестно смешивать ее с монархией, которая, действительно, является режимом нагаек и казарм... Мы же, демократы, признаем свободу слова, союзов, неприкосновенность личности и т. д.".

Попробую ответить вам, — ваше обвинение тяжко.

В своей критике государства, демократии в частности, я не касался той сравнительной свободы, которую дают разные сорта государства. Но раз противник мне бросил вызов — принимаю его. Прежде всего отмечу небольшую ложь демократа. Демократ и естественныя права! — это что-то невероятное.

Об'ясню свое удивление.

Истинный демократ не может признавать никаких естественных прав, никаких принципов, стоящих над волею "народа!" Всякий закон должен выходить из воли народа.

Исходя из этой точки, демократы не признают никаких вечных конституций и естественных прав: они были бы ограничением народной воли. Если народ хочет, то сегодня он в праве создать одну конституцию, завтра — другую. Словом, демократия не признает никаких естественных прав.

Естественные права — дело либерализма. Но что это за права — одна куцохвостость! На эту критику вы мне ответите, что хотя мы, действительно, и не признаем естественных прав в своей программе, тем не менее народ мы интеллигентный, культурный — не монархисты, а потому всей душой сочувствуем **"естественным правам"**. Согласен с вами. Я против вашей культурности не спорил.

Но перейдем к делу, рассмотрим ту свободу, те "естественныя права", которые вы признаете. Насколько мне известно, демократы, демократы самые ярые, не идут далее списка естественных прав великой французской революции. Но что это за права?

Право свободы слова, право союзов, право стачек, право обсуждения народом всех политических вопросов... Вот главнейшие свободы.

Дают ли эти права свободу, полную свободу? Нет. Самое большее, что они дают — это **свободу мысли**, да и то не полную (вспомните Зеландию). Они дают индивиду право мыслить и говорить, право собираться и **ораторствовать, право подавать петиции,** право обсуждать дела... Но политической **свободы действия** не дают.

Смеет ли у вас, при демократии, индивид не пойти на войну, если большинство решит воевать? Нет, демократ может лишь кри-

тиковать войну и военные действия, находить их бессмысленными и безчеловечными, но, раз большинство выскажется за войну, он должен надевать шинель и ранец и добросовестно исполнять роль пушечного мяса.

Свобода ли это? Смеет ли демократ отказаться от милиции, если большинство решит собрать ее? Нет. Он может думать о милиции что угодно, но он должен бросить без куска хлеба жену и детей и итти маршировать под звуки барабана, проклиная свою судьбу.

Свобода ли это? Смеет ли демократ открыть школы иного типа, чем решило большинство? Нет. Он может критиковать правительственную систему, но должен обучать своих детей по воле большинства.

Свобода ли это? Смеет ли демократ не платить налога, когда в его дверь постучится сборщик податей? Нет. Какого бы мнения ни был демократ о налоге, но последнюю корову уведут с его двора.

Свобода ли это? Смеет ли индивид не признавать судей, назначенных большинством, судей с противоположными ему взглядами? Нет. Он может считать судей большинства палачами, но при первой повестке он обязан явиться в суд, чтобы сделаться судебным мясом.

Свобода ли это? Полная ли свобода это? Нет, нет и нет.

Демократия дает что угодно, но не полную свободу.

Мы с вами в начале этого политического очерка видели, что такое политическая свобода, — это право действовать, примыкать, осуществлять свои цели. Словом, политическая свобода — это свобода действия. Есть ли она в демократии? — Нет.

Она лишь признает **свободу мысли, свободу критики. Только их она дает.** Но политической свободы, свободы действия, демократия не дает.

Анархия же дает индивиду не только свободу мысли и критики, но и свободу действия, свободу воли, полное самоопределение...

Во всех выше приведенных примерах анархист мог бы не только критически отнестись, но и поступить, как ему заблагорассудилось.

Напр., если бы он считал войну злом — он не стал бы воевать: никто не в праве стеснять его политического самоопределения; анархист — сам господин своей воли. Помни эту великую разницу, читатель, между анархией и демократией и избегай социалистов, которые ухватились обеими руками за жалкие лохмотья естественных прав и не выпускают их. Требуй себе, индивид, пол-

ных прав, прав анархиста.

Чем является демократия по отношению к анархии? Что она по сравнению с ней? Недоносок.

Демократия стоит на полдороге к анархии, которая является ее логическим пределом. Действительно, где логика: признавать свободу союзов и не признавать боевых дружин и образовательных ассоциаций? Действительно, где логика: признавать религиозную свободу действия и не признавать военного самоопределения индивида? Действительно, где логика: признать за индивидом свободу критики и заставлять его совершать поступки, противные его совести? Нет, нет логики...

Но история заставит демократов быть логичнее... Уже многие признаки указывают, что демократия движется к своему пределу, снабжая индивида все большими и большими правами. Индивид уже кое-что отвоевал себе из свободы действия: свободу религиозного самоопределения, свободу образования в некоторых странах...

Иди, иди дальше, индивид!.. Завоюй себе все права.

Свобода — так свобода! Свобода полная, а не половинчатая.

* * *

"Вы не правы — вы изобразили демократию, как тиранию, на основании лишь существования большинства и меньшинства. А кто вам сказал, что мы, домократы — тираны? Мы люди, и меньшинству дадим разные привилегии, установим разные границы нашей власти, так что меньшинство и не будет задыхаться от нашей деспотии".

Мудрые слова я слышу от вас.

Вы хотите дать льготы меньшинству, вы хотите дать ему свободу?

Но в чем состоит свобода меньшинства? До какого предела вы облегчите его участь?

До права самоуправления? — Но тогда — вы анархисты.

Тогда бросьте открыто "свою власть", "свои подачки" — и признайте за индивидами право свободно комбинироваться.

До частичной свободы — но тогда меньшинство на вас плюнет.

Ему нужна свобода — а не **"черта оседлости"**.

Бойся, индивид, этого заигрывания демократии со льготами. Она, как все тираны, хочет тебя лишь обольстить. Она с своей властью ни за что не расстанется...

Помни, что "прогрессивные" социал-демократы составляют уже проскрипционные списки анархистов.

Виселица — вот естественное право, единственное естественное право, которое сулит индивиду демократия.

* * *

Отправимся далее в своем сравнении анархии и демократии. Демократия — бюрократия. Анархия — самоуправление.

Под бюрократическим типом организации мы понимаем такую организацию, в которой **индивид** не имеет своей воли в решении вопросов, касающихся его.

При бюрократическом режиме, обыкновенно за индивида решают другия лица; обыкновенно они, под тем или другим предлогом, в силу того или другого принципа, навязывают ему свою волю; вообще, при бюрократии все **диктуется свыше**, понимая это слово в самом широком смысле.

Отличительной чертой бюрократщины является принудительность: хочешь — не хочешь, а должен участвовать в том, что тебе приказывают, нести повинности, которых от тебя требуют.

Притязания, которые имеют другие на индивида, крайне разнообразны. Эти притязания получают форму законов.

Под самоуправляющейся организацией мы понимаем противоположный тип, — тип, при котором все исходит **от индивида**, при котором все, касающееся его, решается им самим.

При самоуправлающейся организации, индивид живет, дышит, соединяется, решает... Нет над его волей шаблона и указки.

Сообразно таким различиям и возникают два типа организаций:

1) Государство, синоним подавления воли другого и деспотизма.

2) Анархия, т.-е. политическая ассоциация, характеризующаяся отсутствием принудительной власти.

* * *

Демократия — мертвечина. Анархия — жизнь, движение.

Мертвенность демократии есть неизбежный результат существования правительства.

Раз есть правительство, зачем думать индивидам?

Мудрые чинуши все устроят, все урегулируют.

Да и думать-то не к чему: что решит правительство, то и будет.

Очень картинно такой упадок инициативы у народа рисует Крапоткин в "Речах бунтовщика".

Он очень живо описывает тот энтузиазм, которым дышали коммунары 71 года. Во время революции каждый волновался, каждый думал, каждый предлагал кое-что, но когда коммунары выбрали себе правительство, то жизнь как-то сразу замерла: машина всту-

пила в свои права.

Жизненность же анархии не требует доказательств; ее требует вся совокупность условий свободного строя: там, где нет правительства, там, где никто не будет печись о судьбе других — там необходимы инициатива, самоопределение, самодеятельность, и там жизнь забьет ключем.

* * *

Отметим еще одно важное отличие анархии от демократии.

Демократы признают, как принцип соединения людей, **волю большинства.** Анархисты — договор*).

Для обоих учений их выводы одинаково логичны.

Право большинства в демократии вытекает с неизбежной силой из их учения: раз они не признают никаких прав за индивидами, то права должны быть созданы народом; но так как народ не есть нечто однородное, то приходится заменить его большинством.

Анархизм же неизбежно требует договора, а не воли большинства, ибо воля большинства — постороняя воля, власть, а потому и тормоз свободы; договор же единственно допустимая форма, в которой ничья воля не насилуется.

Практическая разница между тем и другим соединением людей — громадна.

При общей воле индивид теряет право на добровольное соединение, самоопределение, теряет право на творчество своей политической жизни... Он сидит и ждет механизирования, назначения, командировки свыше — жизнь индивида все время течет по указам и циркулярам. В чиновников и бюрократов перешла воля индивида.

При договоре индивид живет политической жизнью. Самоопределяясь по разным вопросам, он примыкает то туда, то сюда, вступает и выступает... движется, говорит, осуществляет то, что хочет.

Широкая инициатива и личный почин — постоянные его спутники.

Рутина, шаблоны, плесень, гнойное болото — анархии не известны.

Правда, какая разительная разница?

Что состоятельнее, как принцип соединения, — договор или воля большинства? Я думаю, что здесь нет никакого сомнения.

---

*) Большинство прежних анархистов не могло дать картины анархического строя, так как они все время держались идеи договора. Но договор лишь принцип соединения людей. А как принцип, он может нести в себе и свободу и рабство. Если договор ведет к свободе, то он может вылиться только в форму ассоциации; если к рабству, то он облекается в другие формы, например в "государство" естественной школы Руссо.

Заканчивая свое сравнение между демократией и анархией, я не могу удержаться, чтобы не привести картинного места из Бастиа, рисующего еще одну сторону государства, в частности — демократии, нами еще не отмеченную — это паразитизм государства.

Слушайте, поистине, прекрасные слова Бастиа*): "Притеснитель не давит теперь притесняемого прямо собственными руками — наша совесть стала к этому слишком чувствительна. Тиран и его жертва еще существуют, но между ними поместился посредник — "государство", т.-е. сам закон: чем, спрашивается, лучше всего можно заглушить укоры совести, а что еще дороже — преодолеть сопротивление?

И вот все мы по тому или другому праву, под тем или другим предлогом обращаемся к "государству". Мы говорим ему: "я нахожу, что соотношение между моими радостями жизни и трудом не удовлетворяют меня; и я хотел бы для восстановления желаемого равновесия между ними попользоваться чем-нибудь от благ моего ближнего. Но это небезопасно для меня. Не можете ли вы мне дать хорошее место? Или побольше стеснить промышленность моих конкурентов? Или даром ссудить меня капиталами, которые вы отобрали у их владельцев? Или воспитать моих детей на казенный счет? Или выдать мне премию в виде поощрения? Или обезпечить меня, когда мне исполнится 50 лет? Тогда с спокойной совестью я достигну своей цели, потому что за меня будет действовать сам закон, а я буду пользоваться всеми выгодами хищения, ничем не рискуя и не возбуждая ничьего негодования".

Так как, с одной стороны, очевидно, что все мы (только не анархисты) обращаемся к "государству" с подобными требованиями, а, с другой стороны, доказано, что государство не может удовлетворять одних, не усилив тягостей других, то в ожидании иного определения государства я позволю себе привести здесь мое мнение, — почем, знать — быть-может, оно и удостоится премии? Вот оно: государство — это громадная фикция, посредством которой все стараются жить на счет всех.

Видите здесь паразитизм? Нет? Так слушайте: государство живет налогами, собираемыми с индивидов; часть этих налогов оно само прожирает, другую же часть отдает тем, кто не сеял и не жал. Оно лишь занимается вылавливанием денег из кармана одного, чтобы переложить их в карман другого.

Анархия же, уничтожая государство, в корень подрывает это воровство, этот паразитизм.

"Вы — нахальны! (Юпитер, сердишься, значит ты уже не

*) Бастиа, "Экономич. гармония".

прав). В чужом глазу видите сучек, а в своем бревна не замечаете. У вас, анархистов, свобода дутая, бумажная. Мы же даем, хотя и меньшую, но реальную свободу: мы народу обещаем "общее образование" на государственный счет, а вы с вашей свободой оставите народ в невежестве, ибо у него нет средств для самообразования; мы народу обещаем суд присяжных, а у вас разбойники, не сдерживаемые уздою, испепелят народ".

Ответим.

Дорогой! вы начали фальшивить.

Когда я критиковал вашу демократию, то я критиковал ее в идеале, а не в ее буржуазной оболочке. Вы же дали критику анархии в современном строе.

Ладно! Мы такой критики не боимся. Сравним же достоинства анархии с буржуазной демократией.

Вы говорите, что буржуазная демократия даст народу образование.

Утопия!

Народные деньги буржуазная демократия употребит не на народное образование, а на свои средние и высшие школы, как это мы наблюдаем теперь. Народу же из его трудовых грошей перепадут лишь крохи на образование.

Отсюда ясно, что буржуазная демократия на народные деньги даст не народу образование, а себе.

Вы говорите, что у нас разбойники перережут народ, а вы с своим судом гарантируете спокойствие стране.

Подлые речи!

Кого вы намереваетесь судить? Чье имущество охранять хотите?

Народ — гол; у народа брать нечего. Буржуазную, воровскую собственность хотите вы защищать? Кого же вы хотите посадить на скамью подсудимых? Богачей? Нет, богачи не воруют... Дети народа, выброшенные нуждой, кризисом и безработицей, подымаются на богачей... Им-то вы и готовите кандалы и судей...

Но им судей не нужно.

Пусть народ берет себе пищу, которую каждый день буржуа вырывает у него изо рта.

Устыдитесь, припомните здесь Томаса Мора, говорящего, что "законы созданы богачами для охраны своего имущества".

Признайте за бедняками право на жизнь!

Я слышу уже ваш грозный крик, что я проповедую грабеж.

Нет, я проповедую лишь право ограбленного индивида быть сытым.

Но не бойтесь!

При анархии вы больших ужасов не переживете.

Анархия политическая, уничтожив налоговое бремя, рекрутскую повинность, значительно подымает народное благосостояние.

Результатом его под'ема будет уменьшение воровства и грабежей — и страна получит большее спокойствие, чем с вашими судьями.

Результатом его под'ема будет то, что народ, не отдавая денег имущим классам, заведет себе настоящее, народное образование.

Вот сравнительные результаты буржуазной демократии и политической анархии в современном строе.

* * *

В будущем же мутуалистическом строе только анархизм и будет возможен.

Экономическая система анархизма даст каждому экономическую обезпеченность и самостоятельность.

Каждый, имея права располагать своим трудом, сумеет осуществить все свои желания.

Ассоциационное имущество не обезличивает анархистов, не связывает их воли, не лишает возможности действовать самостоятельно, достигая своих целей.

У вас же, коммунистов, как мы уже говорили, общее имущество будет тормозом, параличем для несогласных — большинство заведует общей машиной.

Словом, как общность имущества делает общей личность, обобществляет ее, лишает ее в идеологических сферах самоопределения, так обассоциирование производства делает личность свободной.

При анархической форме собственности получится полная свобода.

Вам, напр., нравится такой-то стиль храма, такая-то форма построек, этакий-то художник, а нам — такие-то, и мы ничем не связаны.

Каждый из нас, имея свои силы, имея средства и орудия труда, достигнет того, чего хочет.

Вам, далее, нравятся одни предметы, нам другие — так за чем же дело стало? У вас есть силы, руки — работайте. Мы же своим трудом достигнем желаемого.

На что нам власть? Она была бы нам помехой. И мы ни за что не дадим никакой власти никакому большинству продиктовать нам свою волю.

Анархия, соединенная с экономической самостоятельностью, даст полную свободу мысли, критики и действия.

* * *

ГЛАВА III.

Эс-эрство.

ВВЕДЕНИЕ.

Перейдем теперь к разбору идей левого крыла социалистов — социалистов-революционеров.

Все недостатки государства, в частности демократии, так ясны и так выпуклы, что не могли не возбудить стремления их уничтожить.

За эту проблему дружно взялись буржуазия и социалисты-революционеры — и рядом с анархическим решением проблемы выдвинулись буржуазно-социалистические ее решения.

Результатом потуг социалистически-буржуазной мысли явились пропорциональные выборы, референдум с инициативой и федеративное устройство государства.

Рассмотрим ценность этих новых кумиров, этих пластырей, которыми думают вытянуть гнойные нарывы государства, заразившего уже своим разложением воздух.

Начнем наше рассмотрение с пропорциональных выборов, затем перейдем к референдуму и закончим теорией федеративного устройства государства.

* * *

Что такое пропорциональные выборы?

Пропорциональные выборы — это выборы не по большинству, а по партиям.

Об'ясню.

При выборах по большинству страна разбивается на избирательные округа всевозможной величины.

Каждый округ должен поставить несколько кандидатов (одного или двух).

Жители округа разбиваются на партии, и каждая стремится провести своего кандидата.

Но — увы! — не всем это счастье суждено: в думу пойдут кандидаты наиболее сильной в округе партии, так как она обладает наибольшим числом голосов и забьет своих противников.

Имей противники хоть на один голос меньше, — и своего представителя они иметь не будут.

Не правда ли, какая гнусность?

Пропорционалисты этой гнусности хотят избежать.

Как, и какие средства для этого они употребляют?

Они уничтожают округа и требуют, чтобы граждане группировались по взглядам и партиям.

Когда подобная группировка произойдет, тогда величина каждой партии определится.

Величина наибольшей партии не даст ей, однако, права монополизировать правление, но каждая партия, сообразно своей численности, получит представителей.

Скажем, если в стране будет 1000 кадетов, 100 социал-демократов, 10 соц.-революционеров, то социал-демократы получат представителей в 10 раз больше, чем социал-революционеры, а кадеты в 10 раз больше социал-демократов.

Понятна ли вам суть этой теории?

Да.

Ну, теперь посмотрим, исцелят ли пропорциональные выборы зло демократии, т.-е. тиранию большинства?

Нет.

Все, что они могут сделать, это ослабить большинство или иначе его скомбинировать. При этом каждая партия получит пропорциональную силу — и только.

А большинство в **управлении** разве пропадет? — Нет.

В парламенте, в учредительном собрании остается прежняя система решения вопросов — большинством. И так как в парламенте сильная в стране партия будет иметь и подавляющее число представителей, то меньшинство в парламенте будет лишь смотреть, как на его глазах, смеясь ему в лицо, большинство будет проводить свои решения.

Действительно, пропорциональные выборы, уничтожая в выборной системе права и гнет большинства, признавая за индивидом право участвовать в делах, касающихся его, оставляют, однако, привилегии большинству **в решении** дел (что самое важное) — решение дел постановляется большинством.

К чему же сводится пресловутая свобода, даруемая пропорциональными выборами?

Она сводится к признанию за индивидами права **лишь обсуждать** все дела, касающиеся их, но не дает им права решать их.

Словом, пропорциональные выборы есть лишь конфета, которой буржуазия с социалистами думает успокоить пролетариат...

Нет, друзья! Пролетариат на этом не остановится, **он потребует и пропорционального решения в делах, чтобы изгнать деспотизм из решения**, как пропорциональные выборы изгнали его из выборов.

Но что такое пропорциональность в решении, при пропорцио-

нальности в выборах?

Да это и есть анархия — ибо пропорциональности в решении можно достигнуть лишь в политической ассоциации, в которую индивид свободно вступает и выступает, в которой индивид **сам обсуждает дела и решает.** Обсуждает потому, что он вступает в ассоциацию тогда, когда согласен с ее целью. Решает потому, что, примыкая к ней, он исполняет свою волю.

Итак, анархисты есть логические пропорционалисты.

* * *

Что такое референдум и инициатива, я думаю, каждому известно.

Инициатива — это право части граждан (обыкновенно тысяч 30,000) предлагать народу новые законы, составленные ими.

Референдум — это ответ народа на проекты инициаторов; я говорю потому "ответ", что законы, составленные меньшинством, поступают на народное решение, и народ или принимает их, или отвергает.

Эс-эры в смысле свободы возлагают большия надежды на инициативу и референдум.

Справедливы ли их ожидания?

Нет.

Почему?

Потому что референдум и инициатива есть **не право индивида,** а право массы, право большинства.

Вдумайтесь в референдум и инициативу, и вы увидите, что я прав.

При инициативе меньшинство смеет высказать, что оно хотело бы того-то и того-то; в референдуме толпа ответит: молчи и подчиняйся мне.

Словом, референдум — творчество толпы. Индивиду он ничего не дает.

Индивиду нужны не указки большинства в виде референдума, а свобода, своя собственная свобода; а такую свободу только дает анархия, позволяя индивиду без спроса устраивать свои дела.

Анархия есть учение индивида.

Опять обращусь к тебе, читатель: не верь в инициативу и референдум.

Инициатива социалистов-революционеров — поддельное золото, ловушка твоей свободы.

Инициатива социалистов-революционеров связана референдумом народа.

Если ты стремишься к инициативе и свободе, не ищи их в учении социал-революционеров.

Смело перешагни через их половинчатость — и вступи в царство свободы и анархии.

* * *

Перейдем к федеративному устройству государства.

Вред централизации давным-давно известен: это управление из одного центра и, через то, универсальное подавление воль, жестокий деспотизм. Над уничтожением этого вреда и сосредоточились все помыслы "брыкающихся" людей из буржуазии и социалистов — и в результате совместной, долгой работы была **сварганена** идея федерации.

Что это за идея?

Это — идея **автономности местностей.**

Каждая местность должна иметь свое самоуправление, решать свои дела.

Общие дела для всех местностей будут решаться с'ездом представителей от всех автономных местностей.

Каково значение этой теории? Дает ли она полную свободу для индивидов?

Нет — и вот почему.

Каждая местность, каждая национальность — не есть неделимое, живущее одною жизнью.

В каждой местности, в каждой национальности заключается масса разнообразно мыслящих, разно, думающих, к разному стремящихся индивидов.

А раз в местности такое разнообразие, а решение должно быть общим, единым, то разве может быть свобода у индивидов?

Нет.

Одна часть подавит другую, одна часть наденет на себя корону, превратит другую в подданных.

Истинным решением вопроса поэтому является не **федерация местностей, а ассоциация личностей,** а это и есть анархия.

Идея федерации перед анархией — жалкие лохмотья.

* * *

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Не говорил ли я вам, читатель, когда излагал экономическую сущность анархизма, что социалисты-революционеры — половинчатые люди?

Не поражены ли вы сейчас той странной позицией, которую они занимают и в политике?

Они поняли гнет демократии и ищут выхода.

Они отчалили уже от демократии, но боятся пристать к берегу анархии.

Пропорциональные выборы, инициатива, федерация — это ведь уже клочки прав индивида.

Пропорциональные выборы дают индивиду право обсуждать вопросы, инициатива — заявить о своих нуждах, федерация — частично их осуществить.

Зачем так мало?

Нужно смелее рвать цепи общества!

Но к ногам социалистов-революционеров привешены гири стадности — и они вперед не могут итти.

Выгоните же из себя "стадо" — и смело становитесь в наши ряды. Довольно быть половинчатыми людьми.

* * *

ГЛАВА IV.

Анархия и национальный вопрос.

Анархия замечательно разрешает и национальный вопрос, с которым ни социализм, ни национализм справиться не могут.

Социализм с своей политической формой демократии не может разрешить национального вопроса более или менее рационально, ибо демократия будит страх в нациях, обладающих меньшей численностью, — страх, как бы большинство одной нации не оседлало меньшинства другой.

Поэтому, интернационализм социалистов есть лишь пустой звук, ирония...

Действительность подтверждает это.

Вспомните, напр., на какое множество мелких групп распалась

российская соц.-демократия. Вспомните бунд, польския, грузинския партии...

При демократии всегда будет опасность тирании одной нации над другой, а потому всегда будут национальные стремления.

* * *

Не удачнее решают национальный вопрос и националисты.

Националисты стремятся разбить народы шаблонным путем, положив в деление искусственную, принудительную черту — однородность происхождения.

Еврей обязательно должен жить в еврейском государстве, русский — в русском...

Удачно ли такое решение национального вопроса?

Нет.

В национализме лежит кабала: если я — еврей, мне придется жить в теократическом государстве моих соплеменников, когда я, индивид, давным-давно освободился от всяких религиозных предрассудков.

В национализме и заключающемся в нем насилии — грех сионизма.

Анархия же дает и евреям ту свободу, какую они хотят; признавая же за ними равное право на землю, она делает безполезными для них поиски Сиона.

* * *

Только анархия дает истинное решение национального вопроса.

Своим правилом: группируйтесь по своим убеждениям, над вами не будет никакой власти другой нации — она дает самый широкий простор интернационализму.

Каждый, чувствуя, что никто его не угнетает, с удовольствием протянет дружески руки индивидам других национальностей, соединившись с ними в том, в чем они преследуют общие цели.

Анархизм, таким образом, не только уничтожает гнет демократии, но и гнет национальности.

Не все жители одной и той же страны обладают одними и теми же взглядами; в каждой национальности существуют глубокие различия, а потому национальное решение вопроса свяжет индивидов.

Анархизм же, давая свободу группировки индивидам каждой

национальности или между собою или с другими, рассекает путы национализма.

В анархии росс, финн, еврей, грузин, малоросс — не враги, а товарищи.

Словом, вывод один: анархия неизбежно ведет к интернационализму.

* * *

ГЛАВА V.

Анархия и право.

Демократия в своих недрах, кроме перечисленных недостатков, таит в себе еще одно ужасное противоречие.

Формулируем его словами Чичерина:

"**Демократическая** школа на выборное начало смотрит, как на право. А потому лишение гражданина права — несправедливость.

Консервативная — смотрит на выборное начало, как на обязанность, возлагаемую на гражданина во имя общественной пользы. Отсюда — исключение из выборов неспособных: основанием выборного права является способность, а не свобода.

Это различие воззрений происходит от того, что выборное начало имеет две стороны. **Как само правительство, оно является вместе и выражением свободы и органом власти**"*).

В этом вся трагедия демократии.

Признавая **право** на словах, на деле демократия смешивается с консерваторами, так что их трудно бывает различить

Демократия принуждена бывает в практической жизни игнорировать право и вводить элемент обязанности, **способности**, иначе она погибла бы.

В самом деле, задумайтесь над этими словами Фуллье:

"Во всяком политическом акте каждый решает с своей стороны судьбу целой нации. Неужели же он имеет право решать ее бессознательно? В странах с всеобщей подачей голосов результат голосования может быть смертельным приговором для многих тысяч людей; он заранее осуждает их на насильственную смерть на войне, если благоприятствует политике, способной вызвать столкнове-

*) "Народ. предст.", стр. 9, 10.

ние между нациями; осуждает их на голодную смерть или поддерживает в законодательстве несправедливости"...

Можно ли дать, принимая все это в соображение, участие в **правлении** несовершеннолетним и необразованным?

Нет, нельзя — и демократы, самые ярые, ограничивают участие народа в политических благах: все несовершеннолетние, т.-е. почти $^4/_5$ нации, лишаются политических прав.

Мор, коммунист, дает право участия в выборах лишь тем, кто "выдержал экзамен" в знании основных истин учения о государстве. Такой экзамен у него производится в присутствии трех лиц магистратуры и шести асессоров, назначенных по жребию.

Прибавьте к этим избирательным ограничениям еще ограничение в правах **быть выбранным** — напр., чтобы право быть выбранным давалось только тем, кто имеет 50 лет — и перед вами восстанет во всем своем величии **геронтократизм**, это отвратительнейшее из правлений, и от **права** участия в политической жизни ничего не остается.

* * *

Анархия, давая полную свободу личности, уничтожает философские противоречия демократии, — противоречия права, власти и обязанности.

Так как анархизм уничтожает власть, то он легко выходит из того противоречия, в котором бьется демократия — дать ли право участия в политике несовершеннолетним и необразованным.

Анархия говорит твердо и резко — дать.

Она говорит это потому, что дети и безумцы при анархии никому не могут причинить зла, кроме себя, ибо их политические ассоциации касаются только их. Они будут решать для себя, и последствия их решения падут на них.

Дети могут участвовать свободно в политике — и никто им не может этого запретить.

Анархия дает даже автономию детям.

Анархия, значит, стоит на праве и только на праве индивида, и не считается с способностями.

Такая стройность покупается ею только благодаря уничтожению власти.

* * *

ГЛАВА VI.

Устойчивость анархии. Скоротечность демократии.

Токвиль: "Демократия содержит в зародыше двоякого рода зло: анархию и рабство. Анархию, потому что все граждане равны, у каждого является сильная склонность тянуть в свою сторону, благодаря чему и "общественное тело" может внезапно рассыпаться на мелкие части. Рабство, потому что в душах демократических народов легко возникает представление "о великой нации", все граждане которой походят на один и тот же образец и руководятся единою властью".

* * *

Как проницателен Токвиль, если бы вы, читатель, знали!

Действительно, в демократии замечается два течения — свободы и кабалы.

Мы не согласны с Токвилем, что оба они — зло.

Нет, одно — зло, другое — добро.

Зло демократии — это стремление ее к кабале, единству.

Добро демократии — это живой протест, который рождает кабала.

Благодаря такому противоречию демократии, в ней идет постоянная борьба шаблона со свободой.

Когда тяжелая рука демократии налегает на индивидов, в них родится дух свободы... Закипает борьба, и дряхлое тело демократии падает... Победители создают новую демократию... и с нею повторяется та же история...

Этот факт неустойчивости демократии давно подмечен наблюдательными писателями.

И эта неустойчивость неизбежна.

Спокойствия, устойчивости не могут дать унитаризм и однообразие учреждений...

Другое дело — анархия.

Она, уничтожая зло демократии — кабалу, сохраняя ее добро — анархию, опираясь на реальные условия общественной солидарности, создает прочную, устойчивую базу для общества.

Индивиды анархического общества не разобьются на безконечное множество групп.

В анархии будет столько же естественных групп, сколько и во всяком государстве.

Но эти группы в анархии не придут в столкновения, так как оне не будут скованы между собою.

Ради мира, — скажем демократии, — пусть она не стремится удержать в своем лоне несогласных, пусть она не заковывает их в цепи, пусть она насильственно не связывает воль, стремящихся распасться, а даст всем индивидам свободную группировку, претворясь сама в анархию.

* * *

ГЛАВА VII.

Каков вывод из всего сказанного.

Вывод один, что только анархия дает верный выход из всех противоречий и зол демократии, которые ей не под силу разрешить.

Мы отлично понимаем все стремления социалистов, мы знаем, что они требуют государства не во имя стеснения личности, а, напротив, ради ее освобождения от ига эксплуататоров, но они глубоко заблюждаются, думая, что панацея от всех зол — это государство.

Благодаря своей некритичности, они хотят закабалить индивида с такою же искренностью, с какою инквизиторы отправляли своих жертв на костер.

Грех их в том, что они некритически относятся к слову "общество". Для них это что-то нераздельное, единое, что-то в роде Троицы, а между тем в нем таится разнообразие мыслей и чувств!

Коммунисты делают ту же ошибку, как когда-то буржуа, которые, для прикрытия своих интересов, любили употреблять слова: "общество", "общее благо", затемняя тем самым интересы других классов.

Прудон, а за ним Маркс вывели их на чистую воду, показав, что в "обществе" нет никаких "общих интересов". Этою истиною они подорвали все их сюсюканья.

Мы же, считая верным их замечание, принялись анализировать дальше, и нашли, что и в среде "общества", лишенного классов,

есть противоположности, а потому надо абстрактное понятие "общества" изгнать, заменив его индивидами, конкретными личностями.

Такой метод помог нам развязать все путы коммунизма и демократии и дать верное решение вопроса.

Да! Если мы хотим блага индивидов, а не абстрактного существа "общества", то мы должны признать "большинство и меньшинство", и не стараться примирить их интересы разными компромиссами — пропорциональностью, референдумом с инициативой и федерацией, а радикально изменить весь строй.

Если мы станем на эту точку зрения, то мы откинем решение вопросов с точки зрения общества, ибо общество есть тирания, общество всегда стоит над индивидом, давит его своею силою. Оно имеет какие-то особенныя права, независимые от моей воли, и может, опираясь на них, гнуть меня, распоряжаться мною без моего согласия и желания.

Между мною и обществом существует такая же разница, как между царем и подданным. Подданство нам противнее всего.

Так как общества нет, а есть лишь индивиды, то теория власти общества есть теория цезаризма одних индивидов над другими.

Анархисты становятся на эту точку зрения, а потому они хотят в корень уничтожить эту власть, хотят выпутать индивида из сетей государства. Они хотят дать индивиду всю полноту личности, сделать индивида независимым от общества, сделать его равным "обществу", т.-е. прочим членам, порвать всякую тень власти общества над индивидом.

Индивид равноценен другим индивидам. Другие индивиды не имеют над ним никакой власти, как и он над ними.

Между ними должно существовать не **подданство, а договор,** как между равными.

* * *

ГЛАВА VIII.

Резюме.

1) Государство — насильственная организация.

2) Государство, в частности демократия, — обобществление воль.

1) Анархия — добровольная политическая ассоциация.

2) Анархия —обассоциирование, свободное комбинирование воль.

3) Государство, в частности демократия, — отсутствие политической свободы, свободы мнения (демократия).	3) Анархия — политическая свобода: обсуждение и решение дел каждым.
4) Пропорциональные выборы, референдум, инициатива, федерация — куцая анархия и куцое государство.	
5) Воинская повинность: армия и милиция.	5) Воинское право: боевые добровольные дружины.
6) Налог, прогрессивный и подоходный (демократия).	6) Уничтожение налогов*).
7) Демократия —обязанность.	7) Анархия — право.
8) Демократия — национализм.	8) Анархия — интернационализм.
9) Демократия — скоротечность.	9) Анархия — устойчивость.
10) Демократия — бюрократия.	10) Анархия — самоуправление.
11) Демократия — мертвечина.	11) Анархия — жизнь.
12) Демократия — общая воля.	12) Анархия — договор.
13) Демократия — "черта оседлости" для меньшинства,	13) Анархия — свобода меньшинства.
14) Демократия является при современном строе худшим решением проблемы, чем анархия.	
15) В будущем только анархия может служить решением вопроса.	
16) Государство — власть.	
17) Государство — паразит.	Анархия — безвластие.

* * *

*) Паразит государства — вор.

Спенсер: "Мы обыкновенно не замечаем в налогах покушения на свободу, тем не менее, оно в них есть. Деньги, взятые в налоге. представляют известное количество затраченного труда: когда же у человека отбирают произведения этого труда, то ему приходится или обходиться без тех благ, которые были созданы его трудом, или затрачивать новый труд. Плательщики налогов несут государственную барщину, принудительность которой не уменьшается оттого, что, вместо своих личных услуг, они должны бывают отдавать равноценные суммы денег; и как барщина прежнего времени была лишением свободы, так им останется и эта новая замаскированная барщина. "Столько-то труда вы должны расходовать не на ваши личные дела, а на мои", говорит теперь правительство гражданам, и в той мере, в какой они выполняют его требование, они бывают его рабами".

ГЛАВА IX.

Возможна ли анархия?

а) Для анархии нужна необыкновенная инициатива.

"Не будем спорить о том, хороша или плоха анархия. Она, пожалуй, является идеалом. Но для осуществления ее люди должны быть страшно подвижны, обладать громадной инициативой, иначе идеал ее невыполним. А где среди нас такая инициатива?

Мы выросли среди опеки, под крылышком всемогущей власти, которая нас цивилизует, образует, кормит и поит"...

Так возражают против анархии демократы.

Верно ли их возражение?

Что для анархии нужна инициатива — это истина, но для анархии не нужно будет большей инициативы, чем для демократии.

Где возможна демократия, там возможна и анархия.

Чтобы осуществилась демократия, нужно, чтобы большинство поняло выгоды образования, цивилизации, вред налоговаго бремени...

И раз население в массе достигло такого уровня развития, то возможна и анархия.

Меньшинство, видя выгоды мероприятий большинства, быстро последует их примеру.

Народ, даже у нас в России, и то уже достиг должной инициативы, как показывают хлопоты крестьян о школах и врачебной помощи.

* * *

в) Люди — эгоисты, а потому анархия невозможна.

"Положим, что люди и будут обладать необходимой инициативой, но одной инициативы недостаточно для осуществления анархии; необходимо еще, чтобы люди были справедливы, а между тем люди представляют из себя "эгоистический сброд".

Это — истина. Эта истина доказана современной политической экономией. Наша наука учит, что человек эгоист, и тем самым обрекает на гибель всякие утопии, кладущие в свои основания иной принцип, чем эгоизм".

Ответим.

Люди, произносящие такую тираду, совершенно незнакомы с историей и ее законами.

История нас учит, что характеры людей не выкованы из стали, что они не неизменны, что в мире уже раз царила справедливость, что причина изменения характеров лежит вне индивида — во внешней среде...

История нас учит, что там, где царит экономическая самостоятельность, там люди честны, справедливы и не знают, что такое эгоизм, что такое погоня за копейкой.

А потому там ваши законы политической экономии не писаны.

Ваша политическая экономия — полуистина. Она построена на метафизической точке зрения, т.-е. выведена не из наблюдения над текущими хозяйственными эпохами, а над одной, современной нам, эпохой.

Истина же должна быть построена на диалектике, на развитии, как мы уже говорили в нашей исторической работе.

Что же вытекает из всего сказанного? А то, что эгоизм людей необязателен, что при известных условиях мыслим строй, который будет развивать чувства справедливости, будет зиждиться на этой добродетели.

* * *

c) В начале анархии люди будут эгоисты.

"Трудно ожидать, что на следующий день после победы все население усвоит **внезапно** иное мировоззрение, чем то, которое оно питало до тех пор".

Так Бернштейн нападает на анархистов.

Не торопитесь, г. Бернштейн!

Вы забываете, что теперь нам предстоит социально-революционный переворот... а при таком перевороте мораль куется раньше наступления нового строя, так что в новый строй мы вступим уже с подготовленной психологией, с психологией "справедливости", а не "эгоистическим сбродом".

* * *

d) Без вообще власти общество немыслимо.

Соловьев: "Между социалистическими (?) учениями есть и такое, которое прямо **отвергает требования общественного порядка** и воз-

водит анархию в принцип. Согласно этому принципу, все человеческое общество должно состоять из множества **мелких,** совершенно самостоятельных и самоуправляющихся хозяйственных общин.

Но если думают устранить этим необходимость политических начал, то это есть недоразумение. Во-первых, каждая отдельная община должна же быть **организована,** т.-е. должно же быть в ней разделение общественных занятий, а если разделение занятий, то и прав, то и власти. Затем, что касается возможных отношений между общинами, то здесь возможно одно из двух: или они **урегулированы** или нет. В первом случае закон предполагает **некоторую** власть, и, следовательно, общины не будут безусловно автономны, но составят хотя бы союзное государство.

Во втором случае может быть анархия: война всех против всех*).

Соловьев в своей критике смешивает **организацию** и **власть** и, кроме того, приписывает анархистам требование каких-то мелких общин, о чем они ничего не говорят.

Смешивать **власть** и **организацию** — недопустимо.

Организация и власть — не тождественные понятия.

Организация, как мы уже знаем, может выливаться в три формы, сообразно трем типам соединений людей: в властную, рабскую **и свободную или договорную.**

Мы, анархисты, признаем договорную организацию, а потому урегулирование отношений может обойтись без "некоторой власти". А раз может обойтись, то мыслимо общество свободное и автономное.

Что же касается мелких общин, то оне просто плод фантазии философа.

Мы требуем не мелких общин, а обассоциирования индивидов на **однородности потребностей,** целей, взглядов... А потому ни между индивидами одной ассоциации, ни между индивидами разных ассоциаций не может быть столкновений. У однородных — одинаковые цели. У разнородных — разные, но не сталкивающиеся.

* * *

е) Нужна ли властная рука.

"Ну, ладно!" — скажет читатель, "люди вступят в новый строй с новой психологией; допустим, что мыслимы общества без власти;

*) "Критика отвлеч. начал", 197 стр.

но как же, все-таки, можно обойтись без государства в конкретной жизни?

Положим, что мы все справедливы, но разве справедливости достаточно для правильного функционирования жизни?

Посмотрите: всюду интересы индивидов сталкиваются, **и если бы не власть,** то мы давно перерезали бы друг друга. То же будет без власти и у вас, так как ваши ассоциации произведут в жизни только хаос, безпорядок.

На этом основании я вас считаю все-таки утопистом. Без власти ничто немыслимо. Это бальзам для наших ран".

Да здравствуют цезари!

Ту же песнь поет и Чичерин*):

"Если человек, в силу прирожденной ему свободы, остается судьею решений общественной власти и может не повиноваться им, как скоро находит их несправедливыми или невыгодными для себя, то общественный порядок становится невозможным...

Правильное общежитие возможно только там, где лицо **отказывается** от естественной свободы, где оно перестает быть судьею своих прав и своих интересов и повинуется решениям общественной власти, хотя бы считало их для себя невыгодными или несправедливыми. **Это понял Руссо, который заменил учение о прирожденных правах человека теориею народовластия".**

Разберем сторонников власти и порядка.

Всесильна ли власть? Обладает ли она логической силой связать даже несвязываемое? Нужна ли она?

На вопрос, нужна ли власть для поддержания порядка, имеет ли она силу создавать порядок, ответ может дать только история.

Что же она нам говорит?

Она говорит, что власть — бессильна. Бессилие ее видно в переходные, переломные эпохи, когда народ, возмущенный порядками, стесняющими его свободу, порабощающими его душу, восставал и сбрасывал ненавистное иго.

Власть оказывалась бессильной каждый раз, когда сознание народа пробуждалось.

Что же это значит? Какой вывод можно отсюда сделать?

А только тот, что не власть, не тюрьма, не штыки держат в обществе порядок, **а правосознание народа.**

Когда в массе распространено известное миросозерцание, ею

*) Чичерин, "Народ. представит.", стр. 34, 35.

одобряемое, то никакой власти не нужно, и строй существует и движется планомерно.

Власть делается нужной, когда класс бросается на класс, когда правосознание народа изменяется.

Тогда происходит конфликт между классами: протестантов душит власть, — власть, ведь, не нейтральна, она принадлежит отживающему классу.

Однако, травля долго не может продолжаться; в конце концов, усилия слабеют, слабеют... и народ напором могучей груди стирает все выставленные препоны.

Власть гибнет, сыграв лишь незавидную роль тормозильщика всего честного и хорошего.

Итак, что же мы видим?

Мы видим, что там, где правосознание прочно, там власть не нужна; там же, где правосознание изменяется, она бессильна.

А потому, на что же власть нужна? — Ни на что.

Этого никак не могут понять социалисты, которые, хотя и говорят о добродетели, но в душе верят лишь в полицию, участок и нагайку.

* * *

В будущем, где правосознание будет прочно, власти нечего делать. Она только может вызвать сумятицу и резню, так как свободные индивиды не попустят посягательства на свое "я". Правосознание, как вы уже знаете, не падает с неба. Оно определяется способами производства. Раз способы производства устойчивы, не дают материала для создания классов (а наш таков), то правосознание делается прочнее и прочнее вследствие наследственной передачи. Наш строй будет развивать правосознание: "не вреди", которое все более и более будет крепчать, а потому власти нельзя будет подняться даже на роль тормозильщика. Я чувствую, что вы на половину убедились. Но чтобы сделать для вас картину еще более наглядной, позволю себе привести вам несколько примеров.

Возьмемте с вами группу лиц, желающих удовлетворять свои религиозные потребности. Я хочу, вы хотите, они хотят. Сходимся мы и на пасторе, которого нам хотелось бы слушать. Неужели вы думаете, что для того, чтобы удовлетворить эту потребность, нам нужна властная рука, которая взяла бы нас за шиворот и соединила вместе? Мы можем здесь обойтись совершенно без власти. Я вижу,

что вы хотите слушать пастора, я тоже—и вот мы без всякого цезаря соединимся, договоримся и будем слушать пастора. Словом, власть мы заменим договором. Тут тоже не будет хаоса, ибо договор, как власть и как подчинение—известный тип комбинирования своих сил. Силы можно комбинировать договором и силы можно комбинировать притаскиванием друг друга за шиворот, т. е. властью.

Не знаю, какой из этих двух способов соединения практичнее. Как мы обошлись без власти при удовлетворении своих религиозных потребностей, так мы сумеем обойтись без нее и при удовлетворении других потребностей. Если вы немного подумаете, то сами в этом убедитесь. Имейте в виду, что ассоциации наши будут основываться на принципе "не вреди", а потому ничьих интересов затрагивать не будут.

* * *

Для иллюстрации влияния режима свободы на отношения между людьми позволю себе привести пример из религиозной жизни Германии XVI столетия. Царство насилия в религиозной сфере постоянно вызывало кровопролитные войны. XVI век кишит религиозными революциями. Самая грубая власть бессильна была что-либо сделать. Кровь человеческая лилась потоками. Но вот издаются акты о веротерпимости—и резня сразу пропадает; никому теперь не приходит в голову бросаться и резать друг друга. Если мы уничтожим гнет и насилие власти во всех политических вопросах—крови больше мы не увидим.

* * *

На этом можно было бы кончить анализ анархии. Но найдутся, вероятно, такие "материалисты", которые верят только кулаку, по мнению которых: дай индивиду свободу, и он займется мордобитием, —и для них у нас есть реальная загвоздка. Анархисты—не рабы, не христиане. Сесть себе на шею они не позволят. И те молодцы, которые вздумают нарушать "не вреди", жестоко расплатятся. Современная борьба анархистов со всякой тиранией это наглядно показывает. И будущий анархическский строй будет иметь мужественных защитников в членах боевых дружин. Добровольно составленные боевые дружины—это самый лучший оплот народа против всякой тирании и государственных переворотов.

Всякий узурпатор встретит в ассоциациях мужественные груди. Все тираны боятся самодеятельности ассоциаций и стремятся все-

ми силами подавить их—в них они чуют свою смерть ... Наши ассоциации дадут нам лучшую защиту, поддержат анархический порядок стройнее, чем целые легионы подкупленных жандармов и полицейских. Вам нужны исторические примеры силы ассоциаций? Вспомните швейцарцев, давших мужественный отпор австрийцам. А кем Россия спасена от поляков и от Наполеона? Не добровольными ли дружинами?

* * *

"Так-то так", скажете вы, "пожалуй, без власти, которая бы тащила туда, куда не хочется итти, и не пускала бы, куда хочется, обойтись можно, но вот без судебной власти—никак. Подумайте сами над этим. Я могу себе еще представить, что свои экономические, религиозные и политические дела мы сумеем решить сами без власти. Но, ведь, в обществе будут воры, преступники ... Как с ними быть? Я согласен с вами, что отнять у власти—будь то цезарь или гидра—право распоряжаться нашей кровью (т. е. право об'явления войны без меня), отнять право собирать налоги на то, что эта власть захочет с ними сделать, отнять право навязывать нам образование и т. д.—прямо-таки необходимо; но я не могу представить себе, как можно обойтись без судебной власти; по моему мнению, воры перевешают нас всех тогда в несколько ночей." Попробую и на это вам ответить. Задумывались ли вы, дорогой читатель, над тем, отчего бывают преступления? Я думаю, что да.

Если да, то вы, конечно, знаете, что преступления, особенно убийство—новое явление, что преступления не всегда были. Если да, то от чего же они происходят? Они происходят от разорения, нужды, голода, которые являются результатом индивидуальной борьбы за существование и эксплуатации одних другими. Если эти причины уничтожаются, то уничтожается и их следствие—воровство. А будущий анархизм в корень подрывает бедность. Он дает каждому орудие труда, дает каждому возможность легко зарабатывать— и никто воровать не станет. Охотничьему периоду, по своим отношениям представляющему слабый прототип будущего, почти неизвестны преступления. В доказательство этого сошлюсь опять на свою работу, где приведено наблюдение священника Вениаминова над алеутами. По словам Вениаминова, в течение 40 лет, которые он прожил на Аляске, не было ни одного преступления.

Итак, в будущем, отправителям на эшафот, т. е. судьям, не будет работы—и им придется покинуть свое гнусное ремесло. "Но

все-таки", скажете вы мне, "в будущем могут быть мелкие ссоры, которые потребуют если не судей, то хоть мировых посредников." Мелкие ссоры, конечно, могут быть; но при чем тут "посредники"? Вмешиваться в нашу ссору, давать копаться в грязи праздным любителям—мы не можем позволить. Свои дела мы сами будем ведать. В своих делах мы сами будем судьями, сохраним за собою всю судебную власть. Если мы с кем поссоримся, то сами сумеем и разобрать свою ссору. Разобрать мы ее можем посредством переговоров с противником, как это бывает при дуэлях. Такую форму суда мы уже и теперь встречаем среди товарищей. Мы стоим за то, чтобы индивид вырвал из когтей общества свою судебную власть, как он вырвал уже политическую свободу, политическое самоопределение. И когда индивид получит всю полноту судебной власти, тогда воровство и мошенничество станут невозможны. Судебные ассоциации индивидов подавят все.

* * *

ж) Разница между ограничением воли человека природою и волею большинства.

"Политическая анархия не дает свободы, а потому она невозможна", — приходится иногда слышать от некоторых оппонентов.

Доказательства просты. "Может ли человек при анархии летать по воздуху?" — Нет. "Может ли человек завести фабрику для изготовления спирта, если никто другой не хочет пить вина, кроме него"? — Нет. "Нет? Ну, значит, в анархии нет свободы". Разсмотрим эту логическую цепь мыслей.

В этом разсуждении смешивается общественная свобода с гнетом природы. Под свободой мы должны разуметь, как уже мы неоднократно говорили, право делать все, что не вредит другим. Стеснением свободы мы называем такое действие человека, которое **запрещает** нам осуществлять нашу волю в пределах "не вреди". Помня это, обратим наше внимание на примеры.

Запрещает ли вам индивид летать по воздуху? —Нет. —Кто же вам запрещает? —Природа. —Мешает ли вам строить винный завод индивид или ваша собственная ограниченность сил? —Ограниченность сил. Ну, значит, вы свободны, ибо индивиды не стесняют вашей деятельности. Вашу деятельность стесняет природа, вы сами но не наш строй. Мы хотим освободить вас от общественного гнета,

а не от природного. Уничтожить гнет природы никто не в силах.

На смешении гнета природы и гнета общества и основаны обвинения анархизма в деспотии меньшинства. Когда большинство не может обойтись без меньшинства для осуществления своих целей, виновато не меньшинство, а ограниченность сил самого большинства. Меньшинство дает полную свободу большинству делать то, что оно хочет.

* * *

ГЛАВА XI.

Утопия ли анархизм?

Анархистам часто бросают этот упрек. Позволим себе остановиться на нем лишь в кратких словах, так как всего сказанного ранее достаточно для опровержения этого вздора.

Вы говорите, что анархия — утопия. Но покажется ли она вам утопией, когда вас насильно забреют в солдаты, погонят на поля смерти, а анархия с веткой мира в руке освободит вас? Но покажется ли она вам утопией, когда ваших детей запрут в государственные клоаки для вымуштрования, а анархия с свободой на устах позволит им обучаться по-своему? Но покажется ли она вам утопией, когда сборщик податей сдерет с вас последнюю шкуру, а анархия с суровым лицом прогонит его от ваших дверей? Покажется ли вам тогда анархия утопией...

Нет... Она тогда зажжет в вашей груди пламя любви к себе и жгучую ненависть к насильникам — и вы станете анархистом.

Да, дорогой читатель! Великая заслуга анархии состоит в том, что она гармонирует с человеческими интересами... Ее не надо искусственно прививать, как, напр., любовь к ближним... В ней нет духа самоотречения — и в этом ея величие и сила.

* * *

Часть II. ГРАЖДАНСКИЙ СТРОЙ.

Нитше: "Пусть, кто хочет, убивает, обижает и обдирает людей: не поднимайте против него даже мизинца! Разбейте, разбейте, о братья мои, эти старые скрижали".

* * *

Моисей: "Око за око, зуб за зуб".

* * *

Нитше: "Ненавистен и отвратителен тот, кто никогда не хочет защищаться, кто молча проглатывает ядовитую слюну и злобные взгляды, слишком терпеливый, все выносящий, всему покоряющийся, — ибо это есть рабья порода".

* * *

Локк: "Если мне делают зло, и если против меня употребляют насилие, то я имею право защищать свою свободу при помощи наказания, налагаемого мною на нападающаго".

* * *

ОБЩИЯ ЗАМЕЧАНИЯ.

Гражданский строй всего ближе касается индивида; на гражданский строй и его выразителей — судью и полицейского — современные люди всего более возлагают надежды.

Разсмотрим наше отношение к различным формам проявления гражданской жизни. Какого из трех возможных отношений — как и во всех отношениях, так и в гражданской жизни, люди могут вступать только в три типа отношений — мы должны держаться в гражданской сфере: принципа ли **непротивления**, **насилия** или непосягательства на другого. Насилия над "ты" мы признать не можем. На это способен только нитшеанец, считающий личность ближняго нулем и проповедующий нападение на нее и полное неуважение к ней.

Коммунист, толстовец увлекаются противоположною точкою зрения — **неприкосновенностью** "ты". С точки зрения непротивления, ближний может плевать на "я", а оно должно, как собака, лизать его руки. О, любовь! Куда ты только не заведешь человека, в какую грязь не окунешь его! Посмотри, во что она обратила "я" в теории непротивления злу насилием — в предмет издевательства для "ты". Она стерла личность из ранга человека. Неприкосновенность к ней не относится. Щеки "я" сотворены как будто специально для пощечин "ты", а его спина — для палок. О, гнусная любовь!

Дорогая справедливость! Гони, гони ее скорее. Подними из

грязи "я". Дай ему палку в руки — и пусть оно прогонит хулителя и унизителя человеческой личности. Помраченный идеею любви, зачислив себя в ряды животных, человек не думает ни о сопротивлении, ни о нападении. Режь на его глазах ребенка — он и то не посмеет устранить "ты". Недаром древние резали мерзкую секту христиан, а Марк Аврелий, справедливейший из людей, ненавидел их всего более. Да и как могут быть не ненавистны такия слова: "Боже Боже, прости им, не ведают бо, что творят"... "Люби своих преследователей"... "Раб да повинуется господину"... Мы же стоим как раз в разрезе этих двух теорий. Мы стоим за права "я". Мы защищаем "я" до смерти от всякого посягательства на него "ты".

Всякое насилие бьем, поражаем и гнем, но личность ненасильников для нас священна. Вот наша позиция. Поэтому мы вполне одобряем слова Спенсера, говорящего: "С нравственной точки зрения, верен не принцип непротивления, а принцип **непосягательства**... Мы не должны пренебрегать своими правами... Мы не должны жертвовать нашими природными правами ради сохранения мира... Мы не должны бездействовать, подвергаясь посягательствам".

* *
*

а) Суд.

"Воровство виселицей и тюрьмой не искоренишь. Нужно изменить условия, и они пропадут". *)

* *
*

"К стыду нашего разума, богатые определили смертную казнь за воровство, потому что они могут быть обкрадываемы". **)

* *
*

Широта, об'ем судебной деятельности вполне зависят от способа производства. Там, где строй родит бедняков, париев, там тюрьмы и эшафоты всегда будут исправно получать свою пищу, ибо царь-голод будет гнать массы на преступления; царь-голод, лишая людей образования, будет родить тупость, невежество и грубость, необходимых спутников всякой мерзости... Там же, где все будут все иметь, там преступления будут неизвестны. Я уже приводил наблюдения священника Вениаминова над жителями Аляски: они — охот-

---

*) "Мор., Вечн. утоп.", 45, 46 стр.
**) Мабли.

ники, и там всякий может существовать своим трудом. Среди этих жителей в течение 40 лет не было ни одного убийства и воровства. Откройте любую книгу о первобытных народах — и всюду вы услышите об их необыкновенной честности.

Почему так? Да потому, что там условия жизни не толкают на преступления. На основании всего этого мы утверждаем, что в будущем не будет преступлений, а судьям и полиции придется умереть с голоду от безработицы.

* * *

"Ваши воззрения оригинальны", перебьет меня здесь читатель: "с вами можно согласиться, что главные виды преступлений, как воровство и убийство, весьма вероятно, исчезнут, но мелкие — ссоры, обиды, неудовольствия — останутся... Как с ними в анархизме будут бороться?"

Попробую ответить на этот вопрос, хотя уверен, что люди будущего далеко не будут походить на судачащих старух, а потому едва ли возникнут даже мелкие ссоры. Но, чтобы успокоить вас и вашу совесть, я скажу вам о той форме суда, которую может допустить анархизм, не противореча своим принципам. Сообразно трем типам отношений может быть и три частных формы суда: 1) суд феодальный, 2) суд присяжных, 3) суд дуэльный.

Человек, придерживающийся принципа: "я — все", считает себя **единственным судьею**, прирожденным отправителем на эшафот...

Все подсудно ему: подрался ли кто — пожалуйте на скамью подсудимых; оскорбил кто кого — садитесь на нее же. Такой "судья человеков" за другими судебных прав не признает, на других людей он смотрит просто: они — судебное мясо, и никакими другими правами, кроме сидения на скамье подсудимых, не обладают. В жизни такой суд мы наблюдаем в форме феодального суда.

Это не суд, а проформа суда. В нем не может быть и речи о справедливости, ибо судья назначается свыше и, из боязни лишиться места, он пляшет под дудку правительства, являясь лишь слепым орудием, игрушкой в его руках. Феодальный суд — это олицетворение произвола. Феодальный судья — продажная тварь!

Итак, отличительная черта суда первого типа состоит в том, что один индивид присвоивает себе судебные функции другого, признает себя единственным судьею; все перед этим судьею являются лишь подсудимыми.

На противоположном полюсе в судебном вопросе стоят сторон-

ники — "я — ничто". Они растеряны... слабы... им суд не по плечу. Они не могут быть судьями... Они могут быть лишь судебным мясом... Они лишь могут кричать: "распни, распни меня, ты! О, великое ты!" Хилыя, вырождающияся натуры! Практически, такое самоотречение от своих судебных прав в пользу других выражается в суде присяжных. Суд присяжных — это самоотречение от себя, это уступка своих прав толпе. Суд присяжных не может быть правомерным судом. Дело в том, что присяжные выбираются из населения, и так как народ не есть нечто однородное, а есть большинство и меньшинство; то для меньшинства ничто не гарантирует беспристрастия большинства.

Не можем мы признать и другого создания толпы — я говорю о **несменяемых судьях.** Такие судьи, кроме того, что выбраны известною группою населения и носят ея следы, легко могут, благодаря своей несменяемости, самодурствовать... И тот и другой суд человеку свободы — противны. Свободный человек не хочет захватывать судебных прав других, но он и свои никому не уступит. Каждый должен пользоваться как политическими, экономическими, так и **судебными** правами. Никто не должен отдавать другому права решать за себя свои судебныя дела и столкновения. В них каждый является единственным судьею. Во всех делах, трогающих меня, я сам имею право разбирать их, обсуждать и постановлять решения.

Словом, третьему типу отношений соответствует дуэльный или **личный суд.** В какие формы он может вылиться? Мне кажется, что единственная форма, в которую может вылиться личный суд — это дуэль *). Оскорбленный выбирает товарища, если сам не желает переговариваться, посылает его к противнику с известными требованиями, с известными вопросами... Противник дает таким же образом ответ. Если причина выясняется, то дело кончается об'яснением недоразумения, извинением, удовлетворением, чем, скорее всего, и будут кончаться дела в будущем.

"А если не состоится соглашения, тогда как быть?" Тогда обиженный приведет свой приговор в исполнение. Наказание он может наложить разного рода: предать гласности поступок, публично оскорбить и т. д. "А если я слаб, если у меня нет сил отомстить за обиду, как тогда мне быть?" На этот случай в будущем могут образовать-

*) Анархисты-коммунисты допускают глубокую ошибку, думая что личный суд совместим с третейской формой. Третейский суд — это отказ от своей судебной деятельности, передача ея другим. Третейский суд — замаскированный суд присяжных. При третейском суде индивид—добровольный раб в судебной области.

ся судебныя ассоциации, вступая в которые, каждый обязуется помогать друг другу приводить приговор в исполнение, — конечно, если он найдет поступок своего товарища правым. Да и "браунинг", в крайнем случае, всех людей уравнивает.

Кровопролития такой суд не может вызвать, как это показывают исторические примеры. Напр., суды индейцев исключительно личные, а, между тем, там дело до крови доходит лишь в крайнем случае, когда все попытки покончить миром — тщетны. Но в таких случаях крови никто избежать не может — и она должна литься.

Такова третья форма суда, и она — истина. Да, — если мы не хотим создать себе палачей и тюремщиков, то мы не должны никому отдать правосудия, а оставить его за собою. Долой прощение и глотание обид — да здравствует святой акт мести!

* * *

"Суд ли это? Не кулачное ли это право? — раздраженно воскликнет коммунист: "Ведь вы проповедуете самоуправство, произвол личности. У вас каждый может зарезать другого, если он ему не понравится... Сила, сила, грубая сила лежит в основе вашего учения. Судьею должно быть общество — тогда вся гнусность насилия исчезнет".

Попробуем ответить. В своем возражении коммунист обвиняет нас в том, что мы сторонники силы, а не права. Верно ли это?

Нет, мы все время говорили о праве, только о праве. Мы решали вопрос, кто должен быть судьею в своих делах — сам ли индивид или другие люди, и нашли, что индивид должен быть судьею.

Что же касается силы, то всякое судебное решение проводится силою. Силою проводит свои постановления и суд присяжных. Однако, через это вы не считаете его насильственным; логика требует такого же отношения и к нашей форме суда. Говорить можно не о том, что приговоры приводятся в исполнение силою, а о том, имеет ли право личность быть судьею, не будет ли этот суд пристрастным и т. д. О том, что право требует, чтобы судебныя права оставались за личностью, в этом нельзя сомневаться. Что же касается того, что личность будет несправедливым судьею, то правильность этого взгляда мы сейчас разберем.

По моему мнению, подобное недоверие к личности, вера в ея злостныя наклонности основывается на незнании истории. Нам кажется дикой отдача судебных функций индивида в руки других людей лишь потому, что мы стоим на ложной точке зрения, говорящей,

что, дай индивиду свободу — и он обязательно перекусит горло ближнему. Но ведь история подобной точки зрения не оправдывает, уча, наоборот, что наши наклонности, наше отношение к ближнему определяется средою.

В одне эпохи, сдерживай — не сдерживай индивидов, они все равно подерутся; в эти эпохи и все общество таково же. В другия эпохи мы наблюдаем обратныя явления. Этой исторической справки, я думаю, вполне будет достаточно для уразумения той истины, что индивид, как и общество, проникается правовыми взглядами в зависимости от среды. Раз среда в обществе рождает уважение к личности другого, то и отдельные индивиды будут относиться к ней так же. В будущем же нашем строе будет царствовать атмосфера свободы, справедливости и уважения к каждому, а потому и индивид будет справедлив в своих решениях.

Да что говорить о будущем, — вы уже и сейчас не встретите таких людей, которые вздумали бы напрасно обвинить другого — без основания никто не трогает другого. Таковы психологическия доказательства того положения, что личность в будущем не будет палачем.

Но наш строй, весь основанный на ассоциациях, и практически не даст проявиться насилию и несправедливости: каждый в случае насилия встретит мужественные груди ассоциационеров.

Вспомните наши судебныя ассоциации. Ассоциационеры, в случае одобрения решения своего товарища, примыкают к нему, а в случае осуждения — отклоняются, и такия примыкания и отклонения могут парализовать торопливость и необдуманность решения индивида, дать прочную гарантию торжеству справедливости.

Ну, теперь от защиты перейду к наступлению. Начну прямо. Мне кажется, что проявление несправедливости гораздо вероятнее ожидать от общества, ибо оно не может войти во все детали личных отношений. А потому, долой всяких посредников, пусть сами индивиды улаживают свои дела. "А судебныя ошибки?" Ошибки? — Ошибки, опять-таки, скорее могут произойти со стороны общества: судьи на месте преступления не бывают, а свидетели в большинстве случаев — подкупленные люди. Суд индивида будет всегда справедливее, ибо самим участвующим индивидам суть дела виднее, чем посторонним лицам.

* * *

Право суда не зависит от признания или непризнания свободы воли в человеке, ибо человека наказывают за вред, а не за волю.

Вот доводы Спинозы. (Фулье, 28).

"Бешеная собака, которая укусила человека, не виновата в этом, а между тем мы имеем право убить ее.

Точно так же и человек, который не может управлять своими страстями или сдерживать их ради страха перед законом, хотя и заслуживает прощения в виду слабости своей природы, не должен, однако, наслаждаться душевным миром, познанием и любовью Бога, — он должен погибнуть".

* * *

б) Общественная тишина и спокойствие.

Наша теория была бы не полна, если бы и этому пресловутому вопросу мы не уделили места.

Начнем главу так: **мы не признаем общественной тишины и спокойствия.** "Что?" всплеснув руками, закричит Спенсер: "вы не признаете общественной тишины и спокойствия? Вы, значит, сторонник анархии. По-вашему, значит, делай, что хочешь. Вы, наверное, позволите толпам ходить по улицам с пением; вы, наверное, позволите звонить в колокола. Но понимаете ли вы, что делаете? Понимаете ли вы, что таким распутством вы парализуете всю цивилизованную жизнь? Барабанный бой, крики, звон — будут вас глушить, как обух глушит треску... Вы не будете иметь покоя ни днем ни ночью. Представьте себе, что какой-нибудь шалопай будет трезвонить целую ночь... Он вас приведет в истерику, если вы немного нервны... Он прикончит жизнь больного, которому нужен покой... Он не даст вам всю ночь сомкнуть ни на минуту глаз... Он вас изведет, истомит бессонницей.

Но этого еще мало; он и день превратит вам в сплошную муку и ад... Вы не будете в состоянии ни за что взяться... Вам вечно придется сидеть с заткнутыми ушами. Гам лишит вас трудоспособности, остановит культурную жизнь — при шуме культурная жизнь невозможна. Итак, я требую тишины и спокойствия не только во имя справедливости, но и во имя высшаго блага, блага культуры".

Ну, теперь можно послушать и другого защитника мертвечины.

Глядите: перед вами стоит сухая фигура Кальвина. Его мертвенно-бледные глаза грозно смотрят на веселье и молодость... Из уст его вырывается такое шипение: "Веселиться... играть... Это грех. Разбейте ваши гусли, прогоните радость с вашего лица — иначе

вы вводите в соблазн ваших ближних... Будьте же ходячими трупами, перебирайте четки... Народное благо этого требует".

Этот проповедник тоже требует тишины и спокойствия и тоже во имя блага, но только не тленнаго, а вечнаго... Кто знает, быть-может, кто-либо последует по стопам этих доблестных мужей и потребует еще большаго: мало ли что кого безпокоит и тревожит... Иному богохульство не дает покою, а иному — просто вид другого...

Ну, довольно! Лучше спросим этих господ, на каком основании они всего этого требуют? На каком основании запрещают шуметь и веселиться? Ведь веселье и шум не затрогивают ни физической, ни нравственной вашей личности... Они лишь выражение нашего счастья, — ни более, ни менее. Наш шум так же относится к вам, как ваш задумчивый вид за окном к нам, т. е. нисколько. Веселье есть проявление нашей индивидуальности, как угрюмость — вашей.

Можно ли запрещать нам веселиться под тем предлогом, что вас это безпокоит? Под этим предлогом можно все запретить.

Сегодня вам не нравится наш шум, завтра — походка, послезавтра — наш веселый вид или выражение лица... Мало ли чего вы захотели бы. Но нам нет дела до ваших настроений... Мы вас не трогаем, не трогайте и вы нас. Не будем насиловать воли друг друга из-за наших нервов.. Что же касается того, что наш топот, наше ликованье достигают вашего слуха, то это не наша вина. Это — несовершенство нашей природы. Наши органы устроены так, что они ловят все впечатления, затрогивающия и не затрогивающия их личности.

В данном случае, ваши органы ловят звуки, не предназначенные для вас... Наши звуки вредят вам пассивно... Это — закон природы... Я, мои поступки, мои речи хотя и не делают вас своим об'ектом, не направляются на вас, но, тем не менее, отражаются в вас. Если бы наши органы, зрение и слух, были устроены, как осязание, которое испытывает раздражение только тогда, когда его трогают, но не воспринимает вольных движений другого — тогда конфликта не было бы.

Ваше требование, чтобы мои действия до вас не долетали, хотя они служат выражением моей свободы, равносильно требованию прекращения совместной жизни людей, ибо, раз есть совместная жизнь — есть и встречи, а встречи уже затрогивают ваши органы: зрение и слух... Вывод отсюда таков: одного нашего вида достаточно, чтобы возбудить ваше негодование.

Будьте логичнее, Спенсер и Кальвин! Почему вы хотите запре-

тить мне лишь трезвон, но не вообще шум? Почему бы вам не выставить требования, чтобы люди ходили по городу на цыпочках, да и то с вашего разрешения? Но знаете ли, милостивые государи, что с вашей теорией вы обратите человечество в неподвижный полипняк, в котором каждый должен сидеть сложа руки, боясь шелохнуться, кашлянуть, ибо всякое движение, в силу волнообразного колебания, передается вам. По вашей теории, если бы вы были логичны, общество не смело бы двинуться. Но это уж нежизненно. Только в царстве теней призраки движутся без шума. Поэтому, не старайтесь обратить жизни в мертвый дом, а людей в ходячие гробы... Уходите лучше сами в пустыню и наслаждайтесь там тишиною.

Чтобы выяснить читателю еще рельефнее этот вопрос, я еще раз разберу понятие "не вреди".

"Не вреди" надо различать в мире физическом и социальном.

С естественно-научной точки зрения, все вредит, ибо всякий предмет раздражает наши зрительные нервы, всякий шорох — слуховые. С социальной же точки зрения, нас затрогивает не всякое раздражение нервов, а лишь то, которое трогает нашу физическую и нравственную личность. Люди в общежитии могут разсматривать поступки только с этой точки зрения.

Я вижу, что читатель теоретически убежден, но практически он согласиться не может. Перед его глазами стоят огненными буквами слова: "допустить это — значит допустить гибель культуры".

Чтобы окончательно привлечь читателя на свою сторону, разберем вопрос и практически.

Во 1) чем цивилизация выше, тем меньше будет всяких выходок, в роде трезвона, барабанного боя и стрельбы.

Во 2) такия дикия проявления и сейчас не часты — а, следовательно, у вас для отдыха будет много времени.

В 3) с шумом можно бороться разными средствами — постройками высокой стены с улицы, более толстых стен домов, широтою улиц, обсаживанием домов со стороны улицы небольшими рощицами, выкапыванием подземных комнат, помещением домов на далеком разстоянии друг от друга, занятием большаго количества земли под жилища и т. д.

* * *

в) О неприкосновенности и святости жилища.

Неприкосновенность и святость жилища — эта гарантия личной свободы — есть лишь следствие нашей теории, есть лишь следствие неприкосновенности личности и плодов ея труда.

Никто не имеет права безпокоить меня без моего на то согласия, а врывание в мой дом есть самое наглое нарушение прав моей личности, самое вопиющее посягательство на мою волю. Врывание ко мне в дом — это обращение моего убежища в кабак.

Никто не смеет входить в мой дом без моего на то согласия, тем более — осматривать меня, рыться в моих бумагах. Все, что принадлежит мне, принадлежит мне исключительно.
Никто не смеет прикасаться к этому. Притрогивание есть посягательство на собственность.

Но не есть ли самая дорогая собственность — наше жилище, где протекает вся наша жизнь? Смеет ли кто-либо врываться ко мне и топтать мне пол своими грязными ногами, заглядывать в окна своими отвратительными буркулами?

Нет: как никто не может ступить на то место, где я стою, так никто не смеет войти в занятое мною помещение. Жилище мое, как и засеянное поле, остается моим на все время пользования.

* * *

г) О поведении на улице.

"Не вреди" определяет и наше поведение на улице. Мы не можем никого затрогивать, толкать, говорить о проходящих личностях, смеяться над ними, устанавливать **форму одеяния**; напр., ходить ли в ботинках или босиком, ходить ли в одежде или голым. Если мне нравится, я могу ходить и голым, ибо это моя индивидуальность, и тут нет ничего предосудительнаго. Никто не имеет права негодовать на того, кто идет голым: нагота не затрогивает ничьей физической и моральной **личности** *). Мы не имеем права негодовать ни на грусть, ни на веселость проходящих. Все это — их личное дело.

"Не вреди" определяет даже такую мелочь, как вести себя при встречах. Сейчас, обыкновенно, туз идет по улице, выпятя брюхо,

---

*) Вспомните древних греков и другие народы: они не стеснялись ходить голыми.

и ни за что не свернет в сторону, будто все создано для того, чтобы топтаться в грязи ради его благородия. Раб бежит и уступает ему дорогу, чувствуя свою неравноценность. По-нашему же, уважение к личности требует при встречах иного отношения — следует тому и другому отклониться в разные стороны.

* * *

д) Санитарные меры.

Принцип "не вреди" заставляет нас соблюдать и известныя санитарныя меры, ибо грязь родит бацилл и заразу. Конечно, грязь, насколько она действует лишь в районе жилища каждого, вполне терпима и законна. Никто не может запретить другому быть свиньею и купаться в грязи. Но распространение индивидом грязи, навоза за пределы своего местопребывания равносильно посягательству на жизнь ближняго.

Бациллы и микробы могут убить индивида точно так же, как выстрел, бомба. А потому, такую грязь, опасную для жизни других, никто из нас не позволит себе развести.

Гигиеничное устройство улиц с канализацией и промывкой вполне парализует всякую грязь. Очистка улиц, проведение канализации будут, конечно, делом ассоциаций, а не общества *).

* * *

*) Жилища могут строиться вблизи фабрик, так как уже найдено, средство собирать копоть и не давать ей разноситься по целому селению.

Часть III. СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ.

"Брак — единственный вид рабства в полном смысле слова, признаваемый новейшими законами" *).

* * *

"Нерасторжимость брака сделала из него какое-то каторжное состояние; и, вместо того, чтобы находить в браке счастье, удовольствие, -человек находит в нем одне обязанности: "супружескую барщину" **).

* * *

"...Они на самом деле на место мамона или другого расчета хотят поднять на трон то, что должно быть на нем: богиню любви. Где она соединит двух людей, там существует святой союз; но, коль скоро любовь прошла, внешняя принудительная связь может быть без всякого ущерба разорвана..." ***).

* * *

а) Брак.

Можно представить себе три типа заключения брака и три формы супружеских отношений. Разсмотрим же в каждом типе **форму** заключения брака и **суть** отношений в нем.

При нитшеанском браке, за брачащимися не признают никаких прав, никакой своей воли... Вступающий в брак — игрушка в чужих руках. Будущую судьбу, будущее счастье решают за "я" разные нитшеанцы.

В современном строе по отношению к молодежи такими нитшеанцами в браке являются родители. Родители в современном строе — это мерзкия фигуры сводников, гоняющиеся за грошами и продающия душу и тело своей несчастной жертвы.

Мерзкая сделка! Мерзкое нитшеанское право! Прочь от нас, своднических дел мастера!

Дорогая индивидка и дорогой юноша! не давайте им права распоряжаться собою, своим телом, своею душою. Ваше счастье — выше всех этих притязаний маклеров.

---

*) Фурье.
**) Фурье.
***) Браке.

Да, дорогой читатель, в этом праве родителей заключается невыносимое посягательство старшего поколения на тело, душу, счастье и горе младшаго.

Очень часто в роли нитшеанцев по отношению к женщине являются мужчины, покупающие женщину с согласия родителей, но против ея воли. Такой нитшеанец не менее противен. Подлец! разве ты спрашиваешь у купленной тобою жертвы согласия на брак? Нет, единственная форма брака, достойная тебя — это изнасилование.

Всякое иное отношение к женщине было бы ограничением твоего "святого я". В нитшеанском браке происходит дикое насилие над молодым поколением, особенно над женщинами — их берут, покупают и продают... и оне ничего не могут сделать.

Может ли такой брак быть счастлив? — Нет. Его не освящает взаимная любовь. На его ложе покоится расчет, деньги... Молодость и дряхлость, невежество и ум, безобразие и изящество соединяются узами Гименея.

Нитшеанскому браку соответствует патриархальная семья.

В ней нет никакого равноправия межу мужчиною и женщиною. В ней могут быть только господин и рабыня. Это отлично понимает Нитше в своих разсуждениях о женщине. Сверх-человеку все позволено: женщина в его руках — игрушка, а не полноправное существо.

Если женщина не будет нитшеанкой, то сверх-человек скоро обратит ее в своего слугу и кухарку. Если же она проникнется духом учения своего мужа, то из нея выйдет вторая Мессалина.

Предоставляю уму самого читателя нарисовать картину этого семейного счастья сверх-человеков.

* * *

Вторая форма брака—это брак коммунистов. Коммунисты, исходя из идеи "блага большинства", "блага общества", отрицают за индивидом право на самоопределение в семейной сфере. Приведу два-три примера таких тенденций коммунизма. **Платон:** "Самый безграничный коммунизм **и общность жен** рекомендуются преимущественно перед всем прочим." **Кампенелла:** "Иметь собственное жилище, **"собственную жену"**, собственных детей—вот корень всякого зла."

Форму заключения браков эти коммунисты, последователи идеи: "ты—все, а я—ничто", хотят отнять из рук индивида и передать обществу, т.е. представителям большинства. **Общество будущего будет заведывать семейной жизнью, как оно заведует политикой и экономикой.** Кампенелла с этой целью устраивает что-то в роде **ми-**

нистерства любви, на обязанности которого будет лежать "устраивать браки между мужчинами и женщинами так, чтобы дети рождались самые лучшие." Такое стремление коммунистов вполне понятно; исходя из идеи "общества", "блага общества", они, естественно, хотят снабдить индивида хорошими детьми, хорошею женою точно так же, как хотят его поставить в материальной сфере в гигиенические условия жизни. О, добродетельные!

Сен-Симон*) с этой целью учреждает жречество: "обязанности жреца состоят в определении общих принципов нравственности и пристойности, в помощи и в совете верным при каждом отдельном случае, особенно в делах, касающихся брака: иногда они будут успокоивать безрассудный жар ума или будут умерять беспорядочные порывы чувств; иногда, напротив, они станут будить апатичный ум, будут подогревать вялые чувства." **Платон** проектирует с этой целью скотный двор. Вот как Кирхенгейм передает суть его учения**): "Они (правители) соединяют тех, которые хорошо сложены, соединяют затем, чтобы количество рождений не превышало количества смертных случаев, и предоставляют тем, которые чем-нибудь отличились,**в виде награды, особые милости**; все это делается, конечно, в интересе государства."

Для полной характеристики семейных отношений коммунистов позволю себе привести еще один отрывок из Кампенеллы, наглядно рисующий будущую деятельность министерства любви. Вот он***): **"Любовь** к потомству составляет главную заботу, и потому мужчины и женщины подбираются таким образом, чтобы от их соединения получился наилучший приплод. И они подсмеиваются над нами за то, что мы прилагаем такую заботливость к улучшению породы собак и лошадей, и совсем пренебрегаем человеческой природой. Поэтому, когда, на подобие древних лакедемонян, происходили упражнения в палестрах, все мужчины и женщины обнажались; и особые начальники осматривали их и определяли, кто пригоден для совокупления и кто не пригоден. Мужчины подбирались к женщинам по соответствию своих членов, и потом, обмывшись хорошенько, предавались удовольствиям любви через каждую третью ночь; высоких, красивых женщин соединяли только с высокими и сильными мужчинами, полных с худощавыми и, наоборот, худощавых с полными, чтобы они уравновешивали друг друга хорошо и полезно.

---

*) Щеглов 416. "Истор. комм."
**) "Веч. утопия", стр.14.
***) Кирхенгейм "Вечная утопия", стр. 79.

Вечером приходили мальчики и приготовляли спальни. Потом мужчины и женщины шли спать в таком порядке, как им **приказывали** начальник и начальница. Прежде чем совершить совокупление, производители молились Богу и вкушали пищу. В спальнях были расставлены прекрасныя статуи знаменитейших мужей, на которых глядели женщины; через окна созерцали небо и просили Бога, чтобы Он послал наилучшее потомство; спали в двух разных спальнях, женщины в своей, мужчины в своей, пока не наступал час совокупления, и тогда начальник, бывший настороже, открывал двери в спальнях. Час же этот определяли астрологи и врач, которые старались уловить момент, когда Венера и Меркурий находятся на востоке от солнца, в благословенной обители...“

Как вам нравятся, читатель, ”жрец“ — Сен-Симон, ”божественный“ Платон и ” схимник “ Кампенелла? Вы возмущены, читатель? Я чувствую, как у вас из глубины души вырывается крик негодования вместе с Прудоном: ”общность жен ! Это — организация заразы. Прочь от меня, коммунисты! Ваше присутствие для меня — зловоние и ваш вид для меня омерзителен ! “ *).

Нитше: ”О, карлики бытия с похотливыми тельцами ! “ *). Вы возмущены, читатель? А между тем, если быть последовательным сторонником ” ты — все “, то тут нечему возмущаться. Раз вы признаете власть ”ты“ над своею политическою деятельностью, отдаете ему свой труд, то почему не отдавать ему и семейной стороны жизни?. Почему вы хотите запретить вмешиваться ”ты“ в эту сторону человеческой жизни? Не говорит ли в вас во время этого протеста против семейнаго рабства личность, сознание которой вы утратили в политико-экономической области? Последовательные коммунисты не останавливаются перед этим кумиром. Они правильно разсуждают: раз мы отдаем наш труд, нашу душу, наш ум, то почему нам не отдать тела?

Индивид, если ты не хочешь отдать и семейства обществу, то ты еще индивидуалист, анархист. Ты, значит, не хочешь признать за закон волю большинства. У коммунистов нет других прав, кроме воли большинства. Оно может издать закон об общем браке как издало закон об общей собственности. О, чудовищное право ! Одна мысль о таком законе, одна возможность такого глумления над собою приводят меня в ярость — и рабы-демократы кажутся мне какими-то животными. Подумай только, читатель ! ”Каждый член общи-

*) Сюдр. ”Истор. коммун.“, 365.

ны, при известных условиях, может пред'явить требования к каждому представителю другого пола о вступлении с ним в половыя сношения ! " Не свинское ли это право? Теперь вы, читатель, познакомились с **теоретиками** коммунизма; но я думаю, что этого знакомства вам мало, а потому хочу обратить ваше внимание на практику. Слушайте.

В средние века коммунистам удалось частично провести свои взгляды в жизнь — анабаптисты и адамиты установили государственный брак. Анабаптисты, как нам известно из истории, регламентировали семейную жизнь следующим образом: они издали закон, по которому брак должен был заключаться **по очереди, по старшинству возраста.** Старший по возрасту мужчина должен был сочетаться браком со старшей по возрасту женщиной, несмотря на то, хороша ли она или дурна. С деятельностью же адамитов в семейном вопросе хорошо знакомят нас " Общественныя движения в средние века ", стр. 252:

" Адамиты занимали один остров на реке Лужнике ", разсказывает нам Эней Сильвий. Они ходили голыми всегда, или только при особых случаях — это он, к сожалению, забывает сказать.

Они жили в общности жен; но однако запрещалось **познать** (красивый термин !) жену без разрешения их начальника Адама. Но если один из них охватывался желанием другой, тогда он брал ее за руку и шел к начальнику, которому говорил: " к ней моя душа заныла любовью". На это начальник отвечал ему: идите, плодитесь и множитесь и населяйте землю " (просто и реально) . Ну, как, нравится ли тебе, читатель, практика? Правда, трудно сказать, кто лучше из коммунистов: практики или теоретики. Но грустнее всего то, что каждый коммунист одобряет такую организацию, признает такия права большинства над собою. Цель брака коммунист видит в самопожертвовании, в порабощении себя в половой сфере. По мнению коммунистов, **человек в браке должен преследовать не свое счастье, не порывы любви, а половыя потребности другого.** Подобно тому, как коммунист отдал себя на с'едение ближним в политической и экономической сфере, так он не может сохранить свое "я" и в любви.

Психология коммуниста такова: разве можно ради своей любви, своего счастья отказать в любви другому—это грубый эгоизм, это мечтание о своем "я". Прочь подлое чувство личной любви! Не искушай меня, сатана! Я не смею отдаться моей склонности, на мое тело имеют право "ты", многие "ты" ... Я не могу видеть их

страданий, их мучений.

Как голодному я даю хлеб, так жаждущему любви—свое тело. Да ! голоднаго я кормлю, жаждущаго пою, любящаго удовлетворяю... Ты, наверное, удивляешься, читатель, как "ты" смеет принять такую любовь, не запятнав себя грязью? О, ты, значит, тогда еще не знаешь вполне коммунистов. Они с жадностью набрасываются на свою жертву, на перебой берут ее, не чувствуя никаких угрызений совести. Да это и вполне естественно. Почему им не взять тела другого, когда они привыкли брать его ум, душу, труд,силу и волю. Такова у коммунистов форма заключения брака. Семейная же жизнь —это взаимное порабощение воль, взаимныя сцены ревности, ибо каждый, желая использовать, увидеть величину любви другого, безжалостно нарушает его индивидуальность. Требуя от другого постоянного самопожертвования, люди, в конце концов, делаются нервными, раздражительными и бросаются искать неги и ласки в об'ятиях другого...

* * *

Прежде чем окончательно разстаться с этой формой брака, укажу ея зависимость от общественнаго способа производства. Каждый способ производства требует соответствующей ему психологии — психология стремится приспособиться к экономике. В борьбе за существование общество вырабатывает такую психологию, какая ему нужна. Коллективному обществу нужны "коллективные" интересы, и все, что ведет к обособлению к "своему" к "я"— есть зло, есть уже разрушение устоев коллективности; они должны преследовать все личное: личное владение, постоянство в местожительстве, постоянныя привязанности, а, следовательно, **право на семейство, как право**, ибо при частной семье могут возникнуть личныя симпатии, забота о детях, а это уже первый шаг разложения.

Законодательство, повторяю, должно быть целесообразно с экономикой, и оно будет карать все личное, будет стараться все поставить в соответствие с коллективными интересами; и в будущем оно должно будет уничтожить семью, если не хочет, чтобы строй разложился. Семья в будущем не будет представлять исключения: как коммунизм обезличил личность политически и экономически, так он должен обезличить ее нравственно и семейно. Такова логическая связь между общественным производством и "министерством любви", видимая наиболее сильными умами из самих коммунистов, напр. Платоном. Ну, довольно ! Коммунисты с своим уравнением, обезличиванием лич-

ности противны нам. Нам в равной степени противны как половая безправность коммунистов, так и аскетизм-христиан, этих, по выражению Бюше, " несчастных евнухов " .

* * *

Третьей формой брака является брак анархистов. Наша форма брака не имеет ничего общаго с насилием нитшеанцев и самоотречением коммунистов. Мы, анархисты, никому не даем над собою господствовать и никому не отдаем своих прав. Каждый из нас, подобно тому, как он никому не позволяет вмешиваться в свою политическую, моральную и экономическую жизнь, решение своих брачных дел оставляет за собою.

У нас брак — дело самих индивидов. Любящие заключают промеж себя договор любить друг друга, пока любится, ибо только при любви брак свят. — Вот их свадьба. В договор, кроме любящих, никто не вмешивается. Ни родителям, ни другим сводникам здесь нет места. Только свободный договор, взаимное согласие на брак дает правомерность союзу. Только согласие женщины делает мужчину мужем, а не личная его страсть... В своих отношениях анархическая чета держится святого принципа "не вреди". Проведение этого принципа в брак делает совместную жизнь замечательно чистой. Мужчина и женщина вполне свободны ... ни в чем не стесняют индивидуальности друг друга. Каждый не жертвует другим ради своих интересов и прихотей, но согласуется с его индивидуальностью ... Любовь —слепа, эгоистична и стремится подавить другого—справедливость же чутка !

* * *

Рассмотрим теперь, какую из трех форм брака может допустить обассоциированное производство, какой оно потребует?

Первую? — Нет. Потому нет, что для осуществления ее нужна экономическая неравноправность женщины, зивисимость и рабство ее в экономической сфере. Нужно, чтобы у мужчины развились инстинкты господина, а женщина не имела средств к жизни...

У нас же в производстве оба пола самостоятельно работают, оба имеют свои средства к жизни, а потому этот тип не может быть достоянием будущего.

Вторую? — Нет. Для ее осуществления нужно, чтобы индивид был частью общественного тела, чтобы индивид не имел своей собственности. Только при таких условиях индивид, будучи экономически зависим от большинства, лишится самоопределения во

всех сферах, в том числе и в семейной, сделается животным, которое большинство будет перегонять из стойла в стойло для случения.

Третью? —Да, именно ее.

У нас каждый индивид, будучи экономически самостоятелен, обладая собственными орудиями труда, которые он может комбинировать по своему усмотрению, является личностью.

Ему нечего плясать под чужую дудку большинства или нитшеанца.

Будучи экономически самостоятелен, у нас каждый может распоряжаться собою по своему усмотрению, заключая друг с другом брачные договоры...

* * *

в) Дети.

1) Права детей.

Ребенок — такой же человек, как и все прочие. Личность его должна быть одинаково ценна, как и взрослых, с точки зрения равноценности личности.

В силу законов природы, ребенок родится безпомощным, неприспособленным к жизни... Рождающие знают это, и если все-таки решаются произвести на свет безпомощное существо, то тем самым принимают в отношении его известные обязательства.

Поставить существо в безпомощное положение и оставить его так — на это способен только "сверх'человек".

Вот я тебя поставил в безпомощное состояние: гибни же!

Равноценность же людей требует иного отношения. Она обязывает родителей к уходу за ребенком. Она требует, чтобы ребенок был поставлен на ноги, т.-е. до того времени, пока не прекратится его безпомощное состояние, в которое он был поставлен фактом рождения — иначе с личностью ребенка было бы поступлено несправедливо, она была бы унижена.

До какого возраста должно доводить ребенка — это зависит от **степени культуры общества, от сложности жизни.**

У дикарей ребенок усвоивает все необходимые для жизни сведения к 10-ти годам — и 10-ти лет становится самостоятельным существом.

Но чем общество цивилизованнее, тем более знаний должен иметь ребенок, тем дольше возраст воспитания.

Вообще, родители должны сообщить детям все те необходимые сведения, которых требует культурная жизнь данного общества,

все сведения, чтобы сделать его способным зарабатывать себе пропитание, быть сознательным гражданином своего общества.

* * *

2) Нужны ли воспитательные дома.

Здесь я хочу, собственно говоря, затронуть лишь вопрос о трудности ухаживания за маленькими детьми.

Кто за ними будет смотреть в их младенческий период?

Об уходе за детьми есть несколько теорий — разберем их. Однако, прежде чем начать разбирать их, скажем, что **в современном строе няньками,** за исключением, конечно, богатых людей, **являются сами же дети, старшие братья и сестры новорожденного. Это — тяжелая детская повинность.**

Первая теория, — теория ухода каждой матери на дому за своими детьми, — есть теория осуждения женщины на роль няньки.

Не говоря уже о том, что эта теория есть порабощение женщины, признание неравноправности ее (должен и муж ходить за ребенком), она вообще неприменима без эксплуатации другого.

Обратите свои взгляды всюду, и везде вы увидите нянек — то старушку-бабушку, то братца ребенка, то наемную прислугу. Без помощи других нет сил выходить ребенка.

Но как быть, когда нянек и прислуг не будет, когда дети получат эмансипацию, когда пользоваться силами родителей и эксплуатировать их станет нельзя?

Коммунисты видят выход из этого трудного положения в "общественных приютах", куда будут отдавать детей и где за ними будут смотреть **чинуши** обоего пола*).

Конечно, такие приюты будут существовать на **"общий счет".**

Общий! Но, ведь, это эксплуатация неженатых .... Впрочем, забыл; ведь принцип коммунистов: своя рука — владыка, твой карман — мой карман.

Некоторые предлагают для того, чтобы чинуши были справедливы к детям, в приюты назначать **старых дев,** женщин, не имеющих детей, в крайнем случае — матерей, но тогда детей их отдавать в другие приюты. Матерям же должно быть строго запрещено

---

*) Платон: "Новорожденных детей берут к себе специально назначенные для этого чиновники, среди которых есть мужчины и женщины, так как общественные должности доступны тому и другому полу". См. "Обществ. движение в сред. веке и рефор.", стр. 11.

служить в том приюте, где находится ее ребенок — она может быть пристрастна*).

Тираны! подлые тираны! Лишить ребенка нежности матери, назначить туда надзирателей — это значит обратить приюты в исправительные арестантские отделения.

А вы, родные матери! а вы! — Вы даже ребенка своего не увидите.

Впрочем, что я говорю **своего** — ведь дети-то у коммунистов — "наши".

Суммируем недостатки общественного воспитания.

Во 1) будет существовать эксплуатация холостых женатыми: холостые будут содержать ненужные им учреждения.

Во 2) эксплуатация малодетных многодетными.

В 3) личность матери будет подавлена.

В 4) дети попадут в ненавистные им руки.

В 5) личность ребенка достанется большинству, которое и даст ему шаблонное воспитание.

Вследствие этих причин мы отвергаем общественное воспитание детей.

Чем же его можно заменить, столь же равноценным и экономически выгодным?

Слушайте!

Естественные защитники детей — это родители, и им надлежит пещись о своих малютках, а не сваливать бремя воспитания на других.

А потому забота о детях — дело родителей.

Родители, желающие пользоваться услугами друг друга, устроят ассоциации, в которые, конечно, входят и из которых выходят по договору.

Договорившиеся таким образом родители составляют средства для всего им нужного **своим** трудом, конечно, неся на общие издержки общие расходы, на частныя — частные.

Итак, у нас родители, вернее — ассоциации родителей, заботятся о детях, а не какое-то казенное учреждение, всегда отдающее казармой.

Раз воспитанием у нас заведуют ассоциации родителей, то, конечно, они же и ухаживают за детьми, а **не назначенные лица — чинуши.**

---

*) Платон: "Это чинвники заботятся о прокормлении детей; они **приводят** в воспитательный дом матерей и **имеющих молоко** (мило!), при чем по возможности должны сделать так, чтобы ни одна из них не узнала своего ребенка." Цитировано по "Обществ. движ. в средн. века и эпоху реформации", стр. 11.

Такая организация детского вопроса обладает массой преимуществ перед коммунистической организацией.

Во-первых, ассоциационное имущество развяжет гнет большинства в системе ухаживания за детьми.

Всякое несогласное меньшинство сумеет, по своему желанию, завести такое устройство, такую систему ухаживания, какие оно хочет.

Во-вторых, оно уничтожит чиновничество в деле воспитания детей — за детьми будут ухаживать не назначенные лица, а добровольныя ассоциации родителей.

В-третьих, следствием подобной системы будет хороший уход за детьми, ибо я вступаю в ассоциацию для ухода за детьми с теми родителями, которым я доверяю и которых я знаю как самого себя.

Ассоциационное же имущество я могу иметь со многими.

Конечно, кто не хочет ассоциаций, тот будет сам возиться с детьми: насилия недопустимы.

* * *

3) Об организации образования.

Все издержки по образованию должны пасть на родителей. Родители соединяются в ассоциации и основывают школы по своему вкусу, что возможно благодаря тому, что каждый индивид имеет право располагать своим трудом по своему усмотрению.

Весьма вероятно, в будущем образовании в основу будут положены практические занятия, **техническое образование.**

Ассоциации родителей уничтожают шаблоны общего преподавания, ибо общество может разбиться на массу самостоятельных ассоциаций для проведения каждой своих идей образования.

В будущем возникнут различные заведения с различными курсами и предметами.

Такое устройство образования убьет государственную мертвечину и даст самостоятельность родителям, которые не обязаны будут подчиняться образованию, навязанному большинством.

Выгоды ассоциационного образования будут не меньше, чем обобществленного, ибо ассоциации будут крупными; всем же необходимые учреждения ассоциации могут содержать на общий счет, например, зологические и технические музеи, химические и физические кабинеты и т. д.

* * *

По поводу обассоциирования образования вы можете сказать, что оно внесет неравенство в образование детей: одни будут учиться

в однех школах, другие в других; одне школы будут устроены толковее, чем другие и т. д. В результате получится неравное духовное воспитание.

Это верно, ибо это закон природы — тут никакой коммунистический шаблон не поможет. И вот почему.

Ни один воспитатель в моральном влиянии и умении преподавать не может сообщить столько же, сколько другой, более его талантливый.

Кроме того, нравственное влияние родителей, случайные знакомства, вся среда книг — все это ставит детей в неравное положение.

Это — неизбежное неравенство, и против него никто не может протестовать.

Протестовать можно не против разнообразия школ и воспитателей, а против того, что некоторые дети остаются без образования, без пособий для учения, без возможности получить столь же хорошее воспитание, как другия.

А это наш строй устраняет: **право детей — получить самое хорошее воспитание,** и родители должны его давать и сами охотно дают, ибо понимают свои обязанности.

* * *

В направлении образования сами дети будут иметь волю, как только начнут разбираться в разных системах образования.

Родители могут лишь советовать, но насиловать, заставлять проходить тот или иной курс учения против воли детей — они не могут.

От детей будет зависеть и выбор воспитателей и учителей. Нежелательных они могут удалять.

Словом, мы хотим дать полную автономию детям.

В будущем удобнее устроить систему преподавания не по классам со многими предметами, а устроить отдельные классы наук. Напр., класс алгебры, класс русского языка, класс физики и т. д.

По окончании каждой науки можно по желанию, для любителей дипломов, выдавать свидетельство.

Такая система образования, во-первых, потому удобнее, что ученик не должен из одного предмета оставаться на другой год в классе; во-вторых, потому, что способных не свяжет. Способный, пройдя один предмет, перейдет к другому раньше неспособного — через что раньше кончит курс. Способный каждый год сумеет выучить один или два лишних предмета, тогда как пройти два современных курса в год трудно и приходится плестись вместе с посредственностью; в-третьих, нежелательных предметов ученик может

не учить; в-четвертых, курс наук каждый сумеет проходить с того, к чему он наиболее способен и имеет интерес — и это ученика заинтересует; в-пятых, энергия каждого не будет парализоваться массою наук: изучая один предмет, каждый энергично может его штудировать; в-шестых, в случае неудачного изучения какого-либо предмета повторный курс не отнимает целого года, а лишь несколько месяцев.

К тому же, в училище может быть несколько курсов, начинающихся в разные сроки по третям года, так что, если кто почему-либо пропустил ⅓ года, то он перейдет на второй курс, опаздывающий на ⅓ года от первого и т. д.

* * *

Из свободы образования не может получиться хаоса, ибо жизнь, потребности, экономика выдвигают программу. Всякая школа будущего неизбежно введет техническое образование; что же касается общеобязательных теорий, то оне могут быть разными.

В лицах высшего образования всякой специальности недостатка быть не может, так как все получат то или другое высшее образование и т. д.

* * *

4) О снабжении детей орудиями труда.

Общество не все время находится в стационарном состоянии, население его растет, а потому нужен и прирост орудий труда.

Кто и как их доставляет?

В современном строе об этом заботится эксплуататор-капиталист.

Копит он неразумно — кризисы пожирают большую половину накопленного, чрез что в современном строе происходит самоубийство капитала.

В коммунизме копят все: холостяки, многосемейные, многопотребные, малосемейные, на пользу всех — отсюда эксплуатация.

Кто же копит у нас?

Родители — виновники молодой жизни.

Кто наслаждается семейным счастьем, тот и неси ее тягости.

Как же родители накопляют?

Пока они одни, они удовлетворяют свои потребности — и тем самым накапливают капитал, ибо с каждого с'еденного предмета часть отчисляется на машины.

Будет высчитано, что за такой-то предмет надо отдать столько-

то труда для восстановления орудий производства... Свои потребности каждый может расширять, сообразно этому расширяется и капитал.

С рождением ребенка родители постепенно увеличивают свой спрос.

На их спрос возникают фабрики, и при потреблении предмета часть идет на машины. И так спрос растет до тех пор, пока ребенок не станет самостоятельным, но к тому времени у него есть уже капитал.

Родители, заказывая ребенку предметы, тем самым содействовали образованию капитала, нужного для удовлетворения его потребностей.

Когда дитя становится взрослым, то родители уступают ему место в той работе, в которой они раньше работали, конечно, с согласия потребителей. Родители могут и подобрать для ребенка подходящую работу и передать ему ее, когда он станет взрослым.

Если потребители не согласны получить работу сына вместо отца, то сын все равно найдет работу, ибо отец бросает работать на сына, а так как на него кто-нибудь работает, то и для него, значит, останется работа в бюро и орудия, на которых ее можно изготовлять.

* * *

5) Не будут ли родители притеснять детей?

Тут меня кто-нибудь перебьет, сказав: "кто ручается за то, что родители будут давать детям образование, будут снабжать их орудиями труда, **если власти** не будет?

Власть одна — только она способна переродить родителей-животных в людей".

Верно ли это? Так ли это?

Нет, ибо отношения родителей к детям определяются способом производства, а не кулаком.

Где способы производства родят тиранов, эксплуататоров, там дети будут рабами.

Где же способ производства развивает идею справедливости, уважения к личности другого, там родители к детям относятся по-человечески... и не притесняют их.

Исторические наблюдения вполне подтверждают эту истину.

Сравните положение детей лиц свободных профессий и кулаков — и вы увидите, какая громадная разница.

Итак, в будущем не будет элементов для притеснения детей.

Прошу тебя, читатель, вникнуть в суть нашей аргументации.

Прошу тебя вникнуть в то, что власть — нуль; что там, где жизнь развивает противоположные стремления, никакая власть ничего не может сделать.

В будущем притеснение детей может быть лишь исключительным случаем.

"Может-быть", радостно воскликнет коммунист, "как же вы с такими отцами поступите?"

— Мы отдадим их за нарушение детских прав под суд...

— Под суд?.. Для суда нужна организация, власть...

— Не торопитесь, дорогой! Мы отдадим их под суд не феодальный, а наш личный.

Дети потребуют суда (они у нас, ведь, полноправны) над такими родителями. Дети же и будут произносить свой приговор над притеснителями-отцами — и этот суд будет праведный.

Для защиты своих интересов дети составят взаимные ассоциации с целью помогать друг другу в случае тирании отцов.

Ассоциации детей будут приводить в исполнение приговоры, заставляя тиранов соблюдать право.

* * *

Отдел III. БОЛЬНОЙ СТРОЙ.

* *
*

Сен-Мартен: "Установим святой деспотизм милосердия".

* *
*

Нитше: "Вот что такое милосердие и милосердный образ мыслей — чужую несправедливость взять на свои плечи и задыхаться от двойной тяжести".

* *
*

ГЛАВА I.

У нас будет старый порядок.

Бросим же на оселок прочность коммунизма и анархии.

Тс... а!.. Это давно сдерживаемое негодование коммуниста, наконец, разразилось: "Что за мерзость, что за гадость!... Ведь вы вводите **частное хозяйство, наследство,** личную заботу каждого о себе и каждого отца о своих детях. Ваш строй через это несет в себе зародыши разложения. Лишение орудий труда, потеря капитала вследствие каких-либо чисто **внешних** причин поведет к нужде, безработице... к необходимости занимать, должать...

Вспомните о причинах, поведших к разложению пастушеский и феодальный строй.

Не таким ли путем, не от потери ли орудий труда там происходили обнищание, кабала?

Именно от этого.

Не допусти вы наследства — дело могло бы еще уладиться как-нибудь. Но вы допускаете наследство, а, следовательно, через то — крупных собственников.

Вот они-то и обратятся в пауков и совьют свои гнезда на народной нужде.

Кроме таких чисто внешних причин разложения, ваш строй содержит еще массу **внутренних.**

Ваш строй пойдет к гибели, если у вас кто-либо заболеет, или если дети лишатся родителей.

Болезнь или смерть родителей поведет всю семью к нужде, к продаже своего пая, а через то—к лишению орудий труда и к кабале...

Словом, вы своим индивидуализмом роете могилу свободе, санкционируете эксплуатацию, освящаете порабощение одной лично-

сти другою... и широко открываете двери старому строю со всеми его ужасами.

Поймите это.

И поймите также, что только общая, ненарушимая собственность на орудия труда и средства производства окончательно вырывают почву из-под ног неравенства и окончательно делают невозможным возрождение хищничества, рабства и холопства".

Возражения серьезны, и мы должны на них серьезно ответить

В своей критике нашего строя коммунист различает две серии факторов, могущих повести к разложению нашего строя.

1) Причины, заключающиеся **в процессе производства,** т.-е. причины, по которым человек может в процессе производства лишиться орудий труда.

2) Причины, заключающиеся в **самом организме** человека, как-то: болезнь, смерть.

Рассмотрим сначала, насколько основательны опасения первого рода.

Из известных нам причин первого рода мы можем отметить только две: 1) гибель орудий труда при взаимном соперничестве и 2) гибель орудий и средств производства от стихийных сил природы.

Что касается первой причины, то она у нас действовать не может, ибо у нас производство **организованное.**

У нас нет гибельной конкуренции, а потому и в производстве никто не может лишиться орудий труда.

Вторая причина может действовать во всяком строе; может быть, следовательно, она и у нас. Напр., во всяком строе от той или другой причины может сгореть фабрика, может быть выбито градом поле и т. д.

Неужели эта причина может повести к гибели орудий труда?

Конечно, нет, ибо — опять особенно настаиваю на этом — погибнут орудия труда **не рабочего, а потребителя,** и погибнет притом незначительная часть собственности...

Предположите самое ужасное бедствие — полный неурожай в какой-либо ассоциации, состоящей из 10,000 душ и обрабатывающей 1,000 десятин, приносящих им обыкновенно 100,000 пуд. хлеба.

Подумайте, читатель, какое бедствие! Самый крупный помещик разорился бы при таком ходе дел.

А мы... А мы... вернее, каждый из нас потеряет лишь **10 пудов муки** или около **5 рублей.**

Что значит эта сумма **перед тысячами паев** в разных отраслях производства? —Копейка, которую вы подаете нищему.

Как видите, обассоциирование производства, парализуя конку-

ренцию, может свободно глумиться над стихиями природы.

Словом, наше производство имеет как бы естественную страховку в ассоциационной собственности, ибо убытки пополняют все ассоционеры, а так как ассоциация может охватывать весь народ или почти весь, то в уплате каждым небольшой доли и есть страховка.

Понимаете ли вы теперь, что обассоциированное производство ненарушимо в процессе производства, что это оплот, который никакие кары, даже Божии, не могут пробить...

Убеждены ли вы?

Нет?

Понимаю, в чем дело. У вас гнездится в голове еще один предрассудок.

Вы думаете, что прочную страховку от гибели орудий труда может дать только обобществление производства, а не обассоциирование; ход мыслей у вас для доказательства таков: при обассоциировании будет несколько самостоятельных ассоциаций, из которых лишь одна может разориться, а другие, словно коршуны, выклюют у нее глаза, пользуясь ее нуждой? При обобществлении же, в случае гибели части имущества, все общество мирно восстановило бы потерю.

Посмотрим, насколько ваши мысли логичны.

Мне кажется, ваша ошибка заключается в том, что вы наши ассоциации принимаете за какие-то **маленькие группы**, и вследствие этого думаете, что оне могут разориться.

Нет, **наши ассоциации громадны, и разорение для них так-же немыслимо, как разорение всего коммунистического общества.**

Наши ассоциации по размерам могут равняться самым крупным коммунистическим государствам.

Напр., производство железа может охватить всех людей, производство полотна, сахара и т. д. тоже всех, так что в случае гибели какой-либо отрасли все будут и восстановлять потерю.

Конечно, в будущем могут быть и не такие крупныя ассоциации, но вполне мыслимо, что самые маленькия будут охватывать миллионы людей.

Предположите себе ассоциацию для производства ножниц, асоссциацию, имеющую 3.000,000 лиц пайщиков и обладающую несколькими заводами.

Предположите, далее, что гибнет одна из фабрик.

Как вы думаете, разорятся эти три миллиона лиц от гибели одной фабрики, 3,000,000 лиц, имеющих еще сотни других фабрик; придется ли им обращаться за помощью к другим ассоциациям?

Конечно, нет, — и ясно, почему.

Наша ассоциация для производства ножниц по своим размерам вполне соответствует, вполне может равняться **всему обобществленному имуществу** какой-нибудь Болгарии, Черногории или Сербии.

И как для вас немыслимо, что коммунистическое государство Болгария, разорится от гибели одной фабрики, так же немыслимо допустить разорение и нашей ассоциации. Наша ассоциация без всякой помощи других ассоциаций сама легко справится с потерей; я смею даже утверждать — гораздо легче, чем какое-нибудь коммунистическе государство Болгария, ибо она будет обладать и большим числом лиц и большими средствами. Для наших ассоциаций все удары природы будут лишь булавочными уколами.

Как неправдоподобно то предположение, что от булавочного укола организм может лишиться всей крови, так же неправдоподобно, чтобы от гибели одной фабрики истощилась вся ассоциация.

Понимаете? Понимаете прочность нашего строя? Да.

Ну, тогда посмотрим устойчивость коммунизма.

Начну прямо с сути. Коммунизм, или общественное производство, только кажется прочным, тая в своих недрах элементы разрушения. Поистине, права пословица — "не все то золото, что блестит".

Вскроем разрушительные элементы общей собственности.

Нам говорят, что "общая собственность" — прочна.

"Общая собственность"? — Но ведь это — фикция; ведь общества нет. Есть большинство и меньшинство, и потому фактически "общая собственность" — есть **собственность большинства.** В силу этого, собственником является большинство, этот многоголовый тиран. Этот собственник — могуч; он уверен в своей силе, и ему, если он захочет стать тираном, — трудно снять голову.

При "общественных орудиях труда"' жизнь **индивида** станет в полную зависимость от "общества". Будучи экономически зависим, он раб его; что "большинство решит, то индивид должен делать под угрозою смерти. Многоголовый тиран всегда может сказать: "орудия наши (в смысле всех), ну и делай, как мы (тут в смысле тиранов) решили. Мы не хотим вести табачного и виннаго производства — и его не будет. Мы хотим большую часть труда направить на производство материальных благ, чем на удовлетворение духовных потребностей — и да будет так. Мы хотим настроить церквей. Мы хотим, словом, делать то, чего ты не хочешь — и ты должен подчиниться нам".

И индивид, лишенный орудий труда и средств производства,

обращается в рабочего большинства. Общая собственность, вместо того, чтобы дать свободу индивиду, сковывает его по рукам и ногам, ставит в зависимость от воли всех, индивид не может распоряжаться капиталами (это во власти большинства). Общественная собственность будет давить отдельных индивидов столь же сильно, как частная собственность порабощает общество — и тут-то лежит трагедия общественной собственности. К чему она поведет, это мы сейчас увидим.

"Довольно вам говорить о каком-то **тиране-большинстве**: в будущем не будет ни большинства, ни меньшинства, будут только люди".

Не перебивайте.

Sancta Simplicitas! (о, святая простота!) Неужели ты, коммунист, не видишь в своем обществе новых классов? Они есть. Они только замаскированы. Они не менее враждебны между собою, чем прежние классы, хотя носят другую личину, употребляют иные приемы эксплуатации, иныя средства для поддержания своих привилегий.

Всмотритесь-ка попристальнее в новое общество—и вы увидите в нем классы. Они носят название силы и "слабости" , многосемейности *) и малосемейности, многопотребности и малопотребности. Класс хилости, половой необузданности и обжорства стоит у кормила правления, составляя большинство. Хилость, половая необузданность и обжорство владеют орудиями и эксплуатируют ум, силу, воздержность...

Посмотрите, какой между ними антагонизм интересов. Одни живут на счет других, как раньше жили помещики на счет крестьян, цеховые мастера — на счет подмастерьев, капиталисты — на счет рабочих. Не классы ли это?

Классы — ведь основная черта классов эксплуатируемых и эксплуататоров — обладание орудиями труда с одной стороны и лишение их — с другой, и происходящая отсюда эксплуатация.

То и другое остается нетронутым в коммунизме. Не [illegible] какое название носят эксплуататоры, какими мотивами они прикрываются, какими средствами пользуются для поставления других в зависимость от себя; важно лишь их обладание орудиями труда и эксплуатацией, проистекающей от этого. Действительно, не все ли равно рабочему, будут ли эксплуатировать его посредством "частной" или "общей" собственности.

Вы, дорогой коммунист, говорите, что в будущем обществе про-

*)Вспомните общину Фурье, где молодежь вела настоящую классовую борьбу с семейными, прибегая к бойкоту и забастовкам.

тиворечий не будет. Противоречий не будет! Но это, право-таки, смешно. Какия же противоречия могут быть резче, чем описанныя нами!

Эти противоречия, как и всякий антагонизм, породят борьбу...

Борьба не заставит себя долго ждать и, не выдержав натиска эксплуатируемых — на их стороне будет молодость, жизнь и сила — общая собственность рухнет, задавив под своими обломками дряхлых, немощных и холерных эксплуататоров. Да! Общая собственность несет сама в себе зародыши разложения и растления.

Только наша собственность будучи недоступна разложению в процессе производства, не сковывая также воли, не родит центробежных сил и делает нашу форму производства наиустойчивейшей.

Взгляните еще раз на нашу собственность: одна она дает возможность каждому осуществлять свои желания самым производительным образом; одна она не носит ни малейшаго элемента эксплуатации, через что в ней не может быть недовольных, не может родиться классов; одна она не сковывает воль; одна она недоступна разложению от конкуренции и сил природы.

Взгляните на все это — и вы увидите, что в процессе производства нет более устойчивой формы организации, чем наша.

* * *

Ну, перейдем теперь к разбору второго ряда причин, заключающихся в организме человека. Таких причин можно насчитать 3 *):

1) Болезнь.
2) Старость.
3) Смерть родителей.

Эти причины — ничтожны, исключительны, но в общей совокупности могут повести к разложению строя. Старость, смерть, заболевание могут многих поставить в критическое положение, в необходимость должать, а раз должать, то и закабаляться.

Да! На этой почве ростовщик сумеет свить чудное гнездо, а наследство сыграть удивительную роль. Но неужели ради того, что я могу заболеть, что мои родители умрут — необходимо ввести коммунизма? Неужели нельзя бороться иными средствами?

Можно. Можно гарантировать себя на случай болезни, смерти, неурожая и помимо коммунизма, и притом гораздо лучше.

Как? — это мы разсмотрим ниже в целом ряде глав. Сейчас же

---

*)Я не говорю о пьянстве, ибо алкоголизм — болезнь, и она должна быть лечима.

я прошу тебя, читатель, поверить мне на слово, что можно.

Признание того факта, что можно обойтись без коммунизма в разных мелких несчастиях, мне необходимо для того, чтобы опровергнуть ваше последнее сомнение, а именно сомнение в роли наследства в деле разложения строя.. Если вы поверите мне, что можно себя гарантировать от разорения посредством страховки, скажем, то тем самым вы должны признать, что и второй ряд причин не поставит при нашем строе индивида в гибельное положение, в нужду, в необходимость итти и ползать у ног ближняго, прося ссуды.

Словом, вы признаете, что наш строй не заключает элементов разложения. А раз так, то что может сделать **наследство?**

Ничего, ничего вообще. А у нас тем более, ибо мы прямо заявили: у нас не копят наследства в виду того, что оно — самопожертвование. Мы сказали, что у нас не копят из принципа, но и сама жизнь не побуждает нас к накоплению, так как копят только там, где не уверены в завтрашнем дне.

Наш же строй, давая каждому работу, страхуя болезнь, не дает совершенно никаких причин к безпокойству.

Ну, вернемся к вопросу о наследстве.

Благодаря тому, что у нас не копят наследств, **они не могут быть велики.** Главная суть наследства будет состоять из предметов потребления и орудий труда в ассоциационном производстве.

Наш строй, уничтожая рост (%), не дает оставленному наследству увеличиваться и тем самым сильно мешает образованию состояний. Вы на это можете сказать, что в средние века тоже запрещали проценты, но тем не менее проценты существовали, что закон, следовательно, тут ни при чем. Вполне согласен с вами. Вполне согласен, что если законы стоят в противоречии с жизнью, — они будут обойдены *), что там, где жизнь создает нужду, там всегда будут пиявки. Но у нас-то не будет нужды, у нас наши принципы будут подтверждаться **жизнью.** В этом смысле я и говорю, что наш строй не дает возможности проявлению %.

Сделаем теперь еще несколько шагов к развенчанию роли наследства в нашем строе. Дело в том, что мы не признаем **права наследования на родительское имущество детьми,** ибо такое право было бы посягательством на волю родителей. Родители сами имеют право распоряжаться своим имуществом, находясь при смерти.

Однако, воля родителей в этом вопросе не свободна. Она

*)На этом-то основании мы и требуем уничтожения законов.

определяется условиями жизни. Они диктуют, кто будет наследником.

Так, исторически мы видим, что наследство не всегда доставалось детям. В древнейшие времена наследовал род, позднее — сложная материнская семья, за ней — сложная патриархальная и лишь в новейшее время — дети. Вглядываясь в причины таких перемен, мы можем сказать, что наследство попадало в руки тем, кто вместе боролся за жизнь, кто поддерживал друг друга во время различных невзгод, а эта группа исторически менялась. В будущем она вновь изменится, как мы увидим ниже, и **наследство минует рук детей.**

Итак, вопрос о наследстве, как и все прочия возражения, свелся к нулю...

"Простите, что перебиваю вас, но вы неправильно выразились. Надо сказать: "сведется к нулю, если вы докажете, что возможно гарантировать себя на случай болезни, на случай старости, смерти родителей, не прибегая к коммунизму".

Мне остается только извиниться перед вами за неточность выражения и, не тратя лишних слов, начать описание "больного строя", т. е. тех мер, которыя мы принимаем на случай разных несчастий, могущих постигнуть нас.

* * *

ГЛАВА II.

Заплаты

Если бы люди могли быть уверены в своей жизни, если бы их организм, не подвергаясь никаким болезням, мог умирать по их воле, тогда у человека не было бы никакой заботы для предохранения себя от разных жизненных случайностей.

Но в мире, в котором мы живем, бывает иначе. Наша жизнь каждую минуту может пресечься, мы можем лишиться работоспособности и т. д. Опасность одинаково висит над всеми нами. Все мы живем под одинаковой необеспеченностью. Когда постигнет кара— неизвестно, но каждый желает ея избежать. Каких принципов следует держаться, чтобы предохранить себя от ударов судьбы?

Нитшеанец, конечно, не долго думая, потребовал бы лечения от перваго встречнаго, в случае отказа взял бы его за горло и заставил подчиниться своей воле.

Мы, конечно, так поступить не можем. Но не можем мы приз-

нать и коммунистического лечения — коммунисты неразборчивы в средствах помощи. Все у них лечится милосердием и любовью.

В следующей главе мы разберем суть такого лечения.

Мы, конечно, и так не можем поступить.

Как же мы боремся с враждебными нам стихиями природы, гнетущими нас в силу несовершенства нашего физического устройства?

Мы снова кладем наш обычный принцип "не вреди", т. е. **мы признаем, что помощь должна быть не милосердием, а взаимной страховкой от несчастных случаев.** Только страховка дает нам возможность провести наш принцип до конца. Страховка — не снисхождение, не милосердие. Только при ней люди обезпечивают себя от опасности на равных условиях. До самой своей смерти человек остается верен своему убеждению: "не вреди".

"Верен?" — перебьет меня какой-нибудь читатель-коммунист: "нет, так как страховка таит в себе элемент эксплуатации. Напр., вы заболеете, возьмете лекарства, а после умрете. Что с вас тогда взять? Или вы умрете и оставите нам своих детей, которых нам придется кормить. Не выпьете ли вы нашей крови, благодаря своей смерти?"

Не правда ли, какое страшное возражение для анархии? На первый взгляд, оно кажется неопровержимым, крепким, как атлант.

Неужели смерть, грозная смерть может нарушить своею костлявою рукою принцип "не вреди", унося преждевременно жизнь?

Но если бы даже это было так, о жестокий коммунист, то что мне, социальному реформатору, поделать со смертью? Что можно взять, наконец, с бездыханного трупа? Общественный ли это даже вред? Нет, это вред самой природы, происходящий в силу ея велений, разрушающий все наши планы.

Смерть — жестока. Она не останавливается ни перед чем: она разрушает сердце молодой возлюбленной, отняв у нея любимаго человека, она уносит преждевременно приобретателя, не дав окончить ему работу, она нарушает честное слово человека, взявшагося что-либо исполнить. Словом, она всюду кладет предел воли человека.

Неужели ты, коммунист, будешь от меня требовать, чтобы я победил самое смерть? Неужели ты будешь так жесток, что опозоришь бездыханный труп за то, что он, несмотря на всю свою волю, не может подняться и отплатить тебе? Да?

Ну, тогда подожди еще торжествовать. Наш строй таит в своих недрах еще одно средство, которое даст возможность парализовать несправедливость самой смерти, этой непрошенной гостьи.

И это средство заключается в том наследстве, которое оставляют нам **мертвецы**, и о дурных последствиях которого вы нам все время пророчествовали. Смотри, как над тобою смеются теперь мертвецы. Ты говорил, что они разрушают принцип "не вреди". Нет, они его спасают. Да, коммунист, ассоциации мертвецов исправляют все. Не перебивай меня. Слушай!

История культуры нас учит, что наследство от покойников доставалось разным лицам, смотря по тому, как этого требовал способ производства.

В индивидуальном периоде, как мы говорили, наследство получала орда, ибо она была хозяйственной единицей. В охотничий — когнаты *), в пастушеский — агнаты, в феодальный — дети, ибо единичная семья в этот период стала хозяйственной единицей.

В капиталистический период право наследования детьми начинает уже мало-по-малу пропадать. Отец получает право завещать свое имущество помимо детей — и это об'ясняется тем, что капитализм разбрасывает отца и детей в разныя стороны, создавая у того и другого самостоятельныя хозяйства.

Обезпечивать себе старость, болезнь — начинает становиться личным делом каждого; появляются страховыя компании, возникает государственное страхование, пускает ростки взаимное страхование.

Наш же ассоциационный строй, разрушая совершенно семейное домашнее хозяйство, доводит индивидуализм до крайней точки.

Индивид делается хозяином. Индивиды, соединяясь ради выгод в ассоциации, борются ассоциационным путем, образуют ассоциационную хозяйственную единицу. Естественно, что такой переворот в производстве должен повлечь и соответствующий переворот в наследовании. Право на наследство дети должны будут совершенно потерять, оно перейдет к страховым ассоциациям.

Индивид, начав в капитализме страховаться от разных случайностей, в ассоциационном строе перейдет исключительно к этой системе. Причины ясны.

Индивид, перестав вести семейное хозяйство, получит полное право распоряжаться имуществом. Куда он его отдаст?

Ясно — тем индивидам, которые вместе с ним будут бороться за жизнь, помогать в нужде, ходить за больным, вместе работать. А это будут не дети, а ассоциационеры; к ним и перейдет имущество.

По достижении возраста самостоятельности, каждый член всту-

*) См. Морган. "Первобытное общество". Когнаты — родственники по женской линии, агнаты — по мужской.

пает в страховыя ассоциации, договариваясь, что, пока он будет иметь силы, он будет исполнять свои обязанности и обязательства, на которыя он договорился. Когда же он заболеет, то члены ассоциации должны помочь ему. На случай могущих быть недочетов, вступающий в ассоциацию индивид отдает ей свое имущество, которое останется после смерти.

В будущем может образоваться или одна страховая ассоциация, или несколько — это дело будущих людей. Эта или **эти ассоциации будут получать наследство,** так что у ней (или у них) составятся громадныя массы имущества, и из **этого резервуара будут пополняться недочеты отдельных членов** по страховке, не ложась гнетом ни на чью шею.

Поясню. Напр., если я умру, оставшись должником ассоциации, то другой умрет оставив ей излишек, и в результате ассоциация ничего не потеряет.

Я тут не признаю гармонии; у меня только нет цифр доказать, что **наследств всегда остается больше, чем издержек по лечению.** Однако, это такой очевидный факт, что он прямо бьет в глаза. **Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на современный строй, и мы увидим, что богатство растет из года в год, а не поглощается смертью.** Так, страховка, как принцип, не несет эксплуатации и может служить верным средством самопомощи у нас.

Покажем теперь разницу между самопомощью и милосердием.

* * *

ГЛАВА III.

Милосердие и самопомощь.

О, какая великая разница между этими двумя понятиями! Милосердием, под какими бы наружными формами оно ни скрывалось, называется всякая **подачка** без эквивалента. В милосердии кроется что то унизительное.

Глубоко прав Нитше, говоря: "Я не настолько беден (конечно духовно), чтобы подавать". Милосердие — это самая гнусная заплата к прорехам всякаго строя. Но позор тому, кто возводит его в принцип, в главное правило поведения всего общества!

Позор! ибо такой принцип, развив нищенство, попрошайничество — эту язву из язв, убьет всякую совестливость; всякий лентяй

станет дерзновенно требовать **по праву** пота и крови у трудолюбивых для удовлетворения своего мерзкого желудка!

"И будут", выражаясь библейским языком, "при таком строе прожоры брать без зазрения совести, будут ворчать, ругать и клеймить отстаивающих свои права... будут взывать к нравственности, чувству товарищества. О, как трудно придется тогда вам, мои равноценность и свобода! Трудно придется вам жить в стране господ и рабов. Но вы смело отстаивайте себя и — победите".

Коммунисты кладут милосердие, хотите — братство, в основу всего своего здания. Милосердие — беззастенчиво. Оно свободно и легко садится на шею ближнему, давя его своими цепкими руками.

Получающий милосердие — грабитель. Он думает, что другой создан для того, чтобы быть сиделкой у него. Отвратительныя притязания! К чорту милосердие и милосердных — они у меня разливают желчь. Поищем лучше более **достойного способа для обезпеч**ния своих нужд.

Мы думаем, что это — **самопомощь.** Присмотритесь к ней.

Посмотрите, что кроется в самопомощи или **обмене взаимных услуг.** Посмотрите, не тот ли это принцип, который мы старались красной нитью провести в нашей работе, не сама ли это справедливость, но только в отрицательной форме. Да — это она.

Справедливость, а, следовательно, и самопомощь питают уважение к личности другого. Ближний у тебя при ней ничего не берет, и ты не даешь ему никаких подачек. При самопомощи, вы друг другу оказываете услуги. Вы — больны, я вам помогаю; я болен, вы —мне. Но бойтесь смешивать **обмен взаимных услуг с милосердием, облеченным в эту форму** — оно тогда еще гадливее.

Вы сразу узнаете его. Вот признак его — обмен услуг без счета, без эквивалента. Плюйте на дающаго так!

Истинный обмен услуг заключается в обмене, основанном на равенстве услуг — этот принцип должен лежать при взаимной помощи. Мы презираем милосердие и отвергаем его. Пусть оно будет идеалом мягкотелых натур! Сами мы признаем обмен эквивалентных услуг. Поясним приложение нашего принципа на деле.

* * *

ГЛАВА IV.

Обезпечение старости.

У коммунистов вопрос об обеспечении решается очень просто.

Каждый человек, проработав 25 лет, освобождается от трудовой повинности, чтобы почивать остальную часть жизни в праздности.

Содержание, корм и прочее доставляются инвалидам молодым поколением. Молодое поколение на своих плечах несет бремя немощи стариков, давящее их всею своею тяжестью. Во имя чего же, во имя какого идеала навьючивают так молодость?

Во имя обезпечения старости.

Ведь нужно же гарантировать каждому спокойную старость.

А как это сделать? Единственный выход — это обложить трудовою повинностью молодость. Да от этого и молодость ничего не потеряет. Сейчас она везет на своей спине стариков, а там и сама она, взяв клюку, поедет на своих детях и внуках... Справедливо, законно, хорошо, а главное, такая организация дает простор, свободу от труда в течение 40 лет... Человек в это время может жить и наслаждаться жизнью, будучи свободен, как птица небесная.

Наслаждаться жизнью! — Какая наглая насмешка.

Ведь освободятся **инвалиды**: лысые, толстые, с брюшками старички... Они будут не наслаждаться, а влачить жизнь.

Но от иронии перейдем к критике.

Что можно сказать против такой "общественной" гарантии старости?

Она — шаблон.

Общественное постановление содержать стариков насилует мою свободу распоряжения своею жизнью. Представьте себе, что я могу быть таким индивидуалистом, что не пожелаю жить стариком с отвислым уже брюшком, а предпочту выпить всю молодость, а к старости посредством самоубийства покончить жизнь. Зачем же мне тогда по воле большинства поддерживать разлагающиеся трупы?

Она — эксплуатация.

Такая насильственная повинность, помимо шаблона, содержит в себе эксплуатацию меня, ибо я могу быть слабосильным и заранее знать, что не доживу до старости, а разных паралитиков в свою короткую жизнь мне придется все-таки тащить — закон велит.

Каковы выводы из сказанного?

1) Что отношения между отживающим поколением и молодым не могут сковывать воли более молодого.

2) Что обезпечить себе старость — личное дело каждого: кто как хочет, так и выполнит его.

3) Что общих законов о старости не должно быть.

4) Что для обезпечения себе старости каждый должен вступить в те или иные отношения с молодым поколением.

Зная эти выводы, приступим к решению проблемы о старости, как мы ее себе представляем. Однако перед началом оговорюсь, что решение наше не обязательно. Тот, кому нравится "почетная" старость, может решить вопрос, как Беллами.

Наш основной принцип — это не дать себя экономически подчинить другому; к нему в этом вопросе присоединяется еще другой: как бы ради забот о старости не убить молодости — в молодости потрудишься, а в старости умрешь.

В виду этих соображений, мы не стараемся обеспечить себя на 100 лет, а на основании статистических данных страхуем себя на наиболее вероятную продолжительность жизни.

Конечно, желающему гарантировать себя на 100 лет жизни мы не запрещаем — это дело каждого, но разумный человек едва ли так поступит. Помня это, перейдем теперь к описанию того, как можно, не эксплуатируя, гарантировать себе обезпеченную старость.

* * *

По статистическим данным каждому будет известно, что человек к стольким то годам становится нетрудоспособным, и в нетрудоспособности может прожить еще столько-то лет.

Положим, что немощность будет продолжаться от 60 до 70 лет.

Зная это, каждый 50-летний должен будет задуматься о судьбе, грозящей ему через 10 лет, и искать средств избежать ея.

Как же каждый может гарантировать себе покойную старость?

Работать усиленно в молодости, чтобы накопить на старость достаточное количество средств потребления?

Нет — все погниет.

Отказывать себе в необходимом и копить? Тоже не годится.

Так как же?

Очень просто. Каждый, чувствующий приближение старости (50 лет), должен будет заключить договор с молодым человеком, только что вступающим в жизнь, по окончании образования (25 лет). Дого-

вор этот будет приблизительно такого рода: "мне 50 лет, я еще обладаю полной силой, десять лет могу работать как вол; но через десять лет мне трудно будет себя кормить; в виду этого я хотел бы попросить вас содержать меня, когда мне стукнет 60 лет, от 60 до 70 лет; за это сейчас я вас освобожу от труда на 10 лет, буду на вас работать. Согласны?"

Может ли быть какое-либо сомнение в согласии?

Подобные договоры могут заключаться не только 50-летними.

Если кто захочет раньше — может и в 40 и в 30 лет и т. д. Время договора — тоже неопределенная величина. Договариваться можно и на 5, и на 3, и на 2 года.

* * *

Не правда ли, чудная идея? Нет? Почему?

"Да потому, что такие контракты могут заключать только безумцы. Ведь те молодые люди, с которыми заключают договоры старики, — смертны. Умрет молодой человек — и 10 лет труда старика как не бывало, и в результате, притом, безпомощная старость".

Понимаю ваши сомнения. Ваши опасения справедливы. Но против этого у нас есть средство борьбы. Оно заключается в ассоциациях молодежи. Молодые люди, желающие в молодости, в самые радостные годы, быть свободными от насущных забот, предаваться счастью, науке, наслаждаться полнотою жизни, составляют ассоциации. Поверьте, что в них участвует вся молодость. Кто не любил в эти годы жизни, кто не хотел на воле пополнять запас своих знаний!

Целью этих ассоциаций является взаимное ручательство, что обязательство, принятое одним, будет выполнено в случае его смерти всеми другими. Срок, на который каждый ассоциационер может себя освобождать от труда, определяется статистикой. Статистика покажет, что при таком-то количестве наследства, при такой-то смертности договаривающихся, можно заключать договоры на столько-то лет.

Не думайте, что в этих ассоциациях кто-нибудь об'эксплуатирует другого, оставив после себя долг неоплаченным.

Долг будет погашаться наследствами каждого из членов ассоциации. Чем больше членов в ассоциации, тем, конечно, договоры могут быть заключаемы на более долгие сроки.

В этих ассоциациях молодежь остается до тех пор, пока она молода, пока она не выполнит, после отдыха, взятых на себя обязательств. После этого она выходит из состава этой организации и вступает в организацию стариков для обезпечения себе ста-

рости. Старики же образуют ассоциацию для того, чтобы взаимными оставлениями наследств сократить себе срок договора на старость.

Эти ассоциации молодежи дадут уверенность каждому, что его труд не пропадет даром.

* * *

Благодаря такой взаимной услуге, молодость охотно содержит старость — и пропадает тот гнет, который давил ее своим авторитетом. У нас молодость знает, за что ей придется трудиться. Она будет трудиться за самое веселое время своей жизни, жертвуя более бледными годами... А у Беллами за что? За прозябание в дряхлой старости жертвою молодости...

О молодость, молодость! расти, цвети — мой искренний тебе привет! Не давай старости и слабости опутать тебя. Ты больше прав (понимай не дословно) имеешь на жизнь. Тебе открыты все прелести жизни... Живи! живи!

У нас старость будет в почете, и прогресс пойдет усиленным темпом вследствие освобождения молодежи от труда. У нас, обыкновенно, раньше 35 лет не принимаются за работу.

Не правда ли, какое раздолье!

И этим раздольем мы исключительно обязаны только нашей свободе, нашей вражде к регламентации, нашей ненависти к воле монарха или народа. Воля других несет шаблон и единообразие, свобода же дает возможность каждому самому заключить договор, когда и на сколько он хочет: хочешь молодость обезпечить — заключай договор со стариком; хочешь старость—набирай больше работы, будучи молодым.

В вопросе о старости очень рельефны и выпуклы выгоды и свобода анархии, но такую же свободу распоряжения собою дает анархия и в других сношениях между людьми.

Подумайте немного — и вы убедитесь в этом.

* * *

Как быть с теми, кто может не расчитать времени страховки — и спохватиться только тогда, когда он уже не в состоянии работать?

Не разложится ли строй от таких стариков?

Что касается последнего сомнения, то оно не имеет основания.

Как хилый старик может разложить строй?

Вы скажете, что его будут эксплуатировать?

Эксплуатировать? — но это глупо!

Раз его можно эксплуатировать, значит, он может работать.

Раз он может работать, тогда зачем он к вам пойдет эксплуатироваться?

У нас идет пока речь о немощи и немощных... А от таких эксплуататор скорее отвернется с омерзением, сожмет свой карман потуже — и быстрыми шагами уйдет.

Чтобы сбить меня с позиции, вы можете привести в свою пользу еще один аргумент, а именно: капиталист поможет старику временно, чтобы, когда он поправится, об'эксплуатировать его.

Но, дорогой читатель, ведь это другой вопрос, вопрос болезни. Мы рассмотрим его в следующей главе.

Сейчас же дадим ответ, что делать развалине, которая не успеет себя застраховать?

Если он придерживается наших взглядов, то он выберет себе смерть, но не позволит себе сосать кровь молодой жизни.

В такой смерти мы должны видеть доблесть. Эта доблесть не чужда даже всему животному миру, не тронутому гнилью современного строя; только мягкотелые коммунисты, не считающиеся с жизнью ближнего, думают иначе.

Прочитайте описания убийства, вернее — самоубийства стариков у дикарей. У них истинный альтруизм. Прочтите описания жизни животных, как они поступают с неспособными к жизни.

Впрочем, не бойтесь, старички! Вам предоставляется право, будучи молодыми, составить ассоциацию для поддержания друг друга до глубокой старости.

* * *

Борьба с болезнями в будущем.

Мы боремся с болезнями тем же самым способом, каким и во всей жизни.

Дело строить больницы — не "общества", а индивидов, заинтересованных в постройке их.

Каждый из нас, зная, что он не безболезненен, стремится ассоциироваться с другими, чтобы завести лечебницы, больницы, аптеки и т. д.

Таким образом, у нас создаются **ассоциационные больницы, аптеки и лечебницы.**

Ассоциационные больницы содержатся разными ассоциациями; средства на них дает каждая ассоциация. **Каждый из ассоциационеров поддерживает больницы и прочее соразмерно потреблению.**

Ассоциационные больницы будут разнообразных типов, сообразно вкусам и желаниям вступающих в ассоциации лиц.

Каждый в ассоциационной больнице является товарищем, ассоциационером, хозяином — и встречает в ней радушие, уважительность.

Доктора, работающие в ней **по договору с каждым** — аккуратны и внимательны.

За лечение каждый расплачивается лично.

Трудовой взнос за лечение берется после выздоровления, когда человек оправится и сможет отработать то, что взял во время болезни.

Словом, больница является товарищеской взаимопомощью.

В случае смерти в больнице, расходы по лечению уплачиваются из имущества умершего в виде известного %, а прочее наследство разделяется между другими ассоциациями: ассоциацией молодости или старости **и т. д.**

Суммируем кратко выгоды ассоциационной системы страховки от болезней:

1) Отсутствие эксплуатирования.
2) Лечебница желаемаго типа.
3) Вежливое обращение в лечебнице.
4) Нравящиеся доктора.
5) Аккуратность и исполнительность их.

* * *

Обобществление же больниц все эти выгоды парализует и обращает их в противоположное.

Обобществленные больницы — больницы эксплуатации, ибо там больной содержится на счет здоровых...

Обобществление дает населению больницы типа, желаемого большинством, что должно будет привести в отчаяние больных из меньшинства.

В обобществленой больнице я не хозяин, а приживальщик; бюрократы, чиновники большинства, заведующие больницей, на меня так и смотрят, ведя себя грубо и вызывающе.

В обобществленной больнице и доктора невнимательны и халатны к больным, ибо они служат помимо воли каждого больного в лечебнице, являются чиновниками, белой костью... и больные, чувствуя свое бессилие, ничего не могут поделать с ними.

На основании всего этого мы не хотим "милосердных больниц".

Мы не хотим пить кровь милосердного, хотя он, благодаря своей мягкотелости, заслуживает этого.

Мы хотим сами платить за все. Сколько лекарств возьмем, столько и заплатим.

Во время нашей болезни мы не хотим висеть ни на чьей шее... Больница является лишь временной товарищеской поддержкой. Только такие больницы не унижают и не отдают меня на произвол докторов, поставленных "милосердными".

* * *

Страховка детей.

Разобравши теперь вопрос о больных и стариках, коснемся и детей.

И в детском вопросе мы вполне обойдемся без всеобщего порабощения, держась нашего основного принципа: страховой ассоциации.

Ассоциации родителей гарантируют жизнь детей так же хорошо, как и социалистическое государство.

А потому нечего кричать, что мы проповедуем: "право сирот — смерть".

Каждый родитель, помимо любви, **обязан** позаботиться о судьбе своего ребенка, которого он ввел в жизнь безоружным и которого он не может бросить безпомощным на произвол судьбы в случае своей смерти, не нарушив элементарной справедливости.

Бороться родители будут, как мы уже упоминали, ассоциациями. В будущем родители соединятся в ассоциации для взаимопомощи детям на случай своей смерти.

Конечно, размер ассоциаций будет зависеть от родителей.

В них могут войти или самые близкие люди, или ассоциации могут охватить десятки тысяч родителей. Во-втором случае, дети будут оставаться на попечении тех лиц, которым родители, по договору, умирая, поручат их, так что вся казенщина пропадает.

Средства, необходмые для содержания сирот, могут составляться двояким образом. Во-первых, из оставшихся наследств часть, и преимущественно главная, пойдет на это дело.

Во-вторых, из взносов родителей.

Сумма таких богатств легко может быть вычислена. Взносы родителей должны быть не равными, а находиться в зависимости от количества и возраста детей, возраста родителей, здоровья и силы как детей, так и родителей, продолжительности жизни предков...

С возрастом детей отцы будут получать обратно свои страховые взносы. Так легко разрешается вопрос о страховке детей.

* * *

Даровой кредит и страховка орудий труда.

На вышеописанных началах могут быть построены даровой кредит и страховка труда.

В "даровом" кредите у нас не будет особой потребности, так как у нас есть другие учреждения, дающие нам возможность обходиться без него. Напр., вместо того, чтобы кредитоваться, я могу заключить со стариками договор на месяц, год — это и будет равносильно кредиту.

Однако, для разнообразия учреждений, в будущем могут образоваться и кредитные ассоциации.

Целью этих ассоциаций будет оказывать своим членам взаимопомощь. В случае нужды одни члены будут оказывать кратковременный кредит другим, так что кредит выйдет взаимным, а потому и даровым. Только исказители анархизма, а в частности — прудонизма, могут анархистов упрекать в милосердии на основании слова "даровой".

У нас кредит будет даровым, потому что он будет взаимным. Ну, теперь перейдем к страхованию орудий труда. Страховка у нас опять будет принадлежать добровольным ассоциациям, членами которых будут сами заинтересованные лица.

Потребность в этих ассоциациях у нас тоже будет невелика, ибо ассоциационное производство, как мы старались показать выше, само заключает в себе страховые элементы. Орудия труда, ведь, у нас принадлежат не рабочим, а группам потребителей, а потому потеря их падет незначительною тяжестью на каждого — а это и есть уже страховка.

* * *

Отдел IV. ДАРВИНИЗМ, КОММУНИЗМ И АНАРХИЯ.

Брамины: "Дети, старцы, бедняки и больные должны быть господами на земле"*).

* *
*

Нитше: "Как? А если правда в обратном? А если в "добре" симптом хода назад, опасность, соблазн, яд, наркотик, с помощью которых настоящее живет на счет будущего? Может-быть, именно, мораль виновата в том, что возможно высокая власть, сила и роскошь типа человека, никогда не могла быть достигнута? Может-быть, мораль—опасность опасностей"**).

* *
*

ГЛАВА I.

Дарвинизм и три типа отношений.

В каком смысле можно говорить о согласовании дарвинизма с разными общественными учениями? Я этот вопрос потому задаю, что многие исчерпывают учение Дарвина учением о приспособлении организмов к своей среде, а потому утверждают, что бессмысленно говорить о согласовании учения Дарвина с каким-либо одним учением; что все учения согласуются с теорией Дарвина.

Действительно, если мы будем смотреть на дарвинизм только как на учение о приспособлени, то тогда дарвинизм оправдывает все учения об обществе. При известных условиях, напр., паразиты больше имеют шансов на жизнь, чем более развитые организмы. Они, приспособляясь к среде, в которой задыхаются более развитые организмы, переживают их и наводняют мир своим потомством.

Мне кажется, что учение Дарвина, кроме учения о приспособляемости вообще, говорит еще о приспособлении к жизни **наилучших.**

Оно говорит, что иногда жизнь, жизненные условия порождают паразитов, иногда же богато одаренные организмы.

Целью и идеалом будущего должно быть насаждение таких

---

*) Фуллье, "Ист. Фил.", стр. 10.
**) Нитше. "Ев. культ.", стр. 101,

полных жизни организмов. Вот с этой-то второй точки зрения и можно говорить о согласовании дарвинизма с общественными учениями. Посмотрим же, какому учению даст свою санкцию дарвинизм.

В последнее время очень много говорилось и писалось о согласии дарвинизма и коммунизма. Этому вопросу, между прочим, посвящена интересная книга Вольтмана: "Теория Дарвина и социализм". В этой книге Вольтман пытается, с одной стороны, показать, что современный капиталистический строй (один из видов нитшеанского отношения) не дает осуществиться подбору лучших; с другой стороны, что коммунизм и дарвинизм вполне гармоничны.

Почему современный строй не дает осуществиться подбору наилучших — я думаю, это всякому ясно. Современный эксплуататорский строй дает искусственную поддержку одним индивидам и ухудшает почву у других. Посмотрите, как какой-нибудь вырождающийся сынок богача легко одерживает, благодаря золотой мошне, выпитой из крови современников, победу над здоровыми и сильными пролетариями.

В современном строе лучшие мрут, выживает одна падаль, наиболее грубая, нечистоплотная, нестесняющаяся средствами, приспособленная к мутной среде капитализма. Иную среду, иные условия, по мнению Вольтмана, создает коммунизм.

Коммунизм, уничтожая капитал-вампир, наследство... создавая **одинаковые** условия для развития, будет служить рассадником сильного, могучего поколения, которое, путем наследственной передачи приобретенных свойств, в несколько веков создаст совсем новую расу. Верны ли эти оптимистические ожидания Вольтмана?

По нашему мнению, нет. При анализе коммунизма, Вольтман сделал одно упущение, которое привело его к ложным выводам.

Вольтман совсем не задался вопросом, каким путем создаются **равные, одинаковые условия существования для коммунистов.** Если бы Вольтман поставил себе так вопрос, то он пришел бы к выводам как раз противоположным тем, какие он сделал. Зададим же мы себе поставленный выше вопрос. Каким же образом у коммунистов создаются равные условия для существования?

Этот вопрос мы уже рассматривали в критике коммунизма. Там мы видели, кем создаются орудия труда, средства производства.

Однако, здесь еще раз не мешает остановиться на этом вопросе. Чьим же трудом в коммунизме будут добываться орудия труда и средства производства? Вы скажете "общественным". "Общественным?" Бросьте это "общественным". Не будем играть призраками: ведь "общество" — не реальное существо. Лучше посмотрим, как индивиды будут восстановлять капитал.

Как, вы думаете, индивиды будут восстановлять капитал при

формуле: "каждому по потребностям и от каждого по силам?"

Сильные, скромные, малосемейные будут создавать пробковые пояса для "слабых", а для себя ковать свинцовые гири. Словом, "слабые" при коммунизме получат **искусственную** поддержку — вот где верный путь для вырождения.

Вырождение еще усилится тем, что "слабые", кроме орудий труда, получат еще безплатную кормежку — мы видели, как сильные будут создавать продукты питания для "слабых".

Но и этого еще мало: плодовитые получат премии за % крысиной рождаемости — и последствия чрезмерного размножения, долженствовавшия пасть на плотоугодников, падут на всех. Вот как создаются равные условия для всех!

Равые условия существования для всех в коммунизме — это миф, и, как показывает нам анализ, коммунизм есть **сплошная привилегия**; весь он построен на премиях и подачках, а потому с насаждением его наступят общия хилость, слабость...

В своей работе Вольтман был бы прав, если бы корм, орудия труда и средства производства падали с небес по мановению волшебного жезла коммунистического начальства. Но — увы! — жизнь такие мечты не оправдывает.

Итак, мы видим, что ни апологеты современного строя, ни сторонники коммунизма не могут примирить непримиримое. Воровская природа капитализма, слизнячество коммунизма ничего общего с Дарвином и его теорией не имеют.

Перейдем теперь к сравнению дарвинизма и анархии. Первое, поверхностное сравнение прямо говорит о полной солидарности анархизма с дарвинизмом. Чем дальше вы будете углубляться в этот вопрос, тем все крепче и крепче будет первое впечатление. Посмотрите бегло на наш строй — и вы увидите истину сказанного.

У нас каждый сам себя кормит, каждый сам добывает себе орудия труда и средства производства, каждый сам содержит себя во время нездоровья и болезни.. Вследствие всего этого, лучший тип не задавливается. Он может развиваться среди хилых, не понижая себя, не обращая себя в повивальную бабку и сиделку над ними. Словом, наш строй дает полную возможность отбора лучших. (У растений еще могут существовать привилегии в более или менее жирной почве).

Итак, только наш строй, который не дает никому жить на чужой счет, который не давит ничьей воли, но, напротив, требует, чтобы каждый сам на себе нес ответственность за свою жизнь, вырастит крепких и могучих духом индивидов.

* * *

ГЛАВА II.

Возможно ли приносить человека в жертву прогресса?

На этот вопрос, как и на всякий, существует три ответа. Один ответ дает Нитше. По Нитше, сознательные люди должны своею целью поставить рождение сверхчеловека. Сообразно такой своей цели, **они должны на современных людей смотреть лишь как на материал,** из которого надо вылепить сверх'человека.

Индивиды, в глазах таких "сознательных" людей, не имеют собственной ценности, не представляют цели в себе, они имеют ценность постольку, поскольку могут служить прогрессу. **Живая личность** приносится в жертву призраку.

Слушайте, каковы права людей, стремящихся поднять человечество на высокую ступень прогресса. Они должны быть тверды. Они могут ради идеала приносить целые гекатомбы невинных; с отдельными лицами должны не церемониться и т. д.

Такой "сознательный" человек обращается в зверя. Благо дальнего для него всего дороже; ради достижения его он готов проливать целые потоки невинной крови.

"О дальнее, дальнее! ради тебя не пожалею ближнего, ради тебя толкну его в пропасть, чтобы дать место лучшему типу", — так нитшеанец возносит дальнее. Тут целью организации является не **личность существующего человека, а продукт личностей, т.-е. усовершенствование типа.**

* * *

На эту тему очень остроумно писал в свое время и Платон. Между Нитше и им разница в том, что Платон мирнее характером (он предлагает, напр., спаривать молодых людей), но гнусность его планов от этого ни на иоту не уменьшается. По моему мнению, где личность не признается, там путного ничего не может быть, там лучшая почва для развития не "сверх'человеков", а "под'человеков".

История вполне оправдывает такие выводы. Сравните аристократию всех стран — и, кроме под'человечества, в ней ничего не найдете.

Дорогою, указываемою Нитше, придешь не к лучшему типу, а к вырождению.

* * *

На другой точке зрения стоят коммунисты — предмет ненависти Нитше. Они сделали **целью общества благо ближнего.**

Пусть гибнет прогресс, но ты должен быть сиделкой ближнего. Нежь, холь и ласкай его! — вот их лозунг. При подобном лозунге прогресс совсем приносится в жертву сущему. Раны ближнего поглотили все дальнее.

Прав, потому, Нитше, громя "слабых", эти тормозы прогресса. Дать вымереть этим выродкам коммунисты не могут — они будут их няньками. Отсюда — теория любви к ближнему ведет к регрессу.

* * *

Мы стоим на третьей точке зрения — и нам она кажется самой правильной. Мы уважаем личность ближнего, признавая "не вреди", но мы не жертвуем прогрессом ради блага ближнего.

Выродку — естественная смерть! Мы не говорим: "толкай ближнего", но не говорим и "поддерживай", а говорим: "вымирай".

Только таким путем мы достигнем истинного прогресса. Итак, мы ставим целью благо каждого индивида — неприкосновенную личность; но в то же время даем место для прогресса, не поддерживая выродков. Прогресс основан только на неприкосновенности личности.

А потому, мы требуем бережного отношения к личности, думая, что устранение нежизненных индивидов надо предоставить естественным силам природы.

Она сама знает, кого надо унести. Не надо только задерживать ее проявлений, а дать простор делать ей самой отбор.

* * *

ГЛАВА III.

А не лучше ли все-таки истребить больных и хилых?

Вот горячая речь*) в защиту истребления всего хилого:

— Что же я, по-твоему, должна сделать с Феклой?

— Вы, Анна Павловна, не отвечаете на мой вопрос, а хотите прижать меня к стене... Надо защищать принципиально...

— Тут живой человек перед мною... Живые страдания, а не принцип... Ответь прямо, что же мне, по-твоему, нужно сделать с Феклой?

— Вместо того, чтобы сидеть у нее часами, дышать зараженным

*) "Мир Божий", 1906, январь — февраль.

воздухом, портить себе здоровье, сон, аппетит — одним словом, портить жизнь здоровому и полезному члену, вы бы должны были помочь ей как можно скорее и спокойнее умереть.

Анна Павловна откачнулась.

— Вот видите! Видите, как в вас это сильно...

— Что это?

— Не знаю, как назвать! Предрассудок? Пережиток?

— Ты прямо проповедуешь преступление!

— Не думаю! По-моему, преступление — **отдавать заботы**, силы, средства на поддержание никому ненужных жизней, на продление неизлечимых страданий...

— Против кого тут преступление?

— Против **расы**, против человечества... Таких приговоренных (природою) к смерти (заметьте: я говорю о признанных неизлечимыми) нужно, **по меньшей мере**, предоставлять своей участи, а уж никак не давать им разные возбудительныя, чтобы они по возможности дольше влачили существование, заражали воздух и отравляли здоровых...

— Ведь с этими теориями, Бог знает, до чего можно дойти...

— Да я и верю, что человечество пойдет дальше... и придет время, когда для всех будет ясно, что мир не богоугодное заведение, что он существует для жизни, для полной, прекрасной жизни, а страдания — явление уродливое, непростительное, отталкивающее, — и с ними не будут примиряться.

Она помолчала, затем заговорила снова:

— Все силы будут направлены к созданию всего, что есть прекрасного и светлого в человечестве: сильной воли, мощного ума, красивого тела, смелых мыслей, великодушных подвигов... Все хилое, больное, боящееся смерти должно погибнуть, и чем скорее, тем лучше! Потому что боязнь смерти губит все смелое и великое.

Катруся ждала, что скажет Анна Павловна. Та молчала. Тогда она заговорила снова:

— Тогда всем будет ясно, что гуманнее и целесообразнее, вместо того, чтобы строить больницы для неизлечимо-больных и содержать целые армии чахоточных, паралитиков, безумных — отдавать эти средства на воспитание сильных и здоровых людей... И то, что теперь зовется преступлением — станет гражданским долгом... То, что вам кажется бессердечным — будет считаться высшим проявлением гуманности.

* * *

Верна ли вышеописанная точка зрения? По нашему, в ней истина перепутана с ложью — и наша точка зрения поможет нам отделить ценное от шлаков. Зло в этом взгляде лежит в проповеди **насильственного удаления** из мира больных, без их согласия.

На чем же основано требование такого удаления? Во 1) на том, что здоровый не должен губить себя ради больного во 2) на том, что средства, которыя тратятся "обществом" на лечение неизлечимо-больных, целесообразнее употребить на поддержание здоровой жизни. Разсмотрим, насколько основательны эти доводы.

Эти доводы были бы основательны, если бы здоровые убивали свои силы даром, или если бы они тратили их на постройку лечебниц без эквивалента со стороны больных. Но больные могут оплачивать труд и строить больницы на свои средства...

А раз это так, то и убивать их не за что, ибо они тогда не отнимают ни сил, ни средств.

Возьмем, напр., наш будущий строй. Положим, что некоторой части будущих людей придет в голову страховать себя на случай неизлечимой болезни. Составится громадная ассоциация, установятся известные взносы, отчислится часть наследства на покрытие несправедливостей — и заболевшие члены будут содержать себя на свои средства. Какое дело обществу до такой самодеятельности больных?. Ровно никакого.

А между тем, если мы не будем различать индивидуальное и общественное, если общество мы будем считать организмом, как это делают коммунисты, то больные представляются наростом, который **долг, "любовь к расе"** заставляют немедленно срезать.

Трепещите, же старики! В будущем коммунистическом строе вам медики вместо лекарства дадут отраву... В чем же заключается верность этой теории? А в том, что дряхлому не к чему жить.

* * *

Теперь, зная добро и зло вышеприведенной теории, выделим первое. Желательно — и люди в будущем этим проникнутся — чтобы больные не страховали себя на случай неизлечимых болезней, не тратили бы своих сил для поддержания себя, как трупов, но пользовались бы полнотою жизни во время здоровья.

Долой отравителей! Да здравствует добровольное удаление из жизни ради красоты и полноты ея!

* * *

ИТОГИ.

ГЛАВА I.

Общая критика коммунизма.

"Я не в состоянии жить в этой стране господ и лакеев, воров и проституток.".
(Прудон).

* * *

"Общность провозглашает себя собственником имуществ, личностей и их воли."
(Прудон).

* * *

В предыдущем изложении коммунизма мы разбросали критическия замечания между всеми отделами, так что у читателя, весьма вероятно, общая картина расплылась. Цель этой главы — сгруппировать их вместе, дабы дать общее представление.

Экономические идеалы коммунистов вытекают из идеи **практического** (действительного) **равенства**, а такой **идеал неизбежно ведет** к страшному стеснению экономической жизни людей. Практическое равенство ведет к нивеллировке людей. Под нивеллировкой надо понимать стремление уравнять людей, а не желание воздать каждому по труду, как думают некоторые: последнее стремление есть прогресс в удовлетворении потребностей.

Практическое равенство, требуя организации производства со стороны "общества", требуя известной последовательности в удовлетворении потребностей: необходимое, полезное, приятное — давая возможность удовлетворять только общественныя потребности, раскладывает индивидов на **гигиеническом ложе.**

Практическое равенство, отдавая власть в руки общества, вернее — большинства, создает диктатуру, **создает диктатора не единичнаго, но коллективнаго. Практическое равенство** ведет к эксплуатации "сильных" слабыми, малопотребных многопотребными, малосемейных многосемейными, как в распределении, так и в производстве. Коммунизм превращает фабрику в каторжные работы, создавая могучую и правосильную нерархию и чиновничество.

В коммунизме один работает, а другой, кто ничего не делает, за него отдыхает.

Вследствие неправильного **распределения** продуктов общественного производства, в **потреблении** жизненныя силы текут к отдельным личностям совершенно непропорционально затраченным ими силам в производстве, а через это **одни присвоивают себе часть жизни других:** одни процветают, другие вянут.

О, добрые! лакомьтесь, лакомьтесь мясом себе подобных!

Практическое равенство, наконец, ведет к парализации энергии, обращению энергичных в сонливых, ведет к общему худосочию, к всемирной нищете. В политической сфере коммунизм обращает своевольную личность человека в прирученное животное, делает из каждаго гражданина поднадзорнаго, а все общество превращается в стадо овец, блеющее в роде Менгера: "организация общества состоит из двух форм: 1) из формы **приказания** высшей власти и во 2) из формы **подчинения** согласно договору одного лица воле другого".

О свободе же коммуинст не имеет ни малейшаго представления — и я уверен, что он, увидав анархиста, подобно салтыковскому барану, умрет, испугавшись свободы. В нравственности коммунисты признают мораль стада: "все, что служит его расчетам и видам — хорошо". Общественное мнение — последнее слово нравственности этих дряхлых душ. В семействе девиз коммунистов — половой разврат, сопровождающийся лишением права индивида на семейную жизнь. Коммунизм ведет к вырождению.

Таков коммунизм!

Без участка и канцелярии, тюрьмы и нагайки, домов терпимости и министерства он не может обойтись ни на шаг.

Коммунизм — это безусловное презрение к свободе и какая-то вакханалия авторитарности; это — превращение людей в рабов всемогущаго общества или государства, распоряжающихся с неограниченным произволом; это — полная регламентация, нивеллировка, опека равнодушного общества. Коммунизм — это режим казарм и громадный дом терпимости. Коммунизм — это поглощение человеческой личности, стойло и господство общественного мнения; коммунизм— отвращение к труду, мука жизни, стеснение мысли, смерть личности, парализация и уродование человека. Коммунизм — это превращение "человеков" в моллюсков, "в улиток, насаженных одна возле другой без движения и чувства на скале братства". Коммунизм — это пиявка, сосущая кровь из своих ближних, это пожинание того, что не посеяно, это обложение податью всего трудолюбивого.

Вожди коммунистов — это погонщики верблюдов и прихвостни клерикалов. Таковы плачевные результаты, к которым ведет нас ко-

ммунизм. При нем наиболее постыдныя язвы остаются увековеченными и процветают. Будем же, дорогие товарищи, держаться подальше от коммунистов и их проэктов сумасшедших домов и больниц культуры!

Таковы плачевные результаты, а между тем коммунисты стремились к хорошему. Они стремились, по словам Тревора: "освободить работника от власти лендлорда и капиталиста; личность — от рабства и гибельных влечений и страстей; женщину — от экономической подчиненности мужчине; нации — от аристократической подчиненности деспотическим и чужеземным тиранам".

Чем же об'яснить такое вопиющее противоречие теории и практических результатов? Применить сюда пословицу, что "услужливый дурак — опаснее врага", конечно, можно, но это не выяснит основной причины их заблуждений. А потому, поищем коренной их ошибки.

Она заключается в непонимании того, что **"общность всего делает общей и мою личность"**. Это экономически-производственное об'яснение, данное Прудоном, стало достоянием современной науки.

Помните раз навсегда, что **"общность всего делает общей и мою личность"**. Помните, что раз вы признаете общность, то, **"общность провозгласит себя собственником имуществ, личностей и их воль"** *).

Многим это уже и так понятно. Однако, для того, чтобы вы лучше запомнили это положение, я приведу одну или две выписки из разных писателей.

Градовский **): "Коммунизм стремится, повидимому, к обеспечению полной личной свободы всех и каждого, к устранению малейшей тени превосходства человека над человеком, и средством для этого избирает общность имущества с общностью производства и потребления. Повидимому, вопрос разрешается категорически и радикально: **имущество и труд будут общие, личности будут свободны.**

Верно ли это? Увы! присмотритесь к коммунизму и вы откроете его первородный грех. Коммунизм, лежащий в основании этой системы, бьет в глаза. Подумайте немного и вы увидите, **что нельзя сделать имущество и труд общими, не сделав в то же время общей личность каждаго человека.**

Шеффле: "Современное (прибавим от себя — и будущее, проэктируемое коммунистами) отчуждение массы народонаселения от капитального имущества есть один из самых грустных недостатков в хозяйственном состоянии нашего (и будущаго коммунизма)

*) Прудон.
**) "Социализм в Запад. Евр.", стр. 124 и следующ.

строя. Это, так сказать, смертная казнь, совершаемая над пролетариатом; лишенный всякой капитальной собственности, человек не может развивать своей индивидуальности, не может сделаться главою самостоятельнаго жизненнаго целаго, не может отвечать своему назначению, и обращается в раба, способнаго проявлять только животную сторону человеческаго существа".

Штирнер: "Пусть никто более не владеет, пусть каждый будет нищим, пусть собственность будет обезличена и пусть она принадлежит обществу. Перед лицом верховнаго владыки, единаго повелителя, государства, все мы стали равны, т. е. одинаково превратились **в нули.** Перед верховным собственником станем мы одинаково нищими. Все мы нищие, и, образуя в совокупности коммунистическое общество, **мы можем назвать себя сбродом нищенскаго отребья.** Такова вторая жертва, приносимая "личностью" в интересах "человечности".

Индивиду не оставляют ни власти, ни собственности: первую взяло себе государство, второю овладевает общество".

* * *

ГЛАВА II.

Антикритика коммунистов.

Эрфурт. программа: "Свобода, потеря которой грозит рабочему при социалистическом производстве, не есть свобода труда, но всего лишь свобода самому себе искать господина".

..**Коммун. манифест,** стр. 14... "И уничтожение этих-то отношений буржуазия называет уничтожением личности и свободы! И она — права. Речь идет действительно об уничтожении буржуазной личности, буржуазной самостоятельности и буржуазной свободы. При современных буржуазных условиях производства под свободой понимают свободу торговли, свободу купли и продажи... С падением барышничества падет, конечно, и свободное барышничество."

Манифест, стр. 15: "С той минуты, когда работа не будет более превращаться в капитал, деньги, поземельную ренту... в общественную силу, которая может быть монополизирована, т. е. с той минуты, когда личная собственность не будет превращаться в собственность буржуазную, с этой минуты, заявляете вы, человеческая личность будет уничтожена. Вы сами сознаетесь, таким образом, что под человеческой личностью вы понимаете только буржуазнаго облада-

теля буржуазной собственности. Такая личность должна быть уничтожена".

Манифест: "Воцарится всеобщая лень... Если бы это опасение было основательно, то буржуазное общество давно уже должно было бы рушиться, благодаря всеобщей неподвижности; ведь трудящиеся его члены ничего не приобретают, а приобретают нетрудящиеся".

Эрфурт. програм.., стр. 150: "Иерархия не разовьет в рабочих лакейских качеств".

Вандервельд, стр. 179: "При коллективизме", воскликнул както на одном избирательном митинге один молодой либерал, подававший большия надежды, "мы были бы принуждены носить платье установленнаго правительством покроя".

—Скажите, однако, — остановил его рабочий, довольно бедно одетый, который не пришел, повидимому, в ужас перед опасностью представленной перспективы, — разве вы не убежденный сторонник светскаго, безплатнаго и обязательнаго обучения?

— Конечно, да.

— В таком случае, почему вам кажется стремление государства нарядить своих граждан в платье одного покроя странным, между тем как **вы находите естественным его стремление установить по общему покрою интеллектуальное развитие наших детей?** Государство, способное просвещать, способно также одевать и кормить.

На этот аргумент **ad hominem** наш либерал ничего не ответил".

* * *

Не правда ли, какая странная антикритика!

Коммунисты, вместо доказательств, что их строй дает свободу, толкуют о том, что ея нет в современном строе. К чему ломиться в открытую дверь.

Это верно, но также верно и то, что свободы не будет и в коммунизме. "Свобода самому себе искать господина" превратится в коммунизме в рабские цепи. Что лучше?

— Одно другого стоит.

Далее, коммунизм уверяет, что он хочет уничтожить не вообще личность, но лишь буржуазную личность, т. е. личность вора, эксплуататора, эгоиста и феодала... Чудная мысль!

На деле же коммунизм и здесь заблудился — и вместо уничтожения буржуазной личности совсем уничтожил личность, ибо "автономное стадо" верблюдов и погонщиков их нельзя считать личностями, как и буржуазную личность. Относительно лени, которая

должна воцариться в будущем, опять идет вместо положительного доказательства, что лени не будет, лишь ссылка, что сейчас рабочий ничего не получает, но не ленив. Боже! да ведь он не ленив потому, что ему дают "урок" или платят поштучно. Уничтожьте это — и в конце концов наступит лень.

Но курьезнее всего — история с либералом.

Как вам нравится аргумент рабочего в пользу коммунизма: "раз вы, либерал, не боитесь общаго покроя в интеллектуальном почине государства, то уже не так страшно его влияние в экономике".

Ну, и аргумент! Либералу-то покрой государства не страшен, но свободному человеку — он смерть.

* * *

ГЛАВА III.

Гимн анархии.

Макай: "Осуществление всех этих проектов будущаго означает, в сущности, одну только перемену господства: сегодня слабый подавляется сильным, завтра, наоборот, сильный будет угнетаться слабым. Анархисты желают уничтожения всякого господства".

* * *

Другую картину представляет анархизм. Анархизму удалось справиться с той задачей, которая оказалась не под силу коммунизму.

Мы разрубили гордиев узел, связывающий свободу с известной формой собственности, введя **обассоциированное производство.**

Ассоциационное призводство — мать всех свобод. Благодаря ассоциационному производству, анархизм дает индивидам полную экономическую свободу. Индивид, вступая в те или другия ассоциации, располагая своим трудом, может удовлетворить свои потребности, какия хочет... Отсюда полная свобода в удовлетворении желаний... Ничьи вкусы не будут подавлены. Благодаря ассоциационному производству, анархизм уничтожает эксплуатацию — и каждый получает то, что он отнял у природы. Благодаря ассоциационному производству, анархизм дает громадныя экономическия выгоды индивидам. Обассоциирование требует крупного производства. Благодаря ассоциационному производству, создается бодрый, сильный дух, будящий инициативу и творчество. Благодаря ассоциационному производству,

пропадают чиновники, перархия — и рабочий, свободно дыша, превращается в товарища. Фабрика делается ареной удовольствия. Благодаря ассоциационному производству, из сфер обращения улетучиваются разные паразиты: торговцы и прочие пауки.

Благодаря ассоциационному производству, анархизм в политической сфере дает полную свободу индивиду: **свободу мысли и свободу действия,** превращая ассоциационера из подданного в равноправнаго. Благодаря ассоциационному производству, в нравственной сфере из индивида вырабатывается гордый, независимый, непокорный человек.

Благодаря ассоциационному производству, индивид впервые получает возможность любить и быть любимым, а не быть об'ектом спаривания в руках чиновников. Благодаря ассоциационному производству, индивид легко гарантирует себе защиту от разных несчастий, прогнав к чорту разных благотворителей и милосердных. Благодаря ассоциационному производству, человечество впервые получит возможность пойти по пути совершенствования, осуществляя подбор наилучших.

Анархия — это независимость, страстное стремление к свободе.

Анархия — это уничтожение власти и чиновничества, произвола и насилия.

Анархия — это товарищество, индивидуальность и самостоятельность.

Анархия — это очаг невинности и семейнаго счастья.

Анархия — это гордость, непреклонность и независимость.

Анархия — это воплощение человека, радость жизни, свобода мысли, торжество личности.

Анархия — это гармоническое развитие человека.

Анархия — это жизнь и движение.

Анархия — это жизнь труда, отрицание барства и лени.

* * *

ГЛАВА IV.

Еще несколько слов об анархии и коммунизме.

Нитше: "Но едва ли может быть более глубокое и более роковое непонимание, как то, чтобы **счастливые, удачные, сильные душой и телом начали сомневаться в своем праве на счастье!**

Прочь этот извращенный мир! Прочь, прочь эту позорную слабость чувства! Пусть больше не делают здоровых больными: это должно быть высшей точкой на земле". *)

* *
*

Мы, анархисты, исходим из реальной личности, из индивида таким, как он есть. Мы хотим свободы, счастья для **этого индивида.** Индивиды различны по строению тела, способностям, и мы **этим** конкретным индивидам хотим дать свободу распоряжаться своею личностью. Коммунисты же не хотят считаться с реальными индивидами, с их свободой... они стремятся к призраку, к среднему индивиду, этой жалкой посредственности. Его блага, его счастья они желают... Ему в жертву хотят принести **реальных** индивидов.

Тарантул спит в каждом коммунисте. Вдумайтесь еще раз в принцип коммунизма. Вдумайтесь еще раз вот в эти слова Кабэ и Маркса:

Кабэ. — "И вы не делаете различия для ума, понимания, гения.. — Нет: все это есть **дар природы**".

Маркс. — "Но оно (право на полный продукт труда) молчаливо признает неодинаковую производительность, как **естественныя привилегии.** Следовательно, оно, как и всякое право, есть право неравенства по своему содержанию".

Слышите ли вы весь яд этих слов? Нет? Так слушайте.

Коммунисты здесь протестуют против природного неравенства людей... Им завидно, что есть люди сильные... Они смотрят на ваше здоровье, силу, как на привилегии... Они хотят отнять у вас эти привилегии. лишив вас даров природы, высших способностей, посредством имущественнаго, политическаго и семейнаго уравнения.

О, подлые пауки! Коммунисты стремятся к своему среднему ин-

---

*) "Цен. Евр. Культ.", стр. 144, 200.

дивиду, отвлеченному понятию, а для **конкретного индивида куют цепи рабства.** Пауки, эгализаторы! Будьте же хотя последовательны, вставьте в свое учение полное физическое уравнение: вы хотите уравнять наши силы, способности, уравняйте и красоту, подрезав носы красивым и сильным.

Ведь неравенство способностей и красоты, — самое горькое неравенство... Уничтожьте, уничтожьте его — тогда для всех станут яснее ваши планы... Тогда от вас скорее все отвернутся.

* * *

Отметим и еще разницу между коммунистами и нами. Мы исходили из индивида, из "я", а коммунисты — из общества, из "мы".

Слушайте их философию: "Все общественное, и "я" общественное. В нашем мозгу нет моего "я" — оно одно с "ты"... **Все наше, нет ничего своего.** Один трудится, другой ест, но что же из этого?— Тела, ведь, у нас наши. "Ты" поработает, "я" попьет и хорошо.

"Я, право, чувствую, что, когда "ты" ест, то мое "я" совсем сыто: ведь у нас все общее, так сказать — даже желудок один".

Больше (прошу не смеяться, я серьезно говорю): "вы рождаете детей и думаете, что они ваши, а у нас этого нет... "Ты" родит ребенка — это все равно как бы я родил: у нас, ведь, все общее — и дети наши... "Ты" плодит, а я кормлю".

Мы представляем одно единое, целое, нераздельное, у нас нет "я".

У нас только "мы" — и я даже не отличаю, моя ли это рука заработала хлеб, или соседа (непростительная ошибка!) *), и кушаю все с аппетитом: ведь у нас все наше. Трудно, знаете, даже отличить головы: его голова как будто моя; уж так мы сошлись, срослись, что не видим, где "я", где "ты". — Вот мы и забрались в такия дебри, что учение о триединстве кажется простым и понятным. О, одержимые! Такая философия обязывает коммунистов выходить из идеи общаго: общество — все... Оно все дает... индивид — ничто. Мы же выходим из обратной идеи... из "я"... и у нас все индивидуализируется, атомизируется, федерируется и ассоциируется.

* * *

*) Попробуйте-ка указать на это коммунисту, он сейчас же вас обругает: "буржуа". — О, подлые воры!

ГЛАВА V.

Общее сравнение государства и анархии во всех формах жизни.

"Если вы слишком слабы для того, чтобы давать самим себе законы, то тиран должен наложить на вас ярмо и сказать: "Повинуйтесь! Скрежещите зубами, но повинуйтесь".

Нитше *).

* * *

а) ВВЕДЕНИЕ.

Теперь мы проследим анархию и государство в их отношениях к различным вопросам жизни. Чтобы еще лучше оттенить разницу между анархией и государством, я позволю себе сделать краткий очерк проектов обезличивания индивидов. Когда перед вами пройдут все эти проекты, тогда вы сумеете оценить идею анархии, тогда вы сумеете понять всю ея прелесть.

Главных проектов закабаления существует 6. Вот они:

1) Полицейское государство.
2) Государство — защитник интересов.
3) Государство — цивилизатор.
4) Государство — блюститель нравов.
5) Государство — хозяин.
6) Государство — спариватель.

Опишем эти типы, начиная с самого простого и невиннаго на первый взгляд посягательства, с полицейскаго государства.

* * *

*) "Цен. Евр. Культ.", стр. 26.

б) Полицейское государство.

Воинское право — иди, куда хочешь, куда сердце велит.

Воинская повинность — иди, куда посылают.

* * *

Сторонники этого типа государства считают себя рьяными поборниками свободы. Они ненавидят коммунистов-нивелляторов.

Их единственное требование — конечно, во имя свободы (!) — это вручение государству охраны безопасности, т. е. они хотят из государства сделать цепную собаку, ночного сторожа, часового.

По их мнению, без такого вручения власти государству жизнь между индивидами сделается невозможной — будет война всех против всех.

Разсмотрим суть поползновений такого государства.. Несмотря на их кажущуюся невинность, они заключают в себе гнусное покушение на "я". Сторонники полицейского государства требуют ни более ни менее как лишения индивида воинскаго права и гражданской охраны и замены этих прав соответствующими повинностями.

Ты сейчас поймешь, читатель, всю гнусность поползновения государства, когда увидишь, какая разница между воинским правом и повинностью, гражданской охраной и полицейской службой.

..**Воинское право** — это право индивида защищать себя против всякого насилия, это право образовывать боевыя дружины для защиты себя. Индивид, обладающий воинским правом, сам решает, кого ему защищать, на кого нападать. Своею властною волею он присоединяется то туда, то сюда; он нападает на то, что считает безчестным, до смерти бьется за добро. Словом, воинское право из индивида делает сознательного борца.

Другое дело — **воинская повинность.**

Воинская повинность— это лишение индивида самоопределения.

Воинская повинность обращает индивида в материал, в пешку в руках других: индивид должен итти и бороться за то, что начальство велит. Воинская повинность революционера, баррикадиста обращает в солдата. Позор, поэтому, всем государственникам, в том числе демократам и коммунистам, стремящимся лишить индивида воинских прав!

Понятна ли вам, дорогой читатель, вся разница между воинским

правом и повинностью? Понятна. Если она вам понятна, то для вас будет понятна разница между гражданской самоохраной и полицейской службой.

Полицейская служба — это лишение индивида права охранять порядок внутри города, это отдача индивида в руки агентов большинства. Полицейская служба — это лишение индивидов воли и гражданской жизни; полицейский должен защищать того, кого ему велят; ни своей инициативы, ни гражданскаго мужества он проявить не смеет; он является лишь простой физической силой в руках иерархов.

Гражданская самоохрана — это право индивида вмешиваться активно во все внутренния дела помимо всяких полицейских.

Гражданская самоохрана — это сознательное участие, сознательное вмешательство во внутренния дела. Гражданская самоохрана — это право индивида активно бороться со злом.

Индивид! не давай обратить себя в полицейскаго и солдата, в наемника и убийцу. Индивид! ты должен снова стать мужчиной, снова дорожить своим оружием.

Свободный ассоцианионер никому не должен выдать оружия, ни перед кем его складывать!

Индивид! ты должен скорее умереть, сгореть от стыда, чем отдать оружие. Индивид! не верь разным усыпителям, что защита и охрана должны быть вверены государству. Нет, оне — твое дело. Помни, кто владеет силой, тот и будет господином.

..Не давай же себя обезоружить полицейскому государству.

* * *

Не бойтесь, что с признанием за индивидом права войны у нас будет борьба всех против всех. Нет. Война родится, как мы видели, условиями жизни. Итак, где жизнь ее вызывает — пусть будет борьба, а не убийство вооруженными безоружных, как это происходит теперь. Послушайте Антонеля, как ведется в современном строе борьба.

"Что такое разбой, как не тысячи способов, которыми французские законы отворяют дверь неравенству, утверждая спопиацию *) большинства? Может ли быть междуусобная борьба более ужасной, чем та, которая царствует в современном обществе, где каждый давит и пьет кровь другого"...

Мы отрицаем такую борьбу, где одна часть борцов измучена,

*) Спопиация — грабеж, обкрадывание.

лишена оружия, представляет из себя трупы, которые безцеремонно обдирает другая под покровительством законов. Мы не признаем такого мародерства и такой борьбы. Мы хотим, чтобы индивиды бились равным оружием, а потому **да здравствует воинское право индивида.**

Признавая за индивидом воинское право, мы отрицаем, конечно, право общества расправляться с возстающим индивидом, как с преступником, предавая его разстрелу и виселице, этой подлости государства. Мы требуем признания за индивидом права умереть с оружием в руке, защищая свое дело. Мы требуем признания в индивиде воина, а не преступника, а потому, в случае пленения его — не казни, а — или выкупа, или размена пленными.

* * *

Резюмируем посягательство полицейского государства.

Полицейское государство отнимает у индивида право самозащиты, обращая его в полицейского и солдата.

* * *

в) Государство — защитник интересов.

Есть господа, которые, обезоружив индивида, не довольствуются этим. Им хочется не только взять охрану на себя, но и защищать другого. О, добродетельные!

Усвоившие эту идею совершают второй этап на пути забирания в руки личности.

Девиз этих господ таков: "общее благо — высший закон".

Разсмотрим их поползновения.

Господа защитники "общих" интересов находят, напр., что дороги, почты прямо-таки необходимы, что общественное благо требует их проведения. В дорогах же особенно нуждаются купцы, фабриканты и короли-феодалы. Они чувствуют жгучую потребность в них.

А с другой стороны, инородцы, живущие в тундрах и захолустьях, и знать не хотят никакой дороги.

Но господа защитники, тем не менее, уверяют, что дороги должны быть **общим достоянием.** "Общее благо" этого требует, и вот они, достигнув преобладания, проводят дороги, строят почты... Торговля их пышно расцветает, а "захолустники" стонут и ропщут на цивилизацию. Защитники общих интересов защитили. Но кого? — Конечно, себя. Да и дорогу-то проложили там, где им выгодно, а деньги

собраны со всей России. Тоболяки, скажем, просили провести дорогу через Томск, а красноярцы — через Красноярск. Провели через Красноярск — а тоболяки стали хиреть, да и деньги нести для дороги.

Всюду мы просим читателя обращать внимание на то, что нет ничего "общаго", что словом "общий" прикрывается **частный аппетит.** А потому и дороги должны прокладываться не "обществом"; а частными ассоциациями, т. е. заинтересованными. Только при ассоциационном проложении дорог ничьей воли не подавится.

К чорту всяких защитников!

* * *

г) Государство — цивилизатор.

Сторонники такой функции государства к прежним двум его ролям — к охране и защите — присоединяют еще одну, а именно право индивида на прогресс. С этой целью они хотят не только охранять и защищать интересы индивида, **но и скрести, чесать, мыть и набивать ему голову всякой всячиной;** одним словом, хотят насаждать цивилизацию. Индивида превращают в ребенка. Цивилизаторы не только взяли на себя защиту, но и образование. Вот как защищают такия права государства Росси, Ройе-Коллар и Анри Мишель:

1) **Росси:** "Так, государство в праве принуждать к известному воспитанию, так же как оно в праве требовать **приличной** одежды и **приличных манер** для тела".

2) Ройе-Коллар: "Государство имеет право обучать индивида, т. е. не только наблюдать за ним, но и **иметь руководство** над ним".

3) Анри Мишель: "Справедливо, чтобы все члены общества получали умственное и нравственное развитие".

У! У!

В таком государстве уже начинает чувствоваться духота.

Вручить государству образование! Подумайте только, что это значит. Это значит отдать нравственную душу ваших детей в клоаки, построенныя по приказу большинства или меньшинства, в клоаки, в которых развратят ваших детей, начинят их всякой мерзостью.

А какие после выйдут из них граждане?

Мерзавцы! Слепки с одной модели!

Боритесь, граждане, за свободу образования и за свободу слова!

Не давайте их в ничьи руки! Если право образовывать самому себя будет принадлежать индивиду, только тогда ваши дети будут воспитаны, как вы хотите. Вступив в ассоциацию, вы устроите школы с вашей программой и желаемаго вами типа.

Долой цивилизаторов!

Формулируем их посягательство.

Цивилизаторы отнимают у индивида право образовывать себя.

* * *

д) Государство — блюститель нравов.

Целью этих господ является уже стремление взять душу индивида в свои руки. Обезоружив, "защитив", исковеркав ум индивида, эти господа хотят поработить и его душу.

Росси: "Цель государства — обезпечить человеческому роду не только материальное благосостояние, но и нравственное совершенствование".

Ренувье: "Остается только обязать государство доставить всем своим членам средства сделаться моральными личностями и развить насколько возможно полно свою индивидуальность".

Бедный, бедный индивид!

Индивид! Не давай своей совести в руки этих господ: они в душе — жандармы.

* * *

е) Государство — коммунист-хозяин.

Еще шаг — и опекаемаго, защищаемаго, цивилизуемаго индивида государство думает кормить. Взяв большую ложку и следуя новейшим правилам гигиены, оно начинает кормить его овсяной кашей, приговаривая: "ты неразумен, дитя! Себя защитить не можешь — порежешься; учиться без нашей указки тебе тоже не под силу; а заботу о пище разве можно тебе предоставить?! — Ты , чего добраго, об'ешься". И вот большинство строит фабрики, производит предметы, какие оно находит нужным, отпускает порции, гонит с одного места на другое в работу. Индивиду хотелось бы кушать не то, что ему подают, да большинство так хочет.

Индивиду хотелось бы иначе трудиться, да на все есть указ.

Всемогущее большинство всем верховодит посредством своих чиновников. При таком строе устроить свою жизнь, как хочешь, прямо-таки невозможно.

* * *

ж) Государство — спариватель.

Некоторые коммунисты все-таки недовольны. Им мало того, что они всю жизнь регламентировали. Им мало того, что индивид, подобно ребенку, не смеет ни шевельнуться, ни сесть без спроса чиновников. Их наглость простирается до того, что они намереваются залезть в самые тайники души человека. Они стремятся посягнуть на самое святая святых индивида: на любовь. Они думают, что индивид настолько детообразен, что он даже жениться не сумеет.

А если сумеет, то будет преследовать **свои** интересы; а, ведь, это преступление; на первом плане должно стоять "общее благо" — и сторонники общаго блага берут на себя обязанность спаривания индивидов. Мы достигли вершины. Дальше уже итти некуда.

Индивид уже не разсуждает, а только блеет и мычит с безсмысленным животным видом. Дорогие коммунисты! — ваш идеал достигнут. Любуйтесь на свое произведение.

* * *

3) ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Итак, начав с невинного баловства, с обезоружения, мы, постепенно урезывая самостоятельность, самоопределение индивида, превратили его в четвероногое. Да! Охранители, защитники, цивилизаторы, коммунизаторы, сводники, **ваша** политика шажков вперед—скользка. Шаг вперед—и вы обезоружили индивида; еще шаг—и вы взяли культурные работы индивида; еще шаг и вы отняли у него экономическую самостоятельность; еще шаг — семейную — и перед вами муштрованный и безсмысленный скот.

Чтобы превратить муштрованного скота опять в человека, нужно делать обратные шаги — дать индивиду семейное право, экономическое, культурное, дать ему право воинской и гражданской самообороны... Если вы сделаете такие обратные шаги, то вы придете к анархии.

Пусть же она будет вашею путеводною звездою в царство свободы и справедливости.

* * *

Позвольте мне закончить заключение следующим поэтическим сравнением:

Коммунистическое государство — это стая собак со связанными хвостами, принужденных в силу этого бежать по линии наибольшей силы: хилыя, облезлыя, слабыя, но в сумме сильнейшия, оне влекут за собой всех прочих... Вой, грызня, визг наполняют собою воздух. Клочья шерсти летят во все стороны, пыль, как туман, окутывает эту свору. Хвосты хрустят, обрываются *). Некоторые уже на трех ногах, но еще упираются, а другие, уже обезсилев, тащатся как дохлыя и разбивают себе морды о камни; но большинство не обращает внимания и продолжает, высунув язык, с налитыми кровью глазами и пеной у рта, делая судорожные движения, тянуть в свою сторону эту красивую кавалькаду.

Не правда ли, читатель, какая безобразная картина? Но она — копия государственной жизни.

---

*) Лишь таким путем — потерею хвоста — немногим индивидам удается купить свободу.

Анархическое общество — это группа бабочек, свободно порхающих с куста на куст, с цветка на цветок; все оне свободно группируются для достижения своих целей — и яркое солнце придает еще более блеска их красивым нарядам.

Любо посмотреть на их легкия и свободныя движения.

Жизнь и счастье являются наградой взаимной свободы.

* * *

Коммунистическое государство — это колодники, скованные между собою и не могущие пошевельнуться, чтобы не стеснить друг друга. Анархия — это руки, свободно движущиеся и не стесняющия движения одна другой.

* * *

ГЛАВА VI.

Анархия или коммунизм — идеал рабочих?

После произведеннаго анализа мы теперь можем дать ответ на поставленный в начале работы вопрос. Может ли быть коммунизм идеалом рабочего? Нет. Он не устраняет того гнета, от котораго стонет рабочий. Мы страдаем в современном строе от тирании, нравственного унижения и эксплуатации — нам нужно уничтожить весь этот гнет, а коммунизм преподносит нам, в иной только форме, ту же тиранию, эксплуатацию и моральную кабалу.

Рабочий рвется к свободе, а коммунист стремится надеть ему на шею петлю. Рабочий стремится к моральному самоопределению, а коммунист идет к нему с "общественным мнением". Рабочий жаждет экономического освобождения, а коммунист на него надевает позолоченные кандалы. В виду всего этого, у **коммунизма нет будущаго — он мертворожденное дитя.**

Коммунизм обыкновенно появляется на свет в начале социальнаго движения и соответствует неразвитому сознанию выступающих **впервые** с протестом масс.

Углубление сознания рабочих уничтожит коммунизм — и он умрет, подобно тому, как умирает теперь тред-юнионистическое

движение. Если не коммунизм, то единственным пролетарским движением является анархизм — и ему будет принадлежать будущее.

Анархия дает рабочему все, что нужно.

Она создает крупное производство, она уничтожает гибельную конкуренцию и кризисы, она одна дает свободу, воплощает в жизнь справедливость и неэксплуатацию.

* * *

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Разложение коммунизма.

а) ОБЩЕЕ ВВЕДЕНИЕ.

До сих пор мы сосредоточивали наше внимание на двух крайних последовательных учениях — коммунизме и анархизме, соответствующих двум из трех возможных отношений между людьми.

Теперь мы перейдем к смешанным, эклектическим учениям: к коллективизму, социализму и анархистам-коммунистам.

Что такое из себя представляют эти учения? Каким образом они создались? Эти учения представляют из себя разложение демократического коммунизма.

Коммунизм, со времени своего рождения, потерпел несколько превращений. С одной стороны, **"он разменялся на разныя пакости"**, породив кооператоров, государственных страхователей, сторонников участия рабочих в прибыли капиталистов; с другой стороны, обокрав и обворовав анархизм, прикрыл свои ветхия и дырявыя одежды тогою свободы — в результате и получилась, вместо единаго демократическаго коммунизма, знаменитая современная троица — социализм, коллективизм и анархисты-коммунисты.

Подобную эволюцию, подобную кражу коммунизм совершил недобровольно — слишком сонны у него мозги — но под могучими ударами анархизма. Его железная логика, страстность нападок вскрыли всю гнусность коммунизма — и он, чтобы не потерять своих позиций, должен был, как старая баба, прибегнуть к косметике.

Размена коммунизма на пакости мы разбирать не станем — жалкая задача. Проследить же **позаимствования** "новейших коммуинстов" довольно любопытно — и мы посвятим этому делу последния страницы нашей работы. Этот разбор еще тем будет интересен, что он покажет и дальнейшее направление позаимствований.

ГЛАВА I.

Авторитарный социализм.

"Наши социалистическия школы, видевшия сначала свой идеал, в правительственной организации, справедливости распределения, кончили тем, что пришли вместе с **Прудоном к идее договора и взаимности.** Взаимность прав — вот по Прудону, закон, долженствующий управлять лицами; взаимность услуг или равенство в обмене произведений — вот закон, долженствующий управлять имуществом" *).

* * *

"Ту же заунывную песнь затянул в Германии и Каутский: "Я ограничусь замечанием, что Бернштейн стремится примирить **либерализм** с марксизмом, стереть между ними пограничную черту. **Эти стремления находят себе поддержку в идеях Прудона.** Неудивительно, что Бернштейн находит, будто **марксизм и прудонизм** не исключают друг друга и пополняют один другой... Но Бернштейн не является чистым **прудонистом,** а это еще более усложняет дело. С одной стороны, он — марксист, а с другой — прудонист" **)

* * *

Что это за новая струя пробилась в марксизме?

Мы это сейчас и определим.

Слушайте.

Бернштейн: "Социализм написал на своем знамени **постоянное расширение круга безплатных услуг со стороны организованнаго общества.** Ясно однако, что общество ничего не может дать своим членам, чего оно предварительно не плучило от них в той или иной форме. Поэтому, рядом с правом личности пользоваться услугами общества стоит его обязанность участвовать в определенной мере в расходах или работах; **"никаких прав без обязанностей"** — написано в статуте интернациональной рабочей ассоциации".

Этим местом Бернштейн хочет выразить ту мысль, что каждый должен получать по труду.

В чем заключается ересь в этом отрывке?

В признании Бернштейном **трудового начала.**

---

*) Фулье. "Соврем. науки об обществе", стр. 36 и 37.

**) "Анти-Бернштейн", стр. 19.

Всмотритесь в выписанное место — и вы увидите, как оно нелогично склеено.

В первой части его говорит Маркс (постоянное расширение круга безплатных услуг со стороны организованного общества), во второй — Прудон (нет прав без обязанностей).

Как тут не согласиться с Каутским, что Бернштейн "с одной стороны марксист, а с другой — прудонист".

Виноват ли, однако, Бернштейн в такой своей раздвоенности? Не дух ли времени сказался в нем?

Чтобы дать ответ на этот вопрос, нужно порыться в учениях других теоретиков — и если мы у них найдем такия же тенденции, то ответ ясен.

Заглянем же к анархофагу Либкнехту, к "изменнику" *) Геду и депутату Бебелю.

Посмотрите, что они говорят о трудовом начале — и вы увидите, что у всех у них рыльце немного в пушку.

"Весь "коллективизм" Геда основан на получении каждым **полнаго трудового эквивалента.**

Вся оригинальность системы Геда основана на этом.

Либкнехт же в своей тощенькой брошюрке "Идеалы современнаго социализма" поет хвалебный гимн теории: "каждому полный продукт труда".

Волны разложения достигли даже такого столпа социализма, как Бебель.

Послушайте, что он говорит:

"Какой нибудь цертификат, печатный лист бумаги (о, где ты, Маркс!) свидетельствует об исполненной работе и дает владельцу его возможность обменять эти знаки на самые разнообразные предметы потребления. Если он найдет, что его потребности менее велики, чем его заработок, то он станет работать соответственно меньшее количество времени. Если ему захочется подарить оставшееся непотребленным, никто ему в этом не помешает; **вздумается ему добровольно работать на другого, чтобы дать тому возможность предаваться беззаботному препровождению времени...** (заманчивая перспектива для будущих иерархов) никто не воспретит и этого.

Но никто не может принуждать работать на другого, **никто не может удержать какую-либо часть заработанной им доли общественных продуктов.** Каждый может удовлетворять все свои ис-

*) Бывший анархист.

полнимыя желания и потребности, но **не на счет других.** Он получает соответственно тому, что он доставляет обществу, не более и не менее, и живет без всякой эксплуатации со стороны другого".

Где же братство? Не "буржуазность" ли это?

Нет, и Гед, и Либкхнет, и Бебель считают **обмен по труду идеалом.**

О, Маркс! не содрогаются ли в гробу твои кости от подобных речей учеников? То, против чего ты всю жизнь боролся и клеймил, стало идеалом твоих учеников. Они покинули тебя и пошли за Прудоном, мощно зовущим бросить "евангельския отвлеченности" братства и признать за каждым право на полный продукт труда.

Подобную эволюцию коммунизма Метен, как безпристрастный летописец, наивно отмечает следующими словами: "Раньше последователи Маркса называли себя коммунистами, а анархисты — коллективистами, теперь же произошло **chasse-croise**: марксисты стали называть себя коллективистами, а анархисты — коммунистами" *)

Пойдем дальше.

Бернштейн в качестве застрельщика:

"Обобществление возможно в различных формах: в форме государственных предприятий, общинных предприятий и более или менее ответственных товарищеских предприятий"**) Что это?

Да не что иное, как робкое признание "обассоциирования" производства, вместо "обобществления", хотя оно и прикрыто старым термином.

Обассоциирование производства! Что с вами, г. Бернштейн? Ведь "это проповедь анархии, это проповедь разорения и экспроприации"!

Наверное, читатель, вы думаете, что прочие социалисты сейчас же заклюют Бернштейна за анархическия новшества.

Ничуть не бывало.

Анархизм уже глубоко врезался в ряды социал-демократии, ея приверженцы уж могут только ругаться на словах, на деле же анархическия идеи они вносят в свои теории.

Смотрите, напр., на Каутскаго в его работе: "На другой день после социальной революции и социальный переворот".

Чем, вы думаете, этот ортодокс занимается в вышеупомянутой работе?

Ни больше, ни меньше, как разработкой положения Бернштей-

*) Бернштейн. "Теория и практика социализма", стр. 229.
**) Метен. "Социализм в Англии". Смотри последнюю главу об анархии.

на: "обобществление возможно в разных формах: в форме государственных предприятий, общинных предприятий и более или менее ответственных товарищеских предприятий".

В этой работе Каутский, несмотря на то, что обобществление возможно в государственной форме, симпатизирует обобществлению в "ассоциационной форме", иными словами — анархизму.

Он прямо высказывается за то, что **обобществление коснулось только производства необходимаго,** а приятное, полезное, роскошное будет, по его мнению, делом ассоциаций. Фабрики, орудия и средства производства для производства роскоши будут **ассоциационными.**

Если мы примем во внимание, что "необходимое" составляет ничтожную часть производства, то книгу Каутскаго можно принять за знаменательный факт в деле разложения "обобществления".

В книге Каутскаго "необходимое" играет роль куска хлеба, который буржуа бросает голодному, чтобы он его не экспроприировал.

Либерализм Каутскаго идет еще дальше.

Умственному производству в будущем он хочет дать полную эмансипацию, находя в интеллигенции анархический дух.

Ученые, художники, артисты в социализме не войдут в шаблон.

Им будет позволено группироваться, соединяться, образовывать ассоциации для достижения своих целей.

Пролетарии, пролетарии! становитесь и вы анархистами, чтобы вырвать окончательно узду из рук Каутскаго.

Каутский — не одинок в своих начинаниях: целая стая различных социалистишек, как лягушки в болоте, начинают ему вторить.

С каким социалистишкой ни заговори об обассоциировании, он важно вам ответит: "это и Каутский признает".

Пойдем еще дальше.

Бернштейн: "Социализм не требует назначения на должности по большинству (о времена, о нравы!). Он требует согласия избраннаго".

Что это? Большинство не смеет назначать, большинство не имеет власти?

Что это? Это значит, что всякий поросенок (с точки зрения коммунистов) может не слушаться начальства, смеет иметь свою волю?

До чего мы дожили? Караул! Бернштейн проповедует анархию.

Новшество Бернштейна в этом отрывке состоит в том, что он делает первые шаги к замене выборов **договором.**

Новшества Бернштейна начинают звучать словно эхо в непроходимых дебрях социалистических мозгов.

Идея об уничтожении власти, особенно сильной, центральной, широкой волной прокатилась среди социалистов.

Особенно сильно в'елась она в эс-эрстве.

Разбирая их идеалы в нашей работе, мы отметили их стремление уничтожить централизацию и на место ея поставить мелкия самоуправляющиеся общинки, т.-е. на место социализма водворить тот строй, который они сами приписывают анархистам.

Однако и социал-демократы не остались равнодушными к новшествам Бернштейна.

Так, в той же самой работе Каутский говорит уже о федеративной организации будущаго социализма, о договоре, который будут заключать отдельные представители фабрик друг с другом и т. д.

Конечно, федерация от анархии еще далека, но знаменательны шаги от автократизма к свободе.

Полезно также припомнить здесь и вещания Энгельса о "вымирании государства".

Но поистине трагическую картину представляет Плеханов.

Он, как пес с поджатым хвостом, стоит на распутьи и не знает, куда ему "нос вернуть": к анархии или государству.

С одной стороны, его пугает авторитет Маркса, зовущий его к насаждению государства; с другой стороны, Энгельс со своим "вымиранием государства" и логика Кропоткина, показывающая, что новому строю должна соответствовать и новая форма политических отношений, гипнотизируют его.

Поистине трагическое положение!

Иного выхода из него, кроме неосмысленнаго блеяния, нет; и Плеханов в своем "Анархизме и Социализме" действительно блеет: абсолютно нельзя понять, согласен ли он с Энгельсом и анархизмом, что государство вымрет, или с Марксом, что оно пышно расцветет и к современным своим функциям прибавит еще "большую ложку" и "половое случение".

От экономики перейдем теперь к идеологии. Здесь социализм вобрал в себя особенно много анархических идей.

Вместо "министерств любви" социалисты начинают на разные голоса воспевать свободу любви и все уже высказываются за "договорный" (опять Прудон выплывает) брак.

С признанием договора скотный двор коммунизма превращается в семейный очаг.

Вместо "государственной религии" они начинают "признавать" "отделение церкви от государства"; другими словами, вместо обобществления религии они требуют обассоциирования ея.

Вместо демократии они постепенно усвоивают полуанархизм: пропорциональные выборы, федерацию и референдум с инициативой.

В нравственности вместо идеи любви робко начинает пробиваться идея справедливости.

Видите, какую громадную эволюцию пережил коммунизм в форме социализма и коллективизма.

Видите, как катится коммунизм по наклонной плоскости к анархии!

Ну, довольно говорить о социализме и коллективизме, перейдем лучше к разбору второго течения, выразившагося в коммунистической анархии.

* * *

ГЛАВА II.

Безгосударственный коммунизм.

В социалистическом течении происходит, главным образом, разложение экономических основ коммунизма, в безгосударственном коммунизме — политических.

Подобно социализму, и безгосударственный коммунизм является не чистым, а смешанным учением.

Социалисты берут анархическую форму распределения, но сохраняют еще коммунистическую форму правления; безгосударственные коммунисты, наоборот, — сохраняют экономику, но политическую форму они **усвоивают** от анархистов целиком.

Я потому осмеливаюсь сказать **усвоивают**, что основатель учения анархистов-коммунистов Кропоткин, до знакомства с анархией, был, как и большинство русских народовольцев, социалистом *).

Прибыв, после бегства, в Западную Европу, он прямо попал к социалистам — и только после завязал знакомство с анархистами.

Полным анархистом сделаться он не смог — слишком много в

*) Кропоткин сам себя называет не анархистом, а безгосударственным социалистом или коммунистом — и это вполне правильно.

нем сидело еще стадности.

От знакомства с анархистами он усвоил лишь их политическия идеи. Этими политическими идеями он подновил гниющий коммунизм и дал ему блеск на некоторое время.

После этого об'яснения, можно перейти к более подробному знакомству с сутью анархического коммунизма.

В экономической сфере анархисты-коммунисты сохраняют целиком принцип: "Каждому по потребностям, и от каждого по силам!"

Целиком они сохраняют и коммунистическую форму собственности, т, е, обобществление производства, хотя в последнее время она уже начинает колебаться, как мы увидим ниже.

Все новшество, вводимое ими в экономической сфере, сводится лишь к договорной организации производства — и только одною этою реформою они думают уничтожить все недостатки прежняго коммунизма.

Тщетныя мечты!

Общественное производство, общественная собственность проявят себя, они все парализуют и омертвят...

Ну, да критика сейчас не важна! Важнее определить элементы разложения.

Поэтому пойдем дальше.

В морали анархисты-коммунисты остаются ортодоксами: мораль стада — для них высший закон поведения для индивида.

Политический строй коммунизма безгосударственный социализм подорвал гораздо сильнее — он не остановился на федерации, а прямо об'явил своим лозунгом анархию.

Это великий шаг в разложении коммунизма.

В гражданской сфере безгосударственный коммунизм сделал лишь некоторые шаги вперед, заменив суд присяжных судом третейским. Однако, суд третейский далеко не анархический суд.

В семейном вопросе анархисты-коммунисты вполне эмансипировались от своих собратьев Платона, Сен-Симона и Кампенеллы.

Такова половинчатая позиция анархистов-коммунистов.

В последнее время тенденция к разложению коммунизма в экономической сфере все сильнее и сильнее замечается у "безгосударственников".

Она вызывается основными противоречиями анархического коммунизма: стремлением к свободе — с одной и путами общественного производства — с другой стороны.

Мы в своей работе все время твердили, что, признавая **общест-**

венное производство и общественную **собственность** — нельзя дать свободы индивиду.

Общественная собственность связывает, парализует свободныя движения индивида, ставя его в зависимость от полипняка.

При общественной собственности индивид не может распоряжаться ни клочком земли, ни потой капитала без согласия других.

Как же при таких условиях можно свободно группироваться, брать нужное для своих целей и т. д.

Невозможно.

Свободное группирование требует уничтожения общей собственности", "общаго производства"; оно требует права для индивида распоряжаться самостоятельно нужными для него орудиями и средствами производства, оно требует обассоциирования процесса производства.

И идея обассоциирования производства в туманной форме витает в головах безгосударственных коммунистов, или не выливаясь наружу совсем, или выходя ощупью.

Однако, рано или поздно, она выльется в ясные формы — свобода победит, и устарелыя формы обобществления заменятся обассоциированием.

Раз это произойдет, то анархисты-коммунисты быстро покатятся по наклонной плоскости к анархистам-ассоциационерам. Логика их сейчас же заставит уничтожить коммунистическое распределение. Вы спросите почему?

Да потому, что для образования ассоциаций нужно иметь право собственности на орудия и средства производства, необходимыя для создания их. Такое же право на орудия труда и средства производства дает только личная собственность на продукты своего труда.

Отсюда ясно вытекает требование: долой коммунистическое распределение, и да здравствует полный продукт труда каждого.

Таков путь, по которому уже двигаются безгосударственные коммунисты.

* * *

ГЛАВА III.

Резюме разложения коммунизма.

И социализм и анархисты-коммунисты постольку завлекают читателя, поскольку они усвоили анархический элемент; поскольку в социализме и безгосударственных коммунистах остались пережитки прежняго коммунизма, постольку от них пахнет казармой и плетью.

Демократический коммунизм перетирается в анархизм двумя течениями: социалистами и безгосударственными коммунистами.

Перетирание идет с двух концов: социалисты разлагают экономику, безгосударственники — демократию, политику.

Впрочем, такой чистоты разложения на деле не замечается, так как, с одной стороны, и социалисты перетирают политику, семью и религию, а с другой, и коммунисты анархисты не совсем чужды разложению экономики.

Соединенными общими усилиями коммунистов-анархистов и социалистов многие устои старого коммунизма уже подрыты.

Резюмируем, что они стерли уже с лица земли.

1) Государственный брак с "министерствами любви".
2) Государственную религию.
3) Форму коммунистическаго распределения.
4) Централизацию.
5) Абсолютную власть большинства.
6) Полное обобществление производства.
7) Закабаленность умственного труда.
8) Правомерность суда присяжных.

Чего же недостает социализму и безгосударственникам, чтобы совсем раствориться в анархии?

Безгосударственникам — трудовой формулы распределения, более смелости в обассоциировании произвства и новой морали справедливости *).

*) Впрочем, подобное утверждение о морали не совсем справедливо, так как рабочая мысль пошла дальше, чем проектировал Крапоткин.
Вот что рабочий Грав в своем "Умирающем обществе и анархии", стр. 16, говорит об анархической морали:

Социалистам — абсолютной политической свободы, самосуда и полнаго обассоциирования производства.

Что касается обассоциирования производства, то логика заставит социалистов признать его в самое ближайшее время. Для социалистов переход к обассоциированию столь же необходим, как и для анархистов-коммунистов.

Причины, по которым введут обассоциирование анархисты-коммунисты, мы видели; проследим теперь причины, которыя логически заставят и социалистов следовать по этому же пути.

Мыслимо-ли в одно и то же время проповедывать обобществление и обассоциирование?

Нет. Логика заставит прийти к чему-нибудь одному.

К чему же она заставит прийти социалистов, признавших право на продукты своего труда за каждым?

К обассоциированию

Почему?

Да потому, что раз вводится в строй индивидуальное начало — оно все разложит.

В самом деле, можно ли надеяться на то, что социалисты сохранят при возможности ассоциироваться "общественную" собственность на производство всего необходимого?

Нет. Потому что вкусы у людей разнообразны: одни захотят роскошь ввести в однех отраслях труда, — другие — в других, третьи — в третьих. А раз разныя группы индивидов заведут свои ассоциации

"Человек всегда эгоист, он всегда стремится сделать из своего "я" центр вселенной. Но по мере того, как ум его развивается, он начинает понимать, что если его "я" требует удовлетворения, то есть и другия "я", которыя требуют того же самого и, чувствуя себя неудвлетворенными, начинают заявлять о своих правах. Вот почему мистики и сентименталисты стали проповедывать самоотречение и самопожертвование ради других.

Понемногу, однако, несмотря на продолжающуюся проповедь принесения личности в жертву обществу — проповедь, не меньше грубой силы содействовавшую его поддержанию — произвол начал смягчаться, предоставляя все больший простор развитию общества; с другой стороны, самоотречение и дух самопожертвования оказываются вредными для личности. Не всякий может жертвовать собою для других, особенно если эти другие — ему посторонние. В конце концов такое самопожертвование может оказаться даже вредным для человечества, потому что оно дает простор господству умов узких и эгоистических, в дурном смысле этого слова, и таким образом доставляет преобладание наименее совершенному типу человечества. Чистый альтруизм в точном смысле слова точно так же не может поэтому прочно утвердиться, как и эгоизм.

Но если, взятые в отдельности и доведенные до крайности, эгоизм и альтруизм оказываются оба вредными как для личности, так и для общества, то, соединившись в одно, они образуют третье начало, которое и должно лечь в основание будущих обществ. Это начало — солидарность".

Не проповедь ли это справедливости, но только неясно выраженной?

— одне для производства лаковых сапог, другия для производства шелковых рубах, третьи — резной мебели, — то зачем им участвовать в общественном производстве, производящем лапти, сермяги и разные изделия топорной работы.

Не к чему. Затрачивать только даром труд на то, чего носить никто из них не будет.

Отсюда неизбежно возникает стремление выйти из сермяжного и лапотного производства — и так как такое стремление все почувствуют, то обобществленное производство для производства "необходимых" предметов лопнет — и вместо него образуются сермяжныя ассоциации и шелковыя...

Такая эволюция совершится во всем производстве: сахарныя фабрики достанутся потребителям сахара, конфетныя — конфет.

Бойни перейдут к мясоедам, парники — к вегетарианцам и т. д., ибо зачем потребляющим конфеты нужны фабрики, приготовляющие кусковый сахар, зачем бойни нужны вегетарианцам, зачем нужны холщевыя фабрики носящим батист.

Ассоциационное производство проникнет всюду и разложит общественное производство.

То же случится, конечно и с социалистической демократией, как это мы старались показать в политическом отделе нашей работы: многое в демократии уже разложилось, многое уже уступило место анархическим течениям, например,, в вопросе о свободном образовании и свободной религии.

Как после всего сказанного не воскликнуть: **все идет, все движется к анархии!**

Коммунизм и его половинчатыя формы — социализм и безначальный коммунизм — у нас на глазах умирают.

Я слышу уже, как веет от них трупным запахом.

Да здравствует же анархия!

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Памяти Л. Черного, Стихотворение — — — — — — — — — — — — V
Биографический очерк — — — — — — — — — — — — VI — XIV

От автора — — — — — — — — — — — — — — — — 3

Введение.

Глава I. Краткое суммирование тенденций крестьянско-капиталистического периода, и задача работы, вытекающая из них 5 — 6
Глава II. Социология и социометрия — — — — — — — — 6 — 7
Глава III. Соотношение между социологией и социометрией — 7 — 9
Глава IV. Возможна ли социометрия — — — — — — — — 9 — 9
Глава V. Вызвана ли социометрия жизнью — — — — — — 10 — 11
Глава VI. Значение социометрии — — — — — — — — — 11 — 12

Книга I. Теоретическая социометрия.

Часть I. Изложение социометрии.

Глава I. Суб'ективный или идеалистический метод и об'ективный или материалистический — — — — — — — — — 13 — 15
Глава II. Три типа отношений — — — — — — — — — — 15 — 16
Глава III. Предшествующие попытки найти разграничительную черту трех типов — — — — — — — — — — — 17 — 23
Глава IV. "Не вреди" — — — — — — — — — — — — 24 — 33
Глава V. Верна ли найденная нами разграничительная черта — 34
Глава VI. Первый тип отношений: "я — ничто" — — — — — 35 — 44
Глава VII. Второй тип отношений: "я — все" — — — — — 44 — 51
Глава VIII. Третий тип отношений: "я равно ты" — — — — 52 — 56
Глава IX. Краткое резюме предыдущего — — — — — — — 56 — 57
Глава X. Мотивация и фактическое отношение — — — — — 58 — 59
Глава XI. Что такое наши нравственные и общественные понятия 60 — 61

Часть II. Критика и раз'яснения.

Глава I. Смешение индивидуальности с индивидуальной свободой 62 — 64
Глава II. Смешение ограничения произвола с стеснением свободы 64 — 65
Глава III. Трансформация свобод — — — — — — — — — 65 — 66
Глава IV. Господствующее учение о нравственности: шопенгауэризм 66 — 67
Глава V. Утилитаризм — — — — — — — — — — — — 67 — 68
Глава VI. В чем заключается истинное решение вопроса о нравственности — — — — — — — — — — — — 68 — 69
Глава VII. Верно ли, что на свете существует только один эгоизм 69 — 70
Глава VIII. О сверх'человеке Нитше — — — — — — — — — 70 — 72
Глава IX. Прекрасное и великое — — — — — — — — — 72 — 73
Глава X. Самопожертвование и взаимность — — — — — — 73
Глава XI. Прав ли Бокль в своих утверждениях, что мораль не прогрессирует? — — — — — — — — — — — — 74 — 75

Книга II. Практическая социометрия.

Общее введение — — — — — — — — — — — — — 76

Стр.

ОТДЕЛ I. Экономика.

Часть I. Коммунизм.

Введение — — — — — — — — — — — — — — — — 77 — 78

Глава I. К какому типу отношений примыкают коммунисты в экономической сфере — — — — — — — — — — 78 — 86

Глава II. Критика коммунистического уравнения — — — — — — 86 — 88

Глава III. Организация производства — — — — — — — — — — 88 — 97

1) Введение — — — — — — — — — — — — 88 — 89

2) К какому типу организ. примыкают коммунисты 89 — 90

3) Управление хозяйственной жизнью — — — 90 — 91

4) Функции будущего правительства — — — — 91 — 95

5) Обобществление производ. и социализация земли 95 — 97

Глава IV. Критика коммунистических идей о производстве — — 97 — 100

Глава V. Стимулы труда, производительность будущего строя и их критика — — — — — — — — — — — — — — 102 — 105

Глава VI. О влиянии коммунизма на рост населения — — 105 — 106

Глава VII. Практика коммунизма — — — — — — — — — — 106 — 107

Глава VIII. Коммунизм не понял основной проблемы — — — — 107 — 108

Часть II. Мутуализм.

Экономический строй анархии.

Введение — — — — — — — — — — — — — — — — 109 — 110

Глава I. К какому типу примыкает анархизм в экономич. сфере? 110 — 112

Глава II. Разные группы анархистов — — — — — — — — — 113

Глава III. Индивидуалистический анархизм или прудонизм — — 113 — 115

Глава VI. Ассоциационный анархизм — — — — — — — — 116

А. Организация производства.

1) Введение — — — — — — — — — — — — 116

2) К какому типу организации примыкают анархисты-ассоциационеры? — — — — — — — — 116 — 117

3) Совместим ли договор с анархизмом — — — 117 — 120

4) Организация в хозяйственной жизни — — — 120 — 129

5) Функции статистиков — — — — — — — — —

6) Справочная контора спроса и предложения — 129 — 143

7) Бюро, дающее возможность комбинировать труд 144 — 145

8) О собственности на орудия труда, средства производства и землю — — — — — — — — — 145

9) Обассоциирование орудий и средств производства 145 — 165

10) Обничнение земли — — — — — — — — 166 — 185

11) Философское обоснование обничнения и обассоциирования — — — — — — — — — — — — 185 — 192

12) Фабричная жизнь и фабричные распорядки будущего производства — — — — — — — — 192 — 212

1) Введение — — — — — — — — — — — — 192

2) Устройство и вид фабрик — — — — — — 193 — 196

3) Какой рабочий день для перенесения стоимости на предметы мы должны считать нормальным

4) Общий рабочий день — — — — — — — — 199 — 201

Стр.

5) На кого будут падать уклонения от рабочего дня снашивания машины — — — — — — — — 201 — 202
6) Рабочий день каждого — — — — — — — — 202 — 206
7) Возможность различного фактического дня для рабочих — — — — — — — — — — — — 206 — 207
8) Нужна ли власть, чтобы производство шло правильно при разделении труда? — — — — — 208 — 209
9) Кто будет заведывать доставкой сырого материала, необходимого для правильного функционирования производства — — — — — — — 209 — 210
10) Общие производственные отношения — — — 210 — 211
11) Невыгодность основания новых ассоциаций 211 — 212

В Процесс распределения.

а) Сомнения читателя насчет возможности устроить у нас распределение продуктов — — — — 212 — 214
б) Организация процесса распределения — — — 214 — 217
в) Кто работает в почтах-складах? — — — — — 218
г) Оплата провоза продуктов — — — — — — 218 — 220
д) Возможно ли определить стоимость продуктов. 220 — 230
е) Какова будет ближайшая форма распределения? 230 — 231
С. Интеллектуальное производство — — — — — — 231 — 232
Резюме экономического строя (великия следствия обассоциированного производства) — — — — 232 — 236
Д. Обассоциирование потребления — — — — — 237 — 238
Е. Понятия о собственности в будущем и о распоряжении ею —— — — — — — — — — — 238 — 240
К. Несколько слов о будущем виде общества — — 240 — 242

ОТДЕЛ II. Идеология.

(Политика, нравств., религия и семейный быт).

а) Общее введение к идеологии.

Часть I. Нравственность и религия — — — — — — — — 243 — 247
Введение — — — — — — — — — — — — — 247
Глава I. Эгоизм — — — — — — — — — — — — — 247 — 249
Глава II. Любовь — — — — — — — — — — — — — 249 — 253
Глава III. Справедливость — — — — — — — — — — — — 253 — 256
Глава IV. Вопль рабов — — — — — — — — — — — — 256 — 257
Глава V. Почему анархисты сторонники справедливости — — 257
Глава VI. Религия — — — — — — — — — — — — — 258 — 259
Часть II. Политический строй — — — — — — — — — — — 260
Введение — — — — — — — — — — — — — 260
Глава I. Круг политического ведения — — — — — — — — 260 — 261
Глава I. Круг политического ведения — — — — — — — — 260 — 266
Глава II. Что такое свобода в политической сфере — — — — 261 — 262
Глава I. Демократия — — — — — — — — — — — — — 262 — 274
а) Может ли дать государство свободу? — — — — 262 — 263
б) Гнет государства — — — — — — — — — — 264 — 268
в) Из практики демократии — — — — — — — — 268 — 278
г) Общая критика государства — — — — — — — — 270 — 272

Стр.

е) Социал-демократия — — — — — — — — — — 272 — 274

Анархия — — — — — — — — — — — — — — — 274 — 308

Глава I. Что такое анархия? — — — — — — — — — — 274 — 277

Глава II. Сравнение анархии и демократии — — — — — — 277 — 285

Глава III. Эс-эрство — — — — — — — — — — — — — 286 — 289

Введение — — — — — — — — — — — — — — 286

а) Пропорциональные выборы — — — — — — 286 — 288

б) Референдум и инициатива — — — — — — 288 — 289

ф) Федерация — — — — — — — — — — — — 289

Заключение — — — — — — — — — — — — — 290

Глава IV. Анархия и национальный вопрос — — — — — — 290 — 292

Глава V. Анархия и право — — — — — — — — — — — — 292 — 293

Глава VI. Устойчивость анархии и скоротечность демократии — 294 — 295

Глава VII. Каков вывод из всего сказанного — — — — — — 295 — 298

Глава VIII. Резюме — — — — — — — — — — — — — 296 — 297

Глава IX. Возможна ли анархия — — — — — — — — — — 298

а) Для анархии нужна необыкновенная инициатива 298

б) Люди — эгоисты, а потому анархия невозможна 298 — 299

в) В начале анархии люди будут эгоистами — — 299

d) Без вообще власти общество немыслимо — — 299 — 300

е) Нужна ли властная рука? — — — — — — 300 — 305

ж) Разница между ограничением воли человека природою и волею большинства — — — — 305 — 306

Глава X. Утопия ли анархизм — — — — — — — — — — 306

Часть III. Гражданский строй — — — — — — — — — 307 — 317

1) Общие замечания — — — — — — — — — 307 — 308

а) Суд — — — — — — — — — — — — — 308 — 313

б) Общественная тишина и спокойствие — — — 313 — 315

в) О неприкосновенности и святости жилища — — 316

г) О поведении на улице — — — — — — — 316 — 317

д) Санитарные меры — — — — — — — — — 317

Часть IV. Семейная жизнь — — — — — — — — — — — 318 — 332

а) Брак — — — — — — — — — — — — 318 — 325

б) Дети — — — — — — — — — — — — 325

а) Право детей — — — — — — — — — — — 325 — 326

б) Нужны ли воспитательные дома? — — — — 326 — 328

в) Об организации образования — — — — — 328 — 330

г) О снабжении детей орудиями труда — — — 330 — 331

д) Не будут ли родители притеснять детей — — 331 — 332

ОТДЕЛ III. Больной строй.

Глава I. У нас будет старый порядок — — — — — — — — 333 — 340

Глава II. Заплаты — — — — — — — — — — — — — 340 — 343

Глава III. Милосердие и самопомощь — — — — — — — — 343 — 344

Глава IV. Обезпечение старости — — — — — — — — — 345 — 349

Глава V. Борьба с болезнями в будущем — — — — — — 349 — 351

Глава VI. Страховка детей — — — — — — — — — — — — 351

Глава VII. Даровой кредит и страховка орудий труда — — — 352

Стр.

ОТДЕЛ IV. Дарвинизм, коммунизм и анархизм.

Глава I. Дарвинизм и три типа отношений — — — — 353 — 355
Глава II. Возможно ли приносить человека в жертву прогресса 356 — 357
Глава III. А не лучше ли все-таки истреблять больных и хилых 357 — 359
Итоги: — — — — — — — — — — — 360
Глава I. Общая критика коммунизма — — — — — — — 360 — 363
Глава II. Антикритика коммунистов — — — — — — — — 363 — 365
Глава III. Гимн анархии — — — — — — — — — — — 365 — 366
Глава IV. Еще несколько слов об анархии и коммунизме — — 367 — 368
Глава V. Общее сравнение государства и анархии во всех — — формах жизни — — — — — — — — — — 369 — 375
а) Введение — — — — — — — — — — 369
б) Полицейское государство — — — — — — 370 — 372
в) Государство — защитник интересов — — — 372 — 373
г) Государство — цивилизатор — — — — — — 373 — 374
д) Государство — блюститель нравов — — — — 374
е) Государство — коммунист-хозяин — — — — 374 — 375
ж) Государство — спариватель — — — — — — 375
з) Заключение — — — — — — — — — — 376 — 377
Глава VI. Анархия или коммунизм — идеал рабочих — — — 377 — 378

ПРИЛОЖЕНИЕ. Разложение коммунизма.

Общее введение — — — — — — — — — — — 378
Глава I. Авотритарный социализм — — — — — — — — 379 — 384
Глава II. Безгосударственный коммунизм — — — — — — 384 — 386
Глава I. Резюме разложения коммунизма — — — — — — 387 — 389

ОТКРЫТА ПОДПИСКА;

НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНУЮ, РАБОЧУЮ ГАЗЕТУ:

"АМЕРИКАНСКИЕ ИЗВЕСТИЯ"

Орган Российских Рабочих Организаций в Соед. Штатах Северной Америки и Канады.

Издание "Амер. Известий" продолжается в течение шести лет. Газета несколько раз издавалась ежедневно, но принуждена была переходить на еженедельное издание ввиду недостатка материальных средств. В настоящее время создается фонд для того, чтобы поставить на прочное основание ее ежедневный выпуск. Газета придерживается безначальнического направления, и своей задачей ставит борьбу за полное освобождение трудящихся масс от политического и экономического угнетения, и создание такого общественного строя, при котором никто никого не эксплоатировал-бы и каждая личность была-бы совершенно самостоятельной, ни от кого независимой и могла-бы устроивать свою жизнь так, как ей заблагорассудится. Как достичь полного освобождения трудящимся массам, что необходимо для этого предпринять и какими средствами пользоваться — обо всем этом рассказывается на страницах газеты "Амер. Изв." Читайте ее и Вы узнаете, кто Ваш — враг и кто — друг, где — неподкрашенная правда и где — обман и ложь.

В числе сотрудников "Амер. Известий" имеются выдающеися интернационально известные, писатели и журналисты.

Жан Грав, Эррико Малатеста, А. Карелин, А. Солонович, Анатоль Консе, Поль Жиль (бельгиец), **В Худолей, И. Хархадрин, Р. Эрманд, Анатолий Горелик, М—н и многие другие.**

"Амер. Известия" — газета рабочая и для рабчоих, потому что она издается на средства рабочих, принадлежит рабочим, контролируется рабочими и борется за освобождение и счастье рабочих.

Товарищи — рабочие! Читайте, распространяйте и поддерживайте Ваш рабочий орган "Амер. Известия". Пусть с Вашей помощью он снова станет ЕЖЕДНЕВНОЙ ГАЗЕТОЙ.

Подписная плата на 1 год — — — — — — — — 2 д. 50 ц.
6 месяцев — — — — — — 1 д. 50 ц.
3 месяца — — — — — — 1 д. 00.

Приславшим полную годовую подписку 2 д. 50 ц. высылается бесплатно одна из следующих больших книг (по желанию подписчика) Т. ПЭЙНА "ВЕК РАЗУМА" или ВОЙНИЧА — 'ОВОД".

———— 0 ————

Корреспонденцию и подписную плату просим направлять по адресу:

AMERICANSKYE IZVESTIA,
274 E. 10th St., New York, N. Y.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА;

НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНУЮ. РАБОЧУЮ ГАЗЕТУ

«ГОЛОС ТРУДА»

* * *

ОРГАН ФЕДЕРАЦИИ РОССИЙСКИХ РАБОЧИХ ОРГАНИЗАЦИЙ, ЮЖНОЙ АМЕРИКИ:

———»«———

"ГОЛОС ТРУДА" издается уже шестй год в Буэнес Айросе, Аргентина, рабочими организациями безначальнического направления. "Голос Труда" является борцом за полное освобождение рабочих от экономического и политического угнетения. "Голос Труда" борется за свободное, безвластаое общество и против каких-бы то ни было правительств, диктатуры, "переходных стадий" и тому подобных ловушек, уготовляемых рабочим различными хитрыми политиканами.

Условия подписки: на 1 год — — — — 5 п. б. (2 п. з.)
" " " 6 м. — — — — 2.50 " (1 " ")
" " " 3 м. — — — — 1.25 " (50 с. ")
Отдельный номер — — — — 10 сент. б. (4 с. з.)

———»«———

Письма просят направлять по адресу:

VICENTE KITRA — Correo Central
Casilla 1752, Buenos Aires, (R. Argentina)

———

НОВАЯ КНИГА.

ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛА В ПРОДАЖУ

НОВАЯ КНИГА Н. А. РУБАКИНА:

«СРЕДИ ТАЙН И ЧУДЕС»

Книга содержит следующие главы:

1 — Как великие чудеса совершаются великими грешниками;
2 — Как поют и говорят камни;
3 — Рассказы о всемирном потопе;
4 — Великие чудотворцы и их чудеса;
5 — Рассказы о видениях и привидениях;
6 — Рассказы об удивительных исцелениях;
7 — Рассказы о бесах и об их изгнании;

В книге имеются 92 картинки, иллюстрирующие текст:

Книга научно популярного содержания и читается с захватывающим интересом.

* * *

Цена в переплете — — — — — — — — — $ 1.00.
" без переплета — — — — — — — — — 75 ц.

* * * * *

Заказы просим направлять по адресу:

"АМЕРИКАНСКИЕ ИЗВЕСТИЯ"

274 E. 10th St., New York, N. Y.

НОВАЯ КНИГА.

ПОСТУПИЛА В ПРОДАЖУ РЕДКАЯ И ВЕСЬМА ЦЕННАЯ КНИГА: М. ШТИРНЕРА.

«ЕДИНСТВЕННЫЙ И ЕГО ДОСТОЯНИЕ»

или же

"ЕДИНСТВЕННЫЙ И ЕГО СОБСТВЕННОСТЬ"

Книга содержжит в себе около 330 страниц убористого шрифта;
На самой лучшей бумаге, в полухолщевом переплете.
Предлагаем организациям и отдельным товарищам обзавестись этой книгой:

* * *

Цена в переплете — — — — — — — — — 85 ц.
" без переплета — — — — — — — — 65 ц.

* * *

Все заказы направляйте по адресу:

"АМЕРИКАНСКИЕ ИЗВЕСТИЯ"
274 E. 10th St., New York, N. Y.

ТИПОГРАФИЯ.

При газете "Амер. Известия" имеются две наборных машины и другие принадлежности для выполнения различных типографских заказов.

Принимаются по умеренным ценам заказы на набор книг, каталогов, летучек и т. п. Желательно, чтобы организации и отдельные товарищи давали типографские заказы для выполнения их в "Амер. Известия", ибо этим также оказывается значительная поддержка газете.

С тов. приветом:
"АМЕР. ИЗВЕСТИЯ".

КАТАЛОГ КНИЖНОГО СКЛАДА

При "Американских Известиях".

БЕЛЛЕТРИСТИКА, ПОЭЗИЯ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЕ КНИГИ:

П. КРОПОТКИН:	— Взаимная Помощь как фактор эволюции	1.00
" "	Хлеб и Воля — — — — — — — —	1.00
" "	Анархия — — — — — — — — —	15 ц.
" "	Анархия, Ее философия, Ее Идеал —	15 ц.
" "	Государство и его роль, в истории —	15 ц.
" "	Неизбежность Революции — — —	02 п.
" "	Нравственные начала анархизма —	15 ц.
" "	Речи Бунтовщика — — — — — —	75 ц.
" "	Разложение Государства — — — —	02 ц.
" "	Современная Наука и Анархизм — —	10 ц.
" "	Общее Положение Дел — — — — —	02 ц.
Песни Труда — — — — — — — — — — — — — —		15 ц.
Будущая Революция — — — — — — — — — —		02 ц.
Речь Матрены Присяжнюк — — — — — — — —		05 ц.
Совет Рабочих и Крестьянских Депутатов — — — —		10 ц.

Декларация и резолюции анар. орган. Укр. "Набат" 10 ц.
Двадцать лет тюрьмы — — — — — — — — — — — 10 ц.
Гонение на Анархизм в Сов. Росссии — — — — — 25 ц.
Журнал приложение к Х. и В. за август — — — — 15 ц.
Журнал приложение к Х. и В. за сентябрь и октябрь — 15 ц.
Журнал приложение к Х. и В. за ноябрь — — — — 15 ц.
Всеобщая стачка и социальная революция — — — — 10 ц.
РАЕВСКОГО: — Анархизм Синдикализм и Критический Синдикализм — — — — — — — — — 15 ц.
МАККАЯ: — Анархисты — — — — — — — — — — 1.25
ЭЛЬЦБАХЕРА: — Анархизм, без переплета — — — 75 ц.
" Анархизм, в переплете — — — — — — 1.00
БАКУНИН: — Избранные сочинения, в переплете — — 1.35
" Избранные Сочинения, без переплета — — — 1.00
" Бог и Государство — — — — — — — 30 ц.
ЖАНА ГРАВА: — Будущее Общество — — — — — 75 ц.
" " Умирающее Общество и Анархизм, в переп. 75 ц.
" " Умир. Общ. и Анархизм, без пер. 50 ц.
НОВОМИРСКОГО: — Что Такое Анархизм — — — 45 ц.
" Из Программы Синдик. Анархизма — — 50 ц.
Чикагская Драма — — — — — — — — — — — — 10 ц.
МАЛАТЕСТА: — В Коффейне — — — — — — — 12 ц.
ОН и МАЛАТЕСТА: — К творцам жизни и наша программа 10 ц.
И. Р. М.: — Революционный Индустриализм — — — — 10 ц.
" Трудовая Мысль (журнал) — — — — — — 10 ц.
П. РУДЕНКО: — На Украине. Повстанчесвто и анархическое движение — — — — — — — 10 ц.
А. ГОРЕЛИК: — Анархисты в Российской Революции — 15 ц.
КАРЕЛИН: — К вопросу о коммунизме — — — — — 10 ц.
ГЕРТРУД: — В новом свете. Роман — — — — — — 75 ц.
ГОГОЛЬ: — Полное собрание сочинений. 3 тома — — — 2.50
ГРИГОРОВИЧ: — Собрание сочинений. 6 томов — — — 6.00
ГОРБУНОВ: — То-же — — — — — — — — — 1.10
ГОНЧАРОВ: — Сочинения. 4 тома в одной книге — — 2.00
ЕГО-ЖЕ: — Полное собрание сочинений. 12 томов — — 10.00
ИБСЕН: — То-же. 3 тома — — — — — — — — 4.00
ЕЗОВИТОВ К.: — Белоруссым и Поляки. Документы и факты из истории оккуп. Белорусс. поляками в 1918-19 г.г. 75 ц.
ЕВТУШЕВСКИЙ Н.: — Сборник Арифметических задач — 80 ц.
БРОКГАУЗ-ЕФРОН: — Энциклопедия. 86 том. В полукож переплетах. Цена без пересылки 85.00. С перес. — 95.00
ЮЖАКОВ: — Энциклопедия. 20 том. В полукож. перепл. 40.00
" 22 тома. В полукож. переплете — — — — — 45.00
ГРАНТ: — Энциклопедия. 8 том. В полукож. перепл. — — 15.00
О. ИЕГЕРЬ: — Всеобщая История. 4 тома. В переплете — 12.00
И. ШЕРР: — Всеобщая История Литературы. 2 т. В пер. 6.00
Итоги 18-го века в России. Введение в Русскую историю — 1.00
А. МОРСКОЙ: — Зубатовщина. Из истории рабочего вопроса в России — — — — — — — — — — — 75 ц.
А. ЛИНБЕРГ: — Учебный Атлас всеобщей географии — 1.00

Из родной литературы: — Хрестоматия. Младший возраст. В крепком коленкорвом переплете — — — — — — 1.40

Из родной литературы: — Хрестоматия. Средний возраст. В крепком коленкоровом переплете — — — — — — 1.65

Из родной литературы: — Хрестоматия. Старший возраст. В крепком коленкоровом переплете — — — — — — 1.80

К. Х. ХМЕЛЕВ: — Светлое детство. Хрестоматия. В перепл. 1.35

И. Х. ОЗЕРОВ: — Политика по рабочему вопросу в России за последние годы. В переплете. — — — — — — 1.10

Полный Русский песенник. Издание Сытина. В переплете — 75 ц.

ГЕЛЬМОЛЬТ: — История Человечества (Всемирная История) 9 томов. В полукож. переплетах — — — — — 25.00

Л. Н. ТОЛСТОЙ: — Полное собрание сочинений. 42 тома. В коленкоровых переплетах — — — — — — — 18.00

Чтец Декламатор. Русского Издания, в переплете — — — 1.10

Автомобиль и Трактор. Никонова в переплете — — — — 4.50

Учебник Физики. Краевича в переплете — — — — — 2.00

СОЧИНЕНИЯ ПО ЕСТЕСТВОЗНАНИЮ: "ВСЯ ПРИРОДА".

Естествознание "Родная Природа". 500 стр., в перепл. с рис. 2.00

БРЭМ: — Жизнь животных. В 3-х полукож. переплетах — 10.00

В. ГААКЕ: — Происхождение животного мира. В пол. перепл. 4.00

А. КЕРНЕР: — Жизнь растений. В 2-х полук. переплетах 8.00

В. МЕЙЕР: — Мироздание. Общедоступная астрономия. В полукожанном переплете — — — — — — — — — — 6.00

М. НЕЙМАЙР: — История земли. В 2-х полук. перепл. — 8.00

И. РНКЕ: — Человек. В 2-х полукож. перепл. — — — 8.00

Ф. РАТЦЕЛ: — Народоведение. В 2-х полукожан. перепл. 8.00

ДОСТОЕВСКИЙ: — Полное собрание сочинений. 12 томов. В переплетах — — — — — — — — — — — 15.00

Н. РУБАКИН: — Вперед и вверх. — — — — — — — 25 ц.

М. ГОРЬКИЙ: — Песня о соколе — — — — — — — 05 ц.

НЕКРАСОВ: — Полное собрание сочинений. 3 тома — — 3.75

У. Ф. БАРРЕТ: — Загадочныя явления человеч. психики 1.25

Д-р А. СОКОЛОВСКИЙ: — Человековедение. Основы антропологии и эногрфии — — — — — — — — — 1.75

Г. ЕЛЛИНЕК: — Социально этическое значение права, неправды и наказания — — — — — — — — — 1.25

А. СУТЕРЛАНД: — Происхождение и развитие нравственного инстинкта — — — — — — — — — — 2.50

Э. ФРИМЕН: — Развитие Английской Конституции — — 80 ц.

Г. МЮНСТЕРБЕРГ: — Психология и экономическая жизнь— 1.25

М. КОВАЛЬСКИЙ: — Экономический строй России — — 3.50

Э. ВАСМАНН: — Итоги сравнительной психологии — — 3.00

Н. КРАИНСКИЙ: — Энергетическая психология — — — 1.50

Л. ВЛАДИМИРОВ: — Психологическое исследование в уголовном суде — — — — — — — — — — — 1.75

AMERICANSKYE IZVESTIA,
274 E. 10th St., New York, N. Y:

1.60

SoS
T932Sno

496781
[Turchaninov, Pavel Dmitrievich]
Новое направление в анархизме. 2.изд.
[Transliter.: Novoe napravlenie v anarkhiz-
me]

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 08 12 11 11 008 0